ГРИГОРІЙ ЛАНДАУ

СУМЕРКИ ЕВРОПЫ

1 9 2 3

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО «СЛОВО» БЕРЛИНЪ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Названіе этой книги слишкомъ модное, чтобы было соблазнительно имъ пользоваться. И однако есть у меня не только оправданіе, но даже и принужденіе его сохранить: именно то, что оно дано было еще въ то время, когда его содержаніе не только не казалось ходкимъ, но шло въ разрѣзъ съ общепринятымъ мнѣніемъ, представляясь неправдоподобнымъ и вызывая нареканія въ парадоксальности. Статья подъ этимъ заглавіемъ, являющаяся введеніемъ настоящей книги, появилась въ 1914 году въ самые первые мѣсяцы великой войны, когда наивно и лицемѣрно міръ былъ преисполненъ радужной увѣренности и восторженныхъ упованій. Теперь это повѣтріе забыто тѣми, кто подверглись заразѣ легкомысленныхъ обольщеній и, быть можетъ, еще основательнѣе тѣми, кто эту заразу распространялъ. Но нѣтъ для сознательной общественности грѣха, худшаго безпамятства — этого подлиннаго умерщвленія духа, созрѣвающаго вѣдь только на накопленіяхъ своего опыта и своихъ пытаній.

Я отмѣчаю дату первой главы не для установленія пріоритета: другіе, заглушаемые ревомъ времени, думали или высказывались въ томъ-же родѣ одновременно или и раньше. Но если ни къ чему высказавшему мысль, событіями оправданную, устанавливать, что онъ ее высказалъ до оправданія, то, думаю, существенно установить, что до своего оправданія она высказана была. Ибо не въ высказывающемъ дѣло, а въ высказанномъ. Никто не сомнѣвается въ этомъ, когда вопросъ идетъ о физической теоріи или астрономическомъ законѣ: подтвержденіе формулы на событіяхъ, проявившихся послѣ ея установленія, воспринимается всѣми, какъ особо цѣнное ея подтвержденіе, какъ ея торжество. Нѣтъ основанія не примѣнять этого и къ мышленію не объ атомахъ и эфирѣ, а о дѣлахъ человѣческихъ. Здѣсь нѣтъ тѣхъ строгихъ

формулъ и точныхъ дедукцій; пусть такъ, но это только означаетъ меньшую точность формулировки предвидѣнія, а не меньшую его обоснованность.

Оправданіе предвидѣнія послѣдующими событіями имѣетъ не одно теоретическое значеніе, а обыкновенно и практическое; оно не только подтверждаетъ мысль, оно подтверждаетъ и дальнѣйшіе изъ нея выводы. Наряду съ подтвержденіемъ, оно даетъ и предупрежденіе, на ряду съ оправданіемъ и урокъ. И потому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ этой книги я привелъ статьи и отрывки статей, напечатанныя еще въ годы войны. Военная цензура, которой онѣ подлежали, не могла въ нѣкоторой степени не отразиться на нихъ; тѣмъ не менѣе я предпочелъ взять на себя отвѣтственность и за эти (все же вѣдь добровольныя) отклоненія отъ полнаго или прямого выявленія мысли того времени, вызванныя принудительнымъ приспособленіемъ къ неизбѣжнымъ его условіямъ, — съ цѣлью сохранить преимущества ея своевременной высказанности.

Въ сущности уже въ статьяхъ первыхъ лѣтъ войны заложены существенные, хотя и не всѣ, мотивы, развиваемые во всей этой книгѣ. Тамъ же данъ эмоціональный стимулъ къ ея написанію. Книга продумывалась и писалась урывками и съ большими промежутками на протяженіи восьми лѣтъ; это не могло не отразиться на сопровождавшемъ ее и проявляющемся въ ней настроеніи. Она писалась въ отчаяніи перваго предвидѣнія предстоящаго упадка; она обдумывалась въ духовной блокадѣ послѣдующихъ лѣтъ войны, когда пагубныя испаренія военной лжи застилали окружающее, когда — чтобы что нибудь видѣть — надо было закрывать глаза и затыкать уши, чтобы внутри себя воспроизводить человѣческую рѣчь. Отлученные большевизмомъ отъ современности, въ мракѣ мерзлыхъ комнатъ, освѣщенныхъ еле мерцающимъ ночникомъ, мы поддерживали нащъ духъ, засасываемый униженіемъ и оскудѣніемъ всепобѣднаго одичанія, — внутреннимъ созерцаніемъ и осмысливаніемъ происшедшаго, искали въ общихъ линіяхъ недавнихъ судебъ опорныя точки для грядущихъ упованій. Эти страницы позже писались на финскомъ рубежѣ культурнаго міра передъ пропастью, изъ которой бѣглецами мы выбирались, тщетно сту-

часъ на западъ, когда десятокъ верстъ отдѣлялъ отъ Россіи и десятокъ визъ и разрѣшеній отъ Европы, когда одни контрабандисты поддерживали связь съ первой и одни телеграфные провода со второй. Онѣ писались и тогда, когда уже, обрѣтя твердую европейскую точку, но будучи лишены рычага для того, чтобы произвести какое либо движеніе, мы влачили грустные дни на чужбинѣ въ печали и тревогахъ, ища въ разрѣженности общихъ созерцаній опоры для зыбкости медлительной дѣйствительности.

Напряженность первыхъ переживаній отъ предвидимаго упадка ново-европейской культуры была впослѣдствіи заслонена событіями объективно болѣе катастрофическими и субъективно несравненно ближе задѣвающими — постигшими Россію; при чемъ обѣ линіи упадка не только были смежны въ пространствѣ и во времени, — онѣ еще связаны въ своемъ существѣ и потому одна невытѣсняема другой. Я однако старался выдѣлить и прослѣживать изолированно западно-европейскую нить, чтобы не затерять ея въ клубкѣ непосредственнѣе захватывающихъ и конкретнѣе намъ наглядныхъ русскихъ дѣлъ. Закаленныя души, испытавшія россійское бѣдствіе, безпристрастнѣе и, можетъ быть, безпощаднѣе могутъ подойти и къ западно-европейскому упадку. Кто знаетъ, не служитъ ли вмѣстѣ съ тѣмъ его переживаніе и созерцаніе, все же вѣдь отвлеченное, хотя и эмоціональное, — нѣкоторымъ успокаивающимъ разрядомъ въ пронизывающихъ до послѣднихъ глубинъ потрясеніяхъ русской дѣйствительности.

Во всякомъ случаѣ не только сплетаются судьбы Европы и Россіи, но и общими для нихъ являются иные выводы и уроки. Есть европейскія слабости, нагляднѣе провидимыя на русской дѣйствительности, — ихъ я не затрагивалъ; есть и русскія бѣдствія, ярко освѣтимыя европейскими дѣлами. Къ таковымъ я отношу и разрушительную силу идейнаго максимализма. Это положеніе является однимъ изъ послѣдствій той же исходной интуиціи, которая въ другихъ своихъ предвидѣніяхъ можетъ быть сочтена уже наглядно подтвержденной событіями; думаю, что будетъ признано подтвержденнымъ событіями и это положеніе, хотя еще и неосознанное съ одинаковой ясностью, какъ другія. Если эта книга по-

содѣйствуетъ укрѣпленію этого убѣжденія — она исполнитъ свое основное практическое назначеніе, ибо тогда оправданность предвидѣній послужитъ и усвоенію урока.

Но, впрочемъ, задача ея не въ поученіи, а въ пониманіи, не въ морали, а въ освѣщеніи. Она многимъ будетъ непріятной и многихъ можетъ задѣть. Охотно я бы этого избѣжалъ, тѣмъ болѣе что задѣвать приходится могучіе коллективы, наслѣдниковъ великаго прошлаго, носителей прекрасной культуры; тѣмъ болѣе, что задѣвать приходится составныя части и факторы той самой европейской культуры, которую любишь и которой дорожишь. Но что же изъ того? Передъ лицомъ несказанныхъ страданій и роковыхъ угрозъ было бы не только малодушно и ничтожно, было бы просто оскверненіемъ величія переживаемаго — дипломатическими уловками — прикрывать свою правду. Въ обвалѣ и смятеніи устойчивость можно найти только созерцая правду неотступнымъ взглядомъ, только непреклонной волею ей служа.

17 іюля 1922.

ВВЕДЕНІЕ

СУМЕРКИ ЕВРОПЫ[1]

(1914 г.)

Сумерки сгущаются надъ Западной Европой. Изъ сверканія небывало яркаго дня современной культуры, восторженно возносившейся, казалось, въ безграничные просторы, она безъ переходовъ погрузилась во внезапно разверзшуюся жуть.

Я говорю не о всей Европѣ, — только о Западной Европѣ, только о томъ сравнительно небольшомъ полуостровѣ на тѣлѣ материковъ, на который стеклась, задержанная морями, и напряглась сила, расцвѣло творчество современнаго человѣчества; на которомъ выросла европейская культура, — подобно тому какъ нѣкогда въ меньшихъ масштабахъ тогда еще небольшого міра, на другомъ полуостровѣ, на другомъ географическомъ остріи собралась и разрядилась великая культура Эллады.

Различны — и даже противоположны — судьбы государствъ, которыхъ жребій общихъ міровыхъ, и частныхъ для каждаго, движеній связалъ въ одинъ узелъ современной войны; различны горизонты, открывающіеся для каждаго. Но страннымъ, на первый взглядъ, образомъ — болѣе родственнымъ вырисовывается грядущее не тѣхъ участниковъ войны, которыхъ связываютъ союзныя въ ней отношенія; болѣе близкой рисуется мнѣ судьба тѣхъ государствъ, которыхъ связываетъ многовѣковая общность исторіи, хотя бы они и находились во враждебныхъ рядахъ. Такъ, значеніе войны для дальневосточной Японіи рѣзко и въ корнѣ отличается отъ ея значенія для европейскихъ державъ, хотя и союзныхъ ей; такъ, даже и для Россіи, державы европейской, но раскинувшейся и на Азію, перспективы войны иныя, чѣмъ для странъ Западной Европы. Я и буду говорить только объ

---

[1] Напечатано въ «Сѣверныхъ Запискахъ», дек. 1914 г.

этой послѣдней, въ смертельной борьбѣ сохраняющей своеобразное единство, заранѣе подчеркнувъ, что къ Россіи излагаемыя соображенія имѣютъ лишь весьма частичное отношеніе.

I

Союзныя, враждующія и пока нейтральныя государства, Францію съ Англіей и Германію, Бельгію, Австрію и Италію, беру я въ однѣ скобки, отдѣляя отъ Россіи и Японіи, союзныхъ однимъ, враждебныхъ другимъ — потому что глубокое коренное единство представляютъ онѣ общностью своего прошлаго и единствомъ созидавшейся ими культуры. Менѣе всего стану я отрицать характернѣйшую индивидуальность каждой изъ этихъ странъ, различие — можетъ быть, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ полярность — ихъ народнаго характера, своеобразіе ихъ творческаго вклада; но это — вклады въ единую культуру, но это индивидуальности въ единосвязанномъ коллективѣ народовъ. Исторія долгими столѣтіями общенія, борьбы, взаимныхъ вліяній переплела ихъ въ единство; современность своими фантастически мощными средствами взаимнаго проникновенія спаяла ихъ со всѣми ихъ противоположностями и своеобычностью. Сообща творили они одно дѣло — великой западно-европейской культуры, единой и при всемъ своемъ внутреннемъ разнообразіи, какъ единой была культура Эллады при своеобразіи созидавшихъ ее городовъ. Европейской культурѣ въ современности принадлежитъ непререкаемая гегемонія въ жизни народовъ, хотя громаднѣйшее большинство человѣчества не участвуетъ въ ея созиданіи и не живетъ въ ея рамкахъ. Собственно міромъ и была до недавняго прошлаго Западная Европа; остальная часть земной поверхности была нетронутымъ пустыремъ или колоніей, мѣстомъ приложенія европейскихъ силъ, источникомъ благъ, или внѣисторическимъ пространствомъ, тридевятымъ царствомъ, которое еще только должно было быть найдено, открыто историческимъ человѣчествомъ и пріобщено къ исторіи, — т.-е. открыто Европой для Европы. Солнцемъ человѣчества за послѣднія столѣтія было солнце, освѣщавшее Западную Европу, и всѣ милліоны людей и всѣ сокровища тѣхъ тридевятыхъ царствъ, отпрысковъ нѣкогда грандіозныхъ культуръ, были какъ бы сномъ, фантазмой, пока не вступали въ соприкосновеніе съ Западнымъ

полуостровомъ. Ибо здѣсь человѣчество не только жило но и творило, не только охраняло прошлое, но претворяло его въ будущее; ибо здѣсь пролегала дорога, которая отъ былыхъ эпохъ протянулась къ эпохамъ грядущаго. Индію и Китай открыла маленькая Европа и вернула человѣчеству; Америку она, такъ сказать, изобрѣла и взрастила. Черезъ Западную Европу пролегалъ для всѣхъ народовъ путь къ жизни и къ творчеству; «западничество», т.-е.собственно европеизація, для всѣхъ народовъ было лозунгомъ воскресенія и новой жизни.

Нѣтъ, конечно, сомнѣнія, что не одна Западная Европа участвовала въ созиданіи западно-европейской культуры. Все значительнѣе становилось участіе и другихъ народовъ, пріобщенныхъ ею къ жизни или столкнувшихся съ нею. Россія, и Америка, и Дальній Востокъ увеличивали свой вкладъ въ общечеловѣческій капиталъ. И все же этотъ вкладъ еще и до послѣдняго времени становился общечеловѣческимъ, только поскольку проходилъ сквозь признаніе руководящихъ державъ Запада. И даже и еще тѣснѣе можно сказать: три руководящихъ державы Запада, три руководящихъ культуры, англійская, нѣмецкая, французская, въ ихъ взаимодѣйствіи и создавали русло единой западно-европейской и, — значитъ, для послѣднихъ вѣковъ — общечеловѣческой культуры. Преобладаніе склонялось то на сторону одной, то на сторону другой; въ послѣднее полустолѣтіе снова выбросилась впередъ Германія; но въ общемъ въ этомъ тройномъ взаимодѣйствіи германо-романскаго міра происходилъ основной напоръ міровой культуры послѣднихъ вѣковъ.

И какъ внѣ-европейскія цѣнности только черезъ пріятіе ими получали міровое значеніе, такъ и культуры другихъ европейскихъ же народовъ только въ связи съ ними, вливая въ нихъ свое созиданіе, или отъ нихъ черпая, участвуютъ въ общей работѣ. Далека отъ меня мысль умалить значеніе и другихъ народовъ: Италіи, связующей насъ на зарѣ новыхъ временъ съ далекою древностью, и Нидерландовъ, и другого соединительнаго съ древностью звена — еврейства, этого малочисленнаго восточнаго народа, который связующей силой своего разсѣянія, непрерывностью своей своеобразной активности, сочетаніемъ несліянности съ каждой отдѣльной мѣстной традиціей и участія во множествѣ ихъ — сталъ едва ли не самымъ европейскимъ народомъ среди европейцевъ. Впрочемъ, и вообще можно отмѣтить, что наиболѣе законченными средне-европейцами, обще-европейцами явля-

ются не столько члены трехъ великихъ созидательныхъ силъ европеизма, сколько интеллигенція маленькихъ народовъ — голландцы, бельгійцы, шведы, швейцарцы; ибо они менѣе другихъ могутъ ограничиться своею собственною мѣстною жизнью и культурою, больше другихъ неизбѣжно льнутъ къ культурамъ чужимъ и притомъ — хотя и неравномѣрно и прерывисто — льнутъ ко всѣмъ окружающимъ ихъ великимъ культурамъ Европы.

Но при всѣхъ этихъ оговоркахъ нельзя не признать, что тремя основными силами созидался ново-европейскій міръ, и этими силами были три великія западныя державы. При всемъ ихъ своеобразіи въ общій узоръ сплетаются ихъ индивидуальныя культуры. Сплетаются длинными столѣтіями сосѣдской жизни, совмѣстной или взаимной борьбы скрещивающихся заимствованій. Сплетаются за послѣднія десятилѣтія съ небывалою интенсивностью, продвигая это сплетеніе въ интимнѣйшія глубины народной гущи. Въ университетахъ Берлина и Гейдельберга, Цюриха и Парижа сталкивается молодежь всѣхъ народовъ, какъ и въ художественныхъ мастерскихъ Парижа и Мюнхена, какъ въ лабораторіяхъ Мечникова и Эрлиха. На Байрейтскія музыкальныя празднества, на выставку или ярмарку Лейпцига, на безчисленные конгрессы всякихъ наукъ и всякой техники, религіи и философіи съѣзжаются отовсюду люди для совмѣстныхъ воспріятій, переживанія и мысли. На каждомъ шагу по Европѣ вы встрѣтите итальянскаго каменотеса; въ помѣстьяхъ Германіи — русскаго или польскаго крестьянина; въ далекихъ кварталахъ Парижа и Лондона — еврея, выходца изъ Россіи; въ отеляхъ, ресторанахъ — нѣмецкаго или швейцарскаго кельнера, горничную, управляющаго; всю Европу исколесили жокеи, артисты, шофферы, авіаторы всѣхъ странъ. Промышленность, торговля высылаютъ своихъ представителей вмѣстѣ со своими фабрикатами изъ страны въ страну. Нѣмецкій комми-вояжеръ и швейцарская бонна, французская гувернантка и бельгійскій инженеръ — свои люди даже въ глуши Россіи. Моды перекидываются черезъ границы и проникаютъ, пусть въ окарикатуренномъ видѣ, въ глухіе углы. Паціенты всѣхъ народовъ встрѣчаются въ пріемной берлинскаго врача, у источниковъ безчисленныхъ курортовъ, на высотахъ Энгадина, на итальянскихъ озерахъ, на морскихъ купаньяхъ. Сквозь картинныя галлереи Дрездена, Флоренціи протекаютъ непрерывнымъ потокомъ вереницы разноязычныхъ людей, и на развалины форума при-

ходятъ не меньше народовъ, чѣмъ древле подъ сѣнь его торжествующей власти.

Многія сотни тысячъ туристовъ всѣхъ народовъ, всѣхъ классовъ и состояній, безъ перерыва передвигаются по Европѣ, и многія сотни тысячъ рабочихъ людей. Воцаряется новый своеобразный кочевой бытъ, въ которомъ паровозы, автомобили и пароходы замѣняютъ степного коня. Съ кочевыми профессіями связаны милліоны людей, а для другихъ милліоновъ — временное кочевье служитъ ученью, лѣченью или отдыху. Когда-то осѣдлая душа складывалась подъ впечатлѣніемъ опредѣленной природы, одного языка и быта, вращалась среди вещей одного производства. Сколько теперь людей носятъ въ душѣ своей одновременно отраженіе — и торжествующаго разлива красокъ, пылающихъ ярко и все же слитно-гармонично на лѣтнемъ небѣ Норвегіи, гдѣ каждую ночь зажигается и догораетъ пожаръ Валгаллы, — и нѣжно-серебристаго, мягко-затуманеннаго неба Парижа, родившаго французскую живопись, — и уюта крестьянско-сказочныхъ или сказочно-рыцарскихъ лѣсовъ Шварцвальда и Тюрингена, — и сочности южнаго моря съ утомленно пышною береговой растительностью, — и бѣлаго царства Альпійскихъ вершинъ, изъ-за ближнихъ темныхъ грядъ, величаво возносящихся подобно нѣкоему воплощенному для профановъ Монъ-Сальвату, — и ясныхъ, отчетливо простыхъ линій на фонѣ благородно-радостныхъ свѣтлоспокойныхъ, чистыхъ красокъ Эллады. Когда-то все, что не звучало на родномъ языкѣ, казалось пустымъ звукоизверженіемъ, духовной нѣмотой; теперь, и не разслышавъ словъ, по одному только звуковому силуэту, по интонаціонной волнѣ рѣчи мы легко узнаемъ и различаемъ чужой — уже не чужой — языкъ. Сквозь различный бытъ проходятъ схожія, иногда почти тождественныя формы; въ государственной жизни — близки и родственны многіе институты и отношенія, и въ творчество каждаго кажется утрамбованнымъ опытъ всѣхъ странъ.

И сидя дома, мы ежедневно, непрерывно кочуемъ духовно, читая газету и книгу, или посѣщая кинематографъ; на разстояніи тысячъ верстъ мы одновременно съ милліонами слѣдимъ за событіями дня, и почти одновременно — иногда въ тотъ же часъ — насъ охватываютъ единыя волны духовныхъ интересовъ или увлеченій: въ тѣ же часы, на противоположныхъ концахъ Европы, да и міра, люди были потрясены приговоромъ по дѣлу Дрейфуса или гибелью Титаника, терзались тѣми же волненіями, ожидая послѣднюю

вѣсть о Львѣ Толстомъ или о Мессинскомъ землетрясеніи. Конечно, и весь міръ находится теперь въ общеніи, но общеніе это — разной степени напряженія, а узлы наиболѣе интенсивной близости, наибольшаго сплетенія и разносторонности вліяній — доселѣ расположены были въ Западной Европѣ.

Намъ, европейцамъ, въ ней и ею живущимъ, хорошо явственны внутреннія различія, явственнѣе, чѣмъ то общее, что привычно, какъ воздухъ и какъ воздухъ незамѣтно. Живя, чувствуя и мысля въ европейскомъ строѣ, мы этого строя не замѣчаемъ, не замѣчаемъ общихъ народамъ ритмовъ, объемлющихъ схемъ жизни и дѣятельности, единообразно пронизывающихъ ихъ стремленій; не обращаемъ вниманія на тождественные или родственные элементы, на аналогично связующіе синтезы жизни и творчества. Мы различаемъ прежде всего ихъ индивидуально-народныя сплетенія. Но если извнѣ охватить весь укладъ европейской культуры, то — на ряду съ другими прошлыми великими культурами человѣчества ясно выдѣлится и ея незыблемо-спаянное единство и ея глубинное своеобразіе.

Замѣчательный типъ человѣчества, замѣчательный, законченный образецъ культуры создала исторія въ новѣйшее время. Во всякую эпоху живетъ человѣкъ въ какой-нибудь культурѣ, но законченныя мощныя образованія, цѣлостные непреходящіе синтезы не часты въ исторіи, и однимъ изъ немногихъ была новая культура Западной Европы — культура самодовлѣющей человѣчности. Нашему поколѣнію выпало высокое счастье пережить въ послѣднія десятилѣтія ея небывало могучій расцвѣтъ, ея высшее напряженіе. И тѣмъ изъ насъ, кому не надо было эпическихъ испытаній громовой войны, чтобы ощущать грандіозное творчество эпохи, великую формовку ею душъ, казалось захватывающимъ и чудеснымъ предвкушеніе того, до какой неизвѣданной еще полноты она развернется. Но вотъ грянула разрушительная война, и сгустились сумерки надъ Европой.

Въ мои намѣренія сейчасъ не входитъ намѣчать содержаніе этой въ своей цѣлостности уже обреченной культуры, защищать ее отъ ходячаго взгляда, который усматривалъ въ ней торжество внѣшняго, матеріальнаго, вещей, техники, не видя того духа, который ихъ создавалъ, ими

чеканился, надъ ними рѣялъ. Въ мои намѣренія не входитъ и защищать ее отъ упрековъ въ коренныхъ антиноміяхъ, въ неразрѣшимыхъ противорѣчіяхъ, — культура Европы потерпѣла-де крушеніе, и надо искать разрѣшенія поставленныхъ человѣчеству проблемъ по другимъ путямъ. Кто знаетъ, что антиноміи свойствены самому духу человѣчества, какъ и тѣлу его, самой сути человѣческаго общежитія, тотъ заранѣе знаетъ, что нѣтъ, не было и не будетъ культуры, которая бы ихъ избѣжала, которая бы взяла, да разрѣшила ихъ, и устроила бы жизнь гладкую и согласную. Какъ на шершавой грифельной доскѣ, — только распыляясь о сопротивленія, мѣлокъ исторіи оставляетъ письмена человѣческихъ дѣяній. Всякая культура будетъ вѣчно противорѣчивой, ибо неотъемлемо противорѣчивы самыя пружины человѣческія и общественныя. И судить культуру надо не по тому, разрѣшила ли она безъ остатка поставленныя ей или ею задачи, а по тому, какія цѣнности она создала, выбиваясь среди встрѣчныхъ противорѣчій, хотя бы въ нихъ и захлебываясь. Ни формально логическій критерій непротиворѣчія, ни эстетическій критерій внутренно-самодовлѣющей гармоничности — не предъявимы культурѣ въ ея цѣломъ. Ея мѣрила иныя: какъ въ ней жилъ человѣкъ; созданъ ли ею своеобразно-цѣльный и самодовлѣюще-полный типъ человѣка, синтезъ общежитія, система хотя бы и сталкивающихся запросовъ и дѣятельностей; сотворены ли ею цѣнности незамѣнимыя и неотъемлемыя для всякой грядущей возможной культуры? Культура новоевропейская сложилась въ законченную картину небывалой полноты и насыщенности; создала твердыни творчества и труда, которыя обойти человѣчество никогда не сумѣетъ. Ея заботой былъ — человѣкъ, и человѣкъ былъ ея критеріемъ. Культура самодовлѣющей человѣчности, она навсегда останется въ памяти людей, какъ законченная индивидуальность; въ жизни его — какъ неотъемлемая основа. Но живая дѣйствительность ея — думается мнѣ — будетъ погасать и разлагаться; но гегемонія ея будетъ поколеблена; но изъ міровой и всечеловѣческой она обречена становиться провинціальной и частичной.

Разумѣется, я не хочу сказать, чтобы такія послѣдствія были вызваны одной войною, хотя бы и столь грандіозною, какъ протекающая нынѣ. Разумѣется, этотъ процессъ совершался и раньше, — въ самой пышности расцвѣта лежитъ угроза разложенія, ибо только величавость суровой скудости обезпечена отъ паденія. Разумѣется, еще и послѣ войны

не станутъ сразу наглядными и ощутимыми раздробленіе и сверженіе западной культурной гегемоніи. Процессъ шелъ уже раньше войны, и не завершится немедленно послѣ нея; но точкой перелома въ этомъ процессѣ, точкой срыва — будетъ великая война. Безъ нея Европа могла бы постепенно претвориться въ новый міръ, впитывая въ себя новыя содержанія, разрастаясь новыми ростками, распространяясь незамѣтно на новые центры. Теперь получится перебой, остановка, ослабленіе, потемнѣніе. Сорвана будетъ культурная непрерывность, и изъ хаоса только медленно будетъ выбиваться новый законченный типъ человѣчества, человѣческаго общества, человѣческаго кругозора. Наше поколѣніе его уже не увидитъ. Сорванное великимъ столкновеніемъ, оно закончитъ свой земной путь среди развалинъ и зачатковъ.

Сумерки опускаются надъ Западной Европой.

2

Безчисленны и непредвидимы послѣдствія войны, даже великія послѣдствія войны, зло и добро сплетется въ нихъ, — ибо война такъ широко захватила безбрежныя массы людей и такъ глубоко задѣла жизненныя функціи народовъ и государствъ, что едва-ли не всѣ причинныя нити, связующія прошлое съ грядущимъ, оказались задѣтыми ею, пройдутъ сквозь нее, а слѣдовательно все грядущее будетъ въ ней имѣть свои корни, — и добро, и зло, которое намъ предстоитъ сдѣлать или испытать. Зачерпнувъ до неизвѣданныхъ глубинъ человѣческія силы и интересы, она и разбудила и парализовала, отвлекла отъ осуществленія и проявила столько дѣятельностей, что въ ихъ еще неопредѣлившейся сумятицѣ долго будетъ нелегко отыскать твердо сложившіеся массивы. Она уничтожила, вѣроятно, столько же возможностей, сколько пробудила къ жизни. Кое что уже ясно, но еще можетъ быть ослаблено или усилено; не мало зависитъ отъ ея протеченія, ибо хотя общій ея военный результатъ — пораженіе Германіи и Австріи — возможно считать вполнѣ предопредѣленнымъ, но вѣдь остаются еще вопросы о темпѣ и объемѣ этого пораженія. И тѣмъ не менѣе есть нѣкоторыя линіи, самыя общія, элементарныя, наглядныя, которыя проведены

или проводятся уже теперь, и которыя дальнѣйшимъ ходомъ кампанiи, каковъ бы онъ ни былъ, зачеркнуты не будутъ. Въ этихъ элементарныхъ общихъ линiяхъ уже живетъ рокъ; ими уже предопредѣляется будущее.

Не дѣло публициста ни предсказывать, ни гадать о будущемъ; тѣмъ менѣе во время такой войны, для которой нѣтъ въ прошломъ прецедентовъ. Объ абсолютномъ числѣ непосредственныхъ участниковъ войны ужъ и говорить не приходится; но такого движенiя вворуженныхъ народовъ и относительно не видѣлъ мiръ со временъ передвиженiя народовъ давнихъ, первобытныхъ эпохъ. Нечего распространяться и объ интенсивности боя; она приблизительно также относится къ боямъ предыдущимъ, какъ современная техника къ наивной техникѣ прошлаго. Никогда не бывало и такого разнообразiя формъ борьбы, на одномъ полюсѣ граничащихъ съ безличнымъ машиннымъ функцiонированiемъ, на другомъ — воскрешающихъ формы героическихъ единоборствъ давно минувшаго времени. Въ машинномъ функцiонированiи войны люди служатъ одновременно живымъ матерiаломъ — и пассивной массой и живымъ силовымъ потокомъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ являются и машинистами. инженерами, поглощенными своими аппаратами, а не непосредственной борьбой, такъ же косвенно соприкасающимися съ дѣйствительностью уничтоженiя, какъ косвенно рабочiе на заводахъ, выдѣлывающихъ плуги, соприкасаются со вспахиванiемъ земли. Техника разитъ, они же поглощены техникой. Но другiе воскрешаютъ давнишнiя формы единоборствъ, только перенося ихъ и въ воздушныя пространства и въ глубину морей, бомбами замѣняя мечи и копья, а коней — двигателями внутренняго сгаранiя. Съ десятиверстныхъ разстоянiй палятъ орудiя, и изъ окоповъ на разстоянiи десятковъ метровъ перекликаются, какъ древнiе герои, враги.

И какъ боевыя отношенiя не имѣютъ прецедентовъ, такъ не имѣетъ прецедентовъ и служащая опорой войнѣ — народная жизнь. Никогда еще не бывало такихъ грандiозныхъ человѣческихъ скопленiй, такой напряженной работы массъ, такого бѣшенаго темпа и грандiознаго размаха творчества, такой неразрывной связи между отдаленнѣйшими группами, странами, функцiями, такой тонкой отдачи малѣйшихъ движенiй, такихъ сложныхъ реальныхъ построенiй на зыбкихъ, еле уловимыхъ психическихъ вѣянiяхъ довѣрiя или расчета, — какъ въ наше необычайное время; и потому одинаково трудно учитываемы, какъ послѣдствiя вносимыхъ войною

разрушеній, такъ и затаенныя силы самозалѣчиванія и воскресенія.

Не было въ исторіи прецедентовъ для настоящей войны, и нѣтъ аналогій, по которымъ можно было бы предугадывать ея послѣдствія. Не дѣло публициста предсказывать будущее, которое когда-нибудь станетъ дѣйствительностью. Но есть еще то будущее, которымъ уже чревато настоящее, которое то какъ угроза, то какъ надежда, но всегда — какъ возможность, живетъ уже сейчасъ. Сплетенное съ другими, невидными пока факторами, оно можетъ стать инымъ, чѣмъ становится; но оно становится, и этого достаточно, чтобы на немъ остановиться.

Когда-нибудь будутъ вычислены матеріальныя разрушенія войны, и выведенныя неизмѣримыя цифры самой своей неизмѣримостью ничего намъ не скажутъ. Будутъ нарисованы картины разрушенія, и чтобы быть доступными созерцанію, онѣ будутъ написаны въ микроскопическомъ масштабѣ, а приближаясь къ правдѣ, перейдутъ за черту нашего духовнаго горизонта. Въ отвлеченныхъ формулахъ мы когда-нибудь, вѣроятно, охватимъ совершающееся, но — лишены біенія живой плоти и дыханія подлинныхъ переживаній будутъ эти объемлющія схемы. Сколькіе сейчасъ переживаютъ подлиннымъ чувствомъ происходящее, но имъ открытъ лишь маленькій его уголокъ. Такъ человѣческія мысль и чувство ни въ біеніи непосредственныхъ соприкосновеній, ни въ холодѣ далекой оглядки — не въ силахъ проникнуться полнотой происходящаго; такъ оберегаетъ себя душа отъ тягчайшихъ потрясеній.

По тремъ упрощеннымъ линіямъ располагаются нагляднѣйшія послѣдствія для Западной Европы міровой борьбы — по линіи матеріальнаго разрушенія, уничтоженія живой силы и потускнѣнія моральнаго.

Обширныя территоріи почти сплошь повторно топчутся арміями, ведущими на нихъ смертный бой. Бельгія и сѣверная полоса Франціи; Польша, Сербія. Завтра, надо думать, сюда присоединятся и другія: Пруссія и Эльзасъ, Венгрія и Силезія. Оставимъ безъ вниманія сугубую злостность, которую можно проявлять и не проявлять, вспомнимъ только основныя, неотъемлемыя явленія: передвиженія милліоновъ

вооруженныхъ людей, высокую милитарную технику воюющихъ, снаряды, разрывающіе сажени земли, пальбу, зажигающую пожары, рытье окоповъ, измѣняющихъ и поверхность и глубину земли. Сжигается и уничтожается недвижимость и движимость, портятся насажденія и самый почвенный составъ земной поверхности. А между тѣмъ вѣдь не только усовершенствовались по сравненію съ прошлымъ орудія разрушенія, но безконечно возросли и самые объекты его. Гигантски возросъ удѣльный вѣсъ того, что создано или претворено въ природѣ человѣкомъ, а слѣдовательно, что подлежитъ и разрушенію съ его стороны.

«Культура» — создаваемое и непрерывно поддерживаемое человѣкомъ — занимало когда-то незначительное мѣсто въ экономіи природы, которою жили люди. Несоизмѣримо это мѣсто теперь даже по сравненію съ тѣмъ, какимъ оно было полъ-столѣтія тому назадъ. Нѣкогда — проходили враждебные народы или войска, разоряли, уничтожали, что могли. Но это возможное истребленіе было ничтожнымъ сравнительно съ неистребимымъ, чѣмъ жилъ человѣкъ. Долго ли могла «трава не расти» по слѣдамъ жесточайшихъ полчищъ: а рядомъ съ опустошеннымъ пространствомъ, какая-нибудь случайно пощаженная деревушка или волость продолжала существовать безъ перерыва и почти какъ ни въ чемъ не бывало; сейчасъ же и нетронутая снарядами доменная печь, погасшая въ силу недостатка топлива, становится разлагающимся трупомъ. Самые жестокіе и отчаянные «гунны» огнемъ и мечомъ меньше измѣняли обликъ малокультурной страны, чѣмъ современное хотя бы и корректное войско, орудующее дальнобойными пушками, бомбами, минами въ густо заселенной, застроенной и разработанной до малѣйшаго клочка странѣ. Пустите злѣйшаго дога въ пустырь и хотя бы добродушнѣйшаго слона въ цвѣтникъ — можно ли сравнить неизбѣжныя разрушенія. Пустите свору договъ въ хлѣвъ и хотя бы дрессированнаго слона въ узенькую лавку, заставленную драгоцѣнными бездѣлушками, — онъ только повернется и уже надѣлаетъ больше бѣдъ, чѣмъ вся раздраженная свора. Безконечно возрасли не только орудія и возможности разрушенія, но и объекты и неизбѣжность его, потому что безконечно больше живетъ человѣкъ теперь созидаемымъ, а не только используемымъ въ стихійно расцвѣтающей природѣ.

Но всѣ эти непосредственныя разрушенія касаются пока небольшихъ частей Европы, и какъ бы велики они ни были,

они матеріально, вѣроятно, незначительны по сравненію съ косвенными разрушеніями, вызываемыми войною. Милліоны людей уже въ теченіе мѣсяцевъ оторваны отъ труда; и потому, что они не работаютъ, другимъ милліонамъ тоже нечего дѣлать. А еще новые милліоны работаютъ усиленно, лихорадочно, — и вся ихъ работа непосредственно направлена на то, что предназначено разрушаться или разрушать. Связь и сплетеніе современности заставляетъ рушиться и не задѣтое, уничтожаетъ и не прикасаясь. Перерывъ или затрудненія сообщенія между странами, пониженіе потребленія (что, впрочемъ, является и нѣкоторымъ коррективомъ къ пониженной производительности), разстройство сложнѣйшей и тончайшей системы довѣрія, — все это убиваетъ работу, парализуетъ творчество. И съ застывающей работой усиленно расползаются, изнашиваются и старыя цѣнности.

Конечно, этотъ процессъ съ одной стороны охватываетъ неравномѣрно воюющія державы, а съ другой — въ силу взаимной связности — распространяется и на всѣ остальныя страны міра. Крушеніе міровой биржи, затрудненія торговли, стѣсненія кредита дали себя знать всюду. Къ тому же, происходятъ отчасти и обратные процессы: европейскія нейтральныя страны, Италія и Скандинавія частью пользуются войною, чтобы отвоевать нѣкоторыя отрасли отъ державъ воюющихъ; и тѣмъ болѣе это относится къ Америкѣ и Японіи. Да и среди воюющихъ державъ неравномѣрны разрушенія войны. Неоднократно отмѣчалось, что на безкрайной Россіи съ ея громаднымъ населеніемъ и земельнымъ хозяйствомъ война отражается несравненно меньше, чѣмъ на ея сосѣдяхъ и врагахъ. Точно также и Англія терпитъ меньше ущерба, чѣмъ Германія и Франція, и даже, можетъ быть, наряду съ нимъ извлекаетъ и нѣкоторыя выгоды изъ войны. Ущербъ и уничтоженія войны, распространяясь на весь міръ, распредѣляются въ немъ, конечно, неравномѣрно, все уменьшаясь по мѣрѣ удаленія отъ воюющихъ державъ, и среди нихъ самихъ падая особеною тяжестью на континентальныя страны Западной Европы. Вотъ почему если въ нѣкоторой степени міръ вообще будетъ сброшенъ съ достигнутаго уровня матеріальнаго расцвѣта, то Западная Европа будетъ лежать въ развалинахъ.

Пусть скоро закипитъ работа возстановленія. Обыкновенно въ примѣръ быстроты возстановленія приводятъ Францію послѣ пораженія 70 г. Думается, что примѣръ этотъ не можетъ служить прецедентомъ, ибо въ то время разорена

была Францiя одна, и была она окружена здоровыми, быстро развивающимися государствами, изъ которыхъ она легко могла почерпнуть содѣйствiе, найдя въ нихъ опору для возстановленiя. Совсѣмъ не то мы будемъ имѣть теперь. Разоренiе и разрушенiе будетъ и вокругъ побѣжденныхъ; всюду трудовое и финансовое напряженiе будетъ направлено на свои ближайшiя развалины; не будетъ тѣхъ сосѣднихъ здоровыхъ тканей, которыя помогаютъ быстрому затягиванiю ранъ. Пусть та самая высота матерiальной культуры, которая обусловила великiя разрушенiя, послужитъ и сравнительно быстрому возрожденiю. Но эта скорость можетъ, конечно, быть только «сравнительной» съ грандiозностью задачи; а измѣренная масштабомъ скоротечной жизни человѣческаго поколѣнiя, займетъ во всякомъ случаѣ не ничтожную часть его.

И на эти годы будутъ отложены всякiя другiя заботы и задачи. Передъ необходимостью отдышаться, обстроиться, обезпечить будущую защиту — отойдутъ на заднiй планъ тѣ стремленiя къ общественному строительству и совершенствованiю, которыя были результатомъ долгихъ лѣтъ мышленiя и борьбы; которыя девятнадцатый вѣкъ завѣщалъ двадцатому, и которыя двадцатый вѣкъ ставилъ на Западѣ Европы съ такою же силою размаха, какъ и твердою рѣшимостью.

Неравномѣрны разрушенiе и ущербъ для разныхъ странъ, и это скажется съ особенною силой въ годы возстановленiя. Уже сейчасъ, частью Англiя, а главнымъ образомъ Америка и Японiя вытѣсняютъ Германiю съ мiрового рынка. Но несравненно сильнѣе станетъ этотъ процессъ по возстановленiи мира, когда всюду загорится трудъ и творчество, и однѣ страны окажутся передъ необходимостью починять свой аппаратъ работы, между тѣмъ какъ другiя немедленно приведутъ его въ напряженное функцiонированiе. Только тогда, а не теперь, скажется, завершится паденiе однихъ и ростъ другихъ; тогда осуществится вытѣсненiе воевавшихъ — тѣми, кто сохранили свои силы. И если только къ тому времени не возгорится новая борьба между Японiей и Америкой, то только тогда гигантски развернутся эти новыя державы за счетъ Западной Европы. Пусть Францiя будетъ побѣдительницей, Германiя — побѣжденной; но разоренныя войною, онѣ обѣ будутъ оттѣснены другими, сохранившими неизрасходованными свои силы.

3

Смертный бой не различаетъ людей по ихъ индивидуальнымъ свойствамъ, призваніямъ, возможностямъ. Всѣ передъ смертью равны — и поэтъ, и приказчикъ, и государственный мужъ, и торговецъ, и рабочій, и мыслитель. Ихъ жизнь и дѣятельность не равноцѣнны, но онѣ самоцѣнны, и потому не сравнимы. Страданія генія и тупицы одинаково страданія; смерть благороднаго и низкаго — одинаково смерть. И горе оставшихся не измѣряется соціальною цѣнностью погибшихъ. Страданіе и смерть не сравниваются и не складываются. Двѣ смерти — не двойная смерть, а только смерть повторенная; страданіе двухъ людей — не двойное страданіе, а дважды пережитое. Каждый человѣкъ есть морально замкнутый міръ, и милліонная гибель морально ничего не прибавитъ и не убавитъ отъ первой. Въ живомъ переживаніи и въ оцѣнкѣ моральной — численности не существуетъ. Передъ одинокою и передъ братскою могилой — тождественны скорбь и тождественно благоговѣніе.

Но люди продолжаютъ жить, общество остается, остается культура. Надъ открытыми могилами замыкается жизнь уже однимъ протеченіемъ времени; съ неизмѣнностью стихіи она неотвратимо строитъ на нихъ свои живыя построенія. Неотвратимо — ибо и воздержаніе есть жизнь, только ничтожная; неизъясняема полнота молчанія передъ одиноко, хотя и совмѣстно, погибающими, но священныя права имѣетъ и общая жизнь совмѣстно живущихъ. Довлѣетъ себѣ благоговѣніе передъ смертью; но самозаконны и требованія жизни и культуры. Смерть не слагаема, — но подлежитъ сложенію и учету уходящая и остающаяся жизнь. Вотъ почему не нарушаетъ благоговѣнія могилъ — подсчетъ погибающихъ жизней.

Какъ бы ни были велики и значительны матеріальныя разрушенія, думаю, еще важнѣе будутъ послѣдствія той грандіозной убыли живой силы, которую произведетъ — уже производитъ — настоящая война. Нельзя, разумѣется, предвидѣть абсолютныхъ величинъ, которыя опредѣлятся дальнѣйшимъ ходомъ событій. Необходимо и здѣсь различать положеніе разныхъ участницъ войны. Японія воевала, но, въ смыслѣ убыли живой силы, какъ будто и не воевала. Англія, посылающая до сихъ поръ сравнительно небольшія войска, и при томъ — либо профессіоналовъ войны (моряки),

либо добровольцевъ, въ числѣ которыхъ могутъ всегда не входить люди опредѣленно иныхъ призваній, — стоитъ пока также въ сравнительно благопріятномъ положеніи. Также менѣе тяжко положеніе и Россіи съ ея грандіозной численности населеніемъ. Но опять-таки Западную Европу объединяетъ въ ея смертельномъ разъединеніи — общая судьба. Чуть ли не все молодое и зрѣлое поколѣніе, могущее носить оружіе, стоитъ подъ ружьемъ. Воинская повинность не различаетъ моральныхъ или духовныхъ свойствъ, умственныхъ дарованій и призваній; не различаютъ ихъ и смертоносные снаряды, — и тысячи за тысячами выметаются изъ жизни по случайностямъ военныхъ условій.

Выметаются изъ жизни силы, уже численно долженствующія серьезнѣйшимъ образомъ отразиться на будущемъ воюющихъ странъ; но и качественно выцѣживаются драгоцѣннѣйшие соки. Неправильно, конечно, говорить только о гибели цвѣта страны, ибо гибнутъ и ея плевелы; но правильно говорить, что гибнетъ и цвѣтъ воюющихъ странъ. Мы никогда не узнаемъ, сколько уничтожается теперь геніальныхъ умовъ и благородныхъ сердецъ, творцовъ и завершителей, государственныхъ вождей, поэтовъ, изобрѣтателей, трибуновъ. Но и не въ нихъ однихъ дѣло. Отбиваются не только вершины молодыхъ побѣговъ націй; обѣдняются и всѣ ткани. Не только будетъ меньше большихъ людей, — будетъ меньше и отвѣтственныхъ рабочихъ, знающихъ учителей, умѣлыхъ мастеровъ, дѣльныхъ инженеровъ. На всѣхъ этажахъ общественности происходитъ опустошеніе.

Дѣло не только въ убитыхъ или — что соціально еще страшнѣе — въ обезумѣвшихъ и окончательно искалѣченныхъ; дѣло и въ раненыхъ, въ нервно-потрясенныхъ, не выкинутыхъ изъ жизни, но лишившихся навсегда или хотя бы на нѣкоторое время значительной доли своей трудоспособности. Дѣло еще и въ тѣхъ, кого война соціально выкинула и выкинетъ изъ налаживавшейся соціальной колеи. Сколькіе по возвращеніи не застанутъ уже складывавшихся передъ ними возможностей личной, общественной, профессіональной дѣятельности; сколькимъ придется годы метаться, чтобы снова выбиться на предназиаченный путь; сколькимъ, свернувшимъ съ него въ рѣшающіе годы молодости, это и вовсе не удастся.

Я знаю, что и здѣсь есть нѣкоторые общіе или частные коррективы. Общественная расшатанность создаетъ боль-

шую подвижность, при которой, можетъ быть, легче будетъ проявиться вѣсу отдѣльной личности. Въ частности Германія можетъ втянуть въ себя часть своей заокеанской эмиграціи. Россія улучшеніемъ условій жизни могла бы снять путы, сковывающіе многочисленные слои ея населенія, сократить его отливъ въ чужіе края.

Имѣется еще резервуаръ соціальныхъ силъ, и я не сомнѣваюсь, что убыли, причиненныя войною, заставятъ поспѣшить его открытіемъ. На братской могилѣ милліоновъ мужчинъ будетъ построенъ храмъ женскаго равноправія; и въ этомъ будетъ, вѣроятно, — или во всякомъ случаѣ можетъ быть — одно изъ великихъ въ болѣе отдаленномъ будущемъ послѣдствій войны. Но оно въ большомъ размѣрѣ не скажется скоро, ибо нужна для этого сложная подготовка, перевоспитаніе навыковъ, выработка психологіи. Россія и въ этомъ отношеніи находится въ болѣе благопріятномъ положеніи, ибо здѣсь уже въ теченіе десятилѣтій идетъ эта выработка и подготовка. Но и здѣсь, несмотря на уже намѣчающіеся признаки, потребуются долгіе годы, чтобы государственно въ полной мѣрѣ реализовать этотъ резервуаръ живыхъ силъ; и на Западѣ процессъ будетъ и труденъ, и длителенъ. И можно смѣло сказать, что ближайшія десятилѣтія будутъ на Западѣ эпохой стариковъ и дѣтей, эпохою утомленныхъ и недозрѣлыхъ.

Съ годами — въ теченіе около четверти вѣка — это будетъ сказываться со все возростающей силой. Въ концѣ концовъ и сейчасъ еще человѣческое общество можетъ быть грубо и приблизительно по поколѣніямъ подраздѣлено — на пожилые руководящіе верхи, рабочетворческіе зрѣлые слои и начинающую, бунтующую и вслушивающуюся молодежь. Сегодня обезкровлена молодежь и сильно задѣты зрѣлые слои; руководящая, заправляющая сила осталась на мѣстѣ. Но завтра отойдетъ она или одряхлѣетъ, — кто прійдетъ ей на смѣну? Въ творческіе же ряды зрѣлой трудовой фаланги вольется обезсиленная сегодня молодежь; что будетъ зачинать и какъ будетъ творить обезкровленная дружина сегодняшнихъ двадцатилѣтокъ? Не скоро подрастутъ дѣти, но вѣдь и они подрастутъ въ этой разслабленной средѣ; къ кому они станутъ прислушиваться?

А въ это время въ странахъ дальняго запада и востока будетъ въ полнотѣ напряженнаго давленія твориться спѣшное дѣло міровой культуры.

Сумерки сгущаются надъ Западной Европой.

4

Менѣе всего сейчасъ время для тщательнаго анализа третьяго бѣдствія — моральнаго затменія, — сейчасъ, когда, по словамъ А. Шницлера въ письмѣ къ Ромэну Роллану, «весь міръ ослѣпленъ ненавистью, ожесточеніемъ и ложью». Настанетъ время и для этого, и не повѣрятъ многіе, если имъ напомнятъ то, что они дѣлали и кричали со всѣхъ крышъ, — и сочтутъ это клеветою на себя. Когда нибудь факты будутъ провѣрены въ ихъ разныхъ, обыкновенно противоположныхъ и слишкомъ часто лживыхъ толкованіяхъ, сведены къ надлежащимъ размѣрамъ и сопоставлены съ бездною фактовъ, невѣдомыхъ или умышленно скрываемыхъ. Тогда наступитъ время вынести полновѣсное сужденіе.

Но сообразно темѣ настоящей главы — мнѣ здѣсь достаточно отмѣтить только одну подробность современнаго моральнаго состоянія, — именно, насколько оно относится къ взаимнымъ отношеніямъ народовъ запада; а это возможно сдѣлать уже сейчасъ, потому что здѣсь не имѣетъ значенія правота или неправота взаимныхъ нареканій, а только самый фактъ воцарившихся настроеній.

Поразительно, съ какою внезапною силою охватила народы Европы ожесточенная взаимная ненависть. Нѣкогда богатыри, вызывая другъ друга на бой, тутъ-же и поносили другъ друга для устрашенія врага и поддержки собственной увѣренности. Было время рыцарскихъ отношеній между врагами. Теперь функціи раздѣлились: одни идутъ въ бой и молчатъ; въ нихъ вѣрно воспитывается и уваженіе къ противнику и цѣненіе его мощи; другіе сидятъ дома, въ безопасности, пишутъ статейки или произносятъ рѣчи, и тѣмъ страстнѣе и неудержимѣе поносятъ врага, воздавая себѣ щедрое признаніе, что ни откуда — даже и отъ него — не встрѣчаютъ отпора; ибо отпоръ, оказываемый въ этой области врагомъ, заключается въ томъ, что и онъ точно также сидитъ въ безопасности въ своихъ редакціяхъ и аудиторіяхъ и посылаетъ столь же безудержныя поношенія врагу и хвалы себѣ самому.

Обманъ — если и не зрѣнія, то — дѣйствія заключается въ томъ, что, въ отличіе отъ пушекъ, печать, цѣля во врага, попадаетъ лишь въ собственную публику. Ядъ, предназначенный врагу, можетъ, на худой конецъ, отравить лишь друга. И ненависть разжигается, злыя чувства раззадориваются, болящія и безъ того раны растравляются, — все

подъ предлогомъ поддержать духъ родного народа. Но дѣйствительно сражающимся нѣтъ надобности въ этихъ возбуждающихъ средствахъ, ибо дѣйствительность борьбы безконечно болѣе воздѣйствуетъ на нихъ, и къ тому же печать все равно до нихъ не доходитъ. Между тѣмъ твердость духа и плодотворная дѣйственность остающихся дома прежде всего требуетъ достоинства, выдержки, упорной работы на своихъ мѣстахъ, терпѣливаго выжиданія и переживанія неизбѣжныхъ страданій и тяготъ. Здѣсь размазываніе ужасовъ, натравливаніе и науськиваніе только вызываетъ безсильно-суетливое раздраженіе, бездѣйственный аффектъ, разлагающій душу, дѣйственно же выливается лишь въ травлю беззащитныхъ и безвредныхъ. Здѣсь лицемѣріе благочестивой лжи, пріучая не къ благочестію, а лишь ко лжи, не возноситъ умы до благочестивыхъ идей, а оскорбляетъ идеи не могущимъ быть длительно скрытымъ лицемѣріемъ. И тѣмъ хуже для тѣхъ наивныхъ, которые вмигъ позабывъ, что они вчера еще твердили, какъ попугаи, — не замѣчаютъ обмана и лицемѣрія; убѣдившись когда нибудь, какъ они были одурачены, они негодованіе на обманъ сольютъ въ нерастворимое мѣсиво съ разочарованіемъ въ идеяхъ; и запутавшись въ чужой лжи и собственномъ недомысліи, дадутъ опору новымъ реакціямъ и новымъ паденіямъ. И растетъ, и множится страшный посѣвъ клеветъ и озлобленія, ненависти и самоупоенія, обмана и лицемѣрія. Поистинѣ правъ Шницлеръ: «негодяи, прикрывающіеся личиной патріотизма (прибавлю: и глупцы, повѣрившіе въ личину), — наиболѣе отвратительное явленіе настоящей войны».

Мѣсяцами народы Запада воспитываются въ атмосферѣ глубочайшей ненависти; мѣсяцами народы живутъ въ мірѣ представленій діаметрально противоположныхъ, какъ противоположны выгнутая и вогнутая сторона выпуклости. И эти представленія стали для каждаго народа — его правдой; уже не представленіемъ, а фактомъ, не мнѣніемъ, а дѣйствительностью. Ибо вѣдь почти нѣтъ средствъ провѣрки, сравненія, ибо все — всѣ газеты, разсказы, слухи — все сходится къ одному у однихъ, и къ противоположному у другихъ. Потомъ будетъ миръ, и встрѣтятся эти народы. Какъ они встрѣтятся?

Безмѣрно тягостно многое изъ того, что къ намъ доносится съ войны. Думаю, впрочемъ, что слишкомъ легко за ужасами передъ эксцессами войны забываютъ о неизбѣжныхъ для нея ужасахъ; за возмущеніемъ злостною, преступною

волею врага, забываютъ о механической работѣ боевого аппарата. И, забывая объ его безличномъ функціонированіи, мы приписываемъ нерѣдко его послѣдствія человѣческой душѣ; и ужасаемся ея паденію и перерожденію, и готовы и вовсе разочароваться въ ней, а заодно и во всей культурѣ. И уже нагнетаются тѣ потоки пустомыслія и пусточувствія, разочарованности и самоуничиженія, въ которыхъ постараются утопить остатки уваженія передъ человѣкомъ и достоинства человѣчности.

Какъ бы то ни было, на войнѣ многое объяснимо безвыходною трудностью положенія — голодные, холодные, иногда полуобезумѣвшіе люди съ оружіемъ въ рукахъ легко теряютъ критерій добра и зла. Тамъ многое объясняется внезапнымъ чудовищнымъ превращеніемъ, выбивающимъ изъ колеи налаженной жизни и выработанныхъ чувствъ и бросающимъ въ существованіе, полное смертельной необычайности, временами почти пещерное существованіе, гдѣ отъ высокой культуры остаются лишь совершенныя орудія истребленія. Современное войско есть вооруженный народъ; но вѣдь и въ мирное время происходятъ всевозможныя преступленія, безумныя, садическія. Преступники, кандидаты въ подобные преступники, находятся вѣдь и среди вооруженныхъ милліоновъ; и не всегда вѣдь въ переходахъ, наступленіяхъ и отступленіяхъ, можетъ быть поддерживаема надлежащая дисциплина. Представимъ себѣ законно-вооруженнаго Джека-потрошителя въ завоеванномъ городѣ.

Нѣтъ, конечно, никакихъ основаній сводить всѣ эксцессы на личную патологію и преступность. Но на комъ же, какъ не на тѣхъ, кто стоитъ внѣ боя, лежитъ суровый долгъ нелицепріятія; на комъ, какъ не на нихъ лежитъ обязанность не только различать и взвѣшивать, но даже и въ тягчайшихъ осужденіяхъ не забывать, что осуждая народъ, они осуждаютъ человѣчество; на комъ, какъ не на нихъ, лежитъ отвѣтственность за моральныя послѣдствія войны? И какъ же отнестись къ тѣмъ, кто, сидя въ покоѣ внѣ ужасовъ боя, не рискуя сами ничѣмъ, отравляютъ душу и туманятъ сознаніе безудержно слѣпымъ озлобленіемъ, а подчасъ и вполнѣ зрячею ложью. За многихъ изъ совершающихъ эксцессы дѣломъ можно надѣяться, что, вернувшись къ обычной жизни, кошмаромъ почувствуютъ они то, что пережили и что совершали; неотвѣтственными ихъ признаютъ, потому что невмѣняемыми оскорбляли они человѣческую природу. А эти?..

Конечно, больше, чѣмъ гдѣ либо и когда либо, на войнѣ и около войны неразрывно сплетаются подвиги и преступленія. Такого діапазона душевныхъ переживаній и поступковъ не часто достигаетъ человѣчество. Незачѣмъ высчитывать, чего больше, да и нельзя, ибо не покрываетъ добро зла, а рядомъ стоитъ. И самая эта совмѣстность высокихъ вершинъ и вязкихъ болотъ представляетъ явленіе громадное, зрѣлище значительнѣйшее. И то, и другое окажетъ свое моральное воздѣйствіе. На разстояніи сильнѣе окажется дѣйствіе добра, ибо одни подвиги, однѣ вершины останутся въ памяти и создадутъ новый эпосъ о человѣческой доблести, силѣ духа, о горячемъ сердцѣ и суровомъ долгѣ. Но боюсь, что въ ближайшемъ, непосредственномъ воздѣйствіи сильнѣе, болѣе цѣпко-заражающе вліяніе зла. Ибо добро требуетъ напряженія, а зло его не требуетъ; ибо добро предполагаетъ вниманіе, а зло обходится и безъ него; ибо личиной добра прикрывается зло, отравляя его лицемѣріемъ; ибо, оступившись, добро становится зломъ, а зло, и всегда хромая, всегда остается самимъ собой.

Народы борются за свою свободу, за свою культуру, отдавая за нихъ жизнь и достояніе, а рядомъ стоятъ другіе, подстерегаютъ того, кто первый ослабѣетъ, чтобы безъ большого риска и безъ существенныхъ потерь доканать его. Сербія истекаетъ кровью, а рядомъ Греція потихоньку забираетъ, что плохо лежитъ, а рядомъ Румынія подстерегаетъ свой часъ. А Италія, подъ видомъ національнаго объединенія, мечтаетъ прихватить и славянскія земли и воздерживается отъ нападенія, не столько даже щадя свои силы, сколько желая возможно больше ослабить союзниковъ своего сегодняшняго выступленія, въ которыхъ она видитъ своихъ завтрашнихъ враговъ.

Народы борются за *свою* свободу, за *свою* культуру, за *свою* власть, за *свой* расцвѣтъ. И въ этомъ они одинаково правы, даже когда они враги. Но приходятъ толковники, и пропускаютъ мѣстоименія притяжательныя; и затемняются умы, и заслоняется великое — даже въ ужасахъ войны великое — дѣло жизненной, міровой борьбы. Свободу и расцвѣтъ — освобождаютъ отъ мѣстоименія «мои», но зато мѣстоименіемъ «твои» снабжаютъ и ограничиваютъ преступленія и гнетъ...

Моя тема — сумерки Запада. Въ этомъ отношеніи совершенно несомнѣнны послѣдствія моральнаго затемненія. Между народами Западной Европы на долгіе годы установится не-

нависть и подозрѣніе. Легкость общенія исчезнетъ, исчезнетъ легкость обмѣна. Товарами, конечно, скоро снова станутъ обмѣниваться, но не людьми, не идеями. Та общность, о которой я говорю въ началѣ этой статьи, то складывавшееся единство, интенсивный обмѣнъ и согласованность въ вершинныхъ устремленіяхъ — будутъ нарушены. Ненависть и месть вмѣсто содружества, подозрѣніе и презрѣніе вмѣсто довѣрія. Претензіи не къ однимъ врагамъ, а и къ тѣмъ, кто не помогъ или не достаточно помогалъ. Озлобленіе счетовъ и дрязгъ даже и тамъ, гдѣ нѣтъ мѣста озлобленію вражды.

При этомъ расхожденіи и отчужденіи Западная Европа потеряетъ свою ударную силу, свое могучее притяженіе, свой ascendant. Американцы, будутъ, конечно, продолжать ѣздить и въ Парижъ и въ Мюнхенъ — они перестанутъ ѣздить въ Европу. Сумерки опускаются надъ Западомъ.

5

Скажутъ, что многое уже благополучно переносило человѣчество, перенесетъ и это. Конечно, перенесетъ, — такое утвержденіе не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но это выводъ слишкомъ огульный и мало опредѣленный; весь вопросъ въ томъ — какъ, а отчасти и — кто? Я съ самаго начала ограничилъ свою тему Западной Европой; рѣчь не идетъ о Россіи; въ совершенно особомъ положеніи Японія и Америка; даже и Англія стоитъ нѣсколько особнякомъ. Но что до континентальной Западной Европы, до ея великой, единственной въ исторіи культуры, то, думаю, краски не были сгущены. Я взялъ только самыя общія, самыя элементарныя линіи; а сколько назрѣваетъ ударовъ и опасностей, менѣе опредѣленныхъ, но возможныхъ.

Можно предвидѣть, какъ обезлюдѣвшая Франція становится какъ бы губкой, всасывающей чужестранцевъ, теряетъ — пусть на время — свой индивидуальный обликъ и защищается новой реакціей слѣпого націонализма. При разгромѣ Германіи можно предвидѣть, какъ она теряетъ въ той или другой формѣ свое государственное единство, а слѣдовательно, и мощь, а слѣдовательно, и культуру, — ибо великая, полная культура создается только мощнымъ или идущимъ къ мощи организмомъ; такими въ давнія времена были Ассирія или Египетъ, позже Эллада, Римъ, Англія, Германія. Только въ рѣдкихъ случаяхъ творится культура безъ державности

— таковою былъ іудаизмъ, — но она, въ связи съ этимъ, можетъ быть глубокой и интенсивной, но никогда не полной и не всесторонней. Разбитая, разъединенная Германія станетъ конгломератомъ нѣсколькихъ работящихъ и, можетъ быть, счастливыхъ, но мало значительныхъ Швецій.

Можно предвидѣть Италію усилившейся и поглотившей добрую толику славянъ и погрязшей въ Левантинской политикѣ, культурѣ и психикѣ; и создастся новая ирредента, — уже не Тріента, стремящагося къ Италіи, а Далмаціи и Додеканеза, отъ Италіи отрывающихся. И развернутся новыя алканія, и захваты, и угрозы. Всего менѣе предопредѣлено движеніе Англіи. Но кто знаетъ, не придется ли ей, оказавшись въ совершенно новомъ міровомъ положеніи, почувствовавъ неожиданно новыя давленія на Австралію, Индію, Египетъ, — отложить въ дальній ящикъ прерванный могучій процессъ внутренняго соціальнаго строительства, и заняться введеніемъ воинской повинности. А вновь образовавшіяся державы, маленькія «Великія» Сербія и Румынія, принуждены будутъ въ своемъ юго-восточномъ углу заняться повтореніемъ уже давно пройденной Европой исторіи.

Оставимъ это. Европа переживала кризисы, переживетъ, переработаетъ и этотъ. Конечно, но какъ и когда. Прецедентовъ нѣтъ, но тѣ, что могутъ быть, хотя бы и съ большою условностью, приведены, — мало обнадеживающи. Послѣ войны 70 г. Франція прозябала въ теченіе четверти вѣка, утерявъ добрую часть своей былой культурной мощи. Только къ серединѣ 90-хъ годовъ снова стала она воскресать изъ маразма мелочности и застоя. А Германія изъ того же источника — какъ это столь часто отмѣчалось въ послѣднія десятилѣтія — всосала не мало туманящихъ ядовъ самоупоенія. Можетъ быть, болѣе сходна въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ современностью эпоха Наполеоновскихъ войнъ; ихъ длительность восполняетъ сравнительно меньшую интенсивность. И мы знаемъ, какова была реакція усталости и страха послѣ нихъ. Свыше тридцати лѣтъ понадобилось до первыхъ пробужденій. Десятилѣтія Европа лежала въ прострации, въ безсильныхъ мечтахъ и крѣпкихъ тискахъ, въ поэзіи разочарованія и безочарованія, въ философіи пессимизма. Въ сущности только черезъ полъ вѣка она по-настоящему расправила свои члены и пустилась съ безудержной силой въ творчество новѣйшей культуры, культуры самодовлѣющей человѣчности. Она переживетъ, конечно, — но какъ?

И затѣмъ еще другая сторона, сторона рѣшающей важности, отличаетъ современную Европу отъ прежней. Прежде Европа и была — міромъ культуры и мощи; внѣ Европы былъ для творящей исторіи — культурный пустырь. Сейчасъ и внѣ Европы, въ частности внѣ Западной Европы, живутъ, рвутся къ работѣ, къ созиданію, рвутся къ вершинамъ мощи и культуры, а можетъ быть, и достигаютъ ихъ новыя страны. Когда то, когда застывала Западная Европа, съ ней вмѣстѣ покоился и міръ, ожидая ея пробужденія. Теперь ея пробужденія міръ не ждетъ. Пусть въ этомъ счастье для человѣчества; въ этомъ — и приговоръ для Запада, для его культурной гегемоніи, для его творческаго руководства. Смѣщаются вершины человѣческихъ напряженій, перемѣщаются центры культуры. Европа оправится, — разумѣется; но міръ будетъ уже неузнаваемъ. Западъ сказалъ свое слово, и сумерки на него надвигаются.

6

Разумѣется, не война создала этотъ процессъ; онъ шелъ и до войны, шелъ бы и безъ нея. Но онъ развивался въ непрерывной преемственности; въ непрерывной преемственности онъ растилъ существующее въ назрѣвающее. Европа не вытѣснялась, а разрасталась; и разрастаясь, претворялась; и претворилась бы нѣкогда въ новую, міровую, океанскую культуру. Война не ускорила этого процесса, а сломала его; ибо война можетъ раздробить и отбросить, но не въ ея власти ускорить движеніе зрѣющей жизни. Намъ грозитъ культурный разнобой, культурная неорганичность. Свергается Западъ, но скоро-ли будетъ занято его мѣсто?

Возраставшія внѣевропейскія вліянія на міръ усиливались издавна. Главнымъ передаточнымъ звеномъ съ міромъ, цѣликомъ внѣевропейскимъ, главнымъ орудіемъ, переносившимъ въ него культуру и отчасти проводившимъ ее обратно въ Европу — была Англія. Она разбросала свои колоніи по обоимъ полушаріямъ и первая стала подлинно міровой державой. Ея колонія, оторвавшись отъ нея и разросшись, создала великую Американскую республику; она стала своей на Дальнемъ Востокѣ. Она продолжаетъ закладывать республики будущаго — Австралію и Южную Африку, она же возвращаетъ міру колыбели древности — Египетъ и возрождающійся индійскій востокъ. Она же первая изъ европей-

скихъ державъ признала азіатское государство ровнею, заключивъ съ Японіей союзный договоръ.

Въ отличіе отъ Англіи, Россія не почковалась, а главнымъ образомъ сама ширилась, разливалась на два материка. Латинскія державы, Испанія и Франція, потерпѣли уже давно крахъ въ міровой политикѣ — подъ ударами Англіи; современная же африканская имперія Франціи пока носитъ преимущественно милитаристическій характеръ и лежитъ вся еще въ неопредѣленномъ будущемъ.

Мощь Англіи лежала въ ея совершенно своеобразномъ міровомъ положеніи. Она черпала богатство и силы изъ своихъ заокеанскихъ владѣній, а между тѣмъ могла владѣть ими и оберегать путемъ сравнительно незначительныхъ затратъ. Ибо не было внѣ Европы силы, съ которой приходилось бы считаться; и потому, эксплуатируя міровую территорію, она защищала ее одною европейскою политикой. Разбросанное по всѣмъ материкамъ и морямъ тѣло своей державы она могла оставлять почти беззащитнымъ — слабо вооруженнымъ лишь въ мѣру борьбы съ малокультурными туземцами, — лишь бы сильна была бронированная голова этого колоссальнаго тѣла, небольшой британскій островъ на сѣверо-западѣ Европы. Въ этомъ заключалась необычайная выгода ея положенія; этимъ диктовалась ея европейская политика.

Въ своей европейской политикѣ Англія была совершенно не заинтересована самой Европой, лишь бы только Европа не мѣшала ей за океаномъ. Отсюда два вѣковыхъ ея принципа: уничтожать колоніальную мощь и заинтересованность европейскихъ государствъ (Испаніи, Голландіи, Франціи, теперь — Германіи), чтобы такимъ образомъ держать свое неизмѣримое колоніальное тѣло внѣ кругозора и внѣ ударовъ европейскихъ — т.-е. единственно сильныхъ — державъ. Въ предѣлахъ же самой Европы она могла ограничиться недопущеніемъ исключительнаго возрастанія какой-либо одной европейской державы, недопущеніемъ ея неоспоримой гегемоніи на материкѣ; ибо только такая гегемонія угрожала Англіи, въ общемъ хорошо защищенной своимъ островнымъ положеніемъ. Отсюда совпаденіе съ эгоистическими интересами страны ея политики, въ общемъ свободолюбивой и внутри и во внѣ. Отсюда — возможность для нея малыми военными силами держать въ подчиненіи и использовать грандіозныя владѣнія; отсюда необходимость для нея поддерживать свободу и самостоятельность менѣе сильныхъ европейскихъ народовъ; отсюда задача быть сильной только на

морѣ; отсюда неизбѣжность грандіозныхъ, но рѣдкихъ потрясеній только для сокрушенія назрѣвавшихъ гегемоній (Испаніи, Франціи, теперь — Германіи). Беззащитное, громадное, на весь міръ расположившееся тѣло и крѣпко вооруженная голова, оберегающая его отъ поползновеній европейской силы, когда таковая становилась угрожающей. Законъ ея европейскихъ ударовъ показываетъ направленіе съ Запада на Востокъ, отъ моря вглубь материка. Въ послѣднемъ ея теперешнемъ конфликтѣ съ Германіей всецѣло отражается эта вѣковая политика. А между тѣмъ исходъ сегодняшней борьбы, даже и вполнѣ для Англіи побѣдоносный, поставитъ ее въ совершенно новое положеніе, ибо измѣнился къ настоящему времени міръ. Отчасти море перестало быть столь непреодолимой преградой, какъ когда-то. Но главное — внѣ Европы создались могучія державы, Японія и Сѣверная Америка; затѣмъ — сильная Россія, не нуждающаяся въ заморскихъ владѣніяхъ, а уже однимъ своимъ продолженіемъ создающая грандіозныя колоніи; въ Европѣ же — обезсиленная Германія; и Франція, ослабленная и къ тому же занятая своимъ усиливающимся мѣстнымъ соперникомъ, Италіей. Ослабленная Западная Европа и расцвѣтающія молодыя державы, стремящіяся къ росту, расположенныя около завидныхъ міровыхъ ульевъ, частью уже бывшія въ столкновеніи (Японія — Россія), частью грозящія новымъ столкновеніемъ (Японія — Америка). Сдвинулась ось міровой политики, протянулись силовыя линіи — уже не по европейскому, а по міровому полю, перемѣстились центры силъ. И цѣликомъ опрокинутымъ окажется положеніе Англіи: въ Европѣ она наткнется на гегемона, который въ себѣ уже неразрывно включаетъ свои колоніи; а въ мірѣ ея мощная бронированная голова безполезно будетъ продолжать сторожить уже неопасную Европу; незащищенное же тѣло, раскиданное по всѣмъ угламъ міра, окажется по сосѣдству со всѣми могучими міровыми силами. Такимъ образомъ — потеря Европой рѣшающаго въ мірѣ значенія ставитъ немедленно подъ вопросъ и непререкаемое могущество Англіи.

Вчера эти отношенія еще только назрѣвали; завтра они завершатся. Вторая половина XIX в. ознаменовалась не только расцвѣтомъ мощи и культуры Германіи, но и сформированіемъ въ тиши — Японіи и Сѣверной Америки; къ концу XIX в. Россія завоеваніями, построеніемъ желѣзныхъ дорогъ, ростомъ культуры стала и азіатской державой. Смѣна вѣка увидѣла небывалое въ исторіи послѣднихъ вѣковъ: побѣды

внѣевропейскихъ державъ надъ державами европейскими. Побѣда Сѣв. Америки надъ Испаніей была связана съ выступленіемъ заатлантической республики на поле международной политики, на путь соревнованія въ Китаѣ; столкновеніе Японіи съ Россіей, закрѣпило появленіе новой міровой силы [1]. Внутренне-европейская война, приводящая къ пораженію Германіи и Австріи, идетъ, съ другой стороны, навстрѣчу этому процессу. Незачѣмъ, разумѣется, утверждать, чтобы континентальная Западная Европа этою войной и вовсе была скинута со счетовъ міровыхъ соревнованій: ея старые споры еще будутъ сложно сплетаться съ тѣми, усложняя, затрудняя и путая общую картину. Но это, вѣроятнѣе всего, будутъ счеты мѣстные, или движенія подсобныя, вторичныя, лишь сопровождающія основныя міровыя напряженія.

До сихъ поръ въ Европѣ рѣшались міровыя проблемы; еще и въ настоящей войнѣ такъ разсуждала германская дипломатія, отвѣчая на выступленіе Японіи пренебреженіемъ (вѣроятно, дѣланнымъ), — завѣреніемъ, что на поляхъ европейскихъ сраженій, а не на Дальнемъ Востокѣ рѣшатся судьбы мірового господства. Сейчасъ — въ послѣдній разъ — это еще было вѣрно; но уже и сейчасъ германская дипломатія, вообще оказавшаяся до крайности слабой, видимо не разсчитала, что и на поляхъ Европы рѣшаются судьбы не однѣми европейскими силами. Африканскія, индійскія, канадскія войска сражаются съ нѣмцами у бельгійскихъ границъ; турки — за Кавказомъ; японскія войска еще только призываются французскими газетами. А американскіе штаты являются главнымъ нейтральнымъ адресомъ, по которому направляются протесты, и главнымъ нейтральнымъ защитникомъ европейцевъ во взаимно враждебныхъ государствахъ Европы.

Міровыя судьбы еще рѣшаются на поляхъ Европы, но онѣ рѣшаются уже при участіи внѣ-европейскихъ силъ. И результатомъ рѣшенія будетъ то, что поля Европы сохранятъ лишь мѣстное значеніе.

Не только въ государственномъ отношеніи подготовлялся переносъ мірового центра тяжести, но и въ духовномъ — хотя и несравненно медленнѣе и меньше — сказывались внѣ-ев-

[1] Пораженіе Италіи Абиссиніей не знаменуетъ, подобно отмѣченнымъ явленіямъ, наступленія заокеанскаго міра на Европу, а неудачу наступленія Европы на міръ внѣевропейскій.

ропейскія вліянія. Правда, внѣ-европейская духовная работа, посколько получала міровое значеніе, вкладывалась, умѣщалась въ духовной работѣ Европы; или же если, отличаясь отъ нея, на нее воздѣйствовала, то все же — проходя сквозь ея фильтръ, претворяясь въ ея руслѣ. Россія, столѣтіями отъ Европы оторванная, все же множествомъ историческихъ нитей и связей дѣйствительности неразрывно съ Западомъ связанная, полу-Западъ, полу-Востокъ, все слышнѣе давала себя знать въ европейскомъ хорѣ ко второй половинѣ (или, что ли, къ третьей трети) XIX вѣка. Первородное дѣтище Запада — Сѣверная Америка, не имѣвшая особыхъ отъ Европы традицій, но переработавшая ихъ въ особой, и именно въ лишенной традицій средѣ, — уже вѣкъ тому назадъ вліяла на Европу своими политическими идеями. Въ техникѣ Америка открывала новые пути, не только фактическими изобрѣтеніями, но самой смѣлостью захвата, рѣшительностью постановокъ проблемъ, натискомъ въ разрѣшеніи ихъ. Дѣло здѣсь не только въ распредѣленіи между материками осуществленной работы, дѣло въ самомъ духѣ этой работы, въ духѣ отношенія къ природѣ и жизни, если и не принесеннаго съ той стороны Атлантическаго океана, то получившаго оттуда могучій толчокъ и опору. Дѣло не въ томъ, что броненосныя суда и пушки тяжелыхъ калибровъ, телефоны и отчасти аэропланы имѣли Америку своею колыбелью или пробною мастерской; что она имѣетъ лучшія обсерваторіи и лабораторіи, что — въ противоположной плоскости — въ ней своеобразно развернулась религіозная жизнь. Дѣло въ томъ, что служитъ опредѣляющей характеристикой эпохи, — дѣло въ ритмѣ и темпѣ жизненной работы, которые ковались подъ встрѣчными воздѣйствіями Новаго Свѣта; дѣло въ интенсификаціи жизни, — и характерно, что именно орудія межчеловѣческаго общенія и сообщенія получали въ Америкѣ такое чрезвычайное развитіе. Въ глубинѣ общественныхъ трудовыхъ пластовъ — эти процессы были претвореніемъ, цвѣтеніемъ нѣкоторыхъ западно-европейскихъ же тенденцій, плотью отъ ихъ плоти; и потому воспринимались и частично впитывались, какъ родное и близкое. Въ чисто духовныхъ отраженіяхъ они получали уже специфическій характеръ, и въ этой специфичности воздѣйствовали своимъ заражающимъ своеобразіемъ. Иные американцы, Пое и Уистлеръ, Туэнъ и Джемсъ, завоевателями вторглись въ Европу со своимъ столь различнымъ и столь единымъ Американизмомъ.

Съ противоположнаго конца и Дальній Востокъ посылалъ свои могучія волны воздѣйствій. Собственно говоря, по массѣ воскрешенныхъ къ жизни восточныхъ цѣнностей девятнадцатый вѣкъ могъ бы быть названъ, между прочимъ, и вѣкомъ восточнаго возрожденія. И если это воскрешеніе не положило столь же явной грани въ культурѣ міра, какъ нѣсколько вѣковъ тому назадъ рецепція эллиноримскихъ и іудейскихъ цѣнностей, — то отчасти, конечно, въ силу различія тѣхъ и другихъ по творческой дѣйственности ихъ содержаній, но отчасти и потому, что собственная творческая жизнь Европы настолько пышно и мощно разрослась за эти вѣка, что самый сильный притокъ не могъ уже опрокинуть или уменьшить инерціи ея напора. Но характерно для интересующаго насъ здѣсь вопроса то, что не только древній Востокъ, но и современный зазвучалъ въ нашихъ исконныхъ западныхъ аудиторіяхъ. Отчасти это только голоса людей Востока, работающихъ у себя или у насъ въ созданныхъ европейцами лабораторіяхъ. Но отчасти это и взращенныя на Востокѣ силы, религіозныя или художественныя, буддійскія настроенія и японское созерцаніе, совершающія свое вступленіе въ нашъ міръ. И, конечно, незначителенъ самъ по себѣ, но все же симптоматиченъ тотъ фактъ, что чуть-ли не наканунѣ войны увѣнчанъ былъ все-европейской преміей — Тагоръ, индійскій поэтъ, сдѣлавшійся міру извѣстнымъ въ англійскомъ переводѣ.

Бездна перекрещивающихся творческихъ потоковъ и вліяній сплетается въ современности. Но доселѣ они сплетались и синтезировались въ міровую культуру — въ европейской кузницѣ, на наковальнѣ европейской традиціи, подъ согласованно-ритмическими ударами молотовъ европейскаго творчества. Сейчасъ эта наковальня будетъ раздроблена, самый ритмъ нарушенъ. Обручъ, скрѣплявшій міровую культуру, ослабѣетъ, — и разсѣются, разсыплются отдѣльные ея двигатели. Кончается великая эпоха единой ново-европейской культуры. Изъ средоточія міра станетъ Западная Европа одной изъ его провинцій, поучительнымъ памятникомъ и кладбищемъ, — увеличенной Венеціей, цѣлью для поучительныхъ экскурсій, расплывшимся на нѣсколько странъ Акрополемъ.

Ибо сумерки опускаются надъ Европой.

Я не собирался на предыдущихъ страницахъ описывать то будущее, которое будетъ; я только говорилъ о томъ будущемъ, которымъ чреваты бури настоящаго. Его черты

кажутся мнѣ сходящимися въ одной точкѣ: въ грандіозномъ ударѣ, наносимомъ современными событіями Западной Европѣ, ея стремившейся къ единству культурѣ, ея міровой гегемоніи, политической и духовной. И косвенно подъ ударомъ оказывается неисчислимыми массовыми усиліями выработанный, потомъ и кровью оплаченный типъ человѣчества, человѣческой души, общежитія; подъ ударомъ оказывается налаживавшееся единство міровой культуры, ея общій языкъ и согласный строй.

Нѣтъ основаній для того, чтобы этотъ выводъ самъ по себѣ былъ признаваемъ пессимистическимъ или оптимистическимъ. Культура есть категорія историческая, и не впервой происходитъ ея крушеніе или смѣна. Созданное прошлымъ не исчезаетъ, и войдетъ неотъемлемой составной частью во всякое будущее человѣческое созиданіе. Творчество запада и не изсякнетъ, а будетъ и впредь отстаивать себя, свои драгоцѣнныя традиціи и свойства, въ грядущихъ бореніяхъ и соревнованіяхъ. Можетъ быть, міръ станетъ богаче, красочнѣе, разнообразнѣе и значительнѣе; можетъ быть, также разрастутся и умножатся его цѣнности и святыни, какъ разрастается его мощь за предѣлами «стараго міра», какъ разрослась культура географически, разлившись или оживши по всѣмъ материкамъ. Можетъ быть, человѣкъ подымается въ новыя чудесныя сферы, и сверженіе западной культуры окажется не уничтоженіемъ, а освобожденіемъ другихъ; провинціализація Западной Европы окажется не низведеніемъ ея, а возведеніемъ другихъ; раздробленіе ея дастъ не смерть, а рожденіе другимъ. И вотъ — мы получаемъ оптимистическій выводъ изъ намѣченнаго выше.

Но это выводъ для далекихъ, для наиболѣе далекихъ перспективъ, это выводъ для предѣла тѣхъ тенденцій, которыя получили сейчасъ усиленный и искажающій толчокъ. Процессъ же не включаетъ предѣла, а заключается въ постепенномъ медленномъ, еще далекомъ отъ него становленіи. При всемъ неизмѣримо быстромъ темпѣ современныхъ движеній, созиданіе культуръ есть дѣло отдаленнаго будущаго; и низверженіе гегемоніи совершится не сразу и дастся не безъ отчаянныхъ противодѣйствій и частичныхъ рецидивовъ. Будемъ думать, что когда нибудь это приведетъ къ новымъ расцвѣтамъ; пока мы будемъ имѣть оскудѣвшую, даже — что еще хуже — только оскудѣвающую — Европу, Престижъ запада подорванъ; когда нибудь это приведетъ къ новымъ возрожденіямъ, но пока мы будемъ имѣть только

еще ославленную современность. Гегемонія сметена; когда нибудь установятся новыя равновѣсія, но пока мы будемъ имѣть отчаянную борьбу за гегемонію, за то, чтобы установить ее или возстановить, — будемъ имѣть усиленіе безразсудныхъ напряженій, безплодныхъ нажимовъ. Европа станетъ провинціей новыхъ творческихъ центровъ; когда нибудь выяснятся эти центры, но пока мы будемъ имѣть лишь провинціализмъ. Европа раздробляется; когда нибудь ея части войдутъ въ составъ новаго синтеза, но пока мы будемъ жить среди осколковъ.

И вотъ, если не стоять на плоскости міровыхъ эпохъ, а ощущать кратковременность жизни человѣческаго поколѣнія, — точка зрѣнія общественно-законная и лично неизбѣжная, — то иное зарождается чувство. Наше поколѣніе вступило въ жизнь и прожило часть ея въ исключительно содержательной, необычайной, богатѣйшей въ исторіи эпохѣ, въ «Перикловъ вѣкъ» Новой Европы. Настали «Пелопонесскія войны», и мы сойдемъ въ могилу на длинномъ пути per aspera, звѣзды котораго, можетъ быть, мыслимо будетъ угадывать, но невозможно будетъ созерцать сквозь поднятыя разрушительными вихрями густыя облака мусора и пыли.

И да будетъ позволено тѣмъ изъ насъ, кто чувствовалъ себя европейцами и въ Европѣ осязалъ свою духовную родину, близкое и родное себѣ, — скорбью встрѣтить ея роковыя сумерки.

Но оптимизмъ или пессимизмъ, для практики всегда долженъ быть только одинъ выводъ — дѣйственный. Погибнуть можетъ больше и меньше; пусть погибнетъ меньше. Новое рожденіе можетъ быть раньше и позже; пусть оно будетъ раньше. Пусть лучшія достоянія западной культуры, культуры самодовлѣющей человѣчности, продолжаютъ хотя бы тлѣть среди пепла разрушеній — для новыхъ возгораній, для будущихъ огней. Какъ бы ни были непроницаемы туманы, не забудемъ, что всюду есть люди, остающіеся неотуманенными. Здоровое чувство и прямая мысль сохраняются и при тягчайшихъ эпидеміяхъ; голосъ чести звучитъ, даже когда не доносится. Пусть мы оглохли отъ разрушительныхъ залповъ, сохранимъ нашъ внутренній слухъ. Сохранимъ и надежду на разрозненное братство тѣхъ, кто скорбятъ одною съ нами скорбью и, разсѣянные, сознаютъ единую отвѣтственность за общее достояніе — суровой правды и теплой человѣчности.

ОТДѢЛЪ I

РАЗРУШИТЕЛЬНАЯ ИДЕЙНОСТЬ

I. ВОЕННЫЙ МАКСИМАЛИЗМЪ И ДЕМОКРАТІЯ

Въ развалинахъ Европа — раздавленная, обезсиленная, униженная. Что говорить о побѣжденныхъ, что говорить о тѣхъ, кто сами себя раздавили, — но еле дыщатъ и побѣдители; и, еле дыша, въ надрывномъ торжествѣ наваливаются всей тяжестью своихъ искромсанныхъ тѣлъ на поверженныхъ враговъ, и давятъ ихъ и выжимаютъ изъ нихъ, что могутъ, и силятся снять съ нихъ послѣднюю рубашку, чтобы самимъ не остаться голыми.

Исполнились судьбы — раздавлена Европа. Есть побѣдители и есть побѣжденные; въ общемъ несчастіи есть измывающіеся и униженные, въ общей подавленности есть угнетатели и угнетенные; но разбиты всѣ. Тамъ, за океанами, воздымаются новыя, могучія, культурно-государственныя образованія; тамъ господствуетъ Америка, своими милостями отогрѣвая отмирающіе члены стараго міра; къ ней прибѣгаютъ за помощью, за разрѣшеніемъ трудностей, за признаніемъ; прибѣгали за милостью, за справедливостью, за правомъ и за силой; прибѣгали, какъ къ старшему, какъ къ сильному и мудрому, — точно не только почувствовала себя Европа уничтоженной, но и ничтожной, не только безпомощной, но и безтолково неумѣющей себѣ помочь. Тамъ, за материками и морями растетъ въ тишинѣ восточная мощь, и наливается нашими расплесканными силами, нашимъ развѣяннымъ добромъ. Европа сброшена и раздавлена.

Гдѣ предвкушенія, обольщенія, обѣтованія побѣды, всѣхъ ея несказанныхъ благъ, ея предѣльныхъ завершеній — уничтоженіе милитаризма, установленіе царства права и справедливости, мира и благоденствія? Они на дѣлѣ оказались тѣмъ самымъ, чѣмъ и всегда представлялись неподкупной мысли,

— безподобной ложью, гигантской сѣтью для простофиль, сплетенной ловкачами изъ нитей растяжимой словесности. Позволительно ли удивляться тому, что раздробленіе государственныхъ образованій, созидавшихся вѣковой исторіей, и перекраиваніе ихъ — даетъ не разрѣшеніе европейскихъ вопросовъ, а невылазную путаницу? Можно ли было не предвидѣть, что величайшее бореніе величайшихъ державъ, сочетавшее всенародность первобытныхъ временъ съ высокой культурностью позднѣйшихъ, — приведетъ къ ея первобытному разгрому; что нашъ обнищавшій, обезкровленный материкъ будетъ сброшенъ съ былой міровой высоты, съ вершинъ великодержавности и высококультурности; что другіе станутъ водителями и образцами человѣчества?

И все же предвидѣнное и естественное, свершившись, стоитъ передъ потрясенной душой неотступнымъ вопросомъ. Познанія и направленія ищетъ душа европейская и сквозь удушающую печаль. Иные, въ скорбь погружаясь, дѣлаютъ ее содержаніемъ своей жизни; иные, чтобы поддерживать жизнь, подавляютъ или отворачиваются отъ ея скорбей. Европеецъ не боится напряженности своихъ чувствъ, плакать для него не значитъ отказаться отъ пониманія. Онъ ищетъ понять неизбѣжность происходящаго и утвердить возможности будущаго; онъ ищеть путей дѣйствія. И онъ пойдетъ по этимъ путямъ, унося съ собой неутолимую скорбь о бывшемъ и несбывшемся, щемящую любовь и — если надо — безпощадную ненависть.

Но еще рано укутывать прошлое неутѣшною памятью; ибо не свершилися судьбы, — онѣ еще свершаются, не завершился разгромъ, — онъ еще производится; не погасла еще міровая эпоха, она только погасаетъ.

1. ВОИНСТВУЮЩЕЕ МИРОТВОРЧЕСТВО

Обращаясь къ существеннѣйшимъ духовнымъ основамъ несравнимаго европейскаго разгрома приходится выдѣлить максимализмъ военныхъ цѣлей, коему его въ первую голову приходится вмѣнить.

Разнаго типа задачи ставились войнамъ въ разныя времена; говорю не о подлинно преслѣдуемыхъ и достигаемыхъ войнами цѣляхъ, а о духовной оболочкѣ таковыхъ, подчасъ являющейся и психически двигающей силой. Бывали задачи конкретныя, ограниченныя, заключенныя въ предѣлахъ

возможной реальности, и задачи безконечныя, несоразмѣренныя съ наличными силами и возможностями, запредѣльныя; съ одной точки зрѣнія могущія быть признанными фантастическими, съ другой — идеальными. Къ идеально-фантастическимъ задачамъ относятся идеи установленія царствія Божія на землѣ, побѣды креста надъ полумѣсяцемъ и полумѣсяца надъ крестомъ. Къ нимъ относятся и цѣли, приписанныя великой европейской войнѣ ея руководителями.

Вѣчный миръ — таковъ былъ военный лозунгъ Антанты. Война — величайшее бѣдствіе, преступленіе и грѣхъ; Германія, единственная милитаристическая и имперіалистическая держава среди мирныхъ демократическихъ государствъ міра, вызвала ее, слѣд., виновная въ величайшемъ преступленіи передъ человѣчествомъ, должна понести за нее исчерпывающую кару. Не какъ врагъ, не какъ опасный противникъ, не какъ конкурентъ подлежитъ Германія разгрому; не во имя выгодъ или благъ другой стороны, а во имя священной идеи, верховной объективной цѣнности, самодовлѣющаго императива. Разгромъ Германіи — не дѣло политической, исторической цѣлесообразности или необходимости, а — задача —внѣисторическая, абсолютная.

Заодно тотъ же взглядъ былъ распространенъ и на другія страны германской коалиціи. И Австрія подлежитъ уничтоженію какъ виновница войны (ультиматумъ Сербіи), но еще въ большей степени къ качествѣ нарушителя другого священнаго принципа — принципа самоопредѣленія національностей, по этому случаю возведеннаго въ святыню, равную идеѣ вѣчнаго всечеловѣческаго мира; нарушители обоихъ одинаково подлежатъ разгрому во имя равнозначныхъ вѣчныхъ началъ. Къ Турціи, можетъ быть, и не стоило, но во всякомъ случаѣ не трудно было примѣнить подобныя же мѣрила; Болгарія была преступна уже тѣмъ, что шла съ такими преступниками.

Насколько правдива была такая постановка вопроса — было и въ то время внѣ спора для всякаго, кто хотѣлъ и могъ оставаться зрячимъ, т. е. — говоря то же самое въ моральной транспонировкѣ — честнымъ. Однако, при массовомъ ослѣпленіи это въ то время могло еще требовать выясненія. Теперь было бы просто смѣхотворно обсуждать единственность германскаго милитаризма, когда всѣ страны-побѣдительницы взапуски стремятся возможно шире продвинуть свои «имперіалистическія» вожделѣнія; и было бы до зазорности наивно оспаривать святость принципа самоопредѣленія, когда съ

одной стороны онъ походя нарушается тѣми, кому оказывается неудобнымъ и кто въ силахъ его нарушить, а съ другой стороны — по скольку кладется въ основу государственныхъ оформленій — нерѣдко приводитъ къ взаимному поѣданію и общему пониженію постигнутыхъ имъ народовъ. Пусть не говорятъ, что разочаровались въ государственныхъ дѣятеляхъ и пр. Подобному разочарованію цѣна не бо̀льшая, чѣмъ былому очарованію. Въ нихъ обоихъ — одинаково мало совѣстливаго мышленія; въ нихъ обоихъ одно стремленіе мыслитъ не съ отвѣтственной отчетливостью, а согласно житейскому удобству, пользуясь самодовлѣющими идеями, какъ обстановкой жизненнаго уюта или какъ средствами дѣлового успѣха, — проникаясь вѣрой въ святые идеалы, когда это удобно для текущихъ выгодъ, и разочаровываясь въ ихъ осуществимости, когда исчезаетъ надобность ихъ провозглашать.

Какъ бы то ни было, священныя цѣли войны противъ Германіи были провозглашены Антантой, и пропаганда ихъ велась съ ни съ чѣмъ не сравнимой настойчивостью. Побѣда надъ германской коалиціей не строилась въ мѣру жизненной потребности ея враговъ, а обосновывалась всечеловѣческой, категорической, ничѣмъ не ограниченной значительностью и святостью самой задачи. Война велась не противъ Германіи, а противъ сосредоточившихся и воплотившихся въ Германіи предпосылокъ всякой возможной войны, притѣсненій, насилій и несправедливости; она и должна положить конецъ войнамъ и угнетеніямъ и навѣки установить пацифизмъ и благоволеніе въ человѣчествѣ. Тѣмъ самымъ производилась вербовка въ сторонники войны на сторонѣ Антанты всѣхъ принципіальныхъ и эмоціональныхъ противниковъ войны, всѣхъ добросердечно скорбѣвшихъ объ ея жертвахъ, всѣхъ мечтателей о благоденствіи, всѣхъ болящихъ чужими ранами и чужимъ горемъ. Въ этомъ заключалась практическая выгода для Антанты подобнаго пацифистическаго обоснованія войны: оно не только вдохновляло и ободряло бойцовъ; оно главнымъ образомъ привлекало сочувствіе и содѣйствіе всѣхъ небойцовъ въ своихъ и чужихъ государствахъ, дѣлая ихъ косвенными участниками войны, самихъ нейтральныхъ — дѣлая стороной, претворяя внѣбоевыя, противовоенныя чувства и настроенія въ факторы борьбы, дѣлая военнымъ орудіемъ — самый пацифизмъ. Въ претвореніи самодовлѣющихъ святынь въ орудія войны — проявилось блестящее тактическое умѣніе и тактическій успѣхъ вождей Антанты. Другой вопросъ — къ какимъ болѣе отдаленнымъ послѣдствіямъ должно было при-

вести использованіе идей и чувствъ, какъ средствъ достиженія противоположныхъ имъ результатовъ.

Какъ бы то ни было, пацифизмъ, выставленный цѣлью войны, сталъ союзникомъ Антанты; благоденствіе человѣчества — ожидаемымъ плодомъ побѣды. Разъ уже — по винѣ Германіи — неизбѣжными стали безграничные ужасы, такъ пусть ужъ по крайней мѣрѣ — по заслугѣ Антанты — они производятся во имя цѣли окончательной, которая, осуществленная, ихъ окупитъ, покроетъ всѣ бѣды величіемъ тѣхъ благъ, которыя она съ собой принесетъ. Остановиться посреди пути — значило бы оставить всѣ жертвы напрасными (милліоны разъ повторялось это разсужденіе), значитъ задаромъ выбросить шакаламъ исторіи безчисленные трупы, расплескать попусту потоки жертвенной крови. Послѣ всѣхъ бѣдъ и ужасовъ — вернуться къ старому міру, это значитъ совершить непрощаемый грѣхъ передъ величайшими жертвами, обрекши ихъ на безплодіе. Лучше еще принести жертвы, и еще; лучше одинъ разъ до тла опустошить себя и противника, чтобы за то ужъ навсегда цѣликомъ достичь искомой вѣковѣчной цѣли. Безпредѣльность цѣли имманентно вела къ безпредѣльнымъ жертвамъ и напряженіямъ, къ войнѣ «до конца». До конца, до исчерпанія всѣхъ средствъ, до полнаго низверженія противника было бы безсмысленно вести войну во имя конкретныхъ ограниченныхъ цѣлей, — ибо ограниченныя цѣли самой своей ограничиваемостью ограничиваютъ и средства, которыя стоитъ на нихъ затратить, и слѣд. само собой предустанавливаютъ войнѣ опредѣленный предѣлъ; соотвѣтственно приближенію къ этому предѣлу онѣ предопредѣляютъ и компромиссный миръ. Но воевать во имя конкретныхъ историческихъ цѣлей значило бы санкціонировать войну, какъ допустимую историческую категорію. Пацифисты не могли стать на эту позицію, — ибо вѣдь воевать никоимъ образомъ недопустимо. А потому ужъ если воевать, то свыше всякой мѣры; за цѣли, передъ величіемъ которыхъ неразличаемымъ становится немного больше или меньше жертвъ, потерь и страданій. Пусть будутъ и еще ужасы, лишь бы не напрасно (а все напрасно, что не идеалъ), — чтобы больше уже никогда не было ни жертвъ, ни ужасовъ. Такъ создался пацифистическій максимализмъ, какъ обоснованіе войны до конца.

Трудно учесть то зло, которое онъ принесъ человѣчеству даже въ своемъ чистомъ, искреннемъ, убѣжденномъ воплощеніи, — оставляя въ сторонѣ тотъ безмѣрный грѣхъ ли-

цемѣрія и лжи, какой онъ внесъ въ жизнь, служа и прикрытіемъ и орудіемъ своекорыстныхъ задачъ; и оставалось бы отчаяться въ совѣсти и мыслительной способности человѣчества, еслибы, придя въ себя, оно не заклеймило его, не растоптало, не возненавидѣло, и не запечатлѣло своей ненавистью навѣки въ непреходящихъ оцѣнкахъ. Именно, этотъ военно-пацифистическій максимализмъ, внѣдривъ мысль о законности ставить протекающей войнѣ предѣльныя цѣли, о возможности ихъ добиться, — послужилъ подпочвой для максимализма націоналистическаго и дли максимализма соціальнаго (въ большевизмѣ); если можно сразу осуществить вѣчный миръ между государствами и народами, то почему не осуществить несравненно болѣе доступную задачу «полнаго» удовлетворенія національныхъ стремленій, — и всѣ національныя стремленія были развернуты сразу во всю полноту и во всей своей несовмѣстимости; почему не сдѣлать опыта осуществить и всю завѣтную соціальную пограмму. Тотъ же военно-пасифистскій максимализмъ послужилъ превосходной ширмой для максимализма государственно захватническаго (уже столько жертвъ принесено, такъ ужъ по крайней мѣрѣ удовлетворимъ сразу всѣ историческіе запросы и всякія возможныя цѣли за счетъ побѣжденныхъ).

Итакъ, во имя предѣльной цѣли, т. е. нѣкоего представленія, пожеланія, предположенія, формулы, слова, — вообще во имя чего то лишь мыслимаго — пацифизмъ вовлекалъ въ реальныя жертвы, подлинную гибель, уничтоженіе, разрушеніе, смерть. Разрушеніе происходило, гибель совершалась, смерть наступала, а цѣль — лишь предносилась. Смерть ширилась, невозмѣстимое уничтожалось, невозвратное исчезало — а цѣль все предносилась. Что же если эта цѣль была недостижимой или будетъ недостигнутой? Вотъ же идеалъ не осуществился, — какъ оправдать погубленныхъ во имя его? Но могъ ли онъ осуществиться въ эту войну? лежалъ ли онъ въ предѣлахъ возможности? Обязательна была увѣренность въ этомъ, чтобы хотя бы одну лишнюю жертву допустить во имя его. Въ какой же преступный азартъ надо было впасть, чтобы на карту предносившейся — но во всякомъ случаѣ необезпеченной возможности лить потоки человѣческой крови, громоздить бѣдствія и развалины; да вѣдь и азартный игрокъ рискуетъ непосредственно лишь своимъ благосостояніемъ и жизнью, а эти люди рисковали жизнью народовъ и достояніемъ культуръ. А между тѣмъ не могло же не быть яснымъ, что уничтоженіемъ двухъ государствъ

и культуры нельзя измѣнить въ два-три года природу человѣка, природу народовъ, природу государствъ, природу общества, природу производства и распредѣленія; что самый способъ установленія пацифизма путемъ войны и побѣды есть вызовъ человѣческому разуму, что войной и уничтоженіемъ не устраняются причины, создающія то, что якобы подлежало устраненію, что приписываемое Германіи облыжно приписывается ей одной, что задача поставлена лживо и цѣль внѣреальна. Какъ не предпочесть этимъ недоумкамъ идеализма тѣхъ ловкихъ и беззастѣнчивыхъ политиковъ, въ рукахъ которыхъ они были лишь покорными маріонетками, и которые сознательно пользовались ихъ идеями мира, какъ смертоносными орудіями войны.

И совершалось дѣло безповоротной смерти во имя марева предполагаемой благой жизни. И теперь, когда все кончено, и побѣда привела къ гибели, они готовы отыграться на разочарованіи или на какихъ либо новыхъ фантазіяхъ, кого то въ чемъ то обвинять, только — не свой грѣхъ и не свое преступленіе.

2. ОПРАВДАНІЕ МИНИМАЛИЗМОМЪ

Оставимъ этихъ зловѣщихъ недоумковъ. Пусть до максимума доведенныя цѣли, ставимыя войнѣ, не выходятъ за предѣлы реальности, обращены только на количественно наибольшее осуществленіе задачъ, неизмѣнно въ дѣйствительности преслѣдуемыхъ: навсегда обезопасить родину, убрать съ ея пути сразу всѣхъ опасныхъ конкурентовъ, осуществить разомъ всѣ ея запросы. Изъ за временнаго, преходящаго — воевать не стоитъ; ужъ если воевать, такъ изъ за рѣшающаго, предопредѣляющаго все будущее.

Но и здѣсь — хотя бы это вѣчное и максимальное было взято въ разрѣзѣ историческомъ, земномъ — и здѣсь остается то же роковое обольщеніе. И здѣсь реальныя жертвы, смерть, гибель въ настоящемъ сопоставляется не съ чѣмъ то въ современности-же имѣющимъ осуществиться, а съ предполагаемымъ въ будущемъ. И здѣсь уже сейчасъ приносятся жертвы во имя не того, что сейчасъ же и должно быть получено, а во имя послѣдствій, которыя должны только со временемъ сказаться, которыя, слѣдовательно, должны явиться результатомъ не однѣхъ этихъ жертвъ, но и многихъ другихъ причинныхъ линій, многихъ другихъ послѣдованій

событій. Быть увѣреннымъ въ этихъ событіяхъ нельзя, расчитать ихъ немыслимо. Конечно, можно стремиться ихъ предугадать, можно и слѣдуетъ руководиться тѣми или иными о нихъ предположеніями; мало того — нельзя ими не руководиться; и тотъ именно государственный человѣкъ, кто, взоромъ проникая вдаль, видитъ, предвидитъ и учитываетъ будущее. Но дѣйствовать можно лишь въ настоящемъ, примѣнительно къ настоящему. Твердо и дѣйственно для будущаго и плодотворно лишь то, что сдѣлано примѣнительно къ тѣмъ условіямъ, когда сдѣлано; выгодно лишь то, что выгодно въ настоящихъ обстоятельствахъ, укрѣпляетъ страну лишь то, что ее укрѣпляетъ въ данную эпоху, что ее обезпечиваетъ отъ враговъ и конкурентовъ сегодняшняго дня, дѣйственны лишь тѣ орудія, которыя могутъ сейчасъ (въ историческомъ смыслѣ этого слова) быть пущены въ ходъ. Обезпечить себя на будущее можно только утверждая себя въ настоящихъ обстоятельствахъ. Мощь и безопасность не копятся про запасъ; добытое сверхъ нужнаго сейчасъ есть не дополнительный выигрышъ, а только обуза. Безпочвенна надежда и безумна гордыня — снять съ будущихъ поколѣній хоть какую нибудь долю ихъ трудовъ, опасностей, заботъ. Забота о грядущихъ можетъ лишь въ томъ заключаться, чтобы ихъ сдѣлать способными и сильными заботиться о себѣ.

Неисповѣдимо будущее; откуда возникнутъ слабости и опасности завтрашняго дня — намъ сегодня знать не дано; и тѣмъ самымъ не дано ихъ предотвратить или парализовать. И каждая лишняя капля крови, пролитая не для задачъ историческаго дня и живыхъ поколѣній, есть даромъ — т. е. преступно — пролитая кровь. Ибо неосмысленно жертвами настоящаго добиваться благопріятныхъ послѣдствій въ неопредѣленномъ будущемъ, когда это будущее, предопредѣляемое множествомъ различныхъ и независимыхъ, частью въ настоящемъ еще и незримыхъ и неподлежащихъ воздѣйствію причинныхъ цѣлей, можетъ быть и такимъ, при которомъ добытое сейчасъ окажется ненужнымъ или даже и вреднымъ.

Но и помимо того, что жертвы настоящимъ ради задачи неопредѣленнаго будущаго являются жертвами необоснованными и неоправдываемыми, — даже еслибы этого и не было, еслибы можно было обезпечить въ будущемъ ожидаемый благотворный эффектъ, правомѣрно и законно ли возлагать на современныя поколѣнія, на современное государство, на современный хозяйственный аппаратъ — тяготы, связанныя съ поколѣніями, съ государствомъ, съ хозяйственнымъ аппаратомъ бу-

дущаго? Брать лично на себя ношу непосильную во имя интересовъ будущаго — это и будучи нецѣлесообразнымъ, можетъ оставаться благороднымъ и морально возвышеннымъ. Но подобныя жертвы возлагать на другихъ, вовлекать въ нихъ государство, ставить подъ ударъ современную культуру — это не только нецѣлесообразно, губительно, это и морально непозволительно, это и соціально неоправдываемо. Почему современнымъ поколѣніямъ сверхъ мѣры своихъ жизненныхъ задачъ взваливать на себя и бремя будущаго, къ тому же неизбѣжно проблематическаго; и какъ можетъ выдержать современная государственность, еле справляющаяся со своими собственными задачами, — въ сущности вовсе даже и не справляющаяся съ ними, — какъ можетъ она вдобавокъ справиться еще и съ дополнительными задачами, задачами будущаго? Современное поколѣніе подъ бременемъ тяготъ будущаго падетъ изнеможенное, современное государство подъ бременемъ задачъ будущаго расшатается въ своихъ устояхъ, и задачи будущаго будутъ не облегчены для будущихъ поколѣній, а затруднены, и государство будущаго будетъ не укрѣплено чрезмѣрными напряженіями настоящаго, а подорвано. Во имя безпредметныхъ цѣлей исковеркано будетъ настоящее, а тѣмъ самымъ надломлено и будущее.

Но развѣ могутъ быть признаны обезпеченными въ своей достижимости какія бы то ни было военныя цѣли, хотя бы и далеко не максимальныя? А если нѣтъ, то приносимыя на войнѣ жертвы не являются ли недопустимой азартной ставкой, какая бы съ ихъ помощью задача ни подлежала осуществленію?

Въ нѣкоторой степени это такъ и есть. Но если каждая война, представляя великій моральный рискъ, возлагаетъ величайшую отвѣтственность за ея необоснованность, сверхсильность, за возможную историческую неоправдываемость, — то въ какой мѣрѣ возрастаетъ эта отвѣтственность по мѣрѣ увеличенія, преувеличенія, максимализаціи цѣлей войны; и не ясно ли, что она возрастаетъ настолько, что должна бы подавить, задавить всякую живую человѣческую совѣсть. И если люди, гнавшіе общественное сознаніе къ масимальнымъ государственнымъ, а въ особенности вѣчнымъ міровымъ и мировымъ цѣлямъ, до сихъ поръ еще не раздавлены собственной совѣстью или мнѣніемъ окружающихъ, если они до сихъ поръ — послѣ того, что произошло, все еще гарцуютъ на поверхности общественной жизни, куда то ведутъ, чѣмъ то руководятъ, что-то проповѣдуютъ и истолковыва-

ютъ, если они до сихъ поръ не изъяли себя изъ общественной жизни, то поистинѣ приходится признать: толстокожа человѣческая совѣсть и растяжима, невзыскательно человѣческое долготерпѣніе и забывчиво.

Именно потому, что каждая война возлагаетъ величайшую отвѣтственность, она можетъ быть оправдываема лишь въ мѣру крайней необходимости ея веденія, неизбывности для ведущаго ея государства, поколѣнія, культуры — ея цѣлей и задачъ; поскольку безъ примѣненія этого крайняго средства нарушается самая основа общественнаго и культурнаго бытія. Война оправдана въ жизни народа, поскольку жизнь народа безъ нея подрывается, поскольку за насущное, за необходимое, за то, безъ чего нельзя существовать, за самую основу своего существованія ставитъ народъ на карту свою и чужую жизнь.

Пусть на это не дѣлаютъ возраженій конкретной казуистики: гдѣ, молъ, кончается необходимое и начинается то, безъ чего можно обойтись; въ чемъ насущный интересъ и въ чемъ интересъ уже не насущный, гдѣ граница той мѣры, которая обосновываетъ войну, и за предѣлами которой война становится неоправдываемой. Разумѣется, этихъ предѣловъ съ точностью указать нельзя, и легко субъективно относительно нихъ ошибаться. Но только еще безъ мѣры наивный или сверхъ мѣры лукавый возражатель можетъ подобными отводами удовлетвориться. Подъ формулы общаго порядка никогда безъ остатка неподводима живая плоть бытія, но это отнюдь не значитъ, чтобы слѣдовало отказываться отъ общихъ мыслей въ обсужденіи конкретнаго. Это только означаетъ, что формула не какую нибудь точную мѣру предназначена установить, а намѣчаетъ лишь направленіе, въ какомъ слѣдуетъ искать искомыхъ рѣшеній. Это не значитъ, что оправданію подлежитъ война, которая ведется только за такія то опредѣленныя цѣли, это значитъ, что оправдываема война, цѣли которой подлежатъ суженію къ наименьшимъ, сведенію на необходимѣйшія, насущнѣйшія. Это — въ общемъ итогѣ — значитъ, что въ дѣлѣ войны *оправданнымъ можетъ быть не максимализмъ цѣлей, а ихъ минимализмъ,* что священна не та война, которая ведется, или поскольку ведется за величайшія задачи человѣчества, а лишь та, которая ведется за наиболѣе узкія, неотъемлемыя, необходимѣйшія условія народной жизни. *Войну оправдываютъ не предѣльныя задачи, а лишь предѣльная необходимость.* И поистинѣ поразительно, какъ столь простое положеніе не

было въ нашу эпоху признано безспорнымъ, какъ могла произойти та роковая аберрація великой войны, при которой, разгоняя ее къ наиболѣе тягостнымъ напряженіямъ, кичились мнимой святостью ея облыжныхъ задачъ, — какъ въ оправданіе войны выставляли то самое, что именно и должно было служить ея безпощадному осужденію.

* * *

Съ полной ясностью сказались намѣченныя отношенія на великой войнѣ. Война должна быть доведена до конца — во имя максимально поставленныхъ задачъ; не въ устремленіи къ минимально неизбѣжному самообезпеченію, что въ разныхъ стадіяхъ войны могло склонить къ заключенію на тѣхъ или иныхъ основаніяхъ мира согласительнаго; нѣтъ — до полной конечной побѣды. Конечно, еслибы внѣ войны оставались сильныя державы, слѣд., если бы использованіе войны подлежало ограниченію съ ихъ стороны, то тѣмъ самымъ этотъ лозунгъ потерялъ бы значительную долю своей цѣнности. Но этого не было и побѣдившая сторона могла расчитывать на реализацію побѣды въ полную свою волю, могла разсчитывать переложить на противника всѣ бѣдствія и потери, — не отдавая себѣ отчета въ обманчивости самой задачи. Прекратить войну на какомъ нибудь согласительномъ мирѣ — значило бы даже для той стороны, которая оставалась сравнительно въ наиболѣе благопріятномъ положеніи, взять на себя, на свой народъ, на свое будущее — часть великихъ потерь, неоплаченными врагомъ. А между тѣмъ цѣной дальнѣйшихъ напряженій, цѣной дальнѣйшихъ потерь можно, достигнувъ наибольшихъ результатовъ, и самыя эти потери возложить на поверженнаго врага.

И вотъ потери, бѣдствія, уничтоженіе людей, цѣнностей, культуры возрастали и возрастали какъ у стороны побѣдившей, такъ и у противной стороны. Съ обѣихъ сторонъ уничтожались цѣнности, люди, культура; такимъ образомъ одновременно столь же непримиримо возрасталъ и счетъ побѣдителей, сколь умалялась способность возмѣщенія у побѣжденныхъ. Дѣло неизбѣжно шло къ тому, что — выражаясь для наглядности упрощенно арифметически — должна была настать минута, когда погубленное превысило бы сохраненное; и тогда сколько ни побѣждай до конца — возмѣщеніе исключалось самой объективностью. И ясно, что задолго до этого момента уже наступалъ — если еще не уничтоженіе, то во всякомъ случаѣ — разгромъ обѣихъ сторонъ.

На болѣе слабой государственности — на Россіи — упадокъ сказался всего ранѣе. Другіе держались; и именно благодаря культурно-государственной мощи и стойкости обреченной стороны — къ упадку общему дѣло шло и должно было прійти.

Максимализмъ все заслонялъ вызванными имъ аффектами, страстями и самообманомъ. Впрочемъ, не слѣдуетъ забывать, что не всѣ государства въ міровой коалиціи (въ отличіе отъ коалиціи европейской) были въ этомъ отношеніи въ одинаковомъ отношеніи, не всѣ государства несли одинаковыя потери, и слѣд. не для всѣхъ дѣйствовала эта непререкаемая арифметика. Внѣевропейскія государства всецѣло были внѣ ея желѣзной діалектики. Полуевропейское государство — Англія — точно такъ же лищь отчасти было ей подвержено. Естественно, что тѣмъ самымъ они были въ этомъ отношеніи свободны въ преслѣдованіи максимальныхъ военныхъ задачъ. Въ первую голову подлежала ей европейская коалиція (германская) и европейская часть коалиціи міровой (Фраиція, Италія), — т. е. Европа. На нихъ она и сказалась.

Въ средѣ побѣдителей въ первую голову падала эта уничтожающая діалектика максимализма, войны до конца — на Францію. Въ общей экономіи народныхъ силъ и возможностей война безъ «до-конечной» побѣды, но и безъ безпредѣльныхъ и потому невознаградимыхъ потерь, — была бы исторически государственно несравненно менѣе зловредна. Можно считать человѣчески естественнымъ, что именно Франція не могла итти на согласительный миръ, — Франція, которая была поприщемъ войны, непосредственнымъ предметомъ нападенія. Естественно, что идея побѣды до конца оказалась здѣсь продуктомъ непреоборимой эмоціональной реакціи (какъ въ Англіи она была продуктомъ спокойнаго расчета наполовину внѣевропейской страны, свою выгоду искавшей главнымъ образомъ внѣ Европы); что непреклонность руководившаго Франціей Клемансо оказалась выраженіемъ всенароднаго порыва; и что люди, глубже и яснѣе понимавшіе положеніе, оказались отстраненными или даже — подъ рискомъ прослыть измѣнниками — самоустранившимися отъ руководства ея судьбой. Франціи, всего больше пострадавшей въ составѣ міровой коалиціи, было предупредительно предоставлено компенсировать себя за счетъ европейской коалиціи — разоренному побѣдителю за счетъ обнищавшаго врага, обезкровленному побѣдителю за счетъ обезкровленнаго побѣжденнаго.

Такъ, вызванный максимализмомъ разгромъ Европы, продолжается въ ея разгромѣ мирномъ. Всѣ тѣ, кто въ разные моменты войны отказывались итти навстрѣчу согласительному миру, будь то Антанта или нѣмцы въ эпоху ихъ торжества, — виновны въ этомъ результатѣ; виновны въ немъ всѣ, кто ставили войнѣ максимальныя цѣли. Но все же не слѣдуетъ забывать, что вредоноснѣйшій (ибо наиболѣе безпочвенный) гуманитарно-идеалистическій максимализмъ, безчеловѣчно-гуманитарный, иллюзорно-идеалистическій и военно-пацифистскій, — былъ Антантою задуманъ, провозглашенъ, освященъ и внѣдренъ въ сознаніе современности во имя своихъ интересовъ и своей побѣды.

3. ГОРДЫНЯ НЕОГРАНИЧЕННЫХЪ ПРЕОДОЛѢНІЙ

Былъ ли военный максимализмъ случайностью или онъ былъ основанъ въ существѣ современнаго міра и слѣд. вытекалъ изъ него, какъ его неотъемлемое послѣдствіе; было ли случайностью то, что не война 70 г. напр., а именно послѣдняя величайшая война вызвала эту идеологію и ея мотивировку?

Есть, дѣйствительно, въ новоевропейской культурѣ, своей высшей точки достигшей въ послѣднія передъ войной десятилѣтія, свойства, вызвавшія, или во всякомъ случаѣ облегчившія максималистическую горячку; это то чувство увѣренности въ себѣ, въ человѣческомъ могуществѣ, во всепреодолѣвающей мощи человѣческаго творчества, которое такъ характерно для повышеннаго общественнаго самочувствія и побѣдоноснаго культурнаго созиданія начала вѣка. Все преодолѣваетъ человѣческое творчество, всего оно способно достичь, всякій свой замыселъ довести до осуществленія, — таково чувство, воспитывавшееся достиженіями этихъ десятилѣтій. Пространство преодолѣвается, — и вотъ уже рѣчь человѣческая передается мгновенно въ далекіе края; материки разсѣкаются, чтобы дать проходъ левіаѳанамъ морского плаванія. Строеніе вещества раскрывается чудесно вооруженному взору и, казалось бы, отрѣшенному отъ всякаго соприкосновенія съ дѣйствительностью мышленію; человѣческій организмъ постепенно выявляетъ свои тайны. Тьма преодолѣвается потоками свѣта; невоспринимаемыя явленія природы претворяются въ сказочныя по мощи послушныя человѣку силы. Не только опираясь на природу, стали превозмогать

величайшія ея сопротивленія, — превозмогается и самая безопорность въ природѣ; и тамъ, гдѣ еще недавно человѣчество проваливалось въ пустоту, оно живетъ и работаетъ увѣренно и спокойно. Поставивъ подъ вопросъ самыя предпосылки своего мышленія, какъ бы въ рѣшимости обойтись безъ нихъ, — человѣкъ поставилъ себѣ задачей самому построить и опору и основу своего бытія и дѣйствія. Полеты становятся дѣломъ повседневной сутолоки; вознесшись подъ небеса, человѣкъ на землю низвелъ вѣковѣчные миѳы. Приподымаются завѣсы надъ канувшимъ въ вѣчность, — и къ созидаемому настоящимъ днемъ пріобщаются непредвидѣнныя богатства человѣческаго прошлаго на разныхъ материкахъ. Не было въ исторіи эпохи большаго богатства и размаха. Съ восторгомъ и благоговѣніемъ будутъ будущія поколѣнія вчитываться въ лѣтописи совершавшагося въ наши дни, и проникновенныя души будутъ затрачивать драгоцѣнныя жизни на то, чтобы въ себѣ возсоздать и передать другимъ — духовное состояніе поколѣнія, дерзнувшаго въ безопорной средѣ опереться на себя — однаково и въ духовномъ и въ матеріальномъ смыслѣ. Героическая эпоха новаго самоутвержденія не въ отрицаніи, не въ бунтарствѣ противъ Бога и природы, а въ строительствѣ; когда дерзновенные замыслы творятъ уже не безплотные образы и мысли, а дѣйствія и жизнь; когда все предданное оказывается низведеннымъ до безразличнаго матеріала для творимаго согласно свободно ставимымъ человѣкомъ заданіямъ.

Въ этомъ самоощущеніи, когда все кажется возможнымъ и достижимымъ, когда человѣкъ чувствуетъ себя въ уровень со всякой задачей, когда поставить проблему для него уже значитъ — и разрѣшить ее, — хотя бы и не сейчасъ, не сразу, а только рядомъ послѣдовательныхъ приближеній, въ этомъ ощущеніи уже и заложена тяга къ максимализму передовыхъ по культурѣ народовъ и людей. Эту тягу — по отношенію къ максимализму военному — добавочно питали тѣ попутныя достиженія военнаго времени, въ подводномъ и надводномъ плаваніи, въ артиллеріи и фортификаціи, въ снабженіи и транспортѣ, въ организаціи хозяйственной и военной, благодаря которымъ война только и могла быть ведомой, и которыя были плотью отъ плоти мирной культуры современности.

Я не хочу сказать, чтобы такой переносъ культурнаго самоощущенія эпохи на задачи войны, или, иначе говоря, переносъ самоощущенія, выработаннаго на духовно-предметномъ

строительствѣ, на строительство соціальное — былъ неизбѣженъ, неотвратимъ. Я только хочу отмѣтить зарождающуюся въ первомъ тягу къ максимализму и въ области второго. Неизбѣжно ли было движеніе въ этомъ направленіи; была ли исключена возможность найти силы и разумъ для самообузданія, нащупать въ своей душѣ и въ своемъ окружающемъ то своеобразіе, которымъ соціальная среда отличается отъ космической, и въ этомъ своеобразіи обрѣсти опору для необходимаго самопознанія и самоограниченія? Отъ культурныхъ народовъ, отъ тѣхъ, именно, кто великія достиженія современности осуществлялъ, — законно было ожидать и этого достиженія — различенія, самопознанія и самоограниченія. Законность такого ожиданія всецѣло вѣдь подтверждается самообузданіемъ европейскихъ народовъ въ области максимализма соціальнаго. Почему же оно не оправдалось въ идеологіи военной?

Не сама по себѣ опасна гордыня неограниченныхъ преодолѣній, и не сама по себѣ ведетъ она къ разрушительному максимализму. Героическое сознаніе своей готовностью осуществить всякую поставленную цѣль подымаетъ духъ, окрыляеть эту способность у тѣхъ людей, круговъ, — которые ею обладаютъ. Да и въ самомъ умѣніи преодолѣвать заключена уже и поправка на чрезмѣрность притязаній, ибо это умѣніе предполагаетъ прежде всего даръ проникнуть въ суть препятствія, духовно овладѣть имъ, чтобы преодолѣть его и на дѣлѣ. Великія преодолѣнія немыслимы безъ глубокаго реализма, — иначе они и не были бы осуществлены; и потому чѣмъ выше успѣшный захватъ, тѣмъ больше гарантій, что онъ, превосходя всѣ видимыя возможности, все же не перейдетъ за черту — или будетъ къ ней возвращенъ — достижимаго объективно. Опасность возникаетъ, когда гордыня неограниченныхъ преодолѣній переходитъ отъ тѣхъ, кто ихъ осуществляетъ, къ тѣмъ, кто ихъ созерцаетъ, отъ творцовъ и героевъ къ дестинатарамъ и спутникамъ. Ибо если у героя сверхмѣрная увѣренность въ своихъ возможностяхъ выростаетъ благодаря ощущенію мощи, то у толпы она выростаетъ благодаря неощущенію препятствій. Одинъ увѣренъ — потому что знаетъ задачу, другой — потому что ея не знаетъ. Одинъ — потому что умѣетъ плавать, другой — потому что ему море по колѣна. Отсюда грозная опасность гордыни преодолѣній, — при переходѣ ея отъ героевъ и творцовъ къ спутникамъ, къ публикѣ, къ

толпѣ, при переходѣ отъ высококультурныхъ и испытанныхъ круговъ — къ безкультурнымъ и безопытнымъ. Въ области предметнаго и духовнаго творчества такого перехода собственно и не бываетъ, ибо тамъ зритель, спутникъ, человѣкъ безъ компетенціи, непосредственно и не участвуетъ въ дерзновеннѣйшихъ устремленіяхъ. Неспособный на полярное изслѣдованіе, прорытіе материка или построеніе теоріи квантъ за эти дѣла и не возьмется, — только и всего. Но тѣмъ легче происходитъ зараженіе гордыней дерзновенія въ области соціальной, гдѣ всѣ являются участниками дѣяній, гдѣ дерзость незамѣчающихъ препятствій легко перерастаетъ дерзновеніе сознающихъ свою силу ихъ преодолѣть, гдѣ къ тому же интересы и алканія подстегиваютъ и ослѣпляютъ въ бѣгѣ къ желанному. Вотъ почему именно здѣсь вѣра во вседостижимость, приводящая къ максимализму, становится столь заразительной.

Но и здѣсь еще возможны внутреннія противодѣйствія. Тѣ самые люди или слои, которые, располагая способностью къ соціальному творчеству, вмѣстѣ съ тѣмъ видятъ препятствія и понимаютъ свойства подлежащаго претворенію матеріала, тѣмъ самымъ — оказываются способными не только себя удержать на роковой чертѣ, но и оказать противодѣйствіе тому, чтобы ее преступили другіе. Горе, когда нѣтъ внутренняго противодѣйствія. Его можетъ не быть, когда нѣтъ достаточно культурныхъ и творческихъ, а потому сознающихъ реальность, слоевъ, — такой случай мы имѣли въ Россіи, и видѣли, къ чему привелъ почти повальный максимализмъ при отсуствіи сопротивленія со стороны соціально-руководящихъ группъ. Этого сопротивленія можетъ не быть не только въ силу неумѣнія, но и благодаря нежеланію руководящихъ группъ оказывать обуздывающее вліяніе. Такой случай мы имѣли въ странахъ Антанты примѣнительно къ максимализму военному. Руководящіе, духовно-господствующіе круги не только не хотѣли воздѣйствовать въ смыслѣ его обузданія, но, наоборотъ, въ стремленіи разжечь въ массахъ, въ народѣ паѳосъ войны, страсть къ окончательной побѣдѣ, — поддерживали и всячески разъяряли максималистическую духовность. На нихъ и падаетъ главная отвѣтственность за послѣдствія охватившаго массы максимализма. Силу же свою онъ получилъ благодаря тѣмъ массамъ, которыя охватилъ, благодаря ихъ вліянію въ современной государственности, другими словами — благодаря ея демократическому строю.

4. СЛАБОСТИ ДЕМОКРАТIИ

Много недоразумѣнiй происходитъ съ понятiемъ демократiи; естественно, что въ странахъ, недавно только прiобщившихся къ европейской культурѣ, вниманiе сосредоточивается преимущественно или даже исключительно на наиболѣе наглядной, внѣшней сторонѣ демократической государственности, на политической оболочкѣ народнаго самоуправленiя, на системѣ всеобщаго избирательнаго права, парламентаризма, республиканскаго или республикански-подобнаго строя. Впрочемъ, во время войны и со стороны Антанты значительная доля идеологiи, пропаганды самовосхваленiя и полемики была построена на томъ же пониманiи демократiи; страны Антанты противопоставляли себя, въ качествѣ государствъ демократическихъ — государствамъ средне-европейской коалицiи, какъ государствамъ недемократическимъ, антидемократическимъ, отсталымъ, реакцiоннымъ.

Не трудно вскрыть недоразумѣнiя, заложенныя въ подобномъ взглядѣ. Не стоитъ останавливаться на томъ, что и въ Германiи имѣли примѣненiе иныя изъ упомянутыхъ учрежденiй (какъ то всеобщее избирательно право въ парламентъ); что другiя учрежденiя, точно также находящiяся въ глубокомъ соотвѣтствiи съ идеей политическаго демократизма, являются въ Германiи — такъ сказать — туземными въ силу своеобразно сложившейся ея исторiи (какъ то федералистическiй строй или исконная культура вольныхъ городовъ). Важнѣе отмѣтить, что и вообще въ томъ демократизмѣ, который характеризуетъ современную культурную государственность, — существенную роль играетъ какъ наличность опредѣленнаго культурнаго уровня и распространенность культурнаго творчества, безъ которыхъ не можетъ быть и народнаго самоуправленiя обширныхъ государствъ при сложныхъ условiяхъ современности, такъ и высокая степень культурной свободы, свободы духовной работы, совѣсти, убѣжденiй, каковыми Германiя обладала никакъ не въ меньшей степени, нежели ея враги. Но даже и этими — формально правовой и духовно-культурной — сторонами не исчерпывается строенiе современной демократiи; быть можетъ, болѣе глубокая ея сторона заключается въ томъ, что можно бы назвать демократизмомъ соцiальнымъ, трудовымъ; въ томъ, что совокупная государственная, хозяйственная, культурная жизнь страны опредѣляется самостоятельной работой, иницiативнымъ строительствомъ всевозможныхъ, многоразлич-

ныхъ, всяческихъ ея составныхъ частей, лицъ и группъ. Иниціатива и даже руководство отдѣльными составными процессами, совокупно составляющими народную жизнь, исходятъ не только отъ государственно и соціально руководящихъ круговъ, а изъ разныхъ угловъ народнаго цѣлаго: народъ является не подневольнымъ, въ своей цѣльности — пассивнымъ исполнителемъ, а самостоятельнымъ строителемъ; строителемъ отнюдь не въ однихъ только формахъ избирательнаго процесса, создающаго руководителей, а строителемъ самой жизненной ткани, — самихъ учрежденій, самихъ цѣнностей, самого культурнаго, хозяйственнаго, соціальнаго содержанія — разумѣется, является строителемъ не въ полномъ своемъ составѣ, а въ разныхъ областяхъ и въ различныхъ, но не предустановленныхъ своихъ частяхъ. И еще другая черта современнаго демократизма — его индивидуалистическій моментъ: все большая общность для всѣхъ, или во всякомъ случаѣ для все большихъ круговъ, отдѣльныхъ правъ или обязанностей, впечатлѣній или дѣятельностей, возможностей или неизбѣжностей. Это относится отнюдь не къ одному избирательному праву, или ко всеобщей обязанности присяжнаго засѣдателя, или къ равенству передъ закономъ, но относится и ко всеобщему обученію, всеобщей воинской повинности; это относится въ болѣе тонкомъ и менѣе отчетливо-опредѣленномъ смыслѣ — къ всеобщему охвату уличной жизни міровыхъ городовъ, къ трамваю, не различающему классовъ и состояній, къ музею, кинематографу или парку, открытому для всѣхъ, если и не всѣми посѣщаемому и пр., и пр. Въ безчисленныхъ сплетеніяхъ проявляется и созидается демократическій строй — не только политическій, формально правовой, но и культурно-духовный, соціальный, хозяйственный. Онъ и до сихъ поръ далеко не доосуществился даже и въ странахъ полнаго, всеобщаго избирательнаго права; и вмѣстѣ съ тѣмъ давно уже въ различныхъ своихъ разновидностяхъ пробивался къ осуществленію въ разныхъ иныхъ странахъ, въ соотвѣтствіи съ ихъ исторіей, соціальными условіями и традиціями — то болѣе по однимъ, то по другимъ путямъ. Въ сущности этотъ демократизмъ совпадаетъ — или доводитъ до наибольшаго выявленія то, что называется буржуазнымъ строемъ, гражданско-государственнымъ объединеніемъ самоцѣнныхъ, свободно-подвижныхъ въ народномъ организмѣ лицъ. Безспорно, эта разновидность человѣческаго общежитія имѣетъ имманентную тягу и къ внѣшнему оформленію въ демократію по-

литическую въ тѣсномъ смыслѣ слова. Но не въ ней онъ заключается и уже во всякомъ случаѣ не ею ограничивается; и потому глубоко неосновательно измѣрять демократизмъ народа одною лишь его политической оболочкой. И вѣдь именно эта всераспространенность въ современномъ мірѣ большаго или меньшаго демократизма и была однимъ изъ основаній объема и глубины военныхъ бѣдствій и разгрома, захватившихъ болѣе широкіе слои, болѣе глубоко задѣвшихъ народную жизнь, чѣмъ это могло бы имѣть мѣсто въ какую либо иную эпоху; всеобщее участіе въ борьбѣ усилило ее и углубило всеобщую задѣтость страданіями.

Но при всемъ томъ безспорно, что чисто политическія формы демократіи и непосредственно съ ними связанныя общественныя явленія (какъ то — вліяніе общественнаго мнѣнія и т. п.) значительно полнѣе и шире развиты были въ странахъ Антанты, чѣмъ у ея враговъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ эти именно формы имѣютъ и особо важное значеніе въ томъ максималистическомъ опьяненіи, о которомъ выше была рѣчь.

Слабая сторона политической домократіи — и грозная для нея опасность — заключается въ томъ, что въ ней единство цѣлаго является функціей отъ безчисленнаго множества самодовлѣющихъ и формально независимыхъ индивидуальныхъ воль. Каждая личность влечется по *своимъ* (конечно, для большихъ множествъ болѣе или менѣе схожимъ) путямъ; и изъ этого множества самодовлѣющихъ движеній, изъ этого, такъ сказать, принципіальнаго хаоса — должно получиться единое движеніе цѣлаго, непрерывное и послѣдовательное. Этихъ опасностей нѣтъ въ тѣхъ обществахъ, чье единство и непрерывность существованія связаны съ какой либо соціальной единственностью — личной, групповой, идейной; въ непрерывности этой непрекращающейся частной, *именованной* воли, интереса, идеи — обосновано уже и непрерывное единство цѣлаго. Иныя части цѣлаго могутъ отъ этого страдать, угнетаемыя той конкретно-частной волей, которая служитъ непрерывною опорою цѣлаго, но самое цѣлое получаетъ въ ней твердость и устойчивость, а слѣд. и всѣ его части, поскольку основою ихъ существованія, даже и ущербленнаго, служитъ цѣлое. Въ политической демократіи цѣлое всегда находится подъ угрозой распада на многочисленныя самодовлѣющія индивидуальныя или частно-групповыя воли, изъ

которыхъ оно строится. Поэтому для сохраненія своей устойчивости демократія неизбѣжно требуетъ сильной активной власти — чрезвычайно сильной власти. Слабой можетъ быть безъ чрезмѣрнаго ущерба для государства, для общества власть въ абсолютной монархіи, въ сословномъ государствѣ, въ теократическомъ обществѣ. Свѣтская политическая демократія погибла бы въ анархіи, въ распадѣ тамъ, гдѣ слабая власть недемократическая могла бы болѣе или менѣе спокойно справиться съ положеніемъ.

Поправками на эту структурную слабость политической демократіи могутъ явиться двѣ — соціальная и психологическая — особенности. Съ одной стороны, фактическая общность интересовъ, рѣшающихъ для обширныхъ слоевъ, даетъ опору для собиранія формально самодовлѣющихъ лицъ въ фактически объединенныя группы, однако, еще далеко не предопредѣляя ихъ устойчивости; съ другой стороны, психическая тяга демократіи къ сильной власти, точнѣе — готовность ей подчиниться, за нею слѣдовать, когда она имѣется и проявляетъ себя таковой, вытекаетъ изъ глубинныхъ основъ психологіи массоваго общенія и взаимодѣйствія.

Наивное мышленіе политически некультурнаго общества (каковымъ напр. являлась значительная часть русской, преимущественно соціалистической, интеллигенціи) думаетъ, что демократія — это такой приблизительно строй, при которомъ каждый можетъ, а въ качествѣ гражданина и обязанъ, во все вмѣшиваться. На самомъ дѣлѣ подобный строй былъ бы хаотическимъ анархизмомъ и въ него вырождается лишь подорванный въ своей жизненности народъ. Въ здоровомъ обществѣ людямъ и неохота и недосугъ во все вмѣшиваться; каждый занятъ своимъ дѣломъ, мыслью, интересомъ, развлеченіемъ, заботой, и требуетъ, чтобы съ политическими задачами справлялись тѣ, кому эту работу довѣрили, — за собой оставляя право провѣрять, смѣщать, вмѣшиваться въ рѣшающія минуты. Интересъ гражданина въ демократіи заключается въ томъ, чтобы политическіе вожди умѣло вели государственное дѣло въ общемъ соотвѣтствіи съ его, гражданина, пожеланіями. Онъ требуетъ самостоятельной власти, согласованной съ его интересомъ. Но мало того, — чѣмъ самостоятельнѣе и сильнѣе власть, тѣмъ легче ему за ней идти и тѣмъ охотнѣе онъ это дѣлаетъ. Легче — потому что сильная власть снимаетъ съ него заботы, самостоятельно подготавливаетъ и ведетъ государственное дѣло, предоставляя ему его опредѣлять и устанавливать въ узловыхъ точкахъ,

заранѣе подготовленныхъ для яснаго и простого рѣшенія (и соотвѣтственно выбирать вождей для проведенія въ жизнь принятыхъ рѣшеній). Охотно — потому что ясность воли, опредѣленность дѣйствія и въ особенности успѣхъ, внушая довѣріе и спокойствіе, подчиняютъ себѣ массы. Чѣмъ меньше загвоздокъ, поводовъ для недоумѣній, сомнѣній, колебаній и остановокъ, чѣмъ больше уже оправданнаго довѣрія у вождя, подтвердившагося умѣнія, тѣмъ спокойнѣе и охотнѣе за нимъ пойдутъ массы. Онѣ побѣгутъ за нимъ, когда онъ имъ импонируетъ рѣшимостью брать на себя отвѣтственность и умѣніемъ справляться съ нею. Наивная демагогія побуждаетъ предоставлять и рѣшеніе и отвѣтственность (точнѣе сказать — видимость рѣшенія и отвѣтственности) массамъ, — какъ, молъ, вы постановите, такъ и сдѣлаемъ. Но массы только и ждутъ, чтобы вожди за своей отвѣтственностью предложили имъ опредѣленное рѣшеніе. Демократія и то и другое предоставляетъ руководителямъ, за собой сохраняя въ основномъ — власть предоставленія и лишенія власти. Въ сильной демократіи ведутъ государственное дѣло сильные вожди, рукополагаемые на власть народомъ, ему подотчетные. Только при этомъ условіи можетъ демократія быть сильной; но это условіе и заставляетъ вождей, ведя самостоятельно государственное дѣло, непрерывно заботиться о массовомъ къ нимъ сочувствіи, о массовой санкціи. Масса не осуществляетъ государственныхъ задачъ, но она санкціонируетъ ихъ осуществленіе вождями; вожди борятся за государственное дѣло и за сочувствіе массъ. Отсюда — умѣніе снискать сочувствіе людей, способность увлекать ихъ становится одной изъ существенныхъ особенностей демократическаго вождя; отсюда неизбѣжный склонъ и опасность демагогіи.

5. МАССЫ, КАКЪ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ДВИГАТЕЛЬ

Политическая некультурность, усматривающая прежде всего и главнымъ образомъ внѣшнее, — во всей демократіи видитъ только ея политическую форму, а въ этой политической формѣ видитъ лишь демагогію, и ее то и примѣняетъ, думая что тѣмъ осуществляетъ демократію. Въ этомъ, конечно, сказывается только политическое варварство; но вѣрно, что и подлинная политическая демократія непрерывно обнаруживаетъ опасность демагогіи, коренящуюся въ необходимости

потребность государственнаго цѣлаго размѣнять на желанія множества входящихъ въ его составъ индивидуальностей. Въ мирное, нормально протекающее время, — въ этомъ можетъ еще и не заключаться сугубыхъ трудностей. Государственная задача можетъ временно приблизительно совпадать съ интересами, симпатіями, убѣжденіями опредѣленныхъ круговъ, на которые власть и можетъ опираться; во всякомъ случаѣ трудности могутъ здѣсь проявляться не слишкомъ наглядно. Въ особо напряженныя времена, напр. въ эпоху великой войны, обостряется и самая трудность и во всякомъ случаѣ проявляется какъ въ увеличительномъ стеклѣ.

Государственная необходимость идетъ въ разрѣзъ съ личнымъ интересомъ тѣмъ рѣзче, чѣмъ больше лицъ ввергается въ непосредственныя опасности и бѣдствія войны. Поэтому всенародный характеръ послѣдней войны особенно рѣзко противопоставилъ государственную необходимость и личный интересъ. Между тѣмъ осуществляется государственная задача совокупностью частныхъ воль. Частью, конечно, этому содѣйствуетъ уже одно выявленіе этой задачи передъ цѣнящими ее и готовыми на жертвы ради нея людьми; но только частью, — ибо сознаніе коллективнаго запроса подлежитъ истолкованію и перетолковыванію, возгорается и блекнетъ, — личная же заинтересованность и переживаніе есть фактъ непрерывно дѣйствуюшій, элементарный, неустранимо навязчивый, — стихійный. И потому необходимымъ становится путемъ транспонировки коллективнаго интереса въ личный — вызвать въ личности на поддержку интереса коллектива тоже силы стихійныя, но индивидуальныя, — первичные аффекты, массово-повторную индивидуальную стихію, какъ пружину для осуществленія общегосударственнаго единаго движенія. Отсюда — разжиганіе страстей, ненависти, презрѣнія къ врагу, взвинчиваніе непримиримо враждебныхъ чувствъ, направленныхъ на его уничтоженіе, разъяреніе атавистическихъ инстинктовъ; отсюда задача ослѣпить и сбить съ толку неумѣющія самостоятельно мыслить толпы, взвинтить упоеніе собою, собственной иравотой, святостью преслѣдуемой задачи, непогрѣшимостью избираемыхъ путей; обольстить величіемъ подлежащихъ достиженію цѣлей, ихъ запредѣльностью, ихъ завершающей выгодностью и неотмѣнимой благостью, — отсюда словомъ, культура обольщенія и лжи военной эпохи. Я не хочу сказать, чтобы господство политической демократіи при-

водило къ ней; я только утверждаю, что задача вести народъ въ формахъ политической демократіи — т. е. обосновывая единую коллективную цѣль множествомъ индивидуальныхъ воль — къ осуществленію государственной цѣли, рѣзко нарушающей индивидуальные интересы, создаетъ тягу и соблазнъ подобной культуры лжи и обольщенія, которая бы облегчала эти массово-повторныя индивидуальныя воли сдѣлать орудіемъ единой государственной задачи. Ловкіе и умѣлые вожди и осуществили дѣло всенародной духовной отравы, чтобы въ потокѣ безчисленныхъ индивидуальныхъ устремленій найти дѣйственную силу для желательной имъ работы государственнаго механизма.

Отсюда проистекаютъ разнаго рода послѣдствія. Воздѣйствіе на одну волю или на небольшое ихъ число можно дозировать; ее можно опредѣлять по содержанію, и качественно и количественно, можно въ опредѣленную минуту удержать или отклонить на новый путь сообразно новымъ необходимостямъ, — по крайней мѣрѣ пытаться это сдѣлать. Съ множествомъ воль, съ десятками тысячъ ихъ, съ милліонами — этого сдѣлать нельзя; съ ними нельзя столковываться объ опредѣленныхъ предѣлахъ, ихъ можно только общимъ образомъ толкать, разогнать по желанному пути. И когда волѣ поставлена столь тяжелая задача, приходится разгонять безъ предѣла, безъ оговорокъ, безъ ограниченій — разгонять во всю къ искомой цѣли. Движеніе цѣлаго проводится массовымъ движеніемъ единицъ; но массовое движеніе единицъ обезпечено лишь когда стало движеніемъ стихійнымъ, — такъ, массовая стихія становится двигателемъ организованнаго цѣлаго.

Стихію надо разогнать, чтобы привести въ движеніе; но разогнавъ, немыслимо остановить или управлять ею по желанію. Ибо стихію можно вызвать, мыслимо даже дать ей направленіе, но немыслимо ею руководить. И потому, когда задача государственнаго цѣлаго потребуетъ пріостановки или поворота, соглашенія или перестройки, — разогнанная стихія будетъ продолжать свое давленіе по прежнему пути. Вожди государства, можетъ быть, и захотѣли бы и могли найти средства заблаговременнаго заключенія мира, или — по заключеніи мира — цѣлесообразнаго, согласительнаго его оформленія; но это уже стало невозможно при томъ стихійномъ давленіи, которое они сами вызвали и которое было необходимой для нихъ опорой и орудіемъ ихъ государственнаго водительства. Развязанную стихію только исподволь возможно

обуздать, а пока что она продолжаетъ производить свое разрушительное дѣйствіе, для котораго и была создана, — тѣмъ опредѣляя разрушительность и послѣ-военной политики.

По содержанію — разогнать стихію возможно было лишь путемъ обольщенія, искаженія, ослѣпленія, т. е. помощью такой культуры лжи, какой міръ, кажется, никогда не видывалъ; и безспорно важнѣйшей задачей современности является очищеніе духовной атмосферы отъ напущеннаго въ военное время смрада. Цѣль эмоціональнаго разгона требуетъ, чтобы ставимыя обществу задачи были представлены въ наиболѣе привлекательномъ, наиболѣе соблазнительномъ, возвеличенномъ видѣ. Разгоняя массу въ опредѣленномъ направленіи, только и можно, что намѣчать направленіе, а не имѣющую быть достигнутой точку пути; направленіе же обозначается всего нагляднѣе и опредѣленнѣе нѣкоторой предѣльной свѣтящейся точкой, — поставленіемъ отдаленнаго маяка, который бы манилъ къ себѣ, недостижимо и неподвижно. Достигнуть его невозможно, излишне или даже и зловредно; но путь онъ непрерывно указываетъ, потому что неподвиженъ, и разгону содѣйствуетъ, потому что недостижимъ. И другое: крайняя точка должна быть мысленно изукрашена всѣми соблазнами обѣщаній и обольщеній, сверхъ мѣры оплачивающихъ въ воображеніи тяжкія жертвы дѣйствительнаго пути. И вотъ разрисовывается въ завершеніе побѣдоносной войны — и вѣчный миръ, и оплата врагомъ всѣхъ убытковъ и проторей, и воцареніе справедливости, и закрѣпленіе могущества, и торжество надъ поверженнымъ врагомъ. Въ стихійномъ разгонѣ эмоціональнаго вовлеченія, — какъ эмоція нагнетается до наивысшаго напряженія, такъ и содержаніе — до наибольшаго соблазна.

Максимализація цѣлей опредѣляется самымъ механизмомъ осуществленія единой государственной задачи силою массоваго множества индивидуальныхъ воль. Такъ велась въ послѣдніе полъ вѣка агитація соціализма, такъ же велась и агитація великой войны.

Вдобавокъ надо уяснить себѣ, что всякой массовой агитаціи на потребителя неотъемлемо присуща черта упрощенной приблизительности. Въ процессѣ массоваго духовнаго потребленія нѣтъ мѣста для точно взвѣшенныхъ обѣщаній и четко очерченныхъ понятій. Здѣсь приходится удовлетворяться увлекательными, но мало расчлененными представленіями, раскрывать заманчивыя, но туманныя перспективы. Въ подобной туманной нерасчлененности и происходитъ массовый разбѣгъ

къ далекой, смутно маячащей соблазнительной цѣли. Замѣчательнымъ и полнымъ воплощенiемъ подобной вульгарной максимализацiи была проповѣдь Вильсона: и въ этомъ и заключался существенный элементъ ея мiрового успѣха.

Неопредѣленность по содержанiю, вдобавокъ еще уложенная въ рядъ пунктовъ, придававшихъ ему видимость чрезвычайной дѣловитости, и заманчивость всеразрѣшающихъ обѣщанiй — въ такой же мѣрѣ обезпечила за нимъ мгновенную славу, какъ и окончательный провалъ. На путь вульгаризацiи здѣсь сталъ (не нарочно, а потому что это и былъ его путь) вождь и руководитель народа, ученый государствовѣдъ. Ясно, куда ведетъ этотъ склонъ, когда — подъ прикрытiемъ государственныхъ людей и профессоровъ — на него вступаетъ вся профессiональная *толпа руководителей* современнаго общества, политиковъ, журналистовъ, агитаторовъ, проповѣдниковъ, малограмотныхъ писателей, невѣжественныхъ популяризаторовъ, необученныхъ учителей. Въ томъ неизбѣжномъ для демократическаго общества явленiи, что сами руководители составляютъ толпу, что и пастухи являются стадомъ, — лежитъ уже сама по себѣ великая опасность оплощенiя; она усугубляется въ тѣ моменты, когда съ данной проповѣдью связываются могущественные государственные интересы и народныя страсти; она грозитъ стать роковой, когда безсознательно злостнымъ или убѣжденно-ослѣпленнымъ пустословiемъ оно раститъ пустомыслiе, ширитъ ослѣпленiе. Подобный пароксизмъ бываетъ не часто; горе поколѣнiю, его переживающему. Война дала намъ незабываемый примѣръ.

Неизбѣжная особенность строенiя современнаго общества еще закрѣпляетъ вульгаризированный максимализмъ массовой проповѣди. Во всѣхъ обществахъ различные слои одновременно находятся на разныхъ ступеняхъ культурнаго роста; но благодаря непреодолимой силѣ напряженнаго взаимнаго общенiя современности — путемъ безчисленныхъ соцiальныхъ передвиженiй и соприкосновенiй — образуется своеобразная смѣшанно-культурная, полу-культурная среда; отъ непосредственности превзойденныхъ мiросозерцанiй здѣсь осталась одна наивность, отъ сознательности мiросозерцанiй позднихъ, духовными усилiями вырабатываемыхъ, прiобрѣтена лишь разсудочность. Это точка зрѣнiя разсудочной наивности. Стоитъ, молъ, понять, захотѣть и рѣшить, чтобы и исполнить задуманное. Героическое ощущенiе всепреодолѣваемости высшихъ культурныхъ слоевъ находитъ подкрѣпленiе и завершенiе въ наивной разсудочности культурно низшихъ. Когда

то въ ирраціональномъ представленіи божественнаго промысла, неисповѣдимости господнихъ путей — заложено было въ иносказаніи пониманіе самобытійнаго существа, неподчиняемости разсудочному рѣшенію общественно-человѣческой жизни. Позже тотъ же выводъ о несводимости къ сознательнымъ подсчетамъ и рѣшеніямъ будетъ слѣланъ познающимъ разумомъ, для котораго призрачнымъ станетъ самодовлѣніе и самобытійность духовно-общественнаго матеріала. Но для вульгарнаго пониманія, уже извѣрившагося въ неисповѣдимости божественнаго промысла, и еще не проникшаго въ объективно-сущія сцѣпленія человѣческой жизненности, совершенно непобѣдимой представляется мысль о легкости устроенія сообразно сознательному желанію; если жизнь такъ еще не устроена, то только потому, что мы не догадались, и кто то мѣшаетъ — самодержецъ, буржуазія, имперіализмъ, Германія. Вульгарная идеологія военнаго времени въ этомъ смыслѣ имѣетъ полную параллель въ вульгарной идеологіи соціализма, какъ она отражается въ полукультурныхъ, полуинтеллигентскихъ слояхъ. Упрощенная формула и гласитъ: устранить («долой») и устроить («да здравствуетъ»). Устранить врага буржуазію, Германію; устроить — обѣтованное: всеобщее матеріальное благополучіе, вѣчный миръ. Орудіемъ ожидаемой всеисчерпывающей благости становится всепожирающая ненависть; всѣ силы зла направляются на препятствіе, чтобы съ его устраненіемъ тѣмъ самымъ оказалось достигнутымъ предѣльное благоденствіе. Такъ, высшее благо своей непосредственной достижимостью оправдываетъ въ вульгарномъ сознаніи примѣненіе злѣйшаго зла.

Мы видѣли — и до сихъ поръ еще видимъ — продолжающееся осуществленіе этой діалектики въ безподобной разрушительности военнаго максимализма; мы ее видѣли и въ соціальномъ максимализмѣ русскаго саморазгрома. Отчасти одинаковое дѣйствіе проявилось въ этихъ разныхъ областяхъ благодаря одинаковости дѣйствовавшихъ въ нихъ пружинъ. Но отчасти разгромъ, произведенный вторымъ максимализмомъ, былъ пріуготовленъ первымъ.

Слишкомъ легко подготовленная военной идеологіей и проповѣдью психологія ни передъ чѣмъ не останавливающагося разгрома во имя немедленно достижимыхъ обѣтованій была перенесена на соціальную сферу; не найдя въ Россіи, въ силу ея своеобразныхъ условій, ни сопротивленія, ни устойчивости, она и дала разительные всходы. Конечно, рѣшающими здѣсь были условія мѣстныя, предпосылки, заложенныя въ народно-

государственной средѣ, въ историческомъ сплетеніи обстоятельствъ. Но не малое значеніе среди нихъ имѣло и всенародное воспитаніе къ максимализму, произведенное военной идеологіей въ условіяхъ политическаго демократизма; военный максимализмъ, вскормившій максимализмъ національный (помощью идеи самоопредѣленія), существенно посодѣйствовалъ и максимализму соціальному. Пацифизмъ выраcтилъ большевизмъ. Вильсонъ былъ предтечей Ленина.

Будемъ думать, что Европа преодолѣетъ свое глубокое паденіе, будемъ содѣйствовать этому осознаніемъ и тѣмъ самымъ обезвреживаніемъ отравившаго ее яда. Больше всякаго другого строя нуждается демократія въ сильной власти, какъ поправкѣ къ своей организаціонной шаткости; больше всѣхъ другихъ нуждается она также и въ непреклонно-правдивомъ, отвѣтственно честномъ мышленіи, какъ поправкѣ на вѣчно подстерегающую ее демагогію.

II. ИДЕИ ВОЙНЫ

Максимализмомъ опредѣляется духовный темпъ въ разработкѣ идей военнаго времени; слѣдуетъ остановиться и на ихъ содержаніи, чтобы ближе осмыслить, какъ взаимоотношенія сторонъ, такъ и разрушительныя послѣдствія ихъ столкновенія. Объ одномъ изъ этихъ содержаній — объ идеѣ пацифизма — шла уже рѣчь выше. Здѣсь придется остановиться на другихъ.

Объ идеяхъ войны я говорю ближайшимъ образомъ въ смыслѣ субъективномъ, въ смыслѣ тѣхъ цѣлей и того значенія, которыя ей приписывались сторонами; но это субъективное значеніе не могло бы имѣть мѣста безъ опредѣленнаго соотвѣтствія и съ объективнымъ смысломъ войны. Подъ субъективнымъ отношеніемъ я не имѣю въ виду тѣхъ задачъ, которыя фактически преслѣдовались руководящими лицами, группами или слоями; эти задачи можно понимать и строить по разному и выясненіе ихъ должно быть предоставлено будущему историку. Но есть нѣчто, лежащее ближе къ поверхности, наглядное, уловимое почти что на невооруженный взглядъ, — это тѣ лозунги, мотивы, которые господствовали въ общественномъ мнѣніи, которыми опредѣлялись и поддерживались общественныя настроенія. На первый взглядъ можетъ казаться, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ наиболѣе зыбкимъ и непоказательнымъ. Кто теперь не знаетъ и не понимаетъ, какъ искусственно взмыливаются и обманно вызываются общественныя настроенія, вообще, а въ особенности, въ военной эпохѣ, подобной пережитой. Кто не помнитъ про могучіе аппараты военной пропаганды, про задуманные въ кабинетахъ, разработанные штабами и разнесенные по всѣмъ угламъ міра лозунги и оцѣнки, внѣдряемые въ массы, а вовсе не проявлявшіе ея правосознанія. И тѣмъ не менѣе эта пропагандой вызванная, — пускай даже подстроенная — идеологія войны сквозь всю свою искусственность представляетъ, какъ фактъ, подлинную дѣйствительность массоваго сознанія; и какъ фактъ она показательна не только для духовности

раздѣлявшихъ ее, или хотя бы заболѣвшихъ ею народовъ, но показательна и для ихъ объективныхъ устремленій. Ибо пусть данная идея или лозунгъ разработаны въ кабинетахъ начальниковъ пропаганды и сознательно и планомѣрно распространены въ милліонахъ газетныхъ листковъ, рѣчей и книгъ. Ошибочно было бы думать, что всякая мысль и лозунгъ, такимъ образомъ распространенные, могли бы имѣть одинаковый успѣхъ и вліяніе. Для того, чтобы зараза принялась въ организмѣ, нужна его воспріимчивость именно къ ней; одинъ останется здоровымъ или легко преодолѣетъ, гдѣ другой подвергнется бурному заболѣванію. Лживая идея — такой же фактъ, какъ идея правильная и для психики ее переживающей такъ же показательна, можетъ быть и болѣе показательной; ибо правдивая идея навязывается объективностью, лживая же опирается всецѣло на субъективность, тѣмъ ее глубже выявляя. Въ данномъ случаѣ то, что общественная идеологія вырабатывалась сознательно и планомѣрно, только сугубо подчеркиваетъ ея показательный характеръ; ибо къ воспріимчивости массъ здѣсь присоединяется и цѣлесообразная продуманность руководящихъ органовъ. Вотъ почему въ возможности и въ фактѣ господства той или иной идеологіи военнаго времени независимо отъ обоснованности ея содержанія — мы усматриваемъ методъ постиженія подлинныхъ предрасположеній переживающаго ее народа. Но проявляя эти тяготѣнія, получившая господство идеологія ихъ и усиливаетъ, обостряя послѣдствія, можетъ быть, и безъ нея неизбѣжныя. Идеологія, какъ фактъ, будучи проявителемъ становится и факторомъ народныхъ устремленій.

1. ЮРИДИЧЕСКАЯ ФОРМА И СОЦІАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНІЕ

Открылась война на инцидентѣ, который впослѣдствіи былъ чрезвычайно настойчиво использованъ союзной пропагандой во вредъ Германіи и дѣйствительно чрезвычайно показательно — можно почти сказать символически — освѣтилъ позиціи враждующихъ сторонъ; именно на инцидентѣ между Бетманъ-Гольвегомъ и англійскимъ посломъ. Договоръ, приравненный къ клочку бумаги съ одной стороны; но на этомъ договорѣ стоитъ подпись Англіи — съ другой. Союзники твердо стояли — пусть на словахъ, но только о словахъ сейчасъ и рѣчь — на той позиціи, которую они тогда заняли;

нейтральные къ ней присоединились, а нѣмцы, кажется, стали истолковывать, а частью даже отрекаться отъ словъ канцлера. Съ одной стороны обнаружилось пренебрежительное отношеніе къ священному институту договора, съ другой — джентльменское принятіе на себя послѣдствій разъ даннаго слова.

Договоръ — клочокъ бумаги. Какъ извѣстно, такъ въ исторіи и бывало, также и въ исторіи тѣхъ странъ, которыя въ данной войнѣ выступили противниками Германіи. Можно было бы, между прочимъ, сослаться на происшедшее уже послѣ окончанія войиы нарушеніе условій, на которыхъ Германія сложила оружіе, — на что у Кейнса можно найти краснорѣчивѣйшія указаиія. Говорю это отнюдь не для полемики, а лишь съ цѣлью установить, что сказанное Бетманъ-Гольвегомъ соотвѣтствуетъ правдѣ исторіи — и былой и современной. Сказанное Бетманъ-Гольвегомъ есть правда, которой не говорятъ; отвѣтъ англійскаго посла есть норма, которой не соблюдаютъ. Канцлеръ былъ государственно — правдивъ, посолъ — дипломатически правъ. Канцлеръ свою правду выложилъ съ цинизмомъ или простоватостью; посолъ — свой принципъ выложилъ съ лицемѣріемъ или дипломатичностью. Правда и условная ложь, цинизмъ и лицемѣріе, простоватость дипломатической неумѣстности и изящество дипломатической находчивости — такъ могутъ быть соотвѣтственно сопоставлены позиція нѣмецкаго и англійскаго государственныхъ людей.

Вспомнимъ еще и о другомъ инцидентѣ, также имѣвшемъ мѣсто сравнительно близко къ началу войны и также сыгравшемъ большую роль въ міровой агитаціи. Я говорю о манифестѣ германскихъ ученыхъ. Собственно во враждебныхъ странахъ его толкомъ и не прочитали, но опять таки позиціи, занятыя въ спорѣ, и не возбуждали сомнѣнія . Съ одной стороны нѣмцы отрицали специфическія, не связанныя съ процессомъ войны звѣрства, будто производимыя германскими войсками, и утверждали связь и необходимость военной мощи для германской культуры, съ другой стороны возмущались оправданіемъ милитаризма со стороны ученаго міра. Но и здѣсь нужно же сказать, что правдивость была на сторонѣ нѣмецкихъ профессоровъ. Исторія не часто встрѣчаетъ мощно расцвѣтающую культуру внѣ опоры на всесторонне расцвѣтающій народный организмъ, обезпеченный только въ томъ случаѣ, если онъ въ борьбѣ и соревнованіи съ соперниками и врагами защищенъ силой, которая откры-

ваетъ возможность экономическаго и соціальнаго роста и духовнаго расцвѣта. Конечно, если культура (даже специфически духовная) для своего длительнаго и богатаго расцвѣта обыкновенно нуждается въ соціально экономическомъ развитіи и международно-военной обезпеченности, то вѣдь и обратно, подлинный военный расцвѣтъ предполагаетъ общетехническую, соціальную, а слѣдовательно и духовную культуру, безъ которой онъ можетъ дать только мнимую силу. И само собой понятно, что во времени не совпадаютъ вершины въ разныхъ областяхъ и отросляхъ культуры. Органическая сила, налившаяся въ коллективѣ, проявляется въ отдѣльныхъ сферахъ жизни и общественности не только въ зависимости отъ различныхъ историческихъ условій различно, но еще и въ разныхъ темпахъ и послѣдовательностяхъ въ зависимости отъ свойствъ этихъ областей. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ вершинныя основополагающія достиженія неизбѣжно лежатъ ближе къ началу пути (это относится преимущественно къ искусству и философіи), между тѣмъ какъ въ другихъ областяхъ они вырабатываются къ его концу. Съ другой стороны ростъ культуръ является обычно спиралевиднымъ, т. е. нѣкоторыя достиженія государственно-соціальной мощи завершаютъ свои круги, обоснованные опредѣленнымъ культурнымъ наростаніемъ, и тѣмъ создаютъ основу для новыхъ культурныхъ напряженій, которыя затѣмъ обосновываютъ и новые круги государственной соціальной мощи; они не являются непосредственнымъ продолженіемъ тѣхъ первыхъ, но связаны съ ними все же преемственной культурной связью (таковы приблизительно зависимости гете-бетховенской и канто-гегелевской Германіи съ Германіей конца 19 вѣка, наивно противопоставлявшіяся какъ культурная и государственно слабая Германія — варварской и государственно сильной). Бываютъ и разнообразныя мнимыя отклоненія отъ подобной зависимости. Аѳины могутъ казаться чрезвычайно слабымъ политическимъ образованіемъ по сравненію съ Римской имперіей; но въ томъ мірѣ государственности, въ которомъ они жили, развивались и творили, въ мірѣ городской культуры и государственности Эллады, они такой слабостью нисколько не отличались. Въ случаяхъ несоотвѣтствія, а именно превышенія уровня культуры надъ уровнемъ государственности — въ основѣ все же лежитъ либо нѣкогда уже осуществившійся подъемъ народныхъ силъ, вылившійся въ свое время и въ формы государственной мощи (какъ это имѣетъ мѣсто въ Голландіи),

либо примыканіе къ культурамъ велико-державнымъ (какъ это наблюдается въ Шейцаріи).

Бываютъ и подлинныя отклоненія отъ намѣченной связи государственности и культурности; отдѣльныя, обыкновенно одностороннія преимущественно литературныя, политическія достиженія мыслимы и въ полной государственной слабости, (какъ это было съ литературой Польши); но и здѣсь художественный расцвѣтъ оказывается какъ бы отрицательно отраженнымъ отъ былой, исчезнувшей государственности, какъ ея обломокъ, какъ память и печаль по ней, какъ послѣднее собираніе расплескавшихся послѣ ея крушенія силъ, какъ послѣдній плодъ нѣкогда накопленной мощи. Культура подлинно развивающаяся безъ государственности (подобно еврейской культурѣ) — составляетъ почти что неповторимое исключеніе исторіи; да и то она празднуетъ періоды своего расцвѣта, когда получаетъ опору въ чужой государственности.

И ужъ во всякомъ случаѣ нельзя же отрицать, что если не всегда, не непремѣнно, то обычно, или хотя бы часто, или хотя бы возможно, чтобы именно такъ обстояло дѣло: чтобы военная мощь, связанная съ общею государственной мощью, являлась опорой и защитой за ея оградой спокойно расцвѣтающей культуры. И если такъ, то какъ же возмущаться и что же возражать на утвержденіе этой правды. Можно возражать только утвержденіемъ условной идеалистической лжи о самодовлѣющей, несвязанной съ «милитаризмомъ» — пацифистской цивилизаціи, жрецами которой будто и надлежитъ быть ученому міру.

По существу германскій канцлеръ заявилъ, что во имя интересовъ государственнаго цѣлаго, передъ вопросомъ о жизни и смерти великаго семидесятимилліоннаго народа, во имя будущаго великой культуры — не приходится останавливаться передъ нарушеніемъ договора. Въ этомъ утвержденіи еще даже и не противопоставляются интересы большого народа и малаго народа; въ ней не противопоставлены народные интересы и культура по ихъ такъ сказать объему: большему молъ должно уступить меньшее. Здѣсь въ основѣ *юридической формѣ противопоставлялось соціально культурное историческое содержаніе.* Договоръ подписанъ Германіей; но онъ идетъ въ разрѣзъ съ жизненными предпосылками ея существованія и потому онъ становится передъ ли-

цомъ этихъ предпосылокъ, передъ лицомъ живыхъ требованій живыхъ людей, живой культуры — мертвой буквой, клочкомъ бумаги, не могущимъ выдержать и не долженствующимъ остановить живого потока исторіи. Такъ именно и была воспринята позиція Германіи ея врагами. Существо того, что было выставляемо противъ нея въ этомъ отношеніи, именно и сводилось къ тому, что договоры должны быть соблюдаемы, что разъ данное слово должно быть свято исполнено, что и въ международной жизни должны быть соблюдаемы тѣ гарантіи, которыя уже давно восторжествовали въ жизни частной. Германія выдвинула реальное народное содержаніе противъ юридической формы, поддержанной Англіей и вообще Антантой. Святость народнаго интереса, культурно соціальнаго содержанія противъ святости юридической формы — такова суть того перваго противопоставленія, которое заключается въ конфликтѣ канцлера и посла.

Характерно, что это противопоставленіе обострилось въ споръ о соблюденіи или нарушеніи договора; и потому слѣдуетъ отмѣтить, что соціальному содержанію въ идеологіи Антанты противопоставлялась даже не вообще юридическая форма, но еще точнѣе и ближе — опредѣленная (по крайней мѣрѣ по категоріи) юридическая форма, именно право индивидуалистическое, «римское», буржуазное. Во всякомъ случаѣ дѣло идетъ о правѣ внутри-государственномъ, о координаціи лицъ въ предѣлахъ государственно-подобнаго цѣлаго. Уничтоженіе милитаризма, какъ возможности самостоятельными силами отстаивать свои интересы, разборъ конфликтовъ судомъ, приведеніе рѣшенія въ исполненіе принудительной силой, принадлежащей организованному международному цѣлому. Такова общая схема. Но въ этой общей схемѣ содержаніе давалось еще болѣе суженнымъ.

Въ предѣлахъ государства — государство въ лицѣ своихъ органовъ охраняетъ, контролируетъ соблюденіе права, судитъ за его нарушеніе, возстанавливаетъ, возмѣщаетъ, караетъ за таковое, приводитъ въ исполненіе свои постановленія — но право имъ охраняемое имъ же самимъ и установлено; и не только это: оно предоставляетъ (въ правѣ индивидуалистическомъ, гражданскомъ) и самимъ сторонамъ устанавливать для себя право путемъ соглашенія. Государство силой своего авторитета, организаціи принужденія ста-

новится и въ этомъ отдѣлѣ права на его защиту, на охрану частныхъ договоровъ, заключенныхъ отдѣльными лицами, какъ самостоятельными, независимыми субъектами. Вотъ именно къ этому отдѣлу внутри-государственнаго права, и сводила антантистская идеологія международныя отношенія; въ сущности именно защиту такого права она и выставила своимъ лозунгомъ, предметомъ и цѣлью войнъ. Договоры заключены самостоятельными государствами, договоры должны быть соблюдаемы, и за соблюденіемъ ихъ должна слѣдить вся совокупность націй.

А между тѣмъ индивидуалистическое «мелко-буржуазное» гражданское право и внутри государства и въ отношеніяхъ между субъектами частнаго права — давно уже перестало пользоваться тѣмъ авторитетомъ, той непререкаемой охраной, которыми когда то оно пользовалось и которыми собралась Антанта снабдить договоры, заключенные даже и государствами. Уже не говоря о договорахъ, заключенныхъ путемъ принужденія (а таковыми вѣдь, пожалуй, является большинство международныхъ договоровъ), не пользуются защитой вѣдь и договоры, нарушающіе требованія морали; мало того, государство вѣдь ограничиваетъ и самую свободу заключенія договоровъ, свободу установленія частнаго права, какъ въ своихъ интересахъ — въ интересахъ цѣлаго, — такъ и въ интересахъ стороны, являющейся при заключеніи договора слабѣйшей. Для государства словомъ заключенный между сторонами договоръ уже давно пересталъ быть нерушимой святыней и оно въ разныхъ формахъ вмѣшивается въ содержаніе договора, не допускаетъ его заключенія, вводитъ поправки и ограниченія, — словомъ всячески ломаетъ юридическую форму во имя соціальнаго содержанія. Такимъ образомъ помимо того, что міровоззрѣніе Антанты свело государственныя отношенія къ частнымъ, оно еще свело ихъ къ той формѣ частныхъ гражданско-правныхъ отношеній, которая и въ этой области является устарѣлой, изжитой. Правда въ совокупной антантистской идеологіи имѣлся и другой моментъ, который можетъ казаться вносящимъ сюда поправку, а именно идея защиты правъ малыхъ народовъ — какъ бы составлявшая аналогію съ защитой правъ слабыхъ въ частно-хозяйственныхъ отношеніяхъ. Къ этому перейду въ дальнѣйшемъ: чередуя вопросы, правомѣрно въ первую очередь остановиться на анализѣ той идеи святости договорной подписи, которая занимала не только выдающееся, но и самостоятельное мѣсто въ антантистской проповѣди.

Право, за соблюденіе коего стояла Антанта, она противопоставляла силѣ, насилію: Германія путемъ насилія нарушаетъ право, она же стоитъ за его соблюденіе. Другими словами, одной формѣ противопоставлялась другая форма, формѣ легальности — форма насильственности. Мысль двигалась въ плоскости формъ, не касаясь содержанія. Съ германской стороны — хотя, быть можетъ, и безъ достаточно длительной увѣренности — юридической формѣ противопоставлялось соціальное содержаніе; между тѣмъ Антанта противопоставляла форму юридическаго соблюденія формѣ насильственнаго нарушенія.

Не трудно усмотрѣть, къ какимъ саморазрушительнымъ послѣдствіямъ и противорѣчіямъ должна приводить эта точка зрѣнія, если добросовѣстно ею руководиться, и какъ не возможно добросовѣстно руководиться ею. Въ самомъ дѣлѣ государство примѣнительно къ частно-правнымъ договорамъ стоитъ на стражѣ соблюденія юридической формы, — но это предполагаетъ и соотвѣтствуетъ тому, что самыя правовыя отношенія, соблюденіе коихъ охраняется государствомъ, установлены на правовой же почвѣ, предполагаютъ правовую и государственную структуру. Но международныя отношенія доселѣ не устанавливались на правовой, объемлюще-государственной почвѣ, а устанавливались на почвѣ отношеній силы въ международномъ, а не государственномъ порядкѣ. Они въ лучшемъ случаѣ устанавливались въ формахъ права но не въ предѣлахъ права, не на основаніи предпосылочной для сторонъ государственной системы. Они являлись облекаемыми правомъ фактическими отношеніями силы. При такомъ положеніи отстаивать святость правовой формы не значитъ ли отстаивать силовое отношеніе вчерашняго дня. То отношеніе мощи, насилія, которое вчера вылилось въ опредѣленную форму, сегодня оказывается благодаря этой формѣ освященнымъ. Но почему вчерашнее отношеніе силы имѣетъ преимущество передъ сегодняшнимъ? На самомъ дѣлѣ, если уже производить между ними выборъ, то сегодняшнее насиліе уже потому заключаетъ въ себѣ больше обоснованности чѣмъ вчерашнее, что оно соотвѣтствуетъ живымъ человѣческимъ содержаніямъ, возможностямъ, желаніямъ и напряженіямъ, соотвѣтствуетъ жизни живой, а не уже отошедшей. Правда, вчера произведенное насиліе сегодня стоитъ уже какъ фактъ, на который наслоилась промежуточная жизнь, съ которой связались интересы и ожиданія; въ этой предпосылочности вчерашняго насилія сегодняшней

мирной жизни и заключается его, если не оправданіе, то обоснованіе: считаться съ нимъ, его соблюдать. Но это обоснованіе сохраняется до тѣхъ поръ, пока оно остается ненарушаемымъ фактомъ; нарушенное оно лишается оправданія своей фактической непрерывности и защитимо уже лишь обоснованностью своего содержанія, а не простой данностью своего бытія, — и уже во всякомъ случаѣ не его легальностью.

Антантистскій лозунгъ права, выдвинутый на войнѣ былъ лозунгомъ соблюденія юридической легальности, аналогичной внутри-государственной легальности въ частно-правныхъ договорныхъ отношеніяхъ; тѣмъ самымъ мы имѣемъ незаконный, ибо объективно не соотносительный переносъ идеи изъ одной области, гдѣ она выработалась, въ другую — ей чуждую. Но далѣе оказывается, что при дальнѣйшемъ развитіи этотъ переносъ приводитъ къ такимъ послѣдствіямъ, что то, что въ исходной области было соблюденіемъ права, здѣсь становится охраной насилія. Ибо во внутри-государственныхъ отношеніяхъ государство охраняетъ въ правѣ выраженныя отношенія имъ же на основаніи права и установленныя, здѣсь же подлежатъ охранѣ облеченныя въ форму права отношенія насилія. Тождественная форма, перенесенная на отличное содержаніе, получаетъ и непредвидѣнный противоположный смыслъ. Отсюда вовсе не долженъ быть сдѣланъ выводъ, что договоры въ международномъ общеніи не должны быть соблюдаемы, а только то, что этотъ принципъ не можетъ здѣсь имѣть того значенія, какой онъ имѣетъ во внутригосударственныхъ отношеніяхъ.

Къ тому-же лозунгъ примата заключенныхъ договоровъ, устанавливая святость насилій вчерашняго дня, тѣмъ самымъ несетъ въ себѣ свое уничтоженіе, вѣрнѣе, — основу исчезновенія какой бы то ни было опредѣленности. Ибо если насиліе незаконно сейчасъ, то незаконно оно было и вчера. Нарушеніе нейтралитета Бельгіи есть нарушеніе договора, вчера заключеннаго, и какъ таковое преступно. Но вчера же былъ заключенъ договоръ объ отторженіи Эльзаса и Лотарингіи отъ Франціи; какъ договоръ, на которомъ стоитъ подпись Франціи, онъ собственно священенъ и не допускаетъ нарушенія; съ другой стороны онъ оформляетъ раньше произведенное насиліе и какъ таковой въ свою очередь незаконенъ. Ясно, что отсюда вытекаетъ: отъ одного нарушенія къ другому (вся міровая исторія состоитъ изъ нарушеній) мы придемъ къ полному разложенію всѣхъ госу-

дарствъ, территорій, народовъ, всѣхъ международныхъ связей; кромѣ того и вмѣстѣ съ тѣмъ придемъ къ перекрещивающейся путаницѣ всѣхъ отношеній, — ибо напримѣръ, на одну и ту же территорію въ разныя эпохи имѣли международныя притязанія и разныя государства, имѣли права, послѣдовательно нарушенныя соотвѣтственно другъ у друга.

Или можетъ быть установлена какая нибудь давность. Но въ такомъ случаѣ — какая же и чѣмъ опредѣляемая? Сколько лѣтъ послѣ войны должно пройти, чтобы совершенное и облеченное въ форму права насиліе стало уже неотмѣнимымъ?

Не стоитъ прослѣживать дальше этихъ отношеній; ясно, что съ этой стороны правовая форма международныхъ отношеній сама по себѣ не можетъ имѣть примата надъ ихъ содержаніемъ. Если ей дѣйствительно предоставить приматъ, то этимъ будутъ освящены всѣ былыя насилія. Если же насиліе признавать уничтожающимъ правовую форму, его освятившую, то этимъ будетъ снята вся міровая исторія и установится словесно юридическая формулировка безвыходной путаницы. Абсолютной правовой основательности, законности и справедливости здѣсь быть не можетъ, а есть одновременно различная — противоположная — квалификація съ разныхъ точекъ зрѣнія, одинаково законныхъ ибо самодовлѣющихъ интересовъ.

Приматъ правовой формы приводитъ въ международныхъ отношеніяхъ къ освященію вчерашняго безправія; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ ведетъ и къ неограниченному продолженію и охраненію положенія сегодняшняго, — ибо въ самомъ существѣ своемъ онъ является принципомъ консервативнымъ, охранительнымъ, выгоднымъ для привилегированныхъ и сильныхъ, для уже пріобрѣвшихъ мощь, — для тѣхъ, чьи достиженія лежатъ уже въ прошломъ.

Это и понятно; ибо положительное право и вообще въ синтезѣ соціальной жизни играетъ роль охранительную; въ особенности же посколько оно является не процессуальнымъ правомъ, не порядкомъ установленія правовыхъ отношеній, а правомъ матеріальнымъ — организующимъ самыя эти отношенія. Право положительное есть начало консервативное, охраняющее добытое, основной фондъ человѣческой культуры. Оно само можетъ и устанавливать формы своего измѣненія, тѣмъ самымъ открывая возможность самопретворенія въ соотвѣтствіи съ измѣняющейся жизнью. Но по своему содержа-

нію оно закрѣпляетъ разъ установленное, закрѣпляетъ уже пріобрѣтенное.

Этимъ вскрывается въ новой плокости соотношеніе міровоззрѣній антантистскаго и германскаго. Антанта выдвигаетъ точку зрѣнія положительно-правовую, т. е. охранительную, точку зрѣнія отстаиванія пріобрѣтенныхъ преимуществъ, фиксированныхъ благъ. Beati possidentes, положительное право охраняетъ ихъ блага. Сильные и богатые вчерашняго дня укрываются за валы пріобрѣтенныхъ правъ противъ наступленія новыхъ завоевателей. Консерватизмъ пріобрѣтенныхъ правъ — таковъ смыслъ правовой позиціи Антанты.

Нарушенію право можетъ подвергаться по различному. Разный смыслъ можетъ имѣть формально-тождественный актъ правонарушенія: или право нарушается *для того*, чтобы измѣнить регулируемыя имъ отношенія, или оно измѣняется *потому*, что регулируемыя имъ отношенія уже измѣнились. Въ одномъ случаѣ правонарушеніе есть самостоятельный актъ, производящій передвиженіе въ соціальномъ мірѣ, въ другомъ оно только санкціонируетъ уже произведенныя измѣненія, снимая препятствія, тормазящія живую жизнь, устраняя путы, коими прошлое давитъ на будущее. Въ одномъ случаѣ нарушеніе права дѣйствуетъ какъ сила, вмѣшивающаяся въ организованную жизнь съ цѣлью ея измѣненія согласно правонарушающей волѣ; въ другомъ — нарушеніемъ права устраняется противорѣчащій назрѣвшимъ отношеніямъ старый порядокъ, возстанавливается соотвѣтствіе между правомъ и соціальной матеріей. Такимъ образомъ въ первомъ случаѣ правонарушеніе устраиваетъ жизнь въ соотвѣтствіи съ правонарушающей волей, во второмъ, устанавливаетъ право, соотвѣтствующее наличнымъ отношеніямъ; въ первомъ случаѣ оно ломаетъ жизнь, во второмъ — оно ломаетъ устарѣлое право, жизнь калѣчащее.

Отсюда вытекаетъ, что мало установить правонарушеніе, чтобы тѣмъ самымъ и осудить правонарушителя, ибо правонарушеніе можетъ быть не только разрушительнымъ, но и созидающимъ, точнѣе сказать — облегчающимъ пути созиданія, снимающимъ препятствія къ нему; и правонарушеніе можетъ быть не только нарушающимъ законные и справедливые интересы, но и обезпечивающимъ таковые. Безспорно форма правовая, форма легальности — есть и сама по себѣ великое благо и посягательство на нее есть всегда опасное и часто зловредное дѣйствіе. Но это великое благо, а не благо единственное, великая цѣнность, но не исключающая

другія. Есть и цѣнности по содержанію, которыя могутъ идти въ разрѣзъ съ формальною цѣнностью легальности, и подвести окончательный цѣнностный итогъ данному поступку, данному правонарушенію можно не съ точки зрѣнія нарушенности, или ненарушенности имъ формы легальности, а только путемъ взвѣшиванія всѣхъ нарушенныхъ и осуществленныхъ цѣнностей по ихъ существу. Консервативная сила, охраняющая свои преимущества, какъ наслѣдіе прошлаго и препятствующая новой жизни — такой объективно была субъективная позиція Антанты.

Что это такъ — менѣе всего слѣдовало бы отрицать именно тѣмъ элементамъ, которые всего больше и нападали на Германію за нарушенное ею право. Лѣвые элементы, демократы, радикалы, въ особенности же соціалисты, поистинѣ не вѣдая, что творятъ, обрушились, да и теперь поносятъ былую Германію за то, что является основой ихъ собственнаго міросозерцанія. Страны Антанты, опираясь на свой демократизмъ, обрушились на германское правонарушеніе, какъ будто весь демократизмъ, а въ особенности французскій не исходилъ и не опирался на идею революціи; и всѣ соціалисты всѣхъ странъ нападали на Германію за совершенныя ею правонарушенія, какъ будто соціализмъ не имѣетъ своей задачей и цѣлью — соціальный переворотъ. Но революція — это есть установленіе новаго строя съ нарушеніемъ легальности стараго, ломка старой правовой формы во имя новаго содержанія; это именно и есть предоставленіе примата соціальному содержанію надъ легальной формой.

Я вовсе этимъ не хочу сказать, чтобы одно сопоставленіе съ революціей уже и оправдывало нѣмецкое правонарушеніе. Вовсе не всякая революція — только потому, что она революція — должна быть тѣмъ самымъ признана священной и оправданной или хотя бы просто пріемлемой. И здѣсь можетъ быть примѣненъ тотъ же критерій, который выставленъ былъ выше: совершается ли революція съ тѣмъ, чтобы вызвать опредѣленное перераспредѣленіе благъ и власти, или потому, что такое перераспредѣленіе уже произошло, и старое право задерживаетъ и искажаетъ его нормальное развертываніе. Во второмъ случаѣ она принципіально оправдана, — такой приблизительно, она была во Франціи въ концѣ 18 вѣка. Въ первомъ случаѣ (каковой, напримѣръ, имѣетъ мѣсто сейчасъ въ Россіи) ея оцѣнка остается еще подъ вопросомъ, не предрѣшенной. Здѣсь остается возможнымъ, какъ то, что активно произведенное революціей

перераспредѣленіе явится творческимъ, положительнымъ, такъ и то, что оно явится разрушительнымъ. Рѣшеніе вопроса въ этомъ случаѣ можетъ быть дано отнюдь не простой ссылкой на форму правонарушенія, а лишь сопоставленіемъ этой стороны, безспорно всегда вредной и опасной, съ другими сторонами происшедшаго процесса.

Всего менѣе понятна и знаменуетъ простую непродуманность — позиція занятая соціалистами. Они даже и не исходятъ изъ революцій, а еще только къ революціи ведутъ. Насиліе для нихъ еще было впереди, великій катаклизмъ, экспропріація экспропріаторовъ, революція, — какое моральное основаніе имѣли они быть приниципіально пацифистами, принципіально отвергать правонарушеніе и несоблюденіе договора, какъ таковое? Они могли разумѣется возстать противъ даннаго правонарушенія, противъ данной войны; могли считать для дѣла пролетаріата, для дѣла соціализма полезнѣе побѣду Франціи, нежели побѣду Германіи, желательнѣе миръ, нежели войну — это вопросъ особый; принципіально неріемлемаго въ правонарушеніи и насиліи — для нихъ ничего быть не могло.

Мало того, надо отмѣтить, что идеологическая военная позиція Германіи необыкновенно близко подходитъ къ нѣкоторымъ принципіальнымъ же основамъ соціализма, по крайней мѣрѣ соціализма нѣмецкаго. Настолько это такъ, что могла бы даже возникнуть мысль о заимствованіи и подражаніи, — конечно, мысль неосновательная, ибо родство не этимъ обосновывается, а общностью духовной подпочвы. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ слова Бетманъ-Гольвега о клочкѣ бумаги не повторяютъ почти буквально давней мысли Лассаля о бумажной конституціи, мысли вознесенной не только современнымъ соціализмомъ, но всякимъ реалистическимъ, соціологическимъ міровоззрѣніемъ въ азбуку общественнаго пониманія. И не переносимы ли съ чрезвычайной легкостью и на народы представленія о новыхъ классахъ, фактически становящихся творческими силами новаго общества, но сдавленныхъ правомъ, созданнымъ классами, бывшими творческими прежде и формами своего господства закрѣпившими за собой и на времена своего упадка мощь, оправданную и обоснованную уже исчезнувшимъ прошлымъ. А съ этимъ представленіемъ связана и идея права верховнаго, по сравненію съ правомъ позитивнымъ, насиліемъ отмѣнить путы прошлаго во имя новаго грядущаго творчества, во имя новаго расцвѣта и роста человѣческаго общества.

И значитъ, вопросъ возникаетъ здѣсь не тотъ, состоялось ли, или не состоялось правонарушеніе, было или не было насилія, а другой: было или нѣтъ обосновано это нарушеніе и насиліе надлежащимъ нарастаніемъ и развертываніемъ новыхъ соціальныхъ силъ и возможностей, скованныхъ старой отживающей организаціей.

Какой бы отвѣтъ ни дать на этотъ вопросъ, сейчасъ существенно отмѣтить только самое соотношеніе духовныхъ позицій — охранительной у странъ Антанты и творчески содержательной у Германіи. Юридическая форма противъ соціальнаго содержанія; охрана пріобрѣтенныхъ правъ противъ права творческихъ новообразованій, охрана старыхъ господствующихъ группъ противъ новыхъ классовъ, новыхъ народовъ, новыхъ творцовъ. Мы видимъ такимъ образомъ, что въ духовныхъ позиціяхъ, занятыхъ на войнѣ враждующими сторонами, позиція творческая и въ этомъ смыслѣ движенія — была занята Германіей, позиція охранительная и въ этомъ смыслѣ застоя — была занята Антантой.

Подготовлялось блистательное наступленіе Германіи уже давно, его корни очевидно слѣдуетъ искать въ реформаціи, въ исторіи Бранденбурга, въ литературѣ, музыкѣ и философіи 18 и начала 19 вѣка; но какъ бы то ни было, именно въ послѣднія десятилѣтія къ послѣднему полустолѣтію относится небывалый ростъ и расцвѣтъ германской культуры. Хозяйственное развитіе, ввозъ и вывозъ, мореходство, промышленное развертываніе, государственная организованность, развитіе науки и техники въ цѣломъ рядѣ областей, народное образованіе, въ частности высшее — все это послѣ музыкальнаго и философскаго расцвѣта предыдущихъ поколѣній и на ряду съ высокими образцами военнаго и государственнаго искусства. Поколѣнія смѣнялись и нагромождали цѣнности разныхъ областей, воспитывали народную душу, накопляли навыки, вырабатывали традиціи, вырастили культуру и поколѣнія послѣднихъ десятилѣтій, которыя въ общемъ и создали передовую культуру современности. Само собой, что въ процессѣ выращиванія этой культуры и этого поколѣнія сплелись и пришли въ соприкосновеніе и во взаимоборство различные слои; усиленіе однихъ привело къ ослабленію другихъ; однѣ черты сыграли свою роль въ самомъ процессѣ взращиванія, а потомъ поблекли и отошли, въ другихъ проявились исконныя слабости данной народной души. Зна-

чило бы не понять моей мысли — если бы ей приписали какую либо абсолютную идеализацію послѣдняго тридцатилѣтія германской исторіи. Менѣе всего входитъ въ мои намѣренія — умалять прекрасныя черты и достиженія и другихъ народовъ за то же время. Европейская культура вообще въ эту эпоху праздновала свое величайшее торжество и на праздникѣ встрѣчались многіе народы. Но все же думаю, что преобладаніе — въ смыслѣ руководительства, въ смыслѣ передового натиска и главнаго напора — принадлежало народу германскому, что именно онъ стоялъ во главѣ культурнаго движенія послѣднихъ предвоенныхъ десятилѣтій.

Такія вещи едва ли вообще подлежатъ доказательству, и во всякомъ случаѣ подобное доказательство выходило бы за предѣлы настоящаго размотрѣнія. Я хотѣлъ бы отмѣтить, что достаточно даже установить равнозначность германскаго народа другимъ народамъ въ предвоенную эпоху, чтобы признать его превосходство въ это время; ибо исторически не задолго до того германскій народъ далеко стоялъ въ разнообразныхъ отношеніяхъ позади своихъ сосѣдей и соперниковъ, и уже одно то, что онъ ихъ догналъ, частью перегналъ, частью руководилъ, обнаруживаетъ въ немъ силу культурнаго напряженія, какая превосходитъ обнаруженную за то же время другими народами культурную мощь.

Но даже и это утвержденіе оставимъ въ сторонѣ, пусть и оно будетъ подвергнуто сомнѣніямъ и оспариваніямъ. Не будемъ сравнивать германскаго народа съ иными народами. Возьмемъ его самого по себѣ и этого будетъ достаточно для нашего вывода. Ибо уже во всякомъ случаѣ никѣмъ не можетъ быть оспариваемъ тотъ грандіозный скачокъ, который совершилъ германскій народъ за полвѣка. И ограничиваясь его собственными предѣлами, можно утверждать съ достаточной точностью, что онъ произвелъ громадную работу, проявилъ грандіозное творчество, измѣнивъ соціальную ткань своей культурной жизни. И этимъ изнутри достаточно обосновывается то ощущеніе измѣненности культурно-соціальной матеріи въ ея отношеніи къ другимъ народамъ, изъ котораго закономѣрно выростаетъ убѣжденіе въ правѣ на совершеніе формально правовыхъ нарушеній во имя приспособленія міровой организаціи къ этой пышно развернувшейся новой культурно-соціальной мощи. Я нисколько не утверждаю, чтобы нельзя было этого приспособленія достигнуть безъ войны; я только утверждаю, что предвоенный всесторонній творческій процессъ въ германскомъ народѣ и государствѣ

былъ настолько могучъ, что обосновывалъ законность во имя его, во имя произведенныхъ имъ измѣненій и въ соотвѣтствіи съ представшими возможностями — измѣнить міровое распредѣленіе; а при необходимости — хотя бы и путемъ правовыхъ нарушеній. Это еще не значитъ, что такая необходимость имѣла мѣсто, это только значитъ, что таково было самосознаніе на случай этой необходимости.

И вотъ почему, не касаясь неизбѣжности, цѣлесообразности, своевременности и правильности произошедшаго, приходится по существу духовныхъ позицій, занятыхъ въ войнѣ обѣими сторонами, установить, что противъ формальной точки зрѣнія Антанты Германія выдвигала точку зрѣнія содержаній, противъ рентьерскаго консерватизма — точку зрѣнія творческой производительности, противъ охранительства — прогрессивность. Этого соотношенія — консервативности побѣдителя и активности побѣжденнаго — не слѣдуетъ упускать изъ вниманія при оцѣнкѣ разрушительнаго размаха войны и ея послѣдствій; ибо разбитый напоръ даетъ большее разрушеніе, нежели разрушенная неподвижность.

2. САМООПРЕДѢЛЕНІЕ НАЦІОНАЛЬНОСТЕЙ

I

Наряду съ лозунгомъ соблюденія права и договоровъ еще и другой лозунгъ былъ выставленъ Антантой, поддерживаемъ ею во все время войны и — въ отличіе отъ перваго — получилъ даже нѣкоторую видимость осуществленія по ея окончаніи. Это идея самоопредѣленія національностей.

Частью впрочемъ она связана и съ лозунгомъ соблюденія права. Большія государства, преслѣдующія интересы своего роста и расширенія и не руководящіяся принципами права, всегда могутъ уничтожить малыя государства, стоящія на ихъ пути. Чѣмъ же защитится противъ нихъ слабый народъ. Примѣръ Бельгіи и Сербіи стоялъ передъ глазами. Справедливость и благородство требуютъ обезпечить право слабыхъ, не могущихъ себя самихъ защитить противъ насилія сильныхъ и съ правомъ не считающихся. Такъ идея защиты права черезъ примѣненіе къ маленькимъ государствамъ, съ нарушенія неприкосновенности которыхъ началась великая война, связалась непосредственно съ идеей защиты, обезпеченія правъ малыхъ государствъ. И безспорно это

дало одну изъ самыхъ крѣпкихъ основъ для сосредоточенія сочувствія нейтральныхъ государствъ и непредвзятыхъ наблюдателей на сторону Антанты.

Первичная точка зрѣнія, какъ она здѣсь намѣчена, неизбѣжно должна была подвергнуться нѣкоторому развитію. Маленькое государство можетъ оказаться въ зависимости отъ сильнаго; сильное можетъ заставить маленькое войти съ собой въ соглашеніе и этимъ, даже соблюдая полную форму права, фактически подчинить себѣ и своимъ интересамъ. Ясно, что соблюденіе правовой формы оказывается здѣсь недостаточнымъ и что слишкомъ легко подъ видимостью такого соблюденія фактически ее нарушать. Если бы до войны Австрія вмѣсто того, чтобы предъявить Сербіи неисполнимый ультиматумъ, — выставила условія тягчайшія, но все же пріемлемыя и заставила Сербію пойти на соглашеніе, хотя бы и нарушающее ея интересы и достоинство, — развѣ послѣдующее соблюденіе этого договора измѣнило бы характеръ насилія, хотя бы и облеченнаго въ форму права? И если бы этого не случилось, если бы Сербія на это не пошла, то потому что за Сербіей стояла Россія, т. е. сила противъ силы, а не право противъ правонарушенія.

Такимъ образомъ, форма соблюденія договоровъ международныхъ — только прикрытіе иныхъ подлинныхъ отношеній по существу. Значитъ, не въ соблюденіи права по отношенію къ малымъ державамъ суть дѣла, а въ обезпеченіи за этими державами возможности устанавливать право самостоятельно наравнѣ съ державами великими, т. е. дѣло въ обезпеченіи за ними такой же самодовлѣющей равноправной позиціи при установленіи міровыхъ отношеній, какъ и за народами могучими. Дѣло въ томъ, чтобы признать за малыми народами право на независимое отъ другихъ сомоопредѣленіе на всемъ протяженіи своей жизни. Значитъ, право малыхъ народовъ на самоопредѣленіе — такова вытекающая отсюда формула.

Однако фактически историческія условія вызвали дальнѣйшее расширеніе этой формулы уже въ новое положеніе. То же исканіе соблазнительныхъ и выгодныхъ лозунговъ толкало въ эту новую сторону. Народы вѣдь не всѣ оформлены въ государства; въ одномъ государствѣ сожительствуютъ разныя націи и одна нація разсѣяна по разнымъ государствамъ. Задача построенія національнаго государства опредѣляла политику многихъ народовъ за послѣднее столѣтіе; задача разрѣшенія національныхъ проблемъ стояла за

послѣднія десятилѣтія особенно обостренной передъ государствами востока и юго-востока Европы. Уже до войны лозунгъ самоопредѣленія національностей былъ выставленъ, отстаиваемъ и вызывалъ напряженную борьбу. Этотъ лозунгъ, который былъ направленъ на раздѣлъ государствъ, на ихъ перестройку, — и былъ использованъ Антантой, какъ духовный динамитъ, долженствовавшій взорвать составную часть враждебной коалиціи, именно, въ первую голову — Австрію.

Односторонность фактическаго направленія принципа на врага, а не на себя можетъ быть выставлена въ доказательство того, что онъ примѣнялся не во имя тѣхъ идей и того строя, который провозглашалъ, а во имя военной выгоды провозглашавшихъ. Но подобный разборъ могъ имѣть значеніе во время войны, во время провозглашенія принциповъ и агитаціи съ ихъ помощью; сейчасъ интересъ получаетъ другая — пожалуй противоположная — сторона вопроса. Лозунги, принципы, идеи выставлялись въ виду ихъ привлекательности, соблазнительности, значитъ, въ своемъ содержаніи они во всякомъ случаѣ считались соблазнительными и привлекательными, признавались таковыми даже и тѣми, кто въ нихъ въ сущности не вѣрилъ. Въ такой мѣрѣ дѣло именно такъ обстояло, что вѣдь и Германія признала соблазнительность этихъ идей и сочла цѣлесообразнымъ воспользоваться ими съ цѣлью въ свою очередь обратить ихъ противъ своихъ враговъ — что было сдѣлать чрезвычайно легко, ибо и враги Германіи въ нѣкоторыхъ своихъ частяхъ обнаруживали ту же многонаціональную государственность, какъ ея союзники. И здѣсь какъ и въ первомъ изъ разобранныхъ отношеній обнаружилось, что позиціи, на которой объективно стояла Германія и на которую она частью становилась сознательно — она выдержать не умѣла. Она поддавалась идеологическому напору своихъ противниковъ, она начинала оправдываться, перетолковывая свои дѣйствія, она старалась усвоить себѣ оружіе изъ арсенала враговъ и, заимствовавъ у него и лозунгъ самоопредѣленія, сочла за ловкое и умѣлое — противъ нихъ его и обратить. На самомъ дѣлѣ это только обнаруживало и увеличивало неувѣренность ея въ своей правдѣ, расшатывало твердость и цѣльность ея духа. Германія не была достаточно проникнута своей правотой, она не сумѣла эту правоту идейно обострить и идейно пронести въ міръ на ряду съ силой своей техники, своей организаціи, своего творчества, своего оружія. На самомъ дѣлѣ заимствуя ло-

зунги у противника, она не ослабила своихъ враговъ, она не пріобрѣла себѣ друзей, потому что эти идеи и дѣйствительно не соотвѣтствовали ея объективной позиціи; она не убѣдила и не заставила ни забыть этой своей объективной позиціи, ни повѣрить въ свою искренность; она только закрѣпила въ сознаніи окружающихъ правоту своихъ враговъ, а слѣдовательно свою виновность. Она только ослабила свое собственное самосознаніе и, можетъ быть, этимъ ускорила и усугубила ту внутреннюю неустойчивость, которая вызвана была, конечно, не этимъ, а тягостями міровой войны. Идейное самодовлѣніе не проявилось равнозначнымъ мощи и не оказалось на уровнѣ задачи. Здѣсь сказалось преклоненіе, податливость передъ той системой западно-европейской идейности, которая (независимо отъ искренности или военной условности) какъ бы подавляла германскій духъ. Конечно, сама эта идейность не была чисто франко-англійской въ противоположность германской; то была въ нѣкоторомъ родѣ общеевропейская идейность, соотвѣтствующая общеевропейскому литературному гуманизму 19 вѣка; и потому, поддавшись ей, Германія поддалась не просто чужому духу, а частью и своему собственному. Но ея объективная позиція требовала неуступчиваго чекана собственныхъ идейныхъ формулировокъ, требовала не поддаваться формулировкѣ чужой.

Лозунгъ защиты малыхъ государствъ отъ засилья большихъ — самоопредѣленія малыхъ государствъ — перешелъ или осложнился лозунгомъ самоопредѣленія національностей, вкрапленныхъ въ инонаціональныя государства, при томъ въ формѣ ихъ самоопредѣленія государственнаго. Эта точка зрѣнія и была противопоставлена германской позиціи — имперіализма. Самоопредѣленіе національности и имперіализмъ — таково въ этой плоскости противоположеніе антантистской и германской позицій.

Самоопредѣленіе государствъ и негосударственныхъ народностей — представляетъ существенное различіе и потому о нихъ приходится говорить порознь, хотя они и были объединены военной идеологіей.

Сравнительно проще стоитъ вопросъ съ самостоятельностью малыхъ государствъ. Принципъ здѣсь безспорный; это правовая идея прошлаго (въ отличіе отъ второй идеи государственной самостоятельности безгосударственныхъ націй, выработанной современностью и еще только ждущей своего осу-

ществленія отъ будущаго), — идея государственнаго суверенитета. Разумѣется, позиція Антанты заключалась не въ томъ, чтобы эту идею провозгласить и провести въ жизнь, а въ томъ, чтобы обезпечить обозначаемый ею и издавна существующій фактъ, — не въ провозглашеніи государственной самостоятельности мелкихъ государствъ, а въ обезпеченіи ея.

Малый народъ самъ по себѣ беззащитенъ противъ сильныхъ; его независимость можно было бы отстоять, поставивъ за нимъ другой сильный, благородный и безкорыстный народъ, который его во что бы то ни стало и будетъ защищать. Злая Германія готова напасть на Бельгію, благородная Англія этому воспрепятствуетъ. Пусть такъ, — въ этомъ будетъ защита, но вѣдь не будетъ обезпеченія, ибо сегодняшній благородный покровитель завтра можетъ воспользоваться своимъ положеніемъ защитника во имя своихъ интересовъ. Защита сильнымъ слабаго ставитъ слабаго въ вассальное положеніе отъ сильнаго; защита слабаго сильнымъ отъ другого сильнаго есть осуществленіе первымъ того, отъ чего слабый защищается противъ второго, — установленіе надъ нимъ своего господства. Франція, защищающая Бельгію отъ эвентуальнаго вторженія германскихъ войскъ, тѣмъ самымъ за своими войсками обезпечиваетъ свободный входъ въ Бельгію, обезпечиваетъ свою власть надъ ней. Пусть это благодѣтельная, идеальная власть — это власть, господство, а гарантія въ томъ и заключается, чтобы оградить вообще отъ чужого господства, а не только въ томъ, чтобы оградить отъ господства плохого.

Можно себѣ представить обезпеченіе малаго государства не путемъ защиты его сильнымъ, а путемъ договора всѣхъ заинтересованныхъ сильныхъ (какъ это до войны и имѣло мѣсто съ Бельгіей). Прекрасная гарантія, посколько сильные между собой не перессорились, пока договоръ дѣйствуетъ, но столь же необезпеченная, какъ не обезпечено ею вообще соблюденіе международныхъ договоровъ.

Соревнованіе, взаимное уравновѣшиваніе сильныхъ — является можетъ быть лучшей гарантіей, нежели ихъ соглашеніе; но только гарантіей фактической, а не правовой, не организованной; дѣйствующей, пока сильные продолжаютъ одинъ другой уравновѣшивать, и перестающей дѣйствовать, какъ только соревнованіе переходитъ въ открытый конфликтъ. Тѣсное объединеніе малыхъ державъ можетъ ихъ цѣлесообразно обезопасить отъ крупной; но во первыхъ, для этого необходимо соотвѣтствующее, благопріятствующее объединенію гео-

графическое положенiе и совпаденiе ихъ существенныхъ интересовъ. И кромѣ того этотъ путь, чтобы привести къ дѣйствительному обезпеченiю, долженъ создать такое тѣсное сплоченiе малыхъ, которое собственно практически дѣлаетъ изъ нихъ одно крупное, т. е. обезпечиваетъ независимость каждаго малаго отъ крупнаго, закрѣпивъ его зависимость отъ другихъ малыхъ, — обезпечиваетъ самоопредѣленiе его, уничтоживъ таковое. Остается еще одно — организацiя всѣхъ государствъ, которая обезпечивала бы каждое сильное и слабое одинаково. Мы приходимъ къ идеѣ типа Лиги Нацiй, какъ гарантiи самостоятельности и независимости малой державы со стороны крупной. Къ идеѣ Лиги Нацiй придется вернуться еще дальше. Сейчасъ остановлюсь на ней только въ этомъ ея отношенiи къ поставленному вопросу.

Итакъ, общество народовъ, какъ гарантiя совокупностью государствъ каждаго, и въ частности — малаго, отъ засилья крупныхъ. Но здѣсь возникаетъ новый вопросъ: какъ же съ этой точки зрѣнiя будетъ устроено само общество народовъ и кто въ немъ будетъ распоряжаться? Если въ немъ власть, господство будетъ распредѣлено сообразно силѣ, хотя бы въ болѣе или менѣе приблизительномъ или отдаленномъ съ ней соотношенiи, хотя бы несообразно военной силѣ, а силѣ государственной и соцiальной — входящихъ въ ея составъ государствъ, то вѣдь получается не освобожденiе отъ господства со стороны сильныхъ, а наоборотъ организацiя этого господства. Это значитъ попасть изъ огня да въ полымя, отъ дождя укрыться въ рѣку: во имя обезпеченiя себя отъ еще только возможнаго насилiя со стороны сильнаго, подчинить себя постоянно организованному господству сильныхъ же.

Если-же предположить такое устройство, чтобъ государства не пользовались властью сообразно коэффицiентамъ своихъ силъ, а исключительно лишь каждый, какъ нѣкая равноправная единица, то мы получимъ другое явленiе, столь же недопустимое — на этотъ разъ уже для другой стороны. Въ самомъ дѣлѣ окажется, что огромное государство съ громаднымъ населенiемъ, территорiей, производительностью и прочимъ находится на одномъ уровнѣ власти съ малымъ и ничтожнымъ, т. е. другими словами, если три миллiона населенiя имѣютъ такую же власть въ общихъ рѣшенiяхъ, какъ и сто миллiоновъ, окажется, что сто миллiоновъ будутъ равнозначны тремъ и слѣдовательно подпадутъ въ зависимость отъ нихъ. Ясно, что такое предположенiе можетъ быть

сдѣлано только на словахъ, что оно съ точки зрѣнія какихъ бы то ни было идей представляетъ полную безсмыслицу; ибо если несправедливо, чтобы большое государство господствовало надъ малыми, то странно было бы считать справедливымъ, чтобы малое господствовало надъ большимъ. Но разумѣется этого опасаться и не приходится и только анализъ словесно мнимыхъ идей можетъ приводить къ необходимости разсматривать подобныя предположенія.

Конечно, мыслимо еще себѣ представить такое распредѣленіе вліянія, чтобы большому государству было предоставлено и больше вліянія, чѣмъ другимъ, но чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ оно не могло располагать судьбой малыхъ противъ воли, если не каждаго изъ нихъ, то опредѣленныхъ ихъ группъ; или иными словами — возможно такъ юридически или фактически сгруппировать участвующія въ обществѣ націй государства, чтобы каждое получило возможность ограждать свои насущнѣйшіе интересы противъ засилія сильнѣйшаго — въ связи съ другими сильными же или слабыми. Но по этому пути мы приходимъ къ комбинаціямъ союзнаго характера, ограждающимъ интересы своихъ участниковъ въ той же мѣрѣ, какъ это дѣлаютъ всякіе союзы и соглашенія, и независимо отъ общества націй; и слѣдовательно опять таки никакой специфической гарантіи малыхъ государствъ мы здѣсь не получаемъ. Наоборотъ, если подобныя сочетанія ужъ заранѣе предопредѣлены юридической структурою при распредѣленіи вліянія и «голосовъ», они только ограничиваютъ и лишаютъ подвижности возможную самозащиту каждаго народа. Но суть и здѣсь остается та, что такая организація, каковы бы ни были другія ея послѣдствія — во всякомъ случаѣ одного не достигаетъ: самостоятельности, самоопредѣленія каждаго, хотя бы и малаго народа. Наоборотъ она ведетъ къ большему или меньшему поглощенію его въ объемлющее цѣлое; здѣсь получается закрѣпленіе зависимости, ея организація. И если эта связанность и обща для всѣхъ, то нетрудно себѣ уяснить, что во взаимной зависимости — господствующими останутся фактически мощные. Устанавливающее (предположительно) миръ общество народовъ окончательно лишаетъ малые народы ихъ самоопредѣленія. Конечно въ неорганизованномъ международномъ общеніи малое государство рискуетъ подвергнуться властному вмѣшательству со стороны сильнаго; но оно не всегда же, не постоянно же таковому подвергается даже, если оно стоитъ одиноко, какъ Швейцарія или Голландія. И по многимъ

основаніямъ сохраняетъ оно безопасность безъ всякихъ союзовъ, ибо одни крупныя государства заинтересованы въ неприкосновенности его отъ другихъ; насиліе надъ нимъ можетъ представить существенныя неокупающіяся затрудненія и пр. Есть необезпеченность, есть рискъ, но нѣтъ постоянной подвластности. Другое дѣло въ организованной Лигѣ націй (если бы она дѣйствительно была организована и получила власть надъ своими сочленами), — здѣсь оказалось бы вмѣстѣ съ тѣмъ организовано и постоянное господство сильныхъ надъ слабыми.

Принципъ самоопредѣленія малыхъ народовъ и принципъ общества націй — суть два взаимно-противорѣчивыхъ, взаимно-опровергающихъ одинъ другой принципа. Самоопредѣленіе не допускаетъ объединяющей организованности; организованное объединеніе нарушаетъ самоопредѣленіе. Принципы Антанты въ этомъ отношеніи страдали глубочайшимъ внутреннимъ противорѣчіемъ.

Удивляться тому, что лозунгъ обезпеченія самоопредѣленія малыхъ народовъ не нашелъ сколько нибудь удовлетворительнаго разрѣшенія и даже привелъ къ противоположной тенденціи — отнюдь не приходится. Ибо суть въ томъ, что онъ ставитъ задачу невыполнимую: обезпеченности въ дѣйствительности не бываетъ не только для малыхъ государствъ отъ сильныхъ, не бываетъ его и для могучихъ государствъ отъ другихъ могучихъ, или отъ самихъ себя — отъ тѣхъ опасностей, которыя заключаются въ роковыхъ явленіяхъ роста и упадка. Великія державы такъ же подлежатъ крушенію, пораженіямъ или ущербамъ, какъ и малыя. И если безпристрастно всмотрѣться въ исторію послѣднихъ десятилѣтій, то приходится поставить подъ вопросъ — для кого таитъ больше опасности исторія, для великихъ или для малыхъ. Въ концѣ концовъ незначительность даетъ своеобразную устойчивость, которой лишены мощь и величіе. Швейцарія пережила расцвѣтъ и упадокъ первостепенныхъ державъ; Голландія сохранилась при паденіи Испаніи. И чтобы заострить противопоставленіе можно сказать, что, быть можетъ, всѣхъ великихъ міра сего переживетъ республика Санъ Марино. Это не вопросъ правовой гарантіи, а вопросъ тѣхъ обезпеченій, которыя заключаются въ самихъ фактахъ и лишь фактами и мѣняются. Но законно ли вообще въ этихъ предѣльныхъ вопросахъ бытія — личнаго или государственнаго, безразлично — жаждать и искать опоры въ правовыхъ гарантіяхъ? Это вопросъ, съ которымъ еще придется столк-

нуться въ дальнѣйшемъ, если и не для того, чтобы его разрѣшить, то для того, чтобы освѣтить скрывающуюся за этимъ исканіемъ психологію.

Выше вопросъ ставился о защитѣ уже признаннаго положительнаго права (малыхъ державъ) отъ нарушенія (со стороны сильныхъ); слѣдовательно формально мы имѣли все еще ту же задачу соблюденія положительнаго права, договора, что составляло и содержаніе перваго разсмотрѣннаго выше лозунга войны, въ примѣненіи къ специальному случаю къ — международному положенію малыхъ государствъ. Иначе стоитъ вопросъ во второмъ случаѣ — при примѣненіи принципа самоопредѣленія къ національностямъ не государственнымъ. Онѣ вкраплены въ чужія государства и принципъ здѣсь заключается въ предоставленіи имъ возможности выдѣлиться изъ нихъ и создать на національной основѣ свою новую государственность, уничтожающую тѣ. Здѣсь принципъ самоопредѣленія оказывается направленнымъ противъ существующихъ государствъ, противъ существующаго права, противъ существующихъ договоровъ и представляетъ изъ себя подлинно революціонное взрывчатое начало, отрицающее установленныя, историческія, вѣками сложившіяся отношенія. Нѣтъ болѣе кричащаго противорѣчія противъ принципа легальности и права (позитивнаго), нежели принципъ государственнаго самоопредѣленія негосударственныхъ національностей. Нѣтъ болѣе кричащаго противорѣчія, какъ между святостью подписи на документѣ, нерушимостью нормъ и договоровъ международнаго и государственнаго права — и одновременной святостью права націи опрокинуть всякое историческое государственное, международное право съ цѣлью создать свою новую государственность.

Но если принципъ самоопредѣленія (негосударственныхъ національностей) не совмѣстимъ съ идеей правовой легальности, то его можно подвести подъ другую правовую идею — справедливости. Неразличеніе права дѣйствующаго отъ права идеальнаго, естественнаго, можетъ служить хорошимъ прикрытіемъ для отмѣченнаго противорѣчія: пусть тамъ дѣйствуетъ принципъ права положительнаго, здѣсь вѣдь тоже дѣйствуетъ нѣкій принципъ права; и то, что оно уже иное — —естественное — можетъ быть оставлено безъ особаго вниманія.

Но вѣдь кромѣ того, что оба права дѣйствуютъ, они еще другъ другу противодѣйствуютъ. Какъ же быть со святостью нарушающихъ одинъ другой принциповъ? Точка зрѣнія нерушимости права положительнаго, хотя бы противъ него были выдвинуты какія угодно глубокія требованія и объемлющіе интересы, можетъ быть признаваема антисоціальной, но во всякомъ случаѣ она остается внутренно-обоснованной. Но дозволить, чтобы требованія справедливости, права естественнаго преодолѣли право позитивное — допустить разрушеніе государства во имя національнаго интереса — значитъ тѣмъ самымъ признать, что критерій лойяльности и легальности не является основополагающимъ; а тѣмъ самымъ исчезаетъ и всякая опора для принципа нерушимой легальности. Если можно право нарушить во имя національныхъ требованій малыхъ народовъ, то становится мало понятнымъ, почему его нельзя нарушить и во имя соціальныхъ или культурныхъ требованій большого народа, во имя творчества народа великаго. Остается непринципіальное, а фактическое различіе: во имя однихъ интересовъ можно нарушить законность, во имя другихъ нельзя. Тѣмъ самымъ различіе уже переходитъ отъ принциповъ къ взвѣшиванію конкретныхъ человѣческихъ содержаній, желаній и интересовъ. Естественно, что интересы, ихъ критеріи и іерархія не могутъ быть для всѣхъ общезначимыми, они должны и во всякомъ случаѣ могутъ расходиться. Интересы, справедливые для одного народа, могутъ стать въ неразрѣшимое противорѣчіе къ интересамъ и справедливости другого; и неизбѣжнымъ становится либо нарушеніе справедливыхъ требованій одного изъ нихъ, либо борьба каждаго за свои, борьба, при которой каждая сторона будетъ стремиться выставить себя, какъ единственную справедливо и основательно заинтересованную. На самомъ дѣлѣ верховный интересъ правды требуетъ въ подобныхъ случаяхъ признанія самозаконности столкнувшихся точекъ зрѣнія и ихъ возможной непримиримости. И тогда дѣло человѣческой совѣсти признать борьбу, хотя бы и со скорбью въ духѣ, — признать ея неизбѣжность и законность, смягчая, поскольку это возможно, ея протеченіе и ея послѣдствія, сводя ее до неотвратимаго минимума. Обманчивость же поверхностнаго оптимизма заранѣе предполагающаго, что можно обойтись безъ борьбы, безъ роковыхъ столкновеній и неоправдываемыхъ потерь, всегда все разрѣшая согласно единой для всѣхъ справедливости и общимъ интересамъ — становится лишь прикрытіемъ для беззастѣнчивыхъ бойцовъ; этой недально-

видностью не борьба предупреждается, а лишь связываются руки одному изъ борющихся, чтобы тѣмъ вѣрнѣе другой могъ его поразить.

Не впервые высокія чувства и идеи, когда ихъ разносятъ потоки слишкомъ звонкихъ словъ, служатъ заградительной завѣсой, за которой происходитъ закланіе вполнѣ обоснованнаго притязанія. Что идея самоопредѣленія національностей противорѣчитъ формальному принципу соблюденія права — въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Посмотримъ, каковы тѣ историческія содержанія, которыя пришли здѣсь въ столкновеніе.

II[1]

Кажется, англійскіе государственные дѣятели первые формулировали въ качествѣ одной изъ цѣлей войны—защиту права малыхъ народовъ на самостоятельное государственное существованіе. По содержанію они въ этой формулѣ лишь воплотили свою вѣковую политику отстаиванія независимости малыхъ европейскихъ народовъ (напр., Греціи, Италіи) противъ большихъ и угрожающихъ опасной гегемоніей; по формѣ они въ ней воплотили свою традиціонную логику — выводить полуконкретныя обобщенія изъ наличныхъ реально существенныхъ фактовъ въ виду практически важныхъ цѣлей. Бельгія и Сербія всецѣло подходили подъ обобщеніе; оно могло пригодиться и для кое какихъ другихъ случаевъ — защиты Голландіи отъ возможнаго нашествія, сочувствія Польшѣ. Этого было вполнѣ достаточно для англійскаго обобщенія: мы воюемъ за самостоятельность Бельгіи, за самостоятельность Сербіи, за самостоятельность маленькихъ народовъ

Но перейдя въ публицистическую обработку — въ особенности на материкѣ, въ частности въ Россіи — англійская государственная формула, какъ это бывало уже не съ однимъ англійскимъ частичнымъ обобщеніемъ, претерпѣла сущест-

---

[1] Настоящая глава представляетъ перепечатку статьи «Идея этнической государственности», помѣщенной въ «Сѣверныхъ Запискахъ», Апр. 1915 г. Въ виду того, что послѣдующія событія подтвердили на мой взглядъ изложенныя здѣсь указанія и предвидѣнія, я ее здѣсь воспроизвожу безъ измѣненій и лишь съ незначительными сокращеніями.

венное преобразованіе. Она стала отвлеченной нормой, общимъ сужденіемъ: мы воюемъ за государственную самостоятельность всякой націи, за идеалъ этническаго государства, который долженъ благополучно разрѣшить наболѣвшія задачи. Такая формула казалась преисполненной чистаго духа народолюбія и права; ее вдобавокъ поддерживали отзвуки эпохи борьбы за національную самостоятельность и объединеніе Греціи, Италіи, Венгріи, Германіи; и, наконецъ, она казалась верхомъ соблазняющей мудрости, маня нейтральныя страны выгодными пріобрѣтеніями.

Лозунгъ государственнаго выдѣленія національностей съ самаго начала возможно было поддерживать лишь въ едва-ли подобающей для общей нормы односторонности. Правда, иной англійскій публицистъ — по крайней мѣрѣ въ началѣ войны — высказывалъ готовность даже на героическіе выводы, даже на отдачу Германіи нѣмецкихъ земель Австріи. Но все же этотъ героизмъ не доходилъ до примѣненія его, напр., и къ Италіи: Тріентъ съ Тріестомъ ей предлагали; но вѣдь и Мальта, и Сардинія, и Ницца, и Тессинъ населены итальянцами, а Савойя даже дала свое имя династіи. Само собой разумѣется, что увлеченіе формулой, примѣненной къ Трансильваніи и Буковинѣ, не дошло до распространенія ея на южную Бессарабію. Но распространять лозунгъ на Востокъ отъ Италіи и не распространять его на западъ или югъ или сѣверъ — не значитъ ли признаваться въ неподобающей для лозунга половинчатости. Послѣдовательность же оказалась бы не только непріемлемой, но и вызвала бы справедливыя нареканія и противодѣйствія, притомъ исходящія не изъ однихъ только интересовъ наличнаго обладанія, но еще и изъ серьезныхъ задачъ государственности. Не наводитъ ли это уже съ перваго подхода на мысль какъ о неосуществимости, такъ и о несовершенствѣ лозунга этнической государственности, — и даже о неполной искренности тѣхъ, кто его въ радужной обобщенности поддерживаетъ.

И замѣчательно, что и вербующая сила этого лозунга для государствъ, въ интересахъ которыхъ онъ, повидимому, былъ созданъ, оказалась до крайности ничтожной. Можно было питать обоснованную надежду на то, что южныя нейтральныя государства вступятъ въ борьбу на сторонѣ

тройственнаго согласія, но самая исторія ихъ колебаній и проволочекъ ясно обнаруживаетъ, насколько этническая идея не оказалась для нихъ безраздѣльно увлекательной. Ибо не слѣдуетъ думать, что, вопреки осознаннымъ интересамъ, ихъ удерживало опасеніе быть раздавленными двойственнымъ союзомъ. Если они и могли колебаться относительно шансовъ войны, то уже давно все больше разсѣивалось сомнѣніе въ томъ, что ихъ то вмѣшательство рѣзко склонило бы вѣсы на сторону соглашенія. И тѣмъ не менѣе они не вмѣшивались, – не потому, что опасались быть раздавлениыми, и уже во всякомъ случаѣ не только поэтому, а отчасти и потому, что не уяснили себѣ до конца, на чьей сторонѣ ихъ ожидаетъ большая выгода. Здѣсь дѣйствовало не только уже отмѣченное соображеніе, что этнически близкое населеніе эти государства имѣютъ въ различныхъ страиахъ; здѣсь дѣйствовало и то соображеніе, что вообще государственные интересы не связаны исключительно или главнымъ образомъ съ присоединеніемъ этнически родственнаго населенія. Конечно, не однимъ націоналистамъ и романтикамъ Италіи лестно пріобщить Тріентъ и Тріестъ; но интересы родины — въ глазахъ итальянца — требуютъ овладѣнія и Далмаціей и албанской Валлоной для обезпеченія за собой полнаго господства въ Адріатикѣ; требуютъ расширенія и укрѣпленія африканскихъ владѣній, требуютъ утвержденія на восточныхъ островахъ Средиземнаго моря. И для этого тоже имѣется своя — не національная, такъ имперіалистская — традиція; это вѣдь страны, нѣкогда колонизованныя Римомъ, это давнее достояніе латинской державы. Вообще традиціи, хотя и обосновываются уже свершившимся прошлымъ, отнюдь не представляютъ изъ себя гранитной незыблемости. Долго жившіе народы имѣютъ обыкновенно въ своей исторіи возможность выбора традиціи заднимъ числомъ; и уже отъ обстоятельствъ зависитъ, на чемъ остановиться и что возвести въ непоколебимый — хотя и безъ труда замѣстимый — завѣтъ.

И не одна Италія находится въ такомъ положеніи. Болгарія, можно думать, какъ одинъ человѣкъ жаждала возвращенія этнически родственной Македоніи; но едва-ли многимъ слабѣе настойчивость, хотя, повидимому, блѣднѣе страстность, съ которой она домогалась этнически чуждыхъ Кавалы и Адріанополя. Да и Сербія, стремясь къ родной Босніи, не отказывалась отъ Македоніи и стремится къ берегу моря «безъ различія національности», да и Ру-

мынія, мечтая о румынскихъ земляхъ Венгріи, прихватила незадолго этнически болгаро-турецкій край, выказывая себя заинтересованной въ вопросѣ о Дарданеллахъ; Греція же рвется къ господству надъ островами, Византіей, прибрежной Малой Азіей, и тоже выставляетъ традицію, ибо и ея предполагаемые предки были нѣкогда хозяевами этихъ странъ [1].

Можно, конечно, говорить о жадности этихъ малыхъ государствъ. Но и жадность иной разъ есть только естественное проявленіе нормальнаго роста сильныхъ организмовъ, жизнеспособныхъ, культуроносныхъ, творчески цѣнныхъ для человѣчества; и не такъ просто съ перваго взгляда опредѣлить, что́ здѣсь соотвѣтствуетъ законной жаждѣ культуроноснаго роста, что — только прожорливости, не встрѣчающей серьезныхъ препятствій силы. Вѣдь не могла же въ самомъ дѣлѣ свободная Англія отказаться отъ аннексіи Кипра, нужнаго ей, какъ ей нуженъ Гибралтаръ, и Мальта, и Суэцъ для охраны своихъ великихъ путей, безъ которыхъ зашатается ея державная мощь, а съ нею вмѣстѣ и культурная тяга великаго народа. И какой русскій человѣкъ отречется отъ дѣла Петра, прорубившаго окно въ Европу занятіемъ этнически чуждыхъ провинцій?

А если бы, съ другой стороны, кому либо вздумалось разнести тріединую въ этническомъ отношеніи Швейцарію по тремъ этнически родственнымъ ея частямъ сосѣдямъ, то не трудно представить себѣ то геройское сопротивленіе, которое встрѣтило бы здѣсь примѣненіе этнической идеи, и не понятно-ли заранѣе то возмущеніе, которымъ отвѣтило бы на него міровое общественное мнѣніе. Да вѣдь и Франція никогда не собиралась, не собирается и теперь, аннектировать этнически родственную ей часть Бельгіи, хотя это и соотвѣтствовало бы торжеству идеи этнической государственности. И одно только предположеніе, что Германія намѣревалась присоединить фламандскія провинціи, какъ этнически родственныя, встрѣчало разумѣется, не сочувствіе, а негодованіе не однихъ только этническихъ идеалистовъ.

Требованія свободной жизни и самосохраненія государствъ, культурныя и экономическія потребности населенія, — тысяча запросовъ и правъ входящихъ въ его составъ лицъ, группъ, народовъ — не совпадаютъ съ географическими лині-

---

[1] Какъ извѣстно, эти скромныя указанія 1915 г. были впослѣдствіи сторицей превзойдены дѣйствительностью.

ями этническаго разселенія; и подчинить этническимъ соображеніямъ всѣ остальныя — значитъ жертвоватъ правами и интересами, благосостояніемъ и культурой людей и народовъ, тѣхъ самыхъ этническихъ группъ, которыхъ будто хотятъ облагодѣтельствовать идеаломъ этническаго государства.

Но и помимо отмѣченныхъ сторонъ ближайшее разсмотрѣніе лозунга этнической государственности должно обнаружить, что въ общей своей формѣ онъ и вообще по самому существу неосуществимъ въ тѣхъ освободительныхъ цѣляхъ, которыя ему приписываются.

Въ самомъ дѣлѣ, онъ заключается въ томъ, чтобы въ одинъ организмъ собрать разсѣянные по разнымъ государствамъ члены одной этнической особи и эту особь освободить отъ подчиненія или отъ соучастія въ чужомъ по національному составу государствѣ. И вотъ хорошо ли это или не хорошо, но достаточно присмотрѣться къ составу странъ, о которыхъ идетъ рѣчь, чтобы убѣдиться въ томъ, что это невозможно.

Немного есть странъ, — внѣ странъ давнишней культурно-государственной объединенной жизни, — которыя были бы населены одною національностью. Націи на протяженіи вѣковъ — въ особенности на востокѣ и юго-востокѣ Европы — вѣчно тасовались, вѣчно переплетались; а быстрота и легкость общенія и передвиженія только убыстряетъ и усугубляетъ этотъ процессъ и понынѣ. Люди передвигаются, населеніе переливается со все большею легкостью. И распредѣлить эти территоріи по этнографическому признаку представляется объективно невозможнымъ. Конечно, имѣются территоріи, сплошь засенныя одною націей; но нерѣдко они вкраплены, или въ нихъ вкраплены территоріи съ инонаціональнымъ или многонаціональнымъ составомъ такъ, что онѣ оказываются въ полномъ смыслѣ слова черезполосными.

Какъ же быть съ мѣстностями, гдѣ населеніе составлено изъ разныхъ національностей? Предоставить ихъ тому народу, который является въ нихъ большинствомъ? Но и это — выходъ, болѣе словесно, нежели по существу разрѣшающій вопросъ. Прежде всего ясно, что самое опредѣленіе націи, составляющей большинство, зависитъ отъ произвольной кройки территоріи. Извѣстно, что турки присоединеніемъ къ вилайетамъ, заселеннымъ въ большинствѣ армянами, нѣкоторыхъ территорій съ мусульманскимъ большинствомъ превратили большинство армянское въ меньшинство, что, впро-

чемъ, можно соотвѣтственной перекройкой обратить и въ противоположную сторону. Если, примѣрно, взять области, населенныя вперемежку преимущественно румынами и венгерцами, связать ихъ съ другими территоріями, гдѣ преобладаютъ венгерцы, то получится венгерское большинство; если же связать съ территоріями, гдѣ преобладаютъ румыны, — получится румынское. Точно также той или иной перекройкой мѣстностей, занятыхъ поляками и нѣмцами, можно получить и польское и нѣмецкое большинство. Здѣсь открываются широкія перспективы для прикрытія территоріальныхъ аппетитовъ этническою словесностью. Но далѣе, имѣются и земли, гдѣ и вообще нѣтъ ни у одного народа абсолютнаго большинства, гдѣ при сожительствѣ трехъ или четырехъ народностей рѣчь можетъ идти лишь о большинствѣ относительномъ. Въ этихъ случаяхъ согласно разбираемой формулѣ пришлось бы отнести подобныя территоріи къ этнической группѣ, обладающей, положимъ, двумя пятыми населенія, подчинивъ ей большинство въ три пятыхъ, и притомъ подчинивъ его не государству, а именно чужой національности, признанной хозяиномъ государства, — и тѣмъ отвергнуть за этимъ мѣстнымъ большинствомъ національныя права и возможности.

Но и помимо этого возникаетъ и болѣе основной вопросъ: по какому праву, стоя на этнической точкѣ зрѣнія, отрицать національную самобытность хотя бы и за меньшинствомъ; во имя какой идеи, предлагаемой къ тому же въ качествѣ освободительной, повергать одну націю подъ пяту другой, только потому, что она численно меньше той на данной территоріи? Такой вопросъ можетъ не возникнуть, когда государство строится вообще не по этническому, не по національному признаку. Здѣсь націи — въ идеѣ по крайней мѣрѣ — подчинены общей государственной организаціи, въ предѣлахъ которой онѣ могутъ сохранить или завоевать равноправіе. Но когда государство строится по этническому принципу, тогда одна нація дѣлается хозяиномъ государства, а, слѣд., оказывающіяся на ея территоріи другія націи становятся ея подчиненными, подвластными, неравноправными, лишь терпимыми, — лишенными свободы своей національной жизни. Если это дѣлается съ помощью силы, то здѣсь не о чемъ дальше и говорить, — мало ли какія совершаются въ жизни и исторіи насилія и преступленія. Но если это дѣлается во имя права и свободы, во имя свободы національной жизни, во имя разрѣшенія тяжкихъ конфликтовъ и избѣжа-

нія безплодной борьбы, какъ, повидимому, предполагаютъ защитники этой идеи, вродѣ Милюкова или Уэлса, — то откуда же рѣшимость отдать на національный потокъ и разграбленіе этническую группу только потому, что она представляетъ меньшинство на данной территоріи; неужели не замѣчаютъ, что этимъ не разрѣшаются, а обостряются національные конфликты, становящіеся безнадежными и роковыми: неужели не видятъ, что, строя государство по этническому типу, узаконяютъ національное угнетеніе меньшинства, включеннаго въ государство и лишеннаго государственности? И къ тому же этимъ методомъ принципіально подрывается та основа, на которой строится здѣсь самая государственность. Игра на меньшинство и большинство — обоюдоострая игра, и прежде всего, именно, игра, могущая въ томъ или иномъ случаѣ удовлетворить національнымъ аппетитамъ, но не могущая разрѣшить національные конфликты.

Однако, оформленіе государства по этническому признаку ведетъ не только къ отмѣченнымъ вредоноснымъ послѣдствіямъ въ области національнаго же вопроса; оно можетъ оказаться чреватымъ большими бѣдствіями и съ точки зрѣнія объемлющихъ обще-государственныхъ интересовъ.

Вѣдь если, создавая этнографическую географію, руководиться ею для установленія государственныхъ очертаній, то получается, въ особенности на юго-востокѣ Европы, весьма причудливое распредѣленіе, гдѣ городъ долженъ отойти къ другому государству, чѣмъ окружающая его область, гдѣ Hinterland долженъ быть отъединенъ отъ той области, которой онъ служитъ Hinterland'омъ; гдѣ область, тяготѣющая экономически или стратегически къ другой, окажется по этническимъ признакамъ отнесенной къ третьей, съ нею мало общаго имѣющей, гдѣ этнографически выдѣленное государство окажется всецѣло зависимымъ отъ чужого государства въ виду несовпаденія стратегическихъ или экономическихъ границъ съ этническими; гдѣ выходъ къ морю или къ рѣкѣ одной страны окажется въ рукахъ другой, въ немъ вовсе не нуждающейся. Этническій признакъ произведетъ разрывъ другихъ государственно оформляющихъ моментовъ и, слѣд., приведетъ къ слабости, или даже гибели столь эфемернаго государства, либо же къ немедленному нарушенію имъ самимъ того самаго принцина, на которомъ онъ построяется.

Дробленіе на мелкія суверенныя государства, когда оно происходитъ во имя одного лишь этническаго принципа, представляетъ изъ себя, такимъ образомъ, весьма проблематическую цѣнность не только съ точки зрѣнія специальныхъ интересовъ тѣхъ самыхъ этническихъ группъ, права которыхъ являются будто единственнымъ стимуломъ европейской заботливости, но и съ точки зрѣнія общихъ задачъ европейской культуры. Что касается самихъ народовъ, то совершенно ясно, что если этнически обусловленная территорія не соотвѣтствуетъ жизненнымъ потребностямъ государственности, то весь народъ можетъ быть поставленъ въ подчиненное положеніе къ другому сосѣднему народу, болѣе сильному, господствующему надъ нимъ въ силу благопріятнаго положенія. И это подчиненное положеніе можетъ привести къ тяжелой эксплуатаціи, къ застою, и въ концѣ концовъ — либо къ фактической, хотя и прикрытой, подчиненности со всѣми сопровождающими ее явленіями, либо превратиться въ изнуряющую дипломатическую, а затѣмъ и военную борьбу. Такой народъ, по этнографическому признаку выдѣленный въ государство, можетъ, оказавшись самодовлѣющимъ и независимымъ отъ государственнаго сожительства съ другими націями, попасть въ еще горшую международную кабалу. Его этническій суверенитетъ будетъ обезпеченъ цѣною упадка самого этноса; національный принципъ восторжествуетъ цѣною упадка національности. И международный миръ будетъ тѣмъ менѣе обезпеченъ, что націи будутъ всѣми силами сопротивляться упадку. Такъ мало можетъ этническая государственность осуществить возлагаемыя на нее задачи.

Что же касается общихъ всенародныхъ интересовъ европейской, міровой культуры, то не слѣдуетъ забывать, что выдѣленіе этническихъ группъ въ особые государственные организмы, если бы это и представлялось возможнымъ и поскольку это осуществимо, неизбѣжно имѣетъ своимъ послѣдствіемъ — общую провинціализацію культуры. Выдѣленіе мелкихъ этническихъ уютовъ, могущихъ, какъ выше отмѣчено, оказаться весьма неуютными въ экономическомъ и соціальномъ отношеніи, съ точки зрѣнія широко культурной, приводитъ къ измельчанію, къ дробленію творческихъ усилій человѣчества, міровыхъ накопленій культурной мощи, подрываетъ въ корень и реальную возможность и субъективную охоту къ постановкѣ и разрѣшенію великихъ задачъ; въ особенности же это имѣетъ мѣсто, когда выдѣляющіеся коллективы стоятъ на болѣе низкой культурной ступени. Инте-

ресы колокольни и кругозоръ колокольни — замѣняютъ здѣсь широкіе просторы; энергія человѣческая мельчаетъ въ мелкопомѣстной государственности. Своего рода мѣщански-государственный провинціализмъ, мѣстечковая государственность затягиваетъ общество и личность.

Конечно, не одними этими соображеніями разрѣшимъ вопросъ о связи культуры и творчества народовъ съ объемомъ и вмѣстимостью ихъ государственнаго носителя. Мелкія государственныя формы, органически выростая изъ мѣстной народной стихіи по дорогѣ къ величію, имѣютъ свои положительныя стороны, незамѣнимыя крупными общеніями. При нѣкоторыхъ условіяхъ они являются какъ бы зачинателями, аккумуляторами, въ которыхъ скопляются силы великаго напряженія, долженствующія разрядиться въ послѣдующія эпохи: какъ бы колыбелями, въ тихомъ теплѣ, въ малоподвижномъ постоянствѣ которыхъ выпестовываются ярко-обозначенныя индивидуальныя культуры, позже разливающіяся на міръ уже въ рамкахъ широкихъ осуществляющихъ общеній. Кажется, чаще всего, именно, въ тѣсныхъ народныхъ организмахъ творятся новыя культурныя достиженія. Но въ подобныхъ случаяхъ организмы эти выростаютъ изъ коллективной гущи, въ процессѣ ея интеграціи, въ процессѣ скопленія ея творческихъ силъ въ какихъ либо узловыхъ точкахъ, — а не получаются въ процессѣ раздѣловъ и передѣловъ; и уже во всякомъ случаѣ едва-ли могутъ получиться при выдѣленіи менѣе культурныхъ группъ изъ болѣе культурнаго въ своемъ центрѣ общенія.

Впрочемъ, и другое международно-политическое значеніе могутъ имѣть при опредѣленныхъ условіяхъ мелкія государственныя образованія, поскольку они исторически выработались въ точкахъ сплетенія или расхожденія великихъ державъ, поскольку, вкрапленныя среди нихъ, они уменьшаютъ тренія между своими сосѣдями и сближаютъ ихъ, устраняя непосредственное соприкосновеніе. И крупныя и мелкія формы имѣютъ свои преимущества. Можетъ быть, особо благопріятными для творчества и расцвѣта являются тѣ государственныя образованія новаго времени, которыя объединяютъ своеобразную формовку мелкихъ организацій съ мощью и напоромъ крупныхъ, — подобно тому какъ Америка или Германія, а въ иной плоскости, и Англія объединяютъ въ единство мощныхъ державъ множество болѣе или менѣе самобытныхъ и своеобразныхъ штатовъ, государствъ, колоній, земель. Я только хотѣлъ отмѣтить, что сама по себѣ

тенденція къ суверенитетно-этническому дробленію представляетъ больше опасностей разнаго порядка — государственныхъ, экономическихъ, международныхъ, общекультурныхъ и даже специфически національныхъ, — чѣмъ это, повидимому, представляется тѣмъ, кто считаетъ, — или дѣлаетъ видъ, что считаетъ — этническій принципъ воплощающимъ идеалъ государственности, кто видитъ въ немъ рѣшающій государственный критерій.

Неотъемлемы права націй, но ими не ограничиваются запросы народовъ; и ни эти запросы, ни тѣ права не реализуются этнической государственностью.

Намѣченнымъ взглядамъ — спасительна ли этническая идея — можетъ быть противопоставленъ авторитетъ эпохи войнъ за національное освобожденіе и объединеніе. Пусть національное государство не оправдало всѣхъ возлагавшихся на него въ девятнадцатомъ вѣкѣ упованій, но ореолъ борьбы за него живетъ до сихъ поръ въ общественномъ сознаніи. Однако, и совершенно независимо отъ того, въ какой мѣрѣ могутъ быть санкціонированы результаты національныхъ движеній XIX в., — необходимо отмѣтить, что здѣсь дѣло идетъ о существенно различныхъ явленіяхъ.

Въ двухъ наиболѣе разительныхъ проявленіяхъ національнаго объединенія — въ Германіи и Италіи — дѣло шло о собираніи въ одно обширное цѣлое разрозненныхъ, мелкихъ, безсильныхъ частей, т. е. задача была отлична отъ той, которая теперь преслѣдуется идеей этническаго государства. Незачѣмъ, конечно, умалять, несомнѣнно, громаднаго значенія и здѣсь національнаго момента — національнаго единства, которое являлось основой общаго грандіознаго одушевленія, основой сугубой сплоченности, а отчасти простоты и ясности въ отношеніяхъ, а, слѣд., и великой важности экономіи силъ. Тѣмъ не менѣе нельзя же упускать изъ вниманія, что состоялъ то процессъ здѣсь не только въ національномъ выдѣленіи (въ Германіи же этого процесса и вовсе не было), а въ собираніи, въ сплоченіи, въ образованіи крупныхъ единицъ. Это былъ процессъ перехода на высшую организаціонную ступень, объемлющую разрозненныя и раздробленныя раньше силы и извлекающую изъ нихъ путемъ единства и согласованности экономической и культурной государственной работы совершенно неизмѣримо возрастающій эффектъ. Въ частности, въ Германіи, съ наибольшимъ бле-

скомъ оправдавшей періодъ образованія національнаго государства, процессъ собиранія, сплоченія въ высшую организаціонную единицу не замѣнилъ, а лишь связалъ воедино подчиненныя части, оставшіяся въ новомъ единствѣ болѣе или менѣе самобытными. Этотъ процессъ сплоченія оказался и процессомъ демократизаціи, утвержденія конституціонныхъ формъ. Въ чисто національномъ отношеніи слѣдуетъ, впрочемъ, отмѣтить, что этотъ процессъ сопровождался даже и нѣкоторымъ поглощеніемъ инонаціональныхъ областей (датскихъ и лотарингскихъ), подобно тому какъ оформленіе Пруссіи сопровождалось раньше поглощеніемъ нѣкоторыхъ польскихъ земель. Словомъ, расцвѣтъ и мощь Германской имперіи подтверждаетъ не спасительную силу національнаго государства, а въ первую очередь — великую силу болѣе объемлющей и высокой организаціи, охватывающей, но не подавляющей организаціи подчиненныя.

Въ нѣкоторой степени это приходится сказать и относительно Италіи, гдѣ тоже произошло собираніе воедино мелкихъ земель. Впрочемъ, здѣсь уже большое значеніе имѣло и національное выдѣленіе изъ-подъ инонаціональнаго господства. Однако, и въ этомъ отношеніи, думается, было бы ошибочно приписать эффектъ одному моменту специфически національнаго (притомъ же не этническаго, а историконаціональнаго) освобожденія; на самомъ дѣлѣ здѣсь дѣйствовала и великая сила освобожденія вообще, освобожденія отъ гнета полицейскаго, политическаго, хозяйственнаго; освобожденіе отъ власти хирѣющей, дореформенной Австріи, отъ реакціонной затхлости режима Метерниховскихъ наслѣдниковъ. Здѣсь дѣйствовало предоставленіе странѣ давнишней культуры, самостоятельной исторіи и своеобразнаго географическаго положенія — всесторонней государственной самодѣятельности. Ошибочно относить результаты столь сложнаго процесса, захватывающаго самую суть и политической, и экономической, и моральной жизни страны на долю одного только признака, на счетъ одного только того, что выдѣленная цѣльная и самостоятельная область, будучи страною одной національности, дала и государство однонаціональное.

Процессъ освобожденія балканскихъ народовъ, процессъ созиданія національныхъ государствъ, греческаго, болгарскаго, румынскаго, сербскаго, — въ отличіе отъ Германіи и Италіи — ужъ и вовсе не былъ процессомъ собиранія въ крупныя организаціи; но плодотворные результаты едва-ли и здѣсь относимы исключительно или хотя бы главнымъ об-

разомъ на счетъ образованія государства единонаціональнаго. Ибо вмѣстѣ съ тѣмъ это было и процессомъ созиданія государствъ свободныхъ (въ большей или меньшей степени), самоуправляющихся, конституціонныхъ, свободно живущихъ въ національномъ и въ религіозномъ, но и вообще въ государственно-гражданскомъ отношеніи, съ современною школою, съ университетомъ, съ европейскимъ правомъ, — изъ-подъ давленія султанскаго режима, умерщвлявшаго и собственный народъ, а не только народы чужой расы, чужой вѣры, чужой культуры; удерживавшагося отъ распада и на своихъ исконныхъ земляхъ, лишь благодаря давленіямъ международныхъ отношеній.

Даже и относительно Венгріи, гдѣ не было ни германо-итальянскаго процесса объединенія, ни балканскаго процесса освобожденія отъ кроваво-султанскаго маразма, — даже и здѣсь борьба за національное государство совпадала съ борьбою противъ коснѣвшаго, отсталаго не въ одномъ національномъ отношеніи строя старой Австрійской имперіи; къ тому же эта борьба и не привела къ государственному отъединенію и, слѣд., умаленію, мельчанію.

Конечно, и специфически національный моментъ имѣлъ во всѣхъ этихъ процессахъ весьма серьезное значеніе, моральное и государственное. Но крайне поверхностнымъ, повторяю, было бы предположеніе, будто успѣхи этихъ государствъ опредѣлялись исключительно или въ первую голову осуществленіемъ въ нихъ государства національнаго; ибо на самомъ дѣлѣ здѣсь параллельно съ этимъ осуществлялись и болѣе совершенныя и могучія организаціонныя формы, совершался переходъ къ свободному режиму, къ высшей культурѣ отъ культуры болѣе низкой.

Мало того, не трудно усмотрѣть, что идея національнаго государства, именно, въ отношеніи къ національному принципу приводила здѣсь къ неизбѣжнымъ отрицательнымъ явленіямъ, къ его явному попранію. Въ Италіи этихъ національно-отрицательныхъ явленій не было, но не слѣдуетъ забывать, что она и не доосуществила своего національнаго выдѣленія, оставивъ рядъ этнически-родственныхъ земель въ составѣ чужихъ государствъ. Но вотъ уже въ Германіи идея національнаго государства привела къ національнымъ притѣсненіямъ датчанъ, поляковъ, французовъ, притѣсненіямъ, вполнѣ логически изъ нея вытекавшимъ. Особенно характерна въ этомъ отношеніи судьба Венгріи. Здѣсь съ примѣрной наглядностью проявляется, какъ на принципѣ національности

построенное государство приводитъ къ національному преслѣдованію тѣхъ инородцевъ, которые оказываются въ его сферѣ, — будь то славяне, румыны, хорваты (а не оказаться инородцамъ въ составѣ восточно-европейскаго или юго-восточно-европейскаго государства, какъ выше было указано, невозможно). И какъ же можетъ дѣло обстоять иначе, разъ государство должно строиться по признаку единонаціональности? Что же дѣлать съ необходимо вкрапленными въ него инородческими элементами, какъ не ассимилировать ихъ — не мытьемъ, такъ катаньемъ, — иначе вѣдь не будетъ единонаціональнаго государства? Этого не замѣчаетъ Милюковъ, какъ то по меньшей мѣрѣ причудливо сочетающій этническій принципъ для внѣшняго употребленія съ многонаціональнымъ принципомъ для употребленія внутренняго. Но логика историческихъ событій подобныхъ противорѣчій не терпитъ. Образовавшіяся въ XIX в. національныя государства проявили большую силу роста и прогресса, поскольку явились образованіемъ государствъ болѣе высокой организаціонной формаціи, болѣе свободнаго, культурнаго строя, объединеніемъ слабыхъ въ сильное единство. Поскольку же они дѣйствовали, именно, какъ государства національныя, они приводили ко внутренне-національнымъ притѣсненіямъ, что въ свою очередь вредно отражалось и на ихъ общегосударственной мощи и культурѣ, было источникомъ задержки и искаженія въ ихъ правовомъ и духовномъ строѣ.

Безспорно значительны положительныя стороны національнаго момента, упрощающаго отношенія, сберегающаго силы, уплотняющаго культурный процессъ. Но единонаціональность государства есть его счастье, его удача, — а не задача, не цѣль которую ему надлежало бы преслѣдовать. Конечно, въ опредѣленныхъ конкретныхъ случаяхъ правильная политика будетъ руководиться соображеніемъ нежелательности чрезмѣрно увеличить разноэтническій составъ населенія, или нежелательности нарушить однородность даннаго населенія, — и откажется отъ пріобрѣтенія новыхъ земель, населенныхъ «инородцами». Изъ тѣхъ же соображеній въ опредѣленныхъ конкретныхъ случаяхъ мыслимо стремиться къ округленію своей страны землями, населенными родственными элементами. Но это можетъ быть только однимъ изъ частичныхъ соображеній политики, лишь при опредѣленномъ конкретномъ стеченіи обстоятельствъ получающимъ рѣшающій вѣсъ. Въ общемъ же руководиться идеей этнической государственности при этнической разнородности населенія значитъ —

во внутренней политикѣ идти къ угнетенію, во внѣшней — рисковать нежизнеспособностью, неустойчивостью государственнаго организма.

Можно[1] думать, что и апологеты національнаго расщепленія государства иной разъ вспоминаютъ объ экономическихъ, географическихъ и прочихъ связяхъ населенія, иной разъ задумываются надъ той путанницей и реакціей, которую можетъ внести прямое проведеніе ихъ идеи. Но на такія сомнѣнія у нихъ имѣется готовый отвѣтъ и выходъ: пусть сами націи рѣшатъ, какъ имъ устраиваться, въ какой имъ оставаться степени независимости или связности съ другими націями и съ цѣлымъ. Національное самоопредѣленіе путемъ плебисцита — такой отвѣтъ кажется уже вершиной свободомыслія, демократизма, политическаго идеализма.

Я не буду останавливаться подробнѣе на вопросѣ о томъ, что если такой выходъ примѣнимъ, напримѣръ, къ опредѣленію формы правленія въ предѣлахъ уже преднамѣченнаго государства или области, то менѣе всего онъ примѣнимъ къ опредѣленію самихъ предѣловъ государства или области, ибо ясно, что результатъ плебисцита и самоопредѣленія здѣсь всегда будетъ уже предрѣшенъ тѣмъ кругомъ населенія, въ которомъ онъ производится, и слѣдовательно результатъ плебисцита и самоопредѣленія предрѣшенъ уже до плебисцита и до самоопредѣленія.

Но оставимъ въ сторонѣ этотъ рядъ соображеній. Вопросъ долженъ быть поставленъ глубже и принципіальнѣе. Допуская даже, что предрѣшенія нѣтъ, а есть подлинный процессъ національнаго самоопредѣленія, можно-ли на этомъ успокоиться? Проявляется ли въ этомъ демократизмъ и свобода?

Думать такъ, значитъ, повторять ту же роковую ошибку, которую нѣкогда допустилъ старый узко-доктринерскій либерализмъ примѣнительно къ личности. Онъ тоже стоялъ на идеѣ самоопредѣленія личности — и какъ давно уже выяснено, что безоговорочно и безоглядно проведенная, эта идея приводитъ къ угнетенію одной личности другою, къ угнетенію слабыхъ, — становится пустой формулой, за фасадомъ которой укрывается и притѣсненіе и гнетъ. Это настолько давно

[1] Настоящій параграфъ вставленъ сюда изъ другой моей статьи («Единая Россія»), напечатанной въ «Вѣстникѣ Европы», 1917 г. кн. IV—VI.

и твердо усвоено, что отрицаніе узко-либеральной формулы привело къ необоснованному и зловредному отрицанію того вѣчнаго содержанія личной свободы, независимости и самостоятельности, которая по существу въ ней все же имѣется. Но во всякомъ случаѣ ограниченіе этой формулы — или вѣрнѣе, сочетаніе ея съ демократической формулой коллективной воли и съ соціальной формулой организаціи интересовъ массъ — являтся твердымъ достояніемъ современнаго сознанія. А между тѣмъ по отношенію къ національности повторяется старая ошибка узко-доктринерскаго либерализма. Ходячая формула національной автономіи есть только доктринерски - либеральная, антидемократическая, антисоціальная формула въ примѣненіи къ соціальному коллективу.

Ибо въ самомъ дѣлѣ, вопросъ стоялъ бы просто, если бы человѣкъ не жилъ въ сообществѣ людей, если бы нація не жила въ сообществѣ націй. Здѣсь принципъ самоопредѣленія личности — и націи — былъ бы вполнѣ умѣстнымъ и достаточнымъ. Но люди и націи живутъ въ фактической связности, въ отношеніяхъ фактической зависимости. Дѣятельности лица — и націи — фактически затрагиваютъ другихъ лицъ, другія націи; дѣятельности слабыхъ лицъ и націй въ меньшей степени, сильныхъ — въ степени большей; дѣятельности лицъ и націй, занимающихъ благопріятное положеніе — въ большей степени, занимающихъ положеніе неблагопріятное — въ степени меньшей. И если не ограничить самоопредѣленія лицъ и націй не только самоопредѣленіемъ же другихъ лицъ и націй, но и просто охраной основныхъ насущныхъ интересовъ другихъ лицъ и націй — всѣхъ организованно существующихъ лицъ и націй, — то съ совершенной неизбѣжностью самоопредѣленіе однихъ перейдетъ во власть надъ другими, или въ подчиненіе другимъ, въ эксплоатацію другихъ или въ эксплоатируемость другими. Безоговорочная автономія перейдетъ въ неограниченную гетерономію. А такъ какъ вдобавокъ зависимости сплетаются и скрещиваются, то безоговорочное самоопредѣленіе лицъ и націй перейдетъ въ слѣпую и ожесточенную борьбу. Если одна нація сидитъ на территоріи даже весьма малой, но положимъ, заключающей въ себѣ мѣсторожденіе минераловъ, абсолютно необходимыхъ для жизни и работы націй сосѣднихъ, то конечно, она своимъ безоговорочнымъ самоопредѣленіемъ будетъ надъ ними господствовать. Но если при этомъ другая нація сидитъ на приморской полосѣ, черезъ которую проходитъ единственный путь жизненно необходимаго тран-

зита для другихъ, — и въ томъ числѣ для первой націи — она съ своей стороны будетъ имѣть элементы господства надъ ними; и какъ всегда между господствующими — либо между ними будетъ борьба за гегемонію, либо они стакнутся для наиболѣе устойчиваго совмѣстнаго господства надъ другими. Все это — въ предположеніи безоговорочнаго самоопредѣленія, хотя бы и путемъ чистѣйшаго плебисцита. Разумѣется, противъ этого господства пойдетъ немедленно борьба физическая, экономическая или какая бы то ни было, пока самоопредѣленіе благопріятно расположенныхъ націй не окажется ограниченнымъ общей волею другихъ націй, пока не будетъ организованнымъ образомъ обезпечено удовлетвореніе насущнѣйшихъ интересовъ всѣхъ (если только они не окажутся подавленными тѣми). Принципъ національной автономіи столь же цѣненъ въ своей тенденціи, какъ и принципъ свободы личности. Но въ безоговорочномъ примѣненіи онъ ведетъ къ аналогичнымъ зловреднымъ реакціоннымъ послѣдствіямъ. Какъ и принципъ узко-либеральный, онъ долженъ быть ограниченъ, подчиненъ, сочетанъ съ принципами коллективной воли, общей организаціи насущныхъ интересовъ. Въ примѣненіи къ автономіи національностей, входящихъ въ составъ государства, это означаетъ первенство общегосударственнаго начала надъ началомъ мѣстнаго національнаго сепаратизма.

Общая воля, организація общихъ интересовъ, охрана интересовъ слабѣйшихъ — лицъ, классовъ, національностей — такова основа, на которой (и на которой одной) могутъ свободно развиваться отдѣльныя иаціи, самоуправляться отдѣльныя области.

Этническая однородность для государства — не цѣль, не задача, а фактъ. Но какъ фактъ, она осуществлена лишь въ нѣкоторыхъ странахъ Западной Европы, гдѣ государственный процессъ объединенія начался въ давнишнія времена при условіяхъ, допускавшихъ сравнительно легкое примѣненіе всяческаго насилія, — и длился много столѣтій. Да и тамъ онъ собственно не достигъ полнаго завершенія,—въ самой Англіи напримѣръ, имѣются самобытныя этническія группы, не слившіяся съ британскимъ населеніемъ; уже не говоря о томъ, что Шотландія, Англія и Ирландія представляютъ различныя этническія образованія; разнородныя образованія сохранились преимущественно на окраинахъ и въ Германіи, и даже во Франціи, но чѣмъ больше на востокъ и юго-востокъ

Европы, тѣмъ сильнѣе и причудливѣе перемѣшаны не слившіяся національности. Здѣсь задача достиженія этнически однороднаго состава становится уже не только не должной, но и просто невозможной. И невозможность эта въ современности все возрастаетъ.

Нѣкогда затерянный среди чужой національности инородный островокъ, отрѣзанный отъ своего этническаго материка и лишенный поэтому культурнаго взаимодѣйствія съ нимъ, а съ другой стороны подверженный воздѣйствіямъ окружающаго населенія — сравнительно легче терялъ свой національный обликъ; однако, и при этомъ онъ, при благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ, все же выдерживалъ, хотя и блѣднѣя и линяя, цѣлые вѣка. Нынѣ при быстротѣ сообщеній, легкости общенія, переѣздовъ, при развитіи печати, почты, телеграфа, — общеніе съ основнымъ національнымъ коллективомъ сохраняется на какихъ угодно разстояніяхъ, даже и для малыхъ группъ; нѣмецкіе выходцы въ Америкѣ и Китаѣ, итальянцы въ Африкѣ и Соединенныхъ Штатахъ, евреи въ Капштадтѣ, Нью-Іоркѣ и Бердичевѣ — знаютъ другъ о другѣ, другъ за другомъ слѣдятъ, при желаніи могутъ участвовать въ нѣкоторой степени въ общей духовной жизни. Сосѣдство, территоріальная близость теряетъ свою рѣшающую силу какъ факторъ общенія, духовнаго взаимодѣйствія и общаго развитія — по мѣрѣ прокладки рельсъ, телеграфныхъ проволокъ, усовершенствованія ротаціонныхъ машинъ, фотографіи и прочихъ техническихъ завоеваній. Отсюда вытекаетъ взаимное проникновеніе всѣхъ народныхъ культуръ, подверженность общеміровымъ воздѣйствіямъ, ослабленіе территоріально-сосѣдской отъединенности; но отсюда же, между прочимъ, получается и большая независимость частнаго національно-духовнаго комплекса отъ давленія непосредственныхъ сосѣдей, хотя бы и численно-господствующихъ, даже численно-подавляющихъ. Изъ общей матеріальной основы вырастаетъ одновременно и сила всечеловѣческой тенденціи, и устойчивость національно-духовныхъ коллективовъ, — вообще, устойчивость внѣпространственныхъ объединеній за счетъ косной силы смежности и сосѣдства.

Нѣкогда легко было прибѣгать къ самымъ грознымъ давленіямъ денаціонализаціи, — частью даже простого искорененія; нынѣ и въ наиболѣе отсталыхъ странахъ смягчились эти давленія, или встрѣчаютъ возросшее сопротивленіе на почвѣ какъ ни какъ распространяющейся современной граж-

данственности, на почвѣ демократизаціи политическихъ и уже во всякомъ случаѣ экономическихъ учрежденій и быта, на почвѣ всюду возрастающей силы общественнаго мнѣнія.

Нѣкогда сила ассимиляціи опредѣлялась не только мощью уничтожающихъ національныя особенности механизмовъ, но въ неменьшей степени и положительными факторами. Высшая общегосударственная культура, когда наступила пора таковой, была по преимуществу аристократической, творилась верхами для верховъ. Отсюда ни съ чѣмъ не соизмѣримая способность поглощенія господствующей національностью. Будучи культурно слабѣе завоеванной, подчиненной — она могла —и сама иной разъ даже подчиниться ей, впитать въ себя культуру завоеваннаго народа: побѣжденные культурно побѣждали побѣдителей, но какъ бы то ни было, разъ овладѣвъ культурными вершинами, господствующій народъ становился монополистомъ культуры. Тѣ члены подчиненной націи, которые подымались къ экономическимъ и политическимъ верхамъ, тѣмъ самымъ попадали въ сферу исключительнаго культурнаго вліянія господствующаго народа, сливались съ нимъ, уподоблялись ему; и, работая культурно, работали въ его культурѣ для его культуры. Господствующій народъ уже въ силу своего господства, распоряжался культуроносными факторами; онъ при этомъ пользовался силами подчиненныхъ народовъ, естественно и неизбѣжно отдававшихъ ему свои подымающіеся соки. Общая культура создавалась всѣми факторами, средствами всего населенія, но по руслу господствующаго народа; высшія ея достиженія создавались высшими слоями для высшихъ слоевъ. При этомъ въ мало подвижной средѣ низшихъ слоевъ, въ глухихъ углахъ и темныхъ низахъ, куда не доходили или доходили медленно плоды высшаго государственнаго развитія, могла продолжать теплиться исконная мѣстная этническая культура, почти застывшая, почти не замѣчаемая господствующими и культурными, — не языкъ, а арго, не музыка, а пѣсенка, не литература, а сказка, не театръ, а коляды, не живопись, а кустарный узоръ, не наука, не философія, а поговорка; церковный обрядъ создавалъ здѣсь твердую опору. Отсюда, съ наступленіемъ демократическаго и просвѣтительнаго вѣка, при подъемѣ низовъ внезапно стали вырастать національныя особи, казавшіяся исчезнувшими, превратившимися въ субстратъ лишь для нѣкоей couleur locale. Отсюда же — полнѣе сохранялись національныя особи тѣхъ народовъ, которые удерживались въ состояніи оффиціальнаго неравноправія, и

потому не могли терять своихъ творческихъ силъ въ морѣ господствующаго народа, ибо въ его составъ вовсе и не допускались. Отсюда — чѣмъ старѣе процессъ устойчиваго государственнаго существованія въ данной странѣ, чѣмъ длительнѣе состояніе неизмѣннаго господства опредѣленнаго коллектива безъ сдвиговъ, безъ переходовъ отъ одной державы къ другой, тѣмъ крѣпче и глубже сплачивалась культура данной страны, тѣмъ плотнѣе устанавливался ея синтетически-національный типъ, ея національное единство. И чѣмъ раньше въ линіи государственнаго развитія развернулась господствующая культура страны, чѣмъ раньше до наступленія политико-общественнаго демократизма развернулся демократизмъ просвѣтительный, просвѣтительное внѣдреніе въ низы, въ глубокіе народные пласты, — тѣмъ болѣе и глубже однородной сформировывалась страна; тѣмъ полнѣе сливались ея разноэтническія составныя части, сохраняя лишь ограниченныя различія провинціальныхъ окрасокъ, мѣстныхъ малозначащихъ особенностей. Такъ было на Западѣ. Но чѣмъ дальше на Востокъ и Юго-востокъ, тѣмъ менѣе напряженными и законченными, тѣмъ болѣе запоздалыми были эти процессы. И теперь установленіе этнической однородности стало и вовсе невозможнымъ. И не только по причинамъ, о которыхъ выше сказано (какъ то — преодолѣнія пространства и сосѣдства, уменьшенія насильственнаго давленія), но и въ силу измѣненія положительнаго момента въ культурномъ творчествѣ и объединеніи. Культура во всемъ своемъ составѣ демократизируется, творится уже не одними верхами для верховъ, а въ большей степени всѣмъ народомъ и въ большей степени для всего народа. Въ связи съ этимъ и культура «инородцевъ» уже не остается на зачаточныхъ ступеняхъ, а — хотя слабѣе и меньше, хотя и отдавая многое господствующему коллективу, — все же въ мѣру своихъ возможностей развертываетъ свои особенности, раститъ свои отличія, развивается.

Итакъ, на счетъ прежде всеподавлявшаго значенія територіальной смежности возрастаетъ въ современности одновременно и всечеловѣческая (или, по крайней мѣрѣ, общеевропейская) близость и частнонаціональное самодовлѣніе. Въ связи съ этимъ на ряду съ тенденціей къ общему многонаціональному, даже многогосударственному единству получаетъ силу и тенденція къ внутри и внѣгосударственной національной устойчивости; затрудняется возможность государственной национализаціи.

Эти отношенія коренятся въ существѣ современнаго соціальнаго развитія, опирающагося на все большія массы, на все облегчающуюся ихъ группировку и общеніе. Вотъ почему все труднѣе становится подавлять въ современномъ государствѣ національности меньшинства, все безнадежнѣе стремиться къ этнической однородности государства. Дѣло здѣсь не только въ томъ, что подавлять разноэтническія группы значитъ совершать насиліе надъ человѣческимъ сознаніемъ, надъ человѣческою волею, значитъ искоренять цѣнности культуры, значитъ идти противъ духа современности. Дѣло еще въ томъ, что это значитъ идти противъ стихіи современности, вызывая все усиливающіяся затрудненія и тренія, это значитъ — направлять государство вспять. Разнонаціональный составъ государства можетъ представлять своеобразныя трудности и проблемы; но стремиться къ однонаціональному составу значитъ дѣлать реакціонное дѣло, идти наперекоръ и человѣческой совѣсти, и соціальной стихіи.

Въ силу многихъ и сложныхъ причинъ къ началу XX в. сугубо обострился и выдвинулся національный вопросъ; глубокой значительности національныя отношенія сложились въ современности и осознаны рѣшающими общественными кругами. Смутнымъ и общимъ образомъ, какъ и всегда бываетъ въ такія эпохи, сочувствіе къ справедливымъ національнымъ рѣшеніямъ разсѣяно среди всѣхъ по-человѣчному благожелательно настроенныхъ людей. Въ связи съ этимъ лозунгъ этнической государственности — предоставленія національностямъ государственной самостоятельности, представляется съ перваго взгляда превосходнымъ, благороднымъ, передовымъ, справедливымъ лозунгомъ и вызываетъ неопредѣленно-широкое сочувствіе. Въ силу обычной односторонности формуловыхъ увлеченій и эта формула — можетъ быть, лишь на короткій срокъ — заслоняетъ всѣ другія, и вотъ уже готовъ спасительный флагъ, которымъ можно прикрыть и подъ которымъ провезти не мало контрабанды.

Присматриваясь къ реальности, которая за формулою скрывается, мы замѣтимъ менѣе соблазняющую картину. Фактически формула въ чистомъ видѣ и вообще только въ рѣдкихъ случаяхъ примѣнима, потому что націи живутъ вперемежку; примѣненіе же при такихъ обстоятельствахъ единоэтническаго принципа можетъ только вести къ угнетенію національнаго меньшинства. Фактически формула, и будучи

примѣнена, далеко не всегда могла бы въ реальности удовлетворить націю, къ которой примѣняется, потому что государственная устойчивость, а тѣмъ болѣе процвѣтаніе, требуетъ своеобразныхъ рамокъ, которыя только случайно могутъ совпадать съ географическими линіями распредѣленія націй.

Поскольку существуетъ государство и государственность съ культурными задачами незамѣнимой важности, постольку проблема его устойчивости, возможности сосуществованія съ другими (съ наименьшими приманками для нихъ, съ наименьшими соблазнами для себя), проблема равновѣсія въ системѣ государствъ, проблема наиболѣе полнаго и свободнаго разрѣшенія экономическихъ и культурныхъ нуждъ населенія, — вся эта сложная сѣть глубочайшихъ задачъ будетъ стоять на первой очереди для обоснованнаго опредѣленія государственныхъ границъ. Конечно, государство можетъ существовать въ различныхъ оформленіяхъ; незыблемыхъ границъ, отъ вѣка ему предназначенныхъ и на вѣкъ неизмѣнныхъ — у него нѣтъ. Въ конкретности своего бытія государство есть образованіе историческое и фактическое. Но исходя изъ даннаго фактическаго его состоянія, — его нормальныя границы, нормальное оформленіе должно опредѣляться равнодѣйствующей тѣхъ многихъ линій его задачъ и возможностей, о которыхъ было выше упомянуто, а отнюдь не однимъ этническимъ составомъ населенія. И этническій моментъ, разумѣется входитъ въ составъ этой равнодѣйствующей; въ томъ или иномъ конкретномъ случаѣ имъ надлежитъ руководиться при опредѣленіи наиболѣе желательныхъ границъ, жертвуя въ нѣкоторой степени другими интересами. Но именно лишь какъ одинъ изъ факторовъ онъ только и можетъ быть принятъ во вниманіе, не какъ единственный, не какъ важнѣйшій.

Менѣе всего, разумѣется, возможно допускать, что и наиболѣе удачнымъ разрѣшеніемъ вопроса о государственныхъ предѣлахъ, объ очертаніи границъ можетъ быть достигнуто разрѣшеніе задачъ современности, — какъ думаютъ, или притворяются, что думаютъ, иные современные публицисты, ожидая, или притворяясь, что ожидаютъ, отъ перераспредѣленія войны всякихъ земныхъ благъ. Безконечно важныхъ задачъ даже и не касаются вопросы государственнаго оформленія, — ибо это вопросы внутренне-государственной, а отчасти и межгосударственной общественно-политической, культурно-экономической организаціи. Государственное оформленіе даетъ лишь нѣкоторую опору, основу для

внутренне-государственной и межгосударственной дѣятельности по разрѣшенію этихъ проблемъ. Къ этой сферѣ проблемъ — неотъемлемыхъ задачъ человѣчества, соціальныхъ, политическихъ, культурныхъ — въ качествѣ одной изъ нихъ относится и проблема національная. И она подлежитъ разрѣшенію внутри государства, а отчасти и въ межгосударственной организаціи, но (по общему правилу по крайней мѣрѣ) отнюдь не въ оформленіи самого государства; очертаніе государственныхъ границъ даетъ еще только предпосылку этихъ разрѣшеній, вѣрнѣе — борьбы за разрѣшенія, предпосылку весьма важную, во многомъ предопредѣляющую дальнѣйшія возможности борьбы. Но не по этому пути можно разрѣшенія достигнуть.

Не такъ давно подобныя положенія могли казаться широко признанными; въ частности еще недавно, именно, во внутригосударственной структурѣ (въ чемъ бы она ни заключалась — въ культурно ли національной, или областной автономіи, или въ иныхъ правовыхъ организаціяхъ) стремились найти удовлетвореніе неотъемлемымъ правамъ и интересамъ національности. Но вотъ разразилась война — и произошло смятеніе установившихся понятій. Старая идея національнаго государства сплелась съ интересами и соблазнами дня; потребность въ идеальной формулѣ «для души» слилась съ приманками нѣсколько иного содержанія, — и получился лозунгъ этнографическаго государства, государства въ этнографическихъ границахъ, впрочемъ, взятый въ нѣсколько односторонней трактовкѣ. Этимъ лозунгомъ разсчитываютъ разрѣшить больные вопросы и установить благоволеніе, если и не на землѣ, то въ Европѣ. Что на самомъ дѣлѣ имъ не желаютъ руководиться даже и непосредственно занитересованные — въ этомъ заключается одна сторона дѣла; что онъ психологически вводитъ въ заблужденіе людей, заслоняя существо вопросовъ — къ этому сводится другая.

Однако, кажется, наступаетъ уже пора отучаться отъ слѣпоты періодически смѣняющихся наивныхъ односторонностей, отъ идейнаго дальтонизма, возведеннаго въ принципъ; пора за пріятнымъ арабескомъ словесной формулы научиться усматривать ея фактическое, реальное содержаніе. На самомъ дѣлѣ, идея этнографическихъ границъ государственности и не будетъ имѣть за себя достаточныхъ силъ, и не принесетъ съ собою ожидаемаго удовлетворенія. Отчасти она привела бы даже къ новымъ угнетеніямъ и новой неустойчивости. Границы государства могутъ обоснованно опредѣлять-

ся лишь обще-государственными же, а не спеціально-этническими задачами, — задачами государственнной устойчивости, возможностями наилучшаго культурно-соціальнаго использованія. Проблема же національная лежитъ главной своею тяжестью внутри государства, въ его правовой структурѣ, культурно-общественной организаціи. И перемѣщать оттуда эту проблему — значитъ одновременно искажать государственные запросы и заслонять запросы національные.

III

Самоопредѣленіе національностей, самоопредѣленіе государствъ. Защита каждаго малаго государства отъ вмѣшательства извнѣ, предоставленіе каждой націи самостоятельно располагать своей судьбой. Каждый малый народъ долженъ быть хозяиномъ въ своемъ домѣ, и свое хозяйское положеніе можетъ использовать путемъ договоровъ, подлежащихъ святому соблюденію. Извнѣ никто не вправѣ вмѣшиваться въ его бытіе. Тѣмъ самымъ отрицаются болѣе значительные болѣе общіе интересы, которые могутъ охватывать разные народы въ ихъ общемъ и совокупномъ дѣйствованіи, которые могутъ идти въ разрѣзъ съ выдѣленнымъ, самостоятельно разсматриваемымъ интересомъ каждаго. Или, точнѣе сказать, эти общіе объемлющіе интересы признаются постолько, посколько они признаются и каждымъ отдѣльнымъ народомъ — въ результатѣ свободнаго волеизъявленія и принятыхъ на себя обязательствъ — въ результатѣ ихъ самоопредѣленія. Общность, связность, взаимная сплетенность судебъ, предпосылочность объемлющихъ задачъ рѣшеніямъ отдѣльиыхъ ея участниковъ — не признается или допускается лишь въ результатѣ утвержденныхъ правомъ ихъ соглашеній.

Каждый народъ какъ бы ограждается заборомъ отъ всего остального міра, отъ человѣчества; для каждаго народа и націи выдѣляется особый закутокъ, особый огородъ, который ему предоставляется самостоятельно воздѣлывать, въ которомъ онъ хозяинъ; и съ остальными народами ему предоставляется мирно столковываться, въ случаѣ недоразумѣній прибѣгая къ суду, въ случаѣ нарушеній — къ міровой полиціи безопасности. Если въ святости договоровъ, пересиливающей всякую другую задачу, мы имѣли гражданско-правную внутригосударственную точку зрѣнія, перенесенную на межгосударственныя отношенія, психологію честнѣйшаго

коммерсанта, то и въ самоопредѣленіи національностей мы имѣемъ яркое воплощеніе психологіи мелкаго хозяина, скорѣе всего, типа хозяина собственника, обносящаго свой клочекъ земли высокимъ заборомъ, строящаго глухую стѣну противъ оконъ сосѣда, распоряжающагося — съ правомъ utendi et abutendi — въ предѣлахъ своего владѣнія, а съ другими такими же хозяевами сносящагося путемъ договоровъ, защищенныхъ судомъ и полиціей. Это — идеологія гражданскаго, римскаго права, концепція городского мѣщанства и сельскаго крестьянства, перенесенная на международныя отношенія, концепція международнаго мѣщанства.

Далека отъ меня мысль желать уже этимъ терминомъ опорочить что бы то ни было и менѣе всего само мѣщанство. Дешевый способъ уязвленія этимъ якобы превзойденнымъ въ современномъ соціализмѣ сочетаніемъ чувствъ, навыковъ, міросозерцанія, какъ чѣмъ то малоцѣннымъ, отъ меня чрезвычайно далекъ. Отмѣчу попутно, что именно въ мѣщанской духовности — наряду съ отрицательными корнями узости и ограниченности горизонта — нетрудно усмотрѣть одинъ изъ цѣннѣйшихъ соціальныхъ типовъ человѣчества. Въ немъ сочетается непрерывная трудовая дисциплина (при томъ съ тенденціей къ увеличенію трудового напряженія, а не къ ограниченію его, какъ это имѣетъ мѣсто въ пролетарской духовности) съ отвѣтственнымъ, самостоятельнымъ распорядительствомъ; въ немъ сочетается предпосылка равнозначности многихъ (служащая основой демократизма) съ ощущеніемъ выдѣленной и все же устойчивой самозначности каждой ячейки и даже съ сознаніемъ ея непрерывно-преемственной традиціонной устойчивости (что даетъ точку касанія съ традиціями аристократизма). Крестьянскій дворъ раститъ чувство незыблемости; иная ремесленная мастерская воспитываетъ въ традиціяхъ преемственно накопляемыхъ навыковъ; иная посредническая дѣятельность, впрочемъ скорѣе уже буржуазная, чѣмъ мелко-буржуазная — создаетъ духъ смѣлости, увѣренности въ себѣ, подчасъ авантюризма дерзаній.

Но какъ бы то ни было, переносъ этой личной (хотя и массово-повторной) внутригосударственной крестьянско-торговой психологіи на дѣла государственныя и международныя — дѣйствительно не только неумѣстенъ, но и глубоко опасенъ. И въ этомъ смыслѣ крестьянская психологія законная въ крестьянскомъ быту и торговая психологія, умѣстная въ торговомъ быту — къ тому же заключающія въ себѣ и общечеловѣческія духовныя цѣнности, — безспорно мало

умѣстны и мало подходящи къ государственной жизни, къ жизни межгосударственной и международной.

Я не хочу сказать, чтобы хозяйственный строй страны просто опредѣлялъ здѣсь идеи военнаго времени, чтобы онѣ были надстройкой надъ хозяйственной структурой современныхъ государствъ. Современный хозяйственный строй существуетъ не первый годъ и видѣлъ не первую войну, а между тѣмъ впервые характеръ лозунговъ отражаетъ въ столь яркой степени внутреннюю классовую психологію. Мало того, можно отмѣтить, что эта психологія и не исчерпывающе характерна именно для господствующихъ слоевъ послѣднихъ десятилѣтій; мѣщанство, мелкая буржуазія, сельская и городская — не вновь выработанные, а исконные элементы современнаго общества, для послѣднихъ-же его претвореній характерны не они, а тѣ капиталистическіе, крупно-капиталистическіе слои, чья власть и значеніе выработались и превзошли буржуазное общество, опредѣляя его послѣднюю разновидность. И однако именно теперь мѣщанская психологія оказалась подоплекой военныхъ идей. Конечно, здѣсь имѣло большое значеніе то, что по своему содержанію эти идеи были выгодны для политики Антанты; но этимъ дѣло еще не объясняется до конца, ибо если эта выгода отчасти заключалась въ томъ, что ихъ осуществленіе приводило къ ущербу для врага, то все же значительная _ какъ знать, не наибольшая ли — часть этой выгоды заключалась, именно, въ ихъ вербующей силѣ. Имѣло существенное значеніе и сближеніе съ мѣщанской психологіей нѣкоторыхъ особенностей въ государственномъ положеніи странъ Антанты; но все же была и другая сторона въ этихъ явленіяхъ, всего проще выясняющаяся на Англіи.

Англія искони страна торговли и торговцевъ. Тѣмъ не менѣе до послѣдняго времени она сохраняла на ряду со строемъ свободы и всевластіемъ народнаго представительства — могучую аристократію, и эта аристократія сохранила свои и прерогативы и власть въ нѣкоторыхъ отрасляхъ государственнаго — а въ частности именно международнаго управленія. Доступъ былъ открытъ низамъ, но эти низы проходили, достигая власти, школу традиціоннаго аристократизма. Почему старая аристократія по своей психологіи отвѣчала задачамъ международно - государственнаго распорядительства, — это вопросъ особый: отчасти въ ея классовой и сословной подосновѣ была предзаложена соотвѣтствующая созвучность; отчасти же она традиціонно, нарочито воспитывала

своихъ сыновей въ требующейся духовности. Въ послѣднее время это измѣняется. Не одинъ премьеръ пришелъ къ власти не изъ тренировавшихъ себя на власть круговъ (Bonar Law); но особенно показательнымъ является вождь и руководитель англійской имперіи Ллойдъ Джорджъ. Этотъ маленькій провинціальный адвокатъ принесъ на вершины власти не одни только государственныя большія свои дарованія и личныя блестящія данныя, не одинъ только свой валійскій горячій темпераментъ, но и духовный строй радикала — человѣка изъ толпы, адвоката, дѣльца, спорщика, агитатора. Но и не въ этомъ еще самомъ по себѣ суть дѣла; въ былыя времена его бы переварила среда власти, въ которую онъ попалъ; даже если онъ тамъ и не одинъ, она бы всѣхъ къ себѣ приспособила и уподобила, оставивъ различіе лишь въ оттѣнкахъ а не въ существѣ. Но произошло и болѣе глубокое измѣненіе: измѣненіе въ средѣ резонанса. Раньше ближайшій резонансъ имѣла государственная дѣятельность въ сравнительно тѣсныхъ высшихъ кругахъ и чѣмъ дальше, чѣмъ шире круги, — тѣмъ болѣе производнымъ становился резонансъ. Въ этомъ отношеніи послѣднія десятилѣтія внесли рѣшающее измѣненіе, — отчасти и измѣненія государственно-правныя, (расширеніе избирательнаго закона), но въ еще большей степени измѣненія хозяйственныя, духовныя, бытовыя. Грамотность выросла, выросъ интересъ къ политикѣ, газета стала дешевой и доступной, рабочее время сократилось — такія и подобныя перемѣны имѣютъ, быть можетъ, еще большее значеніе, нежели измѣненіе избирательнаго права. Средой непосредственнаго резонанса для государственной дѣятельности стала не организованная государственность, а неоформленныя широчайшія массы; при нормальныхъ условіяхъ — можно сказать: народъ, а въ взболомученныя, обостренныя, спѣшно рѣшительныя минуты — улица. Отсюда идетъ откликъ, сюда обращается власть, отсюда идутъ на нее встрѣчныя воздѣйствія. И въ своихъ содержаніяхъ и въ своемъ тонѣ власть должна приспособляться именно къ этой средѣ. Эта среда неорганизована и не расчленена; она воспринимаетъ и отвѣчаетъ огуломъ; въ ней преобладаютъ не тѣ, кто соціально сильны и не тѣ, кто духовно сильны, въ ней преобладаетъ неопредѣленная разсѣянная толпа, знаменитый «человѣкъ съ улицы», на котораго давно обратила вниманіе англо-саксонская политическая мысль, т. е. всякій человѣкъ, т. е. преимущественно мѣщанинъ. И вотъ почему къ мѣщанской психологіи приспособилась и мѣщан-

скую психологію отразила государственная мысль и политика западныхъ странъ современности.

На Англіи это отношеніе сказывается особенно ярко, но въ сущности нѣчто аналогичное происходитъ и въ другихъ странахъ. Во Франціи давно господствуетъ крестьянинъ и рантье, и все же иностранную политику вели преимущественно люди изъ былыхъ аристократическихъ группъ. Это считалось непонятной слабостью, проявленіемъ робкой неувѣренности демократіи; на самомъ дѣлѣ — какъ знать — не проявлялась ли въ этомъ ея безсознательная мудрость. Государственныя функціи требуютъ различныхъ предпосылокъ психологіи и навыковъ, и большой вопросъ, не лучше ли дѣло демократіи исполнитъ въ опредѣленной области человѣкъ не демократической духовности. Но суть въ томъ, что средой резонанса и отвѣтнаго вліянія и здѣсь стала неорганизованная масса. И въ данномъ случаѣ рѣшающимъ оказалась отмѣченная уже выше сугубая всенародность военнаго времени, когда всякій напрягъ свое вниманіе, сознаніе и волю на общегосударственное, на міровое дѣло, затронувшее самыя основы его существованія, когда отъ сознанія и воли всякаго стала въ зависимость государственная и міровая судьба. Власть, ежедневная газета и человѣкъ съ улицы опредѣлили въ своемъ взаимодѣйствіи духовность военной эпохи и потому она окрасилась въ цвѣта духовности мѣщанской.

Мѣщанская духовность несоотносительна съ задачами государства въ международномъ общеніи и потому переносъ ея туда можетъ причинить глубокій вредъ. Здоровая демократія вѣроятно найдетъ какіе нибудь пути преодолѣнія или хотя бы ослабленія этого вреда. Но для этого въ данномъ случаѣ не было ни времени, ни возможности. И психологія французскаго мелкаго собственника и англійскаго коммерсанта, оформленная правосознаніемъ американскаго профессора, оказалась въ поразительномъ несоотвѣтствіи съ задачами государственности въ бурномъ международномъ столкновеніи,

Чтобы вскрыть точнѣе это несоотвѣтствіе, намъ надлежитъ разсмотрѣть ту идею — имперіализма, которой была противопоставлена антантистская проповѣдь.

3. ИМПЕРІАЛИЗМЪ

Идеѣ самоопредѣленія національности противопоставлялась идея имперіализма, которая Германіи ставилась въ вину,

какъ ея главнѣйшее — наряду съ нарушеніемъ договора — преступленіе. Конечно, весьма пикантно звучитъ обвиненіе въ имперіализмѣ со стороны Англіи, впервые создавшей міровую державу; со стороны Америки, къ этому сейчасъ стремящейся, со стороны Франціи и Италіи, какъ только получившихъ къ тому благодаря побѣдѣ возможность, устремившихся къ расширенію своихъ предѣловъ и сферъ своего вліянія. Но насъ и здѣсь интересуетъ не правомѣрность и даже не обоснованность пропаганды, а ея смыслъ.

Повидимому Германія не рѣшилась стать съ той же опредѣленностью на почву имперіализма, какъ союзники стояли на почвѣ самоопредѣленія. Она не подняла перчатки, не заявила черезъ тысячи оффиціальныхъ и неоффиціальныхъ рупоровъ: да я стремлюсь къ имперіализму. Пожалуй, слѣдуетъ сказать, что и здѣсь — какъ и въ случаѣ съ отстаиваніемъ примата соціально-культурныхъ содержаній надъ правовой формой — она духовно спасовала передъ идейнымъ натискомъ Западной Европы. Соблазненная идеалистической словесностью, отчасти соблазненная возможностью примѣнить и со своей стороны разрушительный принципъ къ своимъ врагамъ, отчасти вѣроятно и подлинно побѣжденная въ лицѣ своего собственнаго мѣщанскаго элемента (къ которому въ нѣкоторомъ отношеніи приходится отнести и кадры соціалъ-демократіи, стоящіе на грани пересѣченія высшихъ квалифицированныхъ слоевъ рабочаго класса съ иными слоями интеллигентскаго мѣщанства) — она не устояла на исторически предназначенной ей позиціи. А между тѣмъ исторіей эта позиція была для нея пріуготовлена, она была осознана и провозглашена ея политическими и идейными вождями («средняя Европа», «Берлинъ—Багдадъ», «будущее Германіи на водахъ», лозунги колоніальной политики и проч.).

Имперіализмъ противъ самоопредѣленія. Имперіализмъ явленіе не новое; по этому пути въ наше время идутъ Америка и Японія; на этомъ пути стоитъ Англія, создавшая великую міровую имперію и только что стояла Россія; по этому пути въ былыя столѣтія шла Испанія, а въ иныя эпохи шелъ древній Римъ. Государство, насыщенное — соотвѣтственно возможностямъ эпохи, — культурою, дѣйственною мощью, организаторскими потенціями, силою распространяться, завоевываетъ мечомъ или втягиваетъ въ сферу своего воздѣйствія силками мирныхъ связей сосѣдніе и да-

лекiе народы; оно на нихъ распространяетъ свои высшiя достиженiя, ускоряя и организуя взаимодѣйствiе своихъ составныхъ частей, собирая воедино грандiозныя человѣческiя массы, создавая величайшее напряженiе, внося миръ совмѣстной работы въ прежде враждебные разрозненные, несогласованные коллективы. Безспорно-величайшее значенiе подобныхъ великихъ образованiй. Въ сущности впервые они выводятъ на человѣчество, на исторiю и въ этомъ смыслѣ на вѣчность, тѣ глубинныя духовныя цѣнности, которыя вырабатываются и накопляются, вспыхиваютъ и нарастаютъ обыкновенно только въ опредѣленно ограниченныхъ пространственныхъ и историко-этническихъ условiяхъ; въ тѣсныхъ рамкахъ онѣ зачинаются и въ великихъ имперiяхъ достигаютъ своего вѣчнаго въ предѣлахъ человѣчества значенiя.

И, наконецъ, независимо отъ оцѣнки этого явленiя, достаточно показателенъ и самый фактъ непрерывнаго напряженiя человѣчества въ этомъ направленiи, къ тому же не ограничивающагося однѣми государственными формами. Здѣсь не мѣсто прослѣживать тотъ общiй соцiологическiй законъ, который сказывается въ *возрастанiи* объема соцiальной организованности, и тѣ безчисленныя предпосылки и послѣдствiя, которыя съ этимъ движенiемъ связаны. Достаточно отмѣтить эту неизмѣнную тенденцiю къ созиданiю объемлющихъ организацiй не въ одной государственной области, но напримѣръ, и въ области церкви, въ области хозяйственной (при переходѣ отъ мелкихъ формъ буржуазнаго строя къ крупно капиталистическимъ), — чтобы понять ту неизбывную пружину, которая здѣсь дѣйствуетъ, проявляясь именно въ творческiя эпохи человѣческой исторiи и въ творческихъ составныхъ частяхъ человѣческаго субстрата. И настолько глубоко обоснована непобѣдимая эта тяга, что она самодовлѣюще охватываетъ человѣчество, бьетъ черезъ край, продолжаетъ дѣйствовать и тогда, когда уже исчезаютъ обосновывающiя ее предпосылки, когда реальныхъ силъ для нея уже не хватаетъ. Неустанно гонитъ она по своимъ путямъ и подобно всякой страсти приводитъ къ внутренней слабости и часто неожиданному распаду преувеличенно разросшейся громады.

Таковъ смыслъ и механика имперiализма. Таковъ творческiй процессъ, который охватилъ Германiю — и въ ея лицѣ очередную часть человѣчества Европы — къ расширенiю и разливу культурной мощи, накопившейся на ея территорiи,

въ ея народѣ, въ предѣлахъ ея государственности. Какъ бы ни оцѣнивать отдѣльные моменты этого процесса, суть его ясна: въ немъ строительство того размаха, который двигаетъ человѣчество къ его послѣдовательно достигаемымъ вершинамъ.

И вотъ, если сопоставить этотъ творческій — и въ этомъ смыслѣ прогрессивный — процессъ германской государственной культуры съ идейной позиціей Антанты, мы и увидимъ существенный смыслъ и того и другой. Съ одной стороны творчество, осуществленіе одного изъ созидательныхъ процессовъ человѣческой исторіи; съ другой стороны, лозунгъ въ одномъ своемъ примѣненіи — по отношенію къ малымъ, уже существующимъ государствамъ — охранительный (сохраненіе ихъ status quo), въ другомъ своемъ примѣненіи — по отношенію къ негосударственнымъ національностямъ — реакціонный. Ибо если жизненный процессъ государственнаго бытія человѣчества ведетъ къ расширенію организованности, къ созиданію объемлющихъ государственныхъ образованій, то раздробленіе крупной исторически сложившейся единицы на составныя части, уничтоженіе объемлющихъ государственностей, выдѣленіе изъ нихъ по этническому принципу составныхъ частей — всегда угрожаетъ подлиннымъ въ историческомъ отношеніи движеніемъ вспять, возвращеніемъ къ уже пройденнымъ стадіямъ государственной организованности. Итакъ, противъ прогрессивности германской позиціи стоитъ консервативность или регрессивность позиціи Антанты.

Но если имперіализмъ есть явленіе прогрессивное, а самоопредѣленіе регрессивное, то значитъ ли это, что во имя его приходится жертвовать націями и малыми государствами?

Что касается націй негосударственныхъ, то изъ сказаннаго выше естественно вытекаетъ, что не жертвовать приходится ими для имперіализма, а что впервые при имперіализмѣ становится возможно достигнуть для нихъ наибольшаго, хотя и негосударственнаго, ихъ самоопредѣленія. Ибо только въ объемлющихъ государственныхъ образованіяхъ, включающихъ въ своихъ предѣлахъ и организаціонныхъ рамкахъ, — множество націй, множество исповѣданій, множество этническихъ группъ, мыслимо для каждой добиться и каждой допустимо предоставить наибольшую въ этомъ малосовершенномъ мірѣ полноту самоопредѣленія и во всякомъ

случаѣ равенства; ибо только въ этомъ случаѣ совмѣщенія множества націй и вѣръ государство способно не отождествлять себя ни съ одной изъ нихъ, способно отказатся отъ соблазна сдѣлать какую либо изъ нихъ угнетающей. Конечно, и такая возможность отнюдь не исключена (какъ это показываетъ дореволюціонная Россія), но она не въ интересахъ государства; государство включающее этническое и вѣроисповѣдное многообразіе объективно незаинтересовано въ этническомъ и вѣроисповѣдномъ неравенствѣ; и въ его интересахъ отъ таковoго освободиться. Только тамъ, гдѣ все населеніе принадлежитъ одной націи или вѣрѣ — нѣтъ національнаго и вѣроисповѣднаго вопроса; и только тамъ, гдѣ населеніе принадлежитъ ко множеству вѣръ и націй, возможно эти вопросы разрѣшить. Когда лицомъ къ лицу съ большинствомъ католическимъ стоитъ меньшинство протестантское или съ большинствомъ христіанскимъ меньшинство мусульманское, или съ большинствомъ польскимъ меньшинство нѣмецкое или еврейское и т. п. — появляется затрудненіе, какъ выключить національный вопросъ, какъ въ національномъ отношеніи уравнять населеніе, ибо въ этихъ случаяхъ функціи національнаго большинства совпадаютъ съ функціями государственными. Но тамъ гдѣ лицомъ къ лицу въ одной государственности находятся и христіане разныхъ вѣроисповѣданій, и евреи, и мусульмане, и буддисты, и ламаиты, и соотвѣтственно безчисленное множество націй, и въ особенности гдѣ нѣтъ рѣшающаго численнаго преобладанія одной изъ нихъ, тамъ мыслимо такое соотношеніе, при которомъ подавленіе просто не представитъ интереса ни для кого, и гдѣ возможно на общихъ болѣе или менѣе одинаковыхъ началахъ предоставить организоваться всѣмъ, совмѣстно удовлетворяя свои насущныя національно-вѣроисповѣдныя задачи. Замѣчу попутно, что отчасти въ связи съ этимъ мы замѣчаемъ въ исторіи тяготѣніе еврейства къ государственнымъ организмамъ имперскаго характера, — ибо только тамъ они имѣли историческіе шансы сохраниться, сохранивъ свое національно-религіозное лицо. Словомъ, только черезъ прогрессивный имперіализмъ, а не черезъ государственное самоопредѣленіе націй, лежитъ путь, если не къ разрѣшенію національной проблемы, (откуда люди взяли, что вообще проблемы разрѣшимы), то во всякомъ случаѣ къ наиболѣе благопріятнымъ условіямъ самосохраненія жизни и развитія національностей безъ взаимнаго и встрѣчнаго ихъ угнетенія.

Обратимся къ вопросу о малыхъ государствахъ. Далека отъ меня мысль умалять значеніе и цѣнность иныхъ малыхъ государствъ, соразмѣрять заслуги и достоинства народовъ съ ихъ численностью, территоріей и распространенностью. Я только отмѣчалъ прогрессивный смыслъ организаціоннаго роста при уже выработанномъ высокомъ духовномъ потенціалѣ даннаго народа. Вырабатывается-же этотъ потенціалъ обыкновенно при сложномъ благопріятномъ стеченіи многихъ географическихъ, историческихъ и культурныхъ обстоятельствъ въ обстановкѣ органически цѣльной, органически способствующей рожденію того законченнаго человѣческаго ядра, который и служитъ основой высокаго культурнаго потенціала. Въ зависимости отъ обстоятельствъ такой органической средой новаго рожденія бываетъ скорѣй всего маленькая страна, — но это всегда страна именно органически сложившаяся, а не получившаяся въ результатѣ искусственной государственной выкройки. Маленькій народъ можетъ стать зерномъ могучихъ произрастаній, онъ можетъ быть наоборотъ осколкомъ нѣкогда уже завершившихся круговъ государственно-культурнаго роста, онъ можетъ дѣятельно участвовать въ міровомъ процессѣ, охраняя свою особенность, но можетъ жить заимствованіями и отраженіями чужого творчества.

По разному идутъ линіи государственно культурныхъ судебъ; рядомъ съ мощными разрастаніями могутъ возникать и сохраняться малые бассейны государственной культуры со своей особой прелестью, цѣнностью и значимостью. Не всякое государство потому, что оно государство, и не всякая культурная индивидуальность потому, что она культурная индивидуальность, уже заслуживаетъ или вызываетъ любовь и бережливое цѣненіе. Есть множество государствъ и культурныхъ индивидуальностей — пусть имѣющихъ право на продолженіе существованія, поскольку онѣ уже существуютъ, но — никакими особенными основаніями для всеобщаго признанія не располагающихъ. Но есть малыя государства, которыя настолько дороги своимъ прошлымъ и настоящимъ культурному человѣчеству, настолько цѣнны именно тѣмъ, что они сдѣлали и что изъ себя представляютъ, что человѣчество считается съ ними не только потому и въ той мѣрѣ, что они являются нѣкоторой уже живущей индивидуальностью; оно дорожитъ и цѣнитъ ихъ содержаніе, ихъ прошлое, настоящее и возможность ихъ будущаго. Достаточно, чтобы освѣтить то, что я хочу сказать, упомянуть Голландію, страну творчества рѣдкаго по своей разносторонности и глубинѣ; Швей-

царію, эту неотъемлемую въ своей независимости составную часть Европы. Уже самая высокая цѣнность и цѣнимость подобныхъ странъ является существенной защитой ихъ въ международныхъ отношеніяхъ. Устойчивостью своей подобныя страны могутъ даже превосходить могучія державы; средства сопротивленія или самосохраненія могутъ быть чрезвычайно значительны, какъ это показалъ примѣръ именно Голландіи и Швейцаріи, оставшихся во время великой войны и нейтральными и незатронутыми, несмотря на свое расположеніе въ исключительно важныхъ точкахъ столкновенія. Именно самая независмость малыхъ странъ можетъ оказаться цѣнной великимъ, благодаря ихъ буферному характеру, благодаря желательности во всеобщихъ интересахъ сохраненія точекъ, незатронутыхъ и глубочайшимъ конфликтомъ; иной разъ именно независимость и, такъ сказать, внѣположность малой страны представляетъ для великой державы большую цѣнность, нежели ея включеніе въ свой составъ. Включенная, она лишь на немного количественно увеличитъ силы включившей державы; самостоятельная — она представитъ качественную цѣнность своей незатрагиваемостью.

Но разумѣется всѣ эти и подобныя соображенія, объясняя и обосновывая независимость маленькихъ странъ, не служатъ гарантіей таковой; возможность насилія надъ ними сохраняется. Какъ же быть съ подобной возможностью; съ спокойной ли душой обречь и ихъ на поглощеніе могущественными сосѣдями, когда онѣ оказываются преградами ихъ имперіализму.

Я нарочно обостряю вопросъ для его принципіальнаго разсмотрѣнія безъ фактической надобности. Вѣчной гарантіи нѣтъ ни для малыхъ, ни для великихъ державъ. Если жизнь въ своемъ поступательномъ ходѣ подчасъ губитъ и высочайшія цѣнности, то мало было бы пользы въ томъ, чтобы противодѣйствовать этому, исходя даже и не слезами, а лишь благожелательной словесностью. Малое государство, какъ и большое имѣетъ въ концѣ концовъ только одну подлинную опору — свое внутреннее содержаніе, волю и умѣніе управлять своей судьбой. Гибели подвержено все созданное руками человѣческими — или во всякомъ случаѣ, риску гибели. Въ случаѣ безусловной невозможности сохранить свою полную независимость у малыхъ государствъ еще остается возможность сближенія съ той расширяющейся разрастающейся имперіей, которая по духу и по интересамъ ей всего ближе. Войти въ орбиту ея вліянія, сблизиться съ ней въ своемъ исто-

рическомъ движеніи — такова послѣдняя возможность сохранить себя въ ту эпоху, когда совершается ростъ великихъ и плодотворныхъ имперіализмовъ. Это не означаетъ поглощенія. Современность выработала столь гибкія формы, которыя связываютъ въ мощныя объединенія, сохраняя самобытность частей въ весьма значительной, иногда чрезвычайно большой степени. Англія служитъ показательнымъ примѣромъ; другой — являетъ Германія, въ которой федеративный строй и даетъ подобное сочетаніе. Но и федеративный строй только форма не единая и не единственная. Различныя частныя связи могутъ объединять государства въ томъ, въ чемъ имъ важно быть объединенными, охраняя ихъ независимость въ остальномъ. Дѣло человѣческаго творчества разрабатывать подобныя формы. Суть процесса сохраняется при этомъ неизмѣнно: образованіе объемлющихъ единствъ остается прогрессивнымъ процессомъ человѣчества. Задача заключается не въ томъ, чтобы охранить малыя государства отъ участія въ немъ, если наступаетъ для того роковая неизбѣжность, а въ томъ, чтобы его оформить съ наибольшею заботливостью о томъ цѣнномъ, что имѣется въ ихъ индивидуальной самобытности.

Самоопредѣленіе національностей противъ имперіализма — лозунгъ консервативно-регрессивный противъ творчески-прогрессивнаго; Антанта противъ Германіи.

Но развѣ фактически Англія, Америка, въ меньшей степени Франція, не осуществляютъ каждая своего имперіализма, развѣ онѣ послѣ войны не довели его до небывалаго напряженія. И не значитъ ли это, что отличіе ихъ отъ Германіи не въ фактическихъ движеніяхъ, а лишь въ притворно-идейныхъ позиціяхъ. И развѣ съ другой стороны всякій имперіализмъ прогрессивенъ, развѣ всякое расширительное движеніе законно, развѣ какъ выше было намѣчено — расширительное движеніе не можетъ по инерціи бить черезъ край свыше мѣры внутреннихъ задатковъ, подготавливая тѣмъ внутренній разрывъ и распадъ.

Что Германія не находилась въ такомъ состояніи, гдѣ бы внѣшнее расширеніе оказалось выходящимъ за предѣлы внутреннихъ возможностей, это едва ли требуетъ доказательства, да и крушеніе ея имперіалистическаго напряженія пошло не по линіямъ внутренняго разрыва, а по линіямъ внѣшняго давленія на нее всего міра. Англія въ прошломъ совершила

безподобную имперіалистическую работу, Франція, потерпѣвъ на ней въ былыя времена крушеніе, снова — хотя въ несравненно меньшихъ размѣрахъ — производила ее за послѣднія десятилѣтія. Но Англія уже и до войны захватила въ предѣлы своей имперіи грандіозныя пространства и собственно передъ ней стояла въ большей степени задача крѣпче ихъ сорганизовать, нежели дальше увеличивать. Этому и соотвѣтствовалъ процессъ внутренней организаціи британской имперіи, какъ онъ намѣчался въ довоенное время. Задача объективно была охранительная — не допускать возрастанія чужого могущества, обезпечить себя отъ ударовъ (союзъ съ Японіей, сближеніе съ Франціей и Россіей), конкурентовъ и враговъ, скрѣпить свою внутреннюю спайку — больше чѣмъ наступательная. Франція, хотя и ведшая расширительную политику въ Африкѣ, но уже въ силу своей сравнительной слабости, по сравненію съ величайшими державами, а отчасти въ силу духовности своего населенія и законченности своей нѣкогда господствовавшей культуры — точно также стояла на оборонительной позиціи. Въ этомъ безусловная правда нареканій и обвиненій: наступательная позиція была у Германіи, оборонительная, защищавшая уже прежде добытое и созданное, у Англіи и Франціи; творчество мірового размаха у Германіи; охрана, сбереженіе — у Англіи и Франціи. Отсюда соотвѣтственно и духовныя ихъ позиціи, отсюда у странъ Антанты психологія рантьерства, beati possidentis, собственника — хозяина, заботящагося объ обезпеченіи своей собственности, своего уже добытаго благосостоянія, своихъ уже пріобрѣтенныхъ правъ, — не только отъ конкуррента, отъ противника и соперника, но и просто отъ появленія новаго сильнаго хозяина, съ которымъ можетъ быть придется соперничать. Антанта побѣдила въ сложной игрѣ, объединившей охранительныя силы Англіи съ наступательными тенденціями Японіи и Америки. И на открывшемся полѣ, — на полѣ, не представлявшемъ больше никакаго сопротивленія — собственническіе инстинкты и вожделѣнія распространились на все, что подлежало захвату. Конечно, проявлялась и старая тяга и опытъ имперіализма, но прежде всего обнаруживалось собственническое заданіе пріобщить —, что оказалось безхозяйнымъ и беззащитнымъ, разомъ разрѣшивъ задачи, вопросы, трудности, оставшіеся отъ прошлаго. Задача заключалась не въ активномъ наступательномъ добываніи, а, если можно такъ выразиться, въ спекулятивномъ использованіи коньюнктуры. Это былъ имперіализмъ, сло-

жившийся послѣ банкротства соперника. Защитивъ себя отъ зарвавшагося конкурента, побѣдитель воспользовался представившимися, благодаря его пораженію, возможностями. Здѣсь не было наступленія, здѣсь только успѣшная оборона, завершившаяся удачной спекуляціей.

Такъ какъ имперіалистическое расширеніе не было здѣсь наступательной задачей, проявлявшей накопившіяся силы, то, не будучи ими и обусловлено, оно не оказалось ими и ограниченнымъ; какъ всякой спекуляціи на внѣшнюю доступность, ему оказалось легко перейти за предѣлы внутренне предначертаннаго. И дѣйствительно британскій имперіализмъ сталъ передъ опасностью зарваться въ своемъ расширеніи. И это тѣмъ болѣе такъ, что расширеніе его оказалось возможнымъ лишь благодаря такимъ внѣшнимъ исключительно благопріятнымъ для него условіямъ, которыя длительно оставаться безъ перемѣнъ не могутъ.

Коньюнктура была такова, что при пораженіи Германіи, самоустраненности Россіи, временной дипломатической парализованности Америки, готовности Франціи идти навстрѣчу, безразличіи Японіи, — Англія могла неограниченно расшириться; неограниченно и расширялась она въ мѣру этой внѣшней представившейся возможности: но моментъ этотъ долженъ пройти. Вильсонъ сперва былъ парализованъ государственными учрежденіями его родины, потомъ выброшенъ ими, — Америка возстановляетъ его безталанный провалъ; со временемъ въ той или иной формѣ возстановится Россія и вновь окрѣпнетъ Германія; внѣшнія давленія примутъ новыя очертанія и имперія, составленная примѣнительно къ исключительной конъюнктурѣ, окажется несостоятельной въ конъюнктурахъ новыхъ. Можно думать, что ей предстоятъ бо́льшія трудности, чѣмъ до разгрома Германіи.

Такимъ образомъ ближайшее разсмотрѣніе подтверждаетъ то положеніе, которое было выставлено выше; имперіализмъ — явленіе творчески прогрессивное; таковъ онъ у Америки, у Японіи, таковъ онъ въ меньшихъ размѣрахъ у Италіи, таковъ онъ былъ у Германіи. Франція и Англія въ настоящее время стояли уже на позиціи охранительной и повоенное разрастаніе ихъ является не результатомъ изнутри идущаго творческаго размаха, а послѣдствіями использованія временной внѣшней коньюнктуры; стремленіемъ сохранить и воспользоваться даннымъ — не творить новое. Творчество — противъ охранительства, таковымъ остается отношеніе Германіи къ Антантѣ.

III. ИДЕИ МИРА

1. ВОЕННАЯ ОБСТАНОВКА МИРА

Миръ завершаетъ войну, ставитъ предѣлъ разрушенію, но — разрушенію вооруженному, физическому. Миръ вмѣстѣ съ тѣмъ закрѣпляетъ торжество побѣдившихъ на войнѣ тенденцій; и если эти тенденціи и сами по себѣ были разрушительными, то онъ только открываетъ новую эпоху разрушеній, уже не физически военныхъ, а болѣе прикрытыхъ — гражданско соціальныхъ. Миръ, закончившій великую войну, далъ полную, ничѣмъ неограниченную побѣду побѣдившимъ и тѣмъ самымъ полный просторъ двигавшимъ ими мотивамъ. Всѣ тѣ разрушительныя силы, силы разрушительной идейности, которыя на войнѣ накопились, но въ сущности на войнѣ могли сказаться только отчасти (напр. въ ея неумѣренномъ продолженіи, въ идейной проповѣди), здѣсь получили возможность претвориться въ дѣйствительность; во всякомъ случаѣ здѣсь появилась возможность — и наступила неизбѣжность сдѣлать попытку такого претворенія; и она была произведена. Отсюда разрушительныя особенности мира; онъ не завершилъ войны, хотя бы и закрѣпивъ ея добычу, но вмѣстѣ съ тѣмъ, переведя человѣчество на дорогу возобновленнаго строительства, онъ организовалъ разрушительное содержаніе военныхъ устремленій — въ учрежденіяхъ мирныхъ, т. е. разсчитанныхъ не на исключительное время, а на постоянное существованіе. Онъ поставилъ себѣ задачу удовлетворить притязаніямъ раззожженныхъ массовыхъ стихій и алканій, максималистическимъ критеріямъ; и сочетая разрушительную идейность съ разрушительнымъ алканіемъ, ограничивая интересы побѣдителей — то есть собственно дополняя ихъ — лишь ея мертвящимъ дѣйствіемъ, онъ не только самостоятельно отъ себя усугубилъ развалъ, произведенный войной, но еще дополнительно — установилъ такой европейскій порядокъ, который самъ по себѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ является организаціей безпорядка и разрушенія.

Я не хочу этимъ сказать, чтобы Версальскій и другіе сопровождавшіе его миры, являлись столь вредными потому, что воплощали выработанную военнымъ временемъ идеологію. Наоборотъ, эту идеологію они, разумѣется, нисколько не воплотили. Не воплотили частью потому, что она и вообще была невоплотимой, что въ ея невоплотимой преувеличенности и заключался ея военный смыслъ, не воплотили они и по той нисколько не менѣе рѣшающей причинѣ, что побѣдители естественно стали осуществлять и обезпечивать свои интересы, получивъ къ тому силовую возможность, и нисколько не заботятся о самодовлѣющихъ принципахъ и провозглашенныхъ благахъ.

Дѣло было бы проще и менѣе зловредно, если бы провозглашенные принципы возможно было явно и безоговорочно оставить въ сторонѣ. Менѣе зловреднымъ это было бы уже потому, что установило бы ясную и недвусмысленную перспективу, въ которой и наиболѣе корыстныя алканія получили бы по крайней мѣрѣ опредѣленную постановку и ограниченныя объективнымъ положеніемъ вещей возможности; была бы по крайней мѣрѣ ясность реальныхъ требованій и реальныхъ путей ихъ удовлетворенія; была бы однозначность и прозрачность постановки и рѣшенія вопросовъ. Могли бы быть приняты жестокія рѣшенія, но они были бы приняты въ соотвѣтствіи хоть съ чьими либо подлинными интересами и съ подлинными возможностями ихъ удовлетворенія. Франція и Италія могли бы потребовать для себя контрибуціи и территоріальныхъ приращеній потребныхъ имъ, Англія — колоніальныхъ и экономическихъ выгодъ и т. п. Въ открытомъ выставленіи этихъ требованій легко сказалась бы ихъ преувеличенность, или наоборотъ возможность ихъ удовлетворенія побѣжденными; въ открытомъ выставленіи ихъ сказалось бы ихъ несоотвѣтствіе между собой, или противорѣчіе одновременнымъ задачамъ Америки и нейтральныхъ. Необходимость согласованія всѣхъ этихъ разнообразныхъ требованій и притязаній между собой и съ возможностью ихъ удовлетворенія, при томъ не вызывая сопротивленія третьихъ заинтересованныхъ или незаинтересованныхъ — и привела бы къ реалистическому ихъ взаимно приспособленію. Эти требованія могли бы оставаться жестокими для побѣжденныхъ, но — въ силу своей реалистичности, въ силу учтенности въ нихъ многихъ подлинныхъ интересовъ — они —остались бы жизненными; ихъ удовлетвореніе оказалось бы возможнымъ и слѣдовательно возможнымъ оказалась бы

даже для побѣжденныхъ дальнѣйшая жизнь и возстановленіе.

Но стать на такую реалистическую позицію послѣ всей поднятой идеологической бури, послѣ того, какъ въ нее вовлекли массы, послѣ того, какъ себя этимъ вовлеченіемъ связали, связали провозглашеніями и обѣщаніями, — было разумѣется невозможно. И тѣмъ менѣе это было возможно, что въ средѣ побѣдителей былъ непосредственный защитникъ спеціально этой идеологіи, для кого она въ значительной степени стала нѣкіимъ суррогатомъ реальнаго интереса. Повидимому, возможно такъ различить важнѣйшія роли, что Франція въ лицѣ Клемансо стояла на позиціи опредѣленно реалистической, готовая отбросить весь нанесенный войной словесный хламъ — ради отстаиванія и обезпеченія своихъ жизненныхъ интересовъ. Въ этомъ сказывалась не только историческая политическая культура, унаслѣдованная отъ великаго прошлаго, сказывалась и жизненная неизбѣжность; ибо изъ числа великихъ державъ побѣдительницъ другія собственно достигли главнаго уже фактомъ побѣды (Америка), разгрома Германіи (Англія); дальнѣйшее движеніе ихъ исторіи тѣмъ самымъ уходило на иные, міровые пути, къ колоніямъ, къ Тихому океану, къ борьбѣ за міровые источники топлива, сырья, за міровые рынки, къ внутреннимъ задачамъ хозяйственнаго и соціальнаго порядка. Одна Франція оставалась и на будущее связанной въ своей судьбѣ съ судьбой побѣжденныхъ. Въ другомъ мѣстѣ я вернусь къ разсмотрѣнію тѣхъ послѣдствій, которыя отсюда проистекли; здѣсь достаточно отмѣтить, что это вызвало уже и при заключеніи мира отношеніе трезвое и реалистическое. Трагедія Франціи заключалась однако въ томъ что эта трезвость пришла слишкомъ поздно; что для того, чтобы быть спасительной, она должна была уже дѣйствовать и въ военное время, опредѣляя самое его протеченіе.- Впрочемъ не то, чтобы тамъ Францію оставила трезвость и отчетливая сознательность самосохраненія великаго народа, поставленнаго передъ лицомъ великихъ опасностей. Все это оставалось у нея, но все это оказалось своеобразно устарѣвшимъ, осуществляемымъ психикой въ перспективѣ минувшаго, а не настоящаго, обращеннымъ вспять, а не впередь; все это происходило въ перспективѣ внутри европейскихъ военнополитическихъ отношеній былого, а не міровыхъ экономико-государственныхъ связей настоящаго. При господствѣ Клемансо, этого блестящаго представителя французской политической мысли и государ-

ственнаго самосохраненія прошлаго, Кайо сидѣлъ въ тюрьмѣ, а изъ за рубежа протестовалъ Ролланъ, подобно Клемансо представитель изжитой эпохи, хотя и другого устремленія, протестовалъ во имя общегуманитарной идеи, а не во имя заново созидавшейся культурно государственной дѣйствительности. И потому позиція Франціи реалистическая и жизненная, преслѣдовавшая ея самосохраненіе, оказалась неспособной его осуществить, привела къ ея дальнѣйшему подрыву [1].

Какъ бы то ни было, это была позиція откровенной и жестокой защиты. Противоположна была позиція Вильсона. Не то, чтобы въ его политикѣ времени заключенія мира (и въ особенности до того времени) оказались нарушенными интересы его страны, — это произошло лишь впослѣдствіи, когда непріятіе Америкой результатовъ мирныхъ переговоровъ парализовало ее на все то время, что Вильсонъ продолжалъ держаться за свое президентство. Въ то-же время политика Вильсона, очевидно отражавщая опредѣленныя стороны американскаго самосознанія, еще шла параллельно американскимъ интересамъ. И такъ какъ она пріукрашивала ихъ казавшимися соблазнительными цвѣтками обольщающей словесности, то и не только была пріемлема, но и была пріята съ восторгами. Америка свои интересы сполна удовлетворила какъ уже до вступленія въ войну, такъ и участіемъ въ побѣдѣ; и ея самосохраненіе дѣйствительно ни въ малѣйшей степени не могло быть затронуто тѣмъ или инымъ оформленіемъ мира. Она въ сущности была заинтересована лишь наиболѣе скорымъ возстановленіемъ всеобщаго міроваго и мирнаго порядка, а слѣдовательно установленіемъ предпосылокъ нормальной человѣческой и общественной дѣятельности. Въ этомъ смыслѣ эгоистическій государственно-культурный интересъ Америки дѣйствительно совпадалъ съ общечеловѣческимъ не національнымъ и внѣ государственнымъ интересомъ — соблюденія права и справедливости, противодѣйствія разрушительнымъ порывамъ побѣдителей и поддержанія жизненныхъ предпосылокъ дальнѣйшаго существованія побѣжденныхъ. Гуманитарная умѣренность, культурная справедливость правовое самообузданіе, соблюденіе независимыхъ отъ минутныхъ условій предпосылокъ общечеловѣческаго общенія, — въ этомъ смыслѣ дальновидная умѣренность и безкорыстная справедливость были естественной программой Америки. Оставалось ее осуществить, провести про-

---

[1] См. ниже «Трагедія Франціи».

тивъ разгорѣвшихся страстей, несдерживаемыхъ противодѣйствіемъ, и примѣнить къ условіямъ дѣйствительности, къ возможностямъ осуществленія. Гуманитарный общечеловѣческій интересъ сливался съ частнымъ американскимъ; Америка объективно-исторически выносилась на роль не только вершителя міровыхъ судебъ, благодаря военнымъ, хозяйственнымъ, финансовымъ своимъ средствамъ, благодаря своему рѣшающему участію въ побѣдѣ, она становилась въ блистательное положеніе блюстителя вѣчной жизненной правды противъ корысти торжествующихъ, общечеловѣческой сверхвременной зрячести, противъ ослѣпленія минуты. Вопреки Европѣ — Америка могла Европу вывести на путь возрождающейся жизни. Этого ожидали отъ нея, этого она сама отъ себя ожидала; атмосфера всеобщихъ упованій окутывала Вильсона, пріѣзжавшаго вершать судьбы міра.

Если дѣло кончилось проваломъ и для дѣла человѣчества и для Вильсона, — то, конечно, въ конкретномъ основаніи лежали давно выясненныя свойства этого человѣка. Строеніе американской государственности дало возможность безвозбраннаго доведенія до конца его дѣла съ тѣмъ, чтобы потомъ его раздѣлывать. Но въ болѣе глубокой и общей основѣ того, что возможнымъ оказалось и дѣйствительно осуществилось дѣло Вильсона, лежитъ общая духовность военнаго времени. Ибо въ сущности ее именно и проводилъ въ своей провинціальной ограниченности американскій президентъ. Загипнотизированный формулами и не понимая ни жизни, къ которой ихъ приходилось примѣнять, ни смысла, который, искаженный военнымъ нажимомъ, въ нихъ таился, — онъ ограничивался ихъ примѣненіемъ, приспособляя ихъ, когда то становилось уже совершенно неизбѣжнымъ, не къ реальности, а къ другимъ противопоставленнымъ ему формуламъ; и это вызывало частью лицемѣрное, а частью непредвидѣнно механическое ихъ сплетеніе. Незабываемой останется нарисованная Кейнсомъ картина; незабываемой останется та упрощенная игра, помощью которой отъ Вильсона можно было всего добиться, дѣлая уступку или видимость уступки его излюбленной Лигѣ Націй. Суть во всякомъ случаѣ та, что Вильсонъ оказался носителемъ военной идейности. Такимъ образомъ миръ и сталъ результатомъ взаимоприспособленія весьма жизненно — устремленнаго интереса съ внѣжизненной, изъ войны выросшей, идейности: Клемансо и Вильсона. И обоихъ — временныхъ кумировъ своихъ народовъ безъ сожалѣнія и почти безъ противодѣйствія

сбросили эти народы, какъ воплотителей и руководителей гибельной, хотя и побѣдоносной, неудачи. Но есть разница между этими двумя людьми и въ ихъ паденіи.

Блестящій Клемансо, человѣкъ большой силы и содержательности былъ виновенъ — или былъ символиченъ для виновности военнаго времени, доведенія войны «до конца»; позиція мирныхъ переговоровъ вытекала отсюда уже съ неотвратимой необходимостью, ибо то былъ выводъ не логическій или психологическій, а въ жизненныхъ фактахъ закрѣпленный. Вильсонъ, лично тусклый и ограниченный, проводилъ съ упорствомъ военныя аббераціи военнаго времени, съ самаго начала выработанныя для толпъ, а не для руководителей, а къ тому времени и лишенныя какого либо живого соотношенія съ дѣйствительностью. Паденіе Клемансо было справедливымъ судомъ надъ воплощенной въ немъ политикой, паденіе Вильсона было кромѣ того и справедливымъ осужденіемъ человѣка. Но въ обоихъ случаяхъ сказалось то, что при многихъ слабостяхъ демократіи остается ей обычно присущимъ — не неблагодарность проявилась здѣсь, нелегкая подвижность массъ, свергающихъ надоѣвшихъ любимцевъ и отворачивающихся отъ нихъ для новыхъ увлеченій, — здѣсь проявилось чутье имманентной цѣлесообразности, не разсудочное сопоставленіе дѣяній и ихъ послѣдствій, осязаніе никчемности провозглашенныхъ выходовъ. Побѣдителей не судятъ и до заключенія мира ихъ и не судили, ибо они были побѣдителями — въ преодолѣніи врага; но ихъ осудили послѣ заключенія мира, ибо въ преодолѣніи трудностей строительства они оказались побѣжденными.

Клемансо и Вильсонъ воплощали двѣ тенденціи мирныхъ переговоровъ, обѣ производныя отъ военнаго времени, обѣ представлявшія продолжающійся раскатъ по инерціи тенденцій военнаго времени: его воинско-насильственныя устремленія и его устремленія идеологическія, обѣ разрушительныя, но по разному, а въ сочетаніи сугубо. Но былъ еще третій среди вершителей мира, не воплощавшій самостоятельнаго устремленія, но можетъ быть именно въ виду этого, игравшій и рѣшающую роль. То былъ Ллойдъ Джорджъ. Этотъ блистательный тактикъ, человѣкъ соединяющій упорство и выдержку своей страны, практическое умѣніе отыскивать конкретный для данной минуты выходъ, съ живостью и подвижностью своего національнаго валійскаго темперамента, доводилъ практицизмъ до импрессіонизма. Онъ нисколько не страдалъ болѣзнью идейной словесности, которой былъ без-

надежно пораженъ Вильсонъ, и страна его нисколько не была заинтересована въ поддержкѣ продолжающейся инерціи военнаго разрушенія. Онъ былъ и по личнымъ свойствамъ и въ силу интересовъ своего государства наиболѣе свободнымъ отъ давленія военнаго наслѣдства, наиболѣе приспособленнымъ быстро перестроить свою политику въ соотвѣтствіи съ измѣнившимся положеніемъ, отрѣшиться отъ пріемовъ и словъ, устарѣвшихъ уже съ заключеніемъ перемирія. И дѣйствительно, повидимому благодаря ему, удавалось отыскивать промежуточныя рѣшенія или соединительныя звенья между Клемансо и Вильсономъ, подчасъ удерживать отъ слѣпыхъ устремленій военной реальности или военной идейности; ему удавалось и то и другое использовать въ практическихъ цѣляхъ своей политики. Одинаково свободный отъ задачъ военнаго самообезпеченія и мірового осчастливленія онъ могъ пользоваться и той и другой и могъ и ту и другую приспособлять къ своимъ цѣлямъ. Формулами самоопредѣленія онъ могъ пользоваться для того, чтобы удерживать отъ немедленной аннексіи тѣхъ или иныхъ земель, могъ пользоваться тѣми же формулами и для того, чтобы нужные ему раздѣлы или аннексіи и произвести; могъ сколько угодно расширительно толковать данныя обѣщанія объ ограниченіи возмѣщенія лишь ущербомъ мирному населенію, потому что всѣ эти формулы, какъ и вся военная идейность, сызначала были для него орудіемъ, а не самоцѣнностью. И Вильсонъ отказался и нарушилъ свои принципы; но онъ это дѣлалъ, либо не понимая и не замѣчая, что дѣлаетъ, обойденный болѣе проницательными и умѣлыми противниками, либо не усматривая нарушенія за незнаніемъ предмета, на который распространялъ свои принципы, либо же въ видѣ уступокъ, чтобы спасти принципы для него болѣе важные. Ллойдъ Джорджъ могъ свободно нарушать принципы военной идеологіи, потому что не чувствовалъ себя ими связаннымъ и могъ отказаться отъ нажима военныхъ насилій, потому что въ нихъ не нуждалась его страна. И потому можетъ быть особенно характерно сказывается на немъ, какъ на человѣкѣ свободномъ отъ военной инерціи, что онъ все же ей подчиняется. Конечно, здѣсь дѣйствовала и преемственность высказанныхъ взглядовъ, подобранныхъ людей, еще ненарушенная связанность съ союзниками и сплетенность учрежденій и дѣяній; но здѣсь дѣйствовало и другое. Сейчасъ можно счесть установленнымъ вліяніе, оказанное на мирную политику Ллойдъ Джорджа первыми англійскими выборами, ихъ плат-

формою и лозунгами, съ которыми онъ на нихъ одержалъ свою подавляющую побѣду. Эти выборы и ихъ лозунги всецѣло опредѣлялись настроеніемъ массъ, а это настроеніе естественно двигалось по инерціи настроеній военнаго времени. Массы были обрабатываемы для цѣлей войны; война прекратилась, но обработанныя онѣ продолжали устремляться по тѣмъ же путямъ; и приспособляющійся къ нимъ вождь долженъ былъ по этимъ путямъ двигаться, хотя бы это вовсе и не было уже въ интересахъ предстоявшихъ ему и осознанныхъ имъ новыхъ задачъ. Такъ опредѣлялся миръ инерціей войны, такъ продолжала дѣйствовать выработанная ею идейность.

Двѣ черты опредѣлили такимъ образомъ характеръ заключеннаго мира, — то, что онъ былъ предопредѣленъ инерціей войны, и то, что эта инерція была двоякой — силовой и идейной, дѣлъ и словъ. Каждая была разрушительной, но особенно разрушительнымъ оказалось ихъ сочетаніе; и потому именно, что идеи не были подлиннымъ выраженіемъ силового напряженія войны, его отблескомъ или опредѣлителемъ, а были только его орудіемъ, предназначеннымъ функціонально захватить и увлечь людей, служили лишь возбужденію и обольщенію. И поэтому, когда пришлось нѣчто строить, то идейная задача оказалась внѣ всякаго соотвѣтствія съ реальной; реальная была разрушительна своимъ силовымъ напряженіемъ, идейная — своимъ фантастическимъ устремленіемъ. Сочетаніе же ихъ привело къ новымъ послѣдствіямъ внутренней необоснованной случайности и внѣшняго еле прикрытаго лицемѣрія. Обоснована и послѣдовательна была точка зрѣнія военнаго реализма, Клемансо; прямолинейна была и позиція Вильсона. Первая, будучи проведена до конца, привела бы къ гибельнымъ послѣдствіямъ, но эти послѣдствія, быть можетъ, сохранили бы опредѣленный смыслъ для побѣдителей. Это было бы отреченіемъ отъ лозунговъ и обѣщаній, но отреченіемъ явнымъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ очистительнымъ. Обманная идейность потерпѣла бы крушеніе, но это было бы крушеніе ея обманчивости, а потому — не капитуляціей самой идейности. Это было бы оглушительнымъ проваломъ обмана, а не предѣльнымъ гніеніемъ идеи.

Могло бы произойти и другое — послѣдовательное примѣненіе военныхъ лозунговъ, слѣпое прямолинейное ихъ осуществленіе. И здѣсь выяснилась бы ихъ неосуществимость и разрушительность; но и здѣсь еще оставалась бы нѣкая — хотя бы сумасбродная — значительность обманувшейся,

но самодовлѣющей духовности, нѣкій урокъ и предостереженіе. Произошло другое. Пришлось ясно и опредѣленно завоевательно-защитительную цѣль согласовать съ совершенно съ ней инородной, чуждой и окостенѣвшей словесностью. Первымъ пріемомъ становилась выработка формулъ, которыя бы облекали въ нужныя Вильсону слова, нужныя Клемансо содержанія. Отсюда получился новый неправдоподобный разливъ почти неприкрытаго циническаго лицемѣрія, съ снисходительной усмѣшкой произносящаго всѣ полагающіяся слова и въ сокращеніи исполняющаго условленные обряды одновременно съ дѣйствіями, въ этихъ словахъ отвергаемыми и этими обрядами проклятыми. Отраву лицемѣрія распространила по Европѣ реальность мира не менѣе, чѣмъ идеологія войны.

Но въ этомъ только одна сторона послѣдствій. Другая заключалась въ томъ, что во взаимномъ приспособленіи послѣдствія оказались случайными. Въ концѣ концовъ не было того копромиса и капитуляціи, на которыя бы не пошелъ Вильсонъ; но съ другой стороны Клемансо не осуществилъ и своего заданія. Получилось межеумочное произведеніе, которое ко всѣмъ отрицательнымъ сторонамъ своего двойного устремленія присоединило и отрицательныя стороны ихъ случайнаго согласованія.

Еще другая особенность событій сыграла роковую роль въ дѣлѣ заключенія мира, какъ отчасти уже и раньше въ процессѣ протеченія войны, отсутствіе какихъ либо внѣшнихъ для побѣдителей сдержекъ. Могли бы быть сдержки внутреннія — самообузданія, или обузданія внѣшняго. Внутреннее самообузданіе — свойство рѣдкое, предполагающее не только большія силы духа — таковыя нашлись бы у союзниковъ, предполагающія сверхъ того, и можетъ быть, прежде всего самоотчетливость цѣли, ясность установленія и задачъ, и путей осуществленія. Прежде всего здѣсь, значитъ, требуется неуступчивый реализмъ, трезвая оцѣнка и самообладаніе. Рѣдкостны эти свойства и сами по себѣ, рѣдкостна случайность обладанія ими тѣми самыми лицами, которыми рѣшаются иногда въ трудно уловимыя мгновенія судьбы государствъ, въ особенности же въ бурныя времена войнъ и потрясеній. Но откуда же было взяться такому самообладанію въ эпоху, когда сознательно взращивался нажимъ страстей и ихъ преувеличеніе, сознательно годами искажалась и мысленная перспектива, и перспектива чувствъ, искажалась задача и дѣйстви-

тельность, цѣли, условія и достиженія. Самообладаніе не могло быть при разгонѣ страстей, правильной постановки задачъ не могло быть при ихъ идейномъ искаженіи, трезвой оцѣнки — при многолѣтнемъ систематическомъ наведеніи тумана. Весь характеръ военной агитаціи исключилъ возможность того, чтобы въ нужную минуту проявилось и оказало свое дѣйствіе внутреннее самообузданіе.

Оставалось обузданіе внѣшнее; но и его здѣсь быть не могло. Уже во время войны роковую роль сыграло отсутствіе незаинтересованныхъ государствъ, — вѣрнѣе сказать, государствъ, непосредственно не принимающихъ участія въ гигантскомъ столкновеніи —, при томъ державъ достаточно мощныхъ, чтобы голосъ ихъ имѣлъ значеніе въ рѣшеніи міровыхъ судебъ. Но особенно глубокое значеніе имѣло это отсутствіе въ томъ продолженіи внѣшняго разрушенія, каковымъ явилось заключеніе мирнаго договора и политика его проведенія.

Значеніе незаинтересованности было вообще существенно преуменьшено въ пониманіи соціальныхъ явленій міросозерцаніемъ послѣдняго полувѣка, столь настойчиво обосновывавшаго общественную жизнь противоположнымъ понятіемъ — заинтересованности. Личный ли интересъ (какъ, примѣрно, въ школѣ Іеринга) или классовый интересъ (какъ въ марксизмѣ), всюду довлѣла идея активнаго строительства жизни, заинтересованными въ виду своего интереса. Противовѣсомъ ей выставлялось идеалистическое, скорѣе нормативное, чѣмъ объясняющее построеніе, которое слишкомъ часто на дѣлѣ лишь подтверждало теорію, противъ которой выставлялось. Ибо оно явно обнаруживалось оружіемъ самозащиты тѣхъ, у кого не было другого, или у кого другіе были недостаточно дѣйственными. На самомъ-же дѣлѣ кромѣ заинтересованности по содержанію даннаго явленія или процесса непосредственно въ немъ принимающихъ участіе, — съ одной стороны, и не заинтересованнаго руководства отвлеченными идеалами — съ другой, есть еще и третье: заинтересованность незаинтересованныхъ, заинтересованность не принимающихъ непосредственнаго участія.

Неучаствующіе въ данномъ соціальномъ процессѣ, незаинтересованные въ немъ по его содержанію, тѣмъ не менѣе въ нѣкоторомъ смыслѣ могутъ оставаться въ немъ незаинтересовано-заинтересованными. Оставимъ всю сферу аналогичной или зависимой заинтересованности въ сторонѣ; возьмемъ людей, вовсе въ данномъ спорѣ, дѣйствіи, правѣ, не-

заинтересованныхъ, или точнѣе и шире сказать — людей поскольку они въ данномъ содержанiи незаинтересованы; и все же у нихъ можетъ оставатся въ данномъ спорѣ нѣкоторый производно-косвенный интересъ. Этотъ интересъ можетъ заключаться, хотя бы въ томъ, чтобы ограничить споръ, не дать ему задѣть въ своемъ продолженiи и разрастанiи постороннихъ; въ томъ, чтобы разрѣшить его возможно безболѣзненно и окончательно, чтобы отъ его разрѣшенiя не пострадали основные, общественные, хозяйственные, государственные, народные (т. е. косвенно и ихъ собственные) интересы, чтобы въ этомъ разрѣшенiи были учтены не одни только конкретные и временные запросы, но и болѣе длительные могущiе проявиться лишь позже на тѣхъ же лицахъ, или и на другихъ; чтобы разрѣшенiе спора не привело къ новому положенiю, которое въ свою очередь могло бы оказаться неустойчивымъ или угрожающимъ. Другими словами заинтересованность незаинтересованныхъ заключается въ установленiи и соблюденiи общихъ формъ и гарантiй совмѣстнаго существованiя, въ ограниченiи послѣдствiй спора его предметомъ, въ предупрежденiи косвенныхъ опасностей, напр., того, что получится чрезмѣрная сила, которая будетъ давить другихъ, или чрезмѣрная слабость, которая на нихъ ляжетъ тяжестью. Такимъ образомъ право, справедливость, защита слабыхъ относятся къ интересамъ незаинтересованныхъ по содержанiю. Но сюда же относятся не одни формальныя, а и содержательныя требованiя незатронутыхъ столкновенiемъ, но могущихъ быть затронутыми его послѣдствiями, субъектовъ. Мы имѣемъ здѣсь своеобразное отношенiе потенцiальной заинтересованности, промежуточной между заинтересованностью и незаинтересованностью фактическими.

Сказанное примѣнимо не только къ отношенiямъ между отдѣльными лицами и группами, но точно также и къ государствамъ въ международномъ общенiи. Въ конфликтахъ лицъ и обыкновенно даже и группъ (поскольку дѣло идетъ не о цѣлыхъ классахъ или особо мощныхъ организацiяхъ) незаинтересованные въ указанномъ смыслѣ являются подавляющимъ большинствомъ и потому они подавляюще сильны по сравненiю съ непосредственно заинтересованными; давленiе ихъ является, или можетъ явиться непреодолимымъ въ разрѣшенiи конфликта, тѣмъ, болѣе что среди нихъ представлены и интересы самихъ спорящихъ, поскольку таковые выходятъ за предметы спора. Государственный аппаратъ и является осуществляющей это давленiе организацiей неза-

интересованности. Иначе, когда конфликтъ разыгрывается между сторонами, исчерпывающими собой соціальный составъ даннаго государства — или распредѣляющими между собой его главнѣйшіе интересы; таковыми могутъ стать напр. классовыя столкновенія. Такъ какъ здѣсь сильно умаленъ и вѣсъ, и значеніе, и самая численность незаинтересованныхъ, то — въ противоположность предыдущему случаю — здѣсь и само государство съ его аппаратомъ власти становится или можетъ стать орудіемъ одного изъ борющихся интересовъ, становится оружіемъ классовой борьбы или классового господства. Государство такимъ образомъ одновременно является и организацієй соціальной незаинтересованности и орудіемъ соціальнаго интереса; при чемъ наличность первой функціи не можетъ при любыхъ условіяхъ не отражаться на способахъ осуществленія второй. Въ международной борьбѣ и столкновеніяхъ вопросъ подлежитъ разрѣшенію различно въ зависимости отъ соотносительныхъ силъ заинтересованныхъ и незаинтересованныхъ. Когда въ столкновеніи участвуетъ только часть сильныхъ державъ, то, какъ бы ни было глубоко и полно пораженіе одной стороны и торжество другой, это торжество не можетъ быть до конца использовано въ виду наличности державъ, не затронутыхъ столкновеніемъ; ибо ограничивающимъ и сдерживающимъ является опасеніе третьихъ, въ непосредственномъ столкновеніи не участвующихъ, но косвенно заинтересованныхъ въ общихъ его результатахъ. Великая европейская война была войной, вовлекшей въ себя всѣ сильныя государства. При заключеніи мира лицомъ къ лицу остались побѣдитель и побѣжденные, — другихъ внѣ ихъ рядовъ не оказалось никого, съ кѣмъ приходилось бы считаться; и потому побѣжденный оказался всецѣло предоставленнымъ на милость побѣдителей.

Внутреннія сдержки были уничтожены разбѣгомъ войны и ея обольщающей проповѣдью; для взаимныхъ сдержекъ время еще не наступило, потому что добыча была достаточной — или казалась достаточной — для удовлетворенія всѣхъ притязаній; внѣшнихъ сдержекъ не было. И возможности разрушенія достигли небывалаго размаха.

2. ВСЕЛЕНСКОЕ ЕДИНСТВО НАРОДОВЪ

Выше намѣченъ тотъ механизмъ, благодаря которому міръ получилъ, не только унаслѣдованное отъ войны, но и само-

довлѣющее разрушительное значеніе. Слѣдуетъ остановиться на тѣхъ идеяхъ, подъ знаменемъ которыхъ и производится это разрушеніе и разсмотрѣніе которыхъ одновременно позволяетъ глубже оцѣнить и смыслъ идей, и причину ихъ разрушительности.

Идеи эти частью являлись продолженіемъ въ новой обстановкѣ военной идеологіи, брошенной, поскольку она перестала быть нужной, но внѣ этого — продолжавшей свое существованіе и даже расцвѣтшей по новымъ путямъ; частью же онѣ заново родились въ новыхъ условіяхъ отъ ея духа.

Остановимся прежде всего на уже затронутой выше идеѣ Лиги Націй, которая въ идеологіи мира получила центральное значеніе. Надобно вѣдь было хоть въ чемъ нибудь дать удовлетвореніе возбужденнымъ военными лозунгами упованіямъ, обѣщаніямъ. Нельзя было не считаться со словами, звучность которыхъ въ свое время пересилила громъ союзныхъ батарей; естественная осторожность требовала дать имъ отзвучать по предначертанному плану; надо было дать поприще для работы надеждъ и ожиданій тѣхъ, кто еще не извѣрились или не прозрѣли, кто цѣплялся для собственнаго самооправданія за возможности хоть что нибудь осуществить изъ обѣщаннаго, хоть шагъ сдѣлать по этому пути, — если уже невозможнымъ оказалось съ помощью войны пройти его до конца. Лига націй и была подходящей идеей; война не осуществила возбужденныхъ ожиданій, — пусть такъ, жестокія, молъ, необходимости этому препятствуютъ; но вотъ все же подготовка къ этому отложенному, но все столь же желанному состоянію дѣлается. Лига Націй создана, которая уже сама въ дальнѣйшемъ ходѣ событій осуществитъ искомое. Сосредоточивъ на себѣ всѣ еще сохранившіяся упованія и благопожеланія, она тѣмъ самымъ освобождала пути для осуществленія внѣ ея всего, что требовалось осуществить въ ея нарушеніе; и къ тому же она подлежала такому оформленію, которое и ее дѣлало орудіемъ воли и интересовъ побѣдителей. Одновременно, будучи и платежомъ по обязательствамъ, и лѣкарствомъ, утоляющимъ нытье совѣсти, Лига Націй могла еще послужить въ рукахъ умѣлыхъ строителей немаловажнымъ орудіемъ охраны ихъ собственныхъ интересовъ. Но эту сторону — насыщенность Лиги націй интересами побѣдителей — я оставлю въ сторонѣ, поскольку въ этомъ сказывается ея конкретное несовершество, которое можетъ быть излѣчено мѣрами постепеннаго улучшенія. Точно также оставляю я въ сторонѣ и тѣ частичныя, благотворныя

мѣропріятія, которыя могли быть поручаемы Лигѣ, независимо отъ ея непосредственнаго смысла и задачи — въ силу самаго факта существованія подобнаго международнаго учрежденія; мѣропріятія, для осуществленія которыхъ при другихъ условіяхъ вырабатываются и особыя формы. Разъ Лига существуетъ, естественно сосредоточить около нея и различныя международныя нейтральныя дѣла; но эти дѣла независимы отъ ея идеи и, пожалуй, даже отклоняютъ ее къ новому пути. Только ее — какъ идею мира, выросшую изъ идей войны — и слѣдуетъ еще подвергнуть разбору, устранивъ конкретность ея временнаго воплощенія и наслоеній.

Въ идеѣ могло бы казаться, что Лига Націй въ полнѣйшей степени разрѣшаетъ одновременно двѣ важнѣйшія задачи, выше въ своемъ мѣстѣ отмѣчавшіяся: сохраненіе мелкихъ государственныхъ національныхъ индивидуальностей сочетается въ ней съ задачей созданія объемлющаго, даже максимально объемлющаго человѣческаго общенія. Мелкая народная единица сохраняетъ самостоятельность и вмѣстѣ съ тѣмъ создается единство народовъ.

Выше уже было отмѣчено непримиримое и неразрѣшимое противорѣчіе этихъ двухъ сторонъ — самоопредѣленіе народовъ и ихъ объединеніе въ единство. Было уже отмѣчено что Лига Націй есть — и не можетъ не быть — организаціей господства крупныхъ надъ мелкими, если она не станетъ (чѣмъ она, конечно, не станетъ) орудіемъ господства мелкихъ надъ крупными. Неправильно было бы даже и возраженіе, что если въ Лигѣ Націй мелкія государства и лишаются той своей независимости, которой они располагаютъ въ самостоятельномъ международномъ бытіи, то за то этимъ во всякомъ случаѣ не ухудшается ихъ положеніе въ виду угрожающаго имъ подпаденія въ сферу вліянія какого либо имперіализма. На самомъ дѣлѣ, входя въ сферу вліянія какого либо имперіализма, малое государство имѣетъ шансы осуществить это органически, по линіямъ собственныхъ своихъ интересовъ во всякомъ случаѣ своихъ связей и зависимостей. Органически вплетаясь въ опредѣленный имперіализмъ, оно только въ опредѣленныхъ отношеніяхъ связывается съ нимъ, становится въ зависимость, или во взаимодѣйствіе къ нимъ, дѣлитъ его судьбу. Въ Лигѣ-же Націй неизбѣжно господствуютъ сильные, сильнѣйшіе, но это могутъ быть вовсе не тѣ сильнѣйшіе, чей имперіализмъ дѣй-

ствительно связанъ съ судьбой даннаго народа. Поэтому его зависимость отъ большихъ народовъ можетъ оказаться случайной, не вытекающей органически изъ линіи его исторіи, а лишь навязанной ему міровой конъюнктурой. Отсюда можетъ возникнуть конфликтъ, при томъ благодаря непрерывной организованности Лиги Націй — и непрерывно продолжающійся, между организованной подвластностью даннаго народа и его органической — торговой, финансовой, географической, культурной — связанностью. Мало того данный малый народъ, войдя такимъ образомъ въ сферу борьбы и столкновеній всего міра, оказывается въ непрерывной зависимости отъ перипетій этой борьбы, что вовсе не неизбѣжно для него, посколько онъ остается внѣ мірового объединенія и вступаетъ въ органически-естественное сближеніе съ опредѣленнымъ связаннымъ съ нимъ имперіализмомъ. Этотъ послѣдній можетъ вовсе не имѣть ни желанія, ни интереса, ни даже возможности вмѣшивать его во всѣ пертурбаціи своего существованія; между тѣмъ въ Лигѣ Націй всякая нація въ концѣ концовъ оказывается благодаря непрерывной организованности Лиги непрерывно участвующей въ общей жизни и, слѣдовательно, подверженной послѣдствіямъ непрерывной зависимости. Такимъ образомъ Лига Націй не уничтожаетъ зависимости малыхъ отъ большихъ, а дѣлаетъ эту зависимость болѣе полной и непрерывной, вмѣшиваетъ малыхъ во всѣ конфликты сильныхъ и къ тому же самую зависимость дѣлаетъ случайной и неорганической.

Существеннѣе однако для вскрытія смысла идеи, другая ея сторона — задача исчерпывающаго объединенія человѣчества. Не заключаетъ ли она въ себѣ всего, что есть положительнаго въ имперіализмѣ, собираніе большихъ человѣческихъ и цѣнностныхъ массъ — обходя все отрицательное — проистекающее изъ враждебнаго противопоставленія другимъ. Ближайшее разсмотрѣніе обнаруживаетъ мнимость такого предположенія. Имперіализмъ объединяетъ нѣкоторое число странъ въ организованныя единства, въ предѣлахъ которыхъ и устанавливается государственное или государственно-подобное общеніе. Конечно самая форма имперіализма еще не гарантируетъ его содержанія. Имперія можетъ быть неудачно скроена, отсталой и разлагающейся. Соотвѣтствующія имперіи либо требуютъ реформы, прогресса, или обречены на разрушеніе, перекройку. Отсюда — конкретная имперія можетъ быть неудачной или подлежащей уничтоженію, но это не мѣняетъ принципа, ибо опираясь не на всеобщее

единство народовъ, а на частныя ихъ объединенія, онъ приложимъ къ различнымъ послѣдовательнымъ и одновременнымъ сочетаніямъ странъ и допускаетъ ихъ перекройку и перестройку. Въ существѣ же своемъ — когда и поскольку имперія удачна, она носитъ идею замиренія, объединенія въ единствѣ, что, разумѣется, не устраняетъ борьбы между отдѣльными частями, міросозерцаніями и группами, но устраняетъ борьбу между ними государственную. Идея имперіализма не совпадаетъ съ конкретностью имперіи, ибо могутъ быть нѣсколько разныхъ имперій, разной степени совершенства, разной степени приближенія къ идеѣ имперіализма. Лига-же Націй, какъ исчерпывающая народы земли, какъ секуляризованная вселенская церковь народовъ, должна быть одна. Здѣсь идея совпадаетъ съ реальностью, осуществима въ одной только ею предопредѣленной именованной дѣйствительности. Она даетъ нѣкоторое окончательное состояніе въ родѣ какъ бы секуляризованнаго царства Божія на землѣ, по существу ничему не оставляющее мѣста рядомъ съ собой, не допускающее варіантовъ и параллельныхъ пытаній. Въ этомъ и заложены, какъ ея характеристика, такъ и ея осужденіе.

Нѣчто окончательное, предѣльное, максимальное. Какъ и въ другихъ лозунгахъ военной эпохи, мы имѣемъ и здѣсь все тотъ же максимализмъ, или точнѣе сказать — финализмъ, который на войнѣ предопредѣлилъ ея цѣли, который въ русскомъ развалѣ опредѣлилъ его соціальныя устремленія, который опредѣлилъ національныя задачи малыхъ народовъ: достичь предѣльнаго, сразу достичь предѣльнаго. Выше было отмѣчено, къ чему этотъ максимализмъ привелъ въ дѣлѣ войны — къ неисчислимой и ничѣмъ неоправдываемой гибели людей и цѣнностей, къ крушенію государствъ и къ умаленію культуры. Всѣмъ должно уже стать ясно, къ чему этотъ максимализмъ привелъ въ дѣлѣ большевизма — къ безчисленнымъ и ничѣмъ невознаградимымъ потерямъ, гибели людей и цѣнностей, къ крушенію государства и умаленію культуры. Въ дѣлѣ Лиги народовъ — къ такимъ послѣдствіямъ дѣло не пришло уже потому, что она по настоящему и не осуществилась. Отдѣльныя государства оставались неподатливой реальностью и въ задачахъ ихъ организовыванія не могли не сказаться конкретныя сопротивленія, въ преодолѣніи которыхъ и рушится максималистская фантастика. Но если бы какими либо судьбами внезапно осуществилась предѣльная концепція организованнаго единства народовъ земли, это,

можно думать, привело бы въ конечномъ счетѣ къ не менѣе кровавымъ и во всякомъ случаѣ не менѣе губительнымъ послѣдствіямъ; ибо внезапно въ результатѣ войны оказались бы побѣжденными всѣ, даже и не воевавшіе; вѣроятно сопротивленіе достигло бы такой силы, что привело бы къ новымъ неизбѣжнымъ борeніямъ.

Спасительная для человѣчества удача съ Лигой Націй заключалась въ томъ, что она не удалась. Но здѣсь слѣдуетъ разсмотрѣть не ея реальность, а ея принципъ.

Давно было указано, что ростъ познанія заключается въ установленіи axiomata media. Предѣльную идею уловить нетрудно; наоборотъ это именно и есть то, что непосредственно улавливаетъ сознаніе, впервые подходя къ предмету, впервые нащупавъ мысль. Неразличеніе оттѣнковъ, границъ и отклоненій, неразличеніе этаповъ, переходныхъ ступеней и промежуточныхъ образованій — характерно для всѣхъ областей мысли и дѣятельности на зарѣ таковыхъ. Мысль, уловивъ, что вещи состоятъ изъ частей, непосредственно бѣжитъ къ предѣльному оформленію въ понятіи атома и непосредственно изъ атома строитъ — или думаетъ, что строитъ — предметы.

Только зрѣлая мысль вводитъ промежуточныя ступени, видить, что человѣкъ не изъ атомовъ состоить, а изъ органовъ, тѣ изъ тканей, ткани изъ клѣтокъ, клѣтки изъ дальнѣйшихъ частицъ... молекулъ, атомовъ и т. д. И развитіе науки въ томъ и заключается, чтобы установить и изучить тѣ промежуточныя образованія, которыя связываютъ конкретную дѣйствительность съ ея предѣльнымъ элементомъ. Аналогичное происходитъ и въ другихъ областяхъ; и въ общественности дѣтская мысль, уловивъ какую нибудь задачу, ставитъ ее какъ единую, единоспасающую, и въ ея непосредственномъ и предѣльномъ осуществленіи видитъ всеспасительную панацею, — таковъ анархизмъ и соціализмъ, таковыми бывали и иныя общественныя идеологіи. Скачокъ къ предѣлу — — есть общее свойство незрѣлой мысли, и въ этомъ отношеніи идея Лиги Націй, т. е. единоорганизованнаго общества всѣхъ народовъ земли, раздѣляетъ ея общую судьбу.

Но помимо того, что скачокъ къ предѣльному имѣетъ вредныя и опасныя стороны той несоотносительностью съ дѣйствительнымъ міромъ, которую онъ въ него вноситъ, искажая его и становясь слѣпымъ орудіемъ, какихъ либо весьма реальныхъ, но совершенно постороннихъ силъ; онъ еще вреденъ тѣмъ, что препятствуетъ тому дѣйствительному,

что въ искомомъ направленіи можетъ быть сдѣлано и можетъ быть сдѣлано благотворно. Въ данномъ случаѣ дѣйствительнымъ является объединеніе или сближеніе отдѣльныхъ странъ и группъ странъ въ объемлющее единство имперіализмовъ. По какимъ принципамъ оно можетъ и могло происходить, остается для разныхъ случаевъ различнымъ. Принципы сцѣпленія могутъ различаться, — самый фактъ сцѣпленія является рѣшающимъ. Естественно сцѣпленіе по географическому принципу сосѣдства (напр. въ Соединенныхъ Штатахъ Америки); но это необязательно — Англія шла не по этому пути; и во всякомъ случаѣ упрощенное представленіе объ объединеніи материковъ въ такомъ общемъ видѣ является едва ли обоснованнымъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ естественнымъ является національный принципъ, — такъ произошло объединеніе Германіи и Италіи. Туда же стремятся идеи панславизма; но опять таки подобный принципъ, годный для первыхъ шаговъ образованія объемлющихъ единствъ, оказывается съ одной стороны едва ли достаточнымъ при дальнѣйшемъ разрастаніи, а съ другой — неосуществимымъ до конца даже въ своей недостаточности. Принципы сцѣпленія могутъ быть различны, но смыслъ сцѣпленія остается неизмѣннымъ. Конечно, этотъ методъ не гарантируетъ человѣчество отъ войнъ, бѣдствій, столкновеній. Но и сплоченныя государства не обезпечиваютъ отъ этого своихъ народовъ, не обезпечиваетъ и общество націй, ибо такой гарантіи вообще не существуетъ. Этотъ путь обезпечиваетъ другое — нарастаніе человѣческой мощи и производительнаго творчества, возрастаніе организованности, сокращеніе плоскостей физическихъ насильственныхъ столкновеній. Неправильно даже было бы сказать, что это есть то, что покамѣстъ доступно человѣчеству по пути къ конечной цѣли, а что конечной цѣлью является общество всего человѣчества. Что будетъ неизвѣстно когда — для политики должно оставаться внѣ обсужденія. Сейчасъ на цѣлую эпоху, на поколѣнія — имперіализмъ есть задача, а организація всего человѣчества есть только ширма для господства и угнетенія сильнѣйшими. Одно есть реальный творческій процессъ народовъ не мѣшающихъ другимъ народамъ участвовать въ томъ, или подобномъ же, творческомъ процессѣ, другое есть охранительное средство для однихъ народовъ сдерживать ростъ и осуществлять угнетеніе другихъ.

Имперіализмъ впрочемъ не единственный путь къ подлинному сближенію и умиротворенію человѣчества; есть про-

межуточныя образованія и другого типа, которыя осуществляютъ эти задачи одинаково съ имперіализмомъ — частично, одинаково съ нимъ — безъ обезпеченія конечнаго результата, но зато одинаково съ нимъ — въ дѣйствительности, а не на словахъ. Если имперіализмъ собираетъ народы въ сплоченные исчерпывающіе по государственному содержанію, но частичные по объему, по географическому обхвату конгломераты, то по другимъ путямъ мыслимо объединять всѣ народы и государства, но зато на задачахъ только частичныхъ. Не нужно было испытаній великой войны, чтобы на отдѣльныхъ — пусть первоначально техническихъ — функціяхъ стремиться организовать все человѣчество. Всемірный почтовый союзъ съ міровой конституціей и управленіемъ — возьмемъ этотъ характерный примѣръ — можетъ служить хорошей къ тому иллюстраціей. Функціи техники и милосердія (Красный Крестъ) торговли и науки, выдѣленныя и выдѣлимыя по отношенію ко всему человѣчеству, могутъ дать опору для частичныхъ общечеловѣческихъ функціональныхъ организацій управленія и законодательствованія. Конечно, эти волокна, сплетающія все человѣчество, тонки и не выдерживаютъ сильныхъ мѣстныхъ давленій; такъ и надо знать, что они тонки, и не возлагать на нихъ невыдерживаемыхъ ими задачъ. Позволительно, конечно, мечтать, что постепеннымъ умноженіемъ и разрастаніемъ этихъ волоконъ человѣчество окажется окутаннымъ и связаннымъ въ нерасторжимое единство; пусть такъ. Во всякомъ случаѣ они множиться и крѣпнуть могутъ лишь поскольку каждое будетъ удовлетворять своему спеціальному назначенію дня, а не поскольку они заводятся въ чуждыхъ таковому общеспасительныхъ цѣляхъ вѣчности.

Есть еще и третій путь накопленія всечеловѣческой солидарности, не государственный, какъ въ имперіализмѣ, но и не функціонально-техническій; подобно первому онъ стремится охватить политическую структуру и при томъ только нѣкоторыхъ государствъ, но подобно второму захватываетъ ее лишь въ частичномъ отношеніи. По этому пути пошла Америка, отдѣлавшись отъ вильсоновской маніи; отчасти по этому пути идетъ и Англія. Это путь разрѣшенія отдѣльныхъ соревнованій и конфликтовъ путемъ длительно организованныхъ соглашеній. Отчасти, конечно, эта форма непосредственно примыкаетъ къ исконной формѣ междугосударственныхъ вольныхъ договоровъ и соглашеній; но отчасти сюда какъ будто вносится и нѣкоторый новый элементъ: частныя но

въ идеѣ какъ будто періодическія конференціи, взаимный надзоръ, провѣрка и пр. Какъ будто въ исконную форму соглашеній здѣсь вносится элементъ надгосударственной организованности. Эта организованность охватываетъ не всѣ народы міра, а только непосредственно заинтересованные именно въ данномъ крупномъ вопросѣ; эта организованность охватываетъ народы не во всей совокупности ихъ государственныхъ интересовъ, а только въ какой либо одной группѣ таковыхъ. Тѣмъ не менѣе въ этомъ проявляется подлинная попытка — разрѣшить хотя бы временно организующимъ порядкомъ столкновенія державъ въ міровомъ масштабѣ.

Такими путями движется современность къ осуществленію задачи организаціи человѣчества. Они не даютъ обезпеченности въ достиженіи этой организованности; они подлежатъ срывамъ и распадамъ, но они даютъ подлинное въ фактахъ происходящее организовываніе. Крѣпкое и компактное организовываніе, но частичное — опора и основа всего другого дается имперіализмомъ; всеобщее, но рѣденькое и слабое дается функціонально-внѣгосударственными соглашеніями; политика заключаемыхъ по отдѣльнымъ сферамъ интересовъ соглашеній — даетъ попытки къ новымъ выходамъ. Здѣсь бьется жизнь, здѣсь дѣлается подлинная работа преображенія человѣческой связанности.

Скачокъ-же къ предѣльному — есть неизмѣнный признакъ неразвитой политической мысли (какъ въ другихъ областяхъ и мысли теоретической) — есть политическій примитивъ.

Отсюда — его успѣхъ у политически еще мало развитыхъ массъ, у демократіи, еще не пережившей большой политической жизни. Американская демократія въ своей чуждости международнымъ проблемамъ оказалась податливой на подобный примитивъ. Характерно для ея силы и жизненности, съ какой рѣшительностью она его стряхнула. Политическому отрочеству присущи болѣзни отрочества; но здоровому организму свойственно ихъ съ легкостью преодолѣвать.

---

3. IN INTEGRUM RESTITUTIO

Въ осуществленіи идеи Лиги Націй мы имѣемъ попытку положительнаго осуществленія нѣкоторой доли идеологіи военнаго времени. Другое дѣло — тѣ идеи, кои уже не служили платежомъ по выданнымъ обязательствамъ, а опредѣляли са-

мую реальную ликвидацію войны, служили не поправкой къ ней, а ея осуществленіемъ.

Я остановлюсь въ этомъ отношеніи на двухъ фактахъ, — съ одной стороны на требованіи суда надъ виновниками войны и съ другой — надъ общей схемой возмѣщенія Германіей причиненныхъ ею убытковъ.

Что касается перваго, то оно поистинѣ поразительно. Претендовать на то, чтобы судить своего врага, — не карать его въ порядкѣ силы, а въ порядкѣ суда, — это дѣйствительно для современнаго сознанія, правового, демократическаго, требованіе неслыханное. Мы имѣли здѣсь все ту же уже отмѣченную внутри-государственную постановку вопроса, а не международную; но при отсутствіи той предпосылки, которая единственно дѣлаетъ такую постановку законной, — при отсутствіи объемлющаго обѣ стороны единаго государства. Судъ оказывается не органомъ этого государства не судомъ третьяго нейтральнаго, незаинтересованнаго, стоящаго одинаково и надъ провинившейся и надъ обиженной стороной; онъ оказывается судомъ одной стороны надъ другой. Ко внѣгосударственнымъ отношеніямъ примѣняется внутригосударственный принципъ, ясно, что принципъ не можетъ быть выдержанъ за отсутствіемъ его предпосылокъ въ той средѣ, въ которой его предполагаютъ примѣнять. И онъ обращается въ свою прямую противоположность, когда формы внутригосударственной замиренной организаціи, въ результатѣ жесточайшей борьбы, примѣняются одной изъ враждующихъ сторонъ по отношенію къ другой. Идея права и человѣческаго общества нарушается, но подъ флагомъ формъ, которыя эти нарушенія освящаютъ, придавая правонарушенію видъ правоосуществленія. Впрочемъ, оно не было осуществлено. Внутренній смыслъ человѣческой общественности преодолѣлъ идею повоенной расправы. Но выставлена она была, и этого достаточно для характеристики создавшей ее духовности.

Менѣе разителенъ по формѣ, но по содержанію, быть можетъ, еще болѣе знаменателенъ другой моментъ повоенной идеологіи. Германія должна возмѣстить причиненные ею убытки. Эта формула и понынѣ признается неуязвимой и, повидимому, находитъ и среди нѣмцевъ признаніе. Споры вызываетъ вопросъ о возможности, не о справедливости уплаты, объ обоснованности, а не о законности разсчетовъ.

На самомъ дѣлѣ въ этой формулѣ, пожалуй, достигаютъ наиболѣе полнаго воплощенія многія изъ уже отмѣченныхъ чертъ антантистской идеологіи.

Выставленный принципъ съ перваго взгляда кажется совершенно справедливымъ и вполнѣ обоснованнымъ: Германія причинила зло, нанесла убытокъ, она должна за убытокъ и заплатить. И дѣйствительно съ точки зрѣнія внутригосударственной, гражданственной — такъ оно и есть. Человѣкъ совершаетъ преступленіе, наноситъ убытокъ; его караютъ за преступленіе и кромѣ того заставляютъ возмѣстить ущербъ. И здѣсь союзники стали на точку зрѣнія внутригосударственнаго права, примѣняя понятіе права уголовнаго и гражданскаго.

Но для того, чтобы эти понятія могли быть законно примѣняемы, требуется, чтобы было замиренное общеніе государственности, защищаемый ея положительнымъ правомъ частный интересъ, нарушенный преступившими это право; необходимъ судъ, который не былъ бы стороной, и рядъ условій вмѣненія. Въ данномъ случаѣ нѣтъ замиренной государственности, ибо состояніе войны ее правомѣрно снимаетъ, нѣтъ суда и нѣтъ индивидуально вмѣняемаго подсудимаго. Германскій народъ, совершившій преступленіе воевать съ Антантой, и германскій народъ, платящійся за это Антантѣ — это международноправно и пусть даже морально одна и таже личность, но даже исторически — это измѣненный пораженіемъ субъектъ и ужъ во всякомъ случаѣ граждански и уголовноправно — это личности различныя.

Какъ опредѣлить наличность преступленія. Съ перваго взгляда не можетъ не быть яснымъ, что таковое по разному опредѣлится въ плоскости личной дѣятельности и отвѣтственности и въ плоскости исторической народной судьбы. Опредѣленное лицо можетъ быть виновно въ томъ, что развязало войну, но война могла быть подготовлена и вызвана дѣятельностью, судьбой другого народа. И наоборотъ ловкая дипломатія можетъ перекинуть отвѣтственность за конкретный вызовъ войны на противника, на самомъ дѣлѣ, сложной игрой, предварительно приведши къ ея неизбѣжности для него. Въ банкротствѣ торговой фирмы можетъ быть установлена виновность ея полнаго товарища; но государство не торговая фирма и самое понятіе виновности либо должно быть и вовсе отброшено, какъ понятіе индивидуально-уголовное, либо должно быть перелито въ особое понятіе исторической коллективной вины и отвѣтственности; но къ этому понятію непри-

мѣнимы будутъ категоріи уголовнаго и гражданскаго права. Оно неустановимо въ порядкѣ судебныхъ доказательствъ и менѣе всего установимо признаніемъ обвиняемаго. Ибо обвиняемаго какъ отдѣльной человѣческой личности здѣсь вовсе и нѣтъ и надо не ощущать смѣшного въ трагическомъ, чтобы подпись дипломата принимать за печать поколѣній.

Пусть установлено преступленіе — кому же его вмѣнить въ порядкѣ кары и возмѣщенія. Индивидуально разсматривая преступленіе, мы приходимъ къ виновности либо рѣшившихъ войну государственныхъ факторовъ, либо фактически совершившихъ тѣ или иныя дѣянія военныхъ или гражданскихъ чиновъ; но возмѣщеніе вѣдь падаетъ на людей ни въ дѣяніи предрѣшенія войны, ни въ дѣяніяхъ ея осуществленія — неотвѣтственныхъ, или во всякомъ случаѣ независимо отъ ихъ отвѣтственности. Разсматривая преступленія въ плоскости дѣяній коллектива, государства, лишаешься возможности прилагать уголовный и гражданскій критеріи, ибо вредъ, причиненный государствамъ, и не заключается въ ущербѣ, нанесенномъ частнымъ лицамъ, и не ограничивается имъ.

Такимъ образомъ примѣченіе гражданско-уголовной правовой идеи возмѣщенія убытковъ, нанесенныхъ преступнымъ дѣяніемъ, само по себѣ представляетъ глубочайшую необоснованность, несправедливость; вмѣстѣ съ тѣмъ она остается недостаточной въ смыслѣ международномъ. Если бы ею подлинно руководиться, то какъ несправедливымъ было бы возложить возмѣщеніе на лично не причинившихъ убытковъ, такъ-же одинаково окажется и недостаточнымъ такое возмѣщеніе. Пусть всѣ убытки будутъ возмѣщены, — развѣ этимъ дѣйствительно покроется злой вредъ, причиненный войной, развѣ этимъ будутъ возстановлены погибшія жизни, возстановлены жизни искалѣченныя и сломанныя судьбы. Но и вообще развѣ имѣетъ смыслъ въ дѣлѣ военныхъ потрясеній руководиться и ограничиваться персональной, обывательской, личной точкой зрѣнія. Война смѣстила, измѣнила, уничтожила, или установила заново цѣлые пласты соціальныхъ и государственныхъ отношеній; измѣнились численныя соотношенія населенія, измѣнились хозяйственныя — внутри-государственныя или международныя — отношенія, подорваны одни отрасли, или налажены другія; разорвана непрерывность культурной жизни — нанесены раны не только поэтамъ, ученымъ или техникамъ, но поэзіи, наукѣ и техникѣ, или можетъ быть вызваны въ нихъ и новыя устремленія. Государство и народъ потерпѣли въ своемъ личномъ и духовномъ суб-

стратѣ невозстановимыя измѣненія и потери, но можетъ быть испытали — въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ — и творческіе толчки и пробужденія. Произошли глубинныя претворенія не только въ личной жизни, но и въ жизни коллектива. Въ особенности въ результатѣ подобной грандіозной войны произошли измѣненія историческаго вѣкового масштаба. Народы въ ея результатѣ могутъ склониться къ упадку, который быть можетъ проявится лишь черезъ десятилѣтія, могутъ быть поставлены подъ угрозу глубокихъ испытаній; подъ вопросъ, подъ ударъ, поставлены не только современность — или даже ўже говоря — современники, не только будущее народа, подъ ударъ, подъ вопросъ поставлено его прошлое, наслѣдіе и достиженія поколѣній, работа и вліяніе вѣковъ. Поскольку совершено преступленіе, оно совершено по отношенію къ народу въ его прошлыхъ и будущихъ поколѣніяхъ, культурѣ въ ея развитіи, государству въ его судьбѣ. И какъ поразительно не соотвѣтствуетъ этой виновности и этому преступленію — подсчетъ разрушенныхъ зданій, сломанныхъ стеколъ и даже утерянной работоспособности. Какой поразительной мелочностью добраго домохозяина вѣетъ отъ этого неисторическаго, негосударственнаго отношенія. Я вовсе не хочу этимъ снять отвѣтственность, — я хочу установить, что она заключается въ другомъ. Я вовсе не хочу даже сказать, что она на основѣ уголовно-гражданскаго принципа слишкомъ велика; она вмѣстѣ съ тѣмъ и ничтожна, потому что, если бы въ своей подлинности была примѣнена — не принимаетъ во вниманіе главнаго, и въ историко-государственномъ смыслѣ единственно существеннаго; она готова подсчитать стоимость растоптаннаго сада и не учитываетъ ущерба растоптаннаго будущаго. Поистинѣ чудовищна въ своей нелѣпости мысль о необходимости или законности возмѣщенія побѣжденнымъ ущерба мирнаго садовника, но не вознагражденія умаленнаго народнаго субстрата или потерянныхъ рынковъ. Если Антанта, путемъ произвольнаго толкованія расширила первоначальную формулу гражданскаго возмѣщенія гражданскихъ убытковъ, то это расширеніе, хотя и достигнутое нарушеніемъ выданнаго обязательства, и въ этомъ смыслѣ нарушеніемъ довѣрія, — лишь неизбѣжная поправка на первоначальную противоестественную, противоисторическую гражданскоправную постановку вопроса.

Но какъ увидимъ ниже, эта поправка, не устраняя противоестественности, только ее усугубляетъ.

И пусть не говорятъ, что ущербъ историко-государственный неоцѣнимъ и потому не можетъ быть возложенъ на виновнаго — на побѣжденнаго; убытки же гражданскоправные могутъ быть подсчитаны и возложены на него. Конечно, такъ, какъ подытоживаются личные убытки, такъ историческій ущербъ подсчитанъ быть не можетъ, и не можетъ быть покрыто государственное умаленіе, какъ возмѣщаются частные убытки; но это только снова обнаруживаетъ основную противоисторичность и противогосударственность той уголовно-гражданской исходной точки, на которую стала Антанта въ построеніи мира. На такой почвѣ невозможно ни установить виновности, ни искать удовлетворенія. Но это не значитъ, что надо удовольствоваться тѣмъ, что возможно на такой почвѣ возмѣстить, это значитъ, что надо съ нея сойти. Или вѣрнѣе сказать — что не надо было на нее вступить, ибо до сихъ поръ едва ли когда либо на ней стояли заключающія миръ государства.

Надо съ нея сойти, — ибо дѣйствительно оставаться на ней невозможно; оставаться на ней значило бы отречься отъ государственности и исторіи во имя частнаго интереса. Антанта не могла съ нея не сойти, но она не могла и покинуть ея почву, ибо это была почва ею признанная и закрѣпленная. Другими словами надо было сойти не сходя, надо было снова прибѣгнуть къ прикровенному совмѣщенію несовмѣстимаго, контрабандному провозу подъ разъ выкинутымъ флагомъ посторонняго добра, опять и опять къ лицемѣрію. Надо было вернуться на исконную международногосударственную почву, оставаясь въ предѣлахъ будто идеальной уголовно-гражданской. Отсюда проистекли всѣ неизбѣжныя послѣдствія: съ одной стороны поддерживалась мотивировка уголовно-гражданская и проводилась соотвѣтствующая политика, съ другой стороны, фактически проводилась и обычная, исконная политика международно государственнаго насилія; съ третьей стороны все это происходило — и иначе и не могло происходить, какъ — путемъ самообмана и искаженія. Этотъ послѣдній моментъ моральнаго разложенія привносился такимъ образомъ въ современность въ дополненіе и развитіе той культуры обольщенія и лжи, которыя восторжествовали въ годы войны, отравляя самые источники европейской душевности. Но помимо этого получалось то, что ликвидація войны происходила подъ одновременнымъ воздѣйствіемъ двоякихъ идей, какъ явныхъ уголовно-гражданско-правныхъ, такъ и прикровенныхъ международно-государственныхъ; дру-

гими словами, что побѣжденныхъ били въ два кнута, что давленіе, угнетеніе и разореніе стало вестись сразу по двумъ принципамъ, и по новому и по старому, и по гражданскому и по государственному.

Именно къ этого рода явленіямъ приходится отнести и то, что возмѣщеніе ущерба, нанесеннаго мирному населенію, обогатилось формулой вознагражденія и пострадавшихъ военно-служащихъ; что къ возмѣщенію ущерба присоединилось отторженіе территорій, долгосрочная оккупація земель, отнятіе флота и колоній — словомъ вся та система мѣръ, свидѣтелями которыхъ мы являемся и которыя въ своей совокупности и послѣдствіяхъ ведутъ все къ тому же, къ разрушенію и разгрому въ первую голову побѣжденныхъ, но косвенно всей Европы.

Дѣло впрочемъ не только въ томъ, что репрессія вмѣсто того, чтобы быть, какъ въ былые вѣка, военно-государственной — стала двойной и военной, и гражданской. Дѣло еще въ томъ, что въ каждой области она стала сугубо разрушительной, именно потому, что оказалась не явной, подлинно преслѣдующей нескрываемую цѣль, а обходной, прикровенной; что своей цѣли и своего смысла не могла выявить и, прикрываясь чужимъ флагомъ, осуществляла ее ощупью безъ сознательныхъ и провѣримыхъ критеріевъ. Репрессія не только стала двойной, но вдобаковъ каждая оказалась разросшейся. И такъ какъ къ тому же въ этомъ разрастаніи каждая оставалась неосуществляющейся, то и получилось такое необычайное положеніе, что при возрастающемъ давленіи на побѣжденнаго, побѣдитель все же не только продолжалъ себя чувствовать неудовлетвореннымъ и неудовлетворяемымъ, но и въ дѣйствительности оставался таковымъ. Другими словами, — что увеличеніе давленія на побѣжденнаго, сопровождалось уменьшеніемъ удовлетворенія для побѣдителя. И потому было бы совершенно неправильнымъ сказать, что не все ли равно подъ какимъ флагомъ происходитъ расплата: побѣдитель искони налагалъ на побѣжденнаго свой законъ, этотъ законъ мягкимъ не бывалъ никогда, а въ какой идейной обстановкѣ онъ преподносился, это де уже не вопросъ существа, а скорѣе вопросъ слова. Это не такъ потому, что мы здѣсь имѣемъ не простое словесное прикрытіе опредѣленной воли побѣдителя, а его подлинную духовность, не только окутывающую его волю, но ее опредѣляющую; и воля и оказалась такъ опредѣленной, на такой идеѣ построенной, что и при-

вела къ неизбѣжности скрытаго обращенія къ двойной и двоящейся системѣ репрессій и соотвѣтственно къ ихъ хаотическому сплетенію.

Основная идея уголовно и гражданскоправная, кажущаяся чрезвычайно прогрессивной, демократической и пацифистской — заключается въ томъ, что виновная сторона должна возмѣстить причиненный ею ущербъ безвинной сторонѣ, а въ сущности говоря (сообразно частнохозяйственной концепціи, лежащей въ основѣ идеи) безвиннымъ людямъ; въ идеалѣ, значитъ, должна произвести государственноправную in integrum restitutio нарушеннаго гражданскоправнаго интереса. Того же жаждетъ крестьянинъ, у котораго скотъ сосѣда произвелъ потраву; того же ищетъ и лавочникъ, понесшій благодаря дѣйствіямъ контрагента убытки. Но глубоко обоснованно не такъ поступало государство. Ибо съ одной стороны идеальная частно-гражданская in integrum restitutio отнодь не возстановляетъ и не заглаживаетъ важнѣйшаго зла, наносимаго войной; и потому справедливо и законно чувство неудовлеворенія отъ репараціоннаго завершенія войны, даже если бы оно и могло быть осуществлено, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно и осуществлено быть не можетъ по своей чрезмѣрности, и его осуществленіе въ свою очередь законно должно быть признано и чрезмѣрнымъ, и несправедливымъ. Если бы можно было вычислить убытки, нанесенные войной, съ цѣлью ихъ загладить, то они естественно достигли бы такой высоты, которая для другого народа, къ тому же тоже отъ войны пострадавшаго и изнемогшаго, окажутся непосильными. Но въ гражданскихъ отношеніяхъ, откуда эта идея заимствована, въ концѣ концовъ contra posse nemo obligatur; въ историко-государственномъ отношени такого contra posse не существуетъ, ибо остается непрерывный народный коллективъ и остается продолжающаяся народная исторія; и потому неоплачиваемый долгъ момента переносится — во всякомъ случаѣ можетъ быть перенесенъ — на слѣдующія поколѣнія. Съ одной стороны обязываются къ уплатѣ всѣ члены побѣжденнаго коллектива (что нарушаетъ гражданско-уголовную идею личной отвѣтственности), съ другой стороны обязаннымъ къ возмѣщенію становится неопредѣленный рядъ поколѣній (разумѣется, если имъ не удастся стряхнуть съ себя силовымъ путемъ эту отвѣтственность). Другими словами, граждански правовая идея въ примѣненіи къ межгосударственнымъ отношеніямъ пріобрѣтаетъ характеръ самыхъ раннихъ типовъ гражданско-правовыхъ связей, когда неоплатный должникъ

поступалъ въ кабалу къ кредиторамъ и становился съ семьей его холопомъ, рабомъ. И это сходство не случайное, а лежитъ въ корнѣ вещей, ибо эти раннія формы гражданскихъ отношеній и соотвѣтствуютъ слабому развитію объемлющей должника и кредитора единой государственности, соотвѣтствуетъ взаимному ихъ положенію большей или меньшей независимости, такъ сказать взаимному суверенитету каждаго, а не соотвѣтствуетъ современному совмѣстному субординированному положенію въ государствѣ субъектовъ гражданскаго права; и потому примѣненіе гражданской идеи къ государству неизбѣжно приводитъ къ послѣдствіямъ аналогичнымъ давно прошедшимъ формамъ гражданскаго общества въ ранней стадіи государственности.

Въ свое время аналогичными (обще формально говоря) были ликвидаціи межплеменныхъ, межгосударственныхъ отношеній — поскольку аналогичны въ нѣкоторой степени были и суверенноподобныя отношенія сторонъ. И тамъ на раннихъ ступеняхъ культуры побѣдитель нерѣдко покорялъ побѣжденнаго, включая его въ свою организаціонную структуру, дѣлая его себѣ кабальнымъ, холопомъ, организуя его послѣдующую соціальную отъ себя зависимость. Незачѣмъ выяснять вопроса, дѣйствительно ли, какъ думаютъ нѣкоторые, это и былъ путь созданія первыхъ государствъ; какъ бы то ни было, подобнаго рода явленія происходили на раннихъ ступеняхъ культуры; и именно своеобразное возвращеніе къ нимъ мы имѣемъ въ современномъ мірѣ. Война въ тѣ вѣка завершалась не передвиженіемъ опредѣленныхъ цѣнностей отъ побѣжденнаго къ побѣдителю, а организаціей эксплоатаціи побѣжденнаго въ послѣдущее послѣ войны мирное время, организаціей государственно-кабальнаго отношенія. Такимъ образомъ идея in integrum restitutio въ связи съ государственной репрессіей, кажущаяся столь прогрессивной пацифистамъ, на самомъ дѣлѣ является — черезъ уподобленіе уголовно-гражданскимъ формамъ — возвратомъ къ давно прошедшимъ временамъ, т. е. не прогрессивной, а реакціонной. На самомъ дѣлѣ понятно, что дѣло идетъ здѣсь не о сколько нибудь полномъ повтореніи былого, а лишь о тяготѣніи въ ту сторону, поскольку оно умѣстимо въ современную измѣнившуюся жизнь, и именно поэтому слѣдуетъ сказать, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ возстановленіемъ прошлаго, а лишь съ тенденціей къ нему, не съ возвращеніемъ, а лишь съ тягой къ возвращенію, не съ реставраціей, а именно лишь съ реакціей. И, пожалуй, это тѣмъ хуже.

Та старая давнишняя структура все же по окончанiи войны приводила къ нѣкоему миру, къ строительству и государственной жизни. Ибо, организуя порабощенiе побѣжденнаго побѣдителемъ, она осуществляла включенiе побѣжденнаго въ новое общество, въ новую государственность, созданную побѣдителемъ. Эта новая государственность являлась для побѣжденнаго чрезвычайно тяжелой, оттѣсняя его въ низшiе соцiальные слои; но во всякомъ случаѣ для человѣчества вообще, она давала новую почву возможнаго развитiя, — новую замиренность. Ничего подобнаго нѣтъ теперь. Смыслъ мира такой же какъ тогда — организацiя мирной эксплоатацiи побѣжденнаго въ интересахъ побѣдителя; но формы другiя: не превращенiе въ одно государство, а сохраненiе разныхъ государствъ, и эксплоатацiя однимъ другого. Такимъ образомъ форма ликвидацiи войны болѣе примитивная прилагается (на почвѣ примѣненiя гражданскаго принципа къ государственнымъ отношенiямъ) къ структурѣ болѣе поздней — межгосударственной. Примѣняется гражданскоправное отношенiе внѣ объемлющей и ограничивающей государственности, что и приводитъ къ формамъ примитивнаго бытiя, какъ гражданскаго, такъ и государственнаго.

Такимъ образомъ мы снова оказались передъ лицомъ глубокой исторической реакцiи.

Мы видѣли, что уголовно-гражданская идея и недостаточна, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезмѣрна для задачи завершенiя войны и возстановленiя мирной жизни. Есть ли выходъ изъ этого противорѣчiя. Бываетъ ли какой либо цѣлесообразный переходъ отъ войны къ мирному существованiю.

Заранѣе можно сказать, что такой переходъ имѣется, долженъ имѣться, ибо онъ вѣдь проявлялся и дѣйствовалъ всякiй разъ, что бывали войны и бывало возращенiе къ мирному существованiю, т. е. проявлялся и дѣйствовалъ неограниченное число разъ. Если въ данномъ случаѣ онъ оказался устраненнымъ, то потому, что этотъ переходъ строился на необычной для прежнихъ временъ идеѣ, или — что тоже самое — что духовность, опредѣляющая этотъ переходъ, оказалась глубоко отличной отъ обычной духовности возстановленiя мира. Мы уже видѣли, въ чемъ она заключается; мы ее ясно усматриваемъ въ уголовно-гражданской внутригосударственной мѣщанской идеѣ возмѣщенiя причиненныхъ ущербовъ.

Суть не въ томъ, что объективно безвыходно положеніе, а въ томъ, что его дѣлаютъ безвыходнымъ, ставъ на эту точку зрѣнія. Суть въ томъ, что гражданская идея обращена назадъ, а не впередъ, на личное состояніе, а не на историческое движеніе, на возстановленіе, а не на творчество. Она исходитъ и ограничивается status quo до послѣдовавшаго нарушенія и ставитъ задачей возстановленіе того положенія; и въ этой ея ограниченности, сосредоточенности на ранѣе пріобрѣтенномъ, на уже нѣкогда добытомъ и достигнутомъ, въ этомъ ея глубинномъ и принципіальномъ консерватизмѣ и заключена та исходная ложь — въ примѣніи жизни народовъ и государствъ — которая съ одной стороны дѣлаетъ невозможнымъ выходъ изъ положенія, а съ другой — приводитъ къ неограниченному послѣдующему его ухудшенію. Гражданско-правная идея по существу своему глубоко консервативна, ибо вообще консервативна функція положительнаго права въ замиренномъ государствѣ; оно законно и основательно охраняетъ уже пріобрѣтенное, оберегаетъ отъ нарушенія, стремится возстановить или вознаградить въ случаѣ нарушенія; оно законно консервативно и охранительно, ибо такова именно его спеціальная функція въ синтезѣ государственности, въ которой о другихъ сторонахъ — о движеніи, творчествѣ, измѣненіи — заботятся другіе факторы, созидающіе новое право, а не оберегающіе уже созданное. Примѣненіе той же идеи къ международному общенію (въ теперешнемъ его состояніи) не только служитъ началомъ консервативнымъ, препятствующимъ движенію и творчеству, но еще и приводитъ къ положенію объективно безвыходному. Ибо существо дѣла по отношенію къ войнѣ (вообще и сугубо столь грандіозной) заключается въ томъ, что возстановленіе невозможно, просто объективно немыслимо возмѣстить и вознаградить нанесенный ущербъ. И потому исходить изъ этой задачи, значитъ биться въ безвыходномъ кругѣ, значитъ въ погонѣ за неисполнимымъ заданіемъ безпредѣльно давить и угнетать, значитъ ломать, не возстановляя, безнадежно продолжая по мирнымъ путямъ дѣло военнаго разрушенія.

Ущербъ войны невозстановимъ. Но въ плоскости не гражданскихъ, а государственныхъ отношеній его возстановлять и не зачѣмъ. Нормально при переходѣ на мирное положеніе и не ставятъ себѣ цѣлью его возстановить. Конечно, побѣдивши, государство можетъ подсчитывать свои убытки и учитывать свои подсчеты въ контрибуціяхъ или аннексіяхъ. Но это лишь нѣкій составной элементъ, а нисколько не осно-

вополагающая идея государственной ликвидаціи военныхъ столкновеній. Въ обычной государственной ликвидаціи войнъ государство (сознательно или безсознательно безразлично) смотритъ не назадъ, а впередъ, не на ущербленное прошлое свое состояніе, а на имѣющее быть достигнутымъ въ будущемъ. Государство мыслитъ въ плокости не нарушенной статики, не нарушеннаго войной состоянія, а въ плокости динамики своего историческаго бытія; осязаетъ себя не совокупностью болѣе или менѣе пострадавшихъ лицъ, а живущимъ, защищающимся и строющимъ свое будущее коллективомъ. Оно не задается цѣлью сдѣлать войну, какъ бы не бывшей, что невозможно; оно не задается цѣлью добиться того, чтобы всѣ его граждане въ результатѣ какъ бы ничего не потеряли. Въ личной жизни война остается бѣдствіемъ, несчастьемъ и трагедіей, непокрываемой и невозмѣщаемой; и нѣтъ болѣе обманчивой задачи, какъ задача ее возмѣстить — нотаріальными сдѣлками сдѣлать смерть не бывшей. Государство можетъ, конечно, и должно сдѣлать все возможное для облегченія бѣдствій, для того, чтобы помочь населенію ихъ преодолѣть и забыть. Вѣрнѣе сказать: оно должно озаботиться поставить населеніе въ такое положеніе, въ которомъ оно само могло бы въ общемъ преодолѣть и загладить испытанныя бѣдствія. Но это уже вопросъ не столько международной политики и ея обоснованія, какъ политики внутренне-государственной. Въ международномъ же отношеніи оно озабочено другимъ — своимъ государственнымъ положеніемъ; оно живетъ здѣсь въ особой плоскости сосуществованія съ другими государствами, въ которой разбитыя стекла, разрушенные дома, уничтоженные посѣвы и даже жизнь не имѣютъ рѣшающей значимости. Въ международномъ отношеніи ликвидировать войну удачно и побѣдоносно значитъ установить такое новое положеніе, при которомъ побѣдившее государство — въ составѣ всѣхъ сосуществующихъ съ нимъ — окажется для будущаго болѣе сильнымъ и обезпеченнымъ, болѣе жизненнымъ и способнымъ на послѣдующее соперничество и выживаніе. Оно смотритъ не назадъ, — на нарушенное войной свое состояніе и не на его возстановленіе, а впередъ — на предстоящее свое положеніе въ будущемъ, на увеличеніе своего послѣдующаго строительства. И если оно — въ новомъ составѣ сосуществующихъ государствъ — улучшило абсолютно или хотя бы относительно по сравненію съ побѣжденнымъ свое положеніе, оно и ликвидировало удачно или даже побѣдоносно войну, хотя бы и не подсчи-

тало и не возмѣстило испытанныхъ ущербовъ. Ибо оно не возстановляетъ прошлаго, а подготавливаетъ потенціи будущаго.

Достигается такая ликвидація, разумѣется, различно въ зависимости отъ эпохи, отъ всей конкретной обстановки. Въ разныхъ случаяхъ побѣдитель поступаетъ различно. Онъ отнимаетъ у врага залежи угля, потому что это даетъ ему возможность развить свою промышленность; онъ отнимаетъ у врага населенную территорію, потому что это усиливаетъ его человѣческій субстратъ и возможность отстоять себя въ исторіи; онъ отнимаетъ морскую полосу, потому что это открываетъ его населенію возможность торговать, ввозить и вывозить продукты, облегчаетъ ему жизнь и производство; онъ устанавливаетъ стратегически выгодныя границы, потому что этимъ обезпечиваетъ спокойствіе населенія и слѣдовательно повышаетъ жизненный тонусъ его существованія, онъ обезпечиваетъ за собой рынки, потому что этимъ содѣйствуетъ развитію родной промышленности; онъ закрѣпляетъ побѣду въ наглядныхъ символахъ, потому что самая побѣда есть подымающее духъ и тѣмъ возбуждающее творчество начало. Словомъ, въ государственной структурѣ побѣда используется, какъ увеличеніе возможностей народнаго творчества, созданіе усовершенствованныхъ условій его жизни, или какъ возрастаніе его обезпеченности, или занятіе выгодныхъ исходныхъ позицій для новыхъ наступленій.

Само собой разумѣется, что этимъ я нисколько не хочу превознести тѣхъ мѣръ, какія примѣрно перечисляю, какъ возможныя формы нормальнаго — и въ этомъ смыслѣ здороваго — государственно-международнаго заключенія мира; и менѣе всего хочу сказать, чтобы всякій подобный миръ былъ цѣлесообразнымъ, къ жизни возвращающимъ выходомъ изъ войны. Конкретное примѣненіе тѣхъ или иныхъ мѣръ, можетъ быть неудачнымъ или и преступнымъ. И наоборотъ при иномъ заключеніи мира обходятся и безъ подобныхъ мѣръ, — но обходятся безъ нихъ, именно исходя изъ того же принципа, который лежитъ въ ихъ основѣ: учета возрастанія государственной мощи, а не учета произведенныхъ разрушеній. Поэтому съ государственной точки зрѣнія естественно считаться не только съ ущербомъ, испытаннымъ побѣдителемъ, но и съ ущербомъ, нанесеннымъ побѣжденному. Для Антанты, для мира на принципѣ репараціи ущербъ, паденіе, умаленіе Германіи и ея союзниковъ вообще въ разсчетъ не принимаются. Если она потерпѣла,

то тѣмъ хуже для нея, она же вѣдь и виновата; а вотъ что она при своей виновности причинила — другимъ, это она должна возмѣстить Между тѣмъ для государственно-международной точки зрѣнія то, что побѣжденный претерпѣлъ ущербъ и умаленіе, — уже само по себѣ является существенной статьей мира. Ибо побѣжденный уже фактомъ своей побѣжденности и испытанныхъ ущербовъ настолько умаленъ, что уже этимъ измѣнилась къ выгодѣ побѣдителя міровая коньюнктура: побѣдитель прежде всего, хотя только и частично (а иногда впрочемъ и всецѣло), вознагражденъ уже самой своей побѣдой; миръ только ее закрѣпляетъ и соотвѣтственно обстоятельствамъ въ разныхъ случаяхъ по различному дополняетъ. Такъ, послѣ побѣды надъ Австріей, Бисмаркъ и вообще никакихъ возмѣщеній не потребовалъ, ибо, во первыхъ, побѣда съ ея моральными и государственно-политическими послѣдствіями была уже громадной выгодой, громаднымъ усиленіемъ позиціи Пруссіи, заглаза покрывавшими ея ущербы, а во-вторыхъ, отсутствіе исполнительныхъ исковъ и давленій сугубо усиливало международное положеніе побѣдителя возможностями послѣдующаго союза съ побѣжденными. Съ государственной точки зрѣнія минусы, понесенные побѣжденными, учитываются какъ плюсы побѣдителя; съ уголовно-гражданской репараціонной точки зрѣнія эти минусы побѣжденнаго и вовсе во вниманіе не принимаются.

Можно подумать, что въ смыслѣ измѣненія мірового положенія, а слѣдовательно и выгодныхъ для Антанты сторонъ установленнаго мира, самый фактъ пораженія Германіи, измѣненіе ея строя, уничтоженіе ея союзниковъ и пр. — никаго значенія не имѣетъ, и Антанта требуетъ, какъ ни въ чемъ не бывало, своего фунта репараціоннаго мяса. Не въ томъ только дѣло, что покрытіе нанесеннаго ущерба требуется уже не съ той страны, которая его нанесла, а съ ослабленной и разбитой, а слѣдовательно тѣмъ самымъ уже въ нѣкоторой степени возмѣстившей ущербъ; дѣло въ томъ, что и вообще вниманіе не обращено на то, на что оно единственно должно быть обращено, съ здоровой международно-государственной точки зрѣнія, _ на обезпеченіе, или подготовку собственнаго творчества, на будущую облегченную активность собственнаго народа, какъ это бываетъ въ мирѣ государственномъ, въ мирѣ прогрессивномъ, въ мирѣ, служащемъ переходомъ къ новому строительству жизни.

Даже и въ первобытной формѣ побѣды, которою побѣжденный включался въ единую организацію съ побѣдителемъ —

эта объемлющая организація и слѣдовательно побѣдитель, какъ ея руководитель, получалъ новыя возможности дѣйствія и развитія. Антанта же возлагаетъ свое будущее не на активность своихъ народовъ, а на вынуждаемую активность побѣжденнаго: онъ долженъ воспостроить разрушенное, возмѣстить за корову коровою, за домъ домомъ, за мебель мебелью. Глядя не впередъ, а назадъ, она строитъ не рамки болѣе широкой жизни, а возстанавливаетъ цѣнности утеряннаго прошлаго.

Но разумѣется, какъ уже было указано, на такой точкѣ зрѣнія удержаться невозможно, и подъ принципіальнымъ прикрытіемъ мира гражданскихъ возмѣщеній оказались проводимыми всевозможныя мѣры и обычной системы мира государственно-побѣднаго. Но, во первыхъ, этимъ не мѣняется характеристика духовности побѣдителей, этимъ не отмѣняются губительныя въ своей обращенности назадъ, въ своей безмѣрности и неучитываніи ущерба побѣжденнаго — послѣдствія мира, основаннаго на гражданской идеѣ. Этимъ только усугубляются разрушительныя особенности каждой системы. Такимъ образомъ, если ликвидація войны на уголовно-гражданскомъ принципѣ, преувеличивая невыносимость мира для побѣжденнаго, оставляетъ его и неудовлетворяющимъ побѣдителя, то ликвидація государственная, учитывающая ущербы побѣжденнаго и измѣненіе міровыхъ соотношеній, способна согласовать расцвѣтъ побѣдителя съ сохраненіемъ существованія и поверженной стороны.

Такъ проводится политика глубоко регрессивная подъ флагомъ прогрессивности, несправедливая подъ флагомъ справедливости, антигуманная подъ флагомъ культуры. Такъ организуется повоенное разрушеніе Европы, свидѣтелями котораго мы являемся и которое отнюдь не вытекаетъ еще само собой изъ фактовъ великой войны, а въ значительной степени — изъ того примѣненія чуждыхъ государственности принциповъ, которые изъ мира дѣлаютъ орудіе сугубаго, не менѣе значительнаго, чѣмъ была самая война, уничтоженія.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ. МѢЩАНСТВО ВЪ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Въ основѣ разрушительной идейности военнаго и повоеннаго времени лежала духовность того массоваго человѣка,

къ помощи котораго обратилась въ неповторимомъ военномъ напряженіи власть, которую она всячески разъяряла, чтобы удержать на уровнѣ неизмѣримыхъ усилій; тяга къ ней опредѣлилась политико-демократической структурой современнаго общества, а въ особенности странъ Антанты. Рѣшающимъ массовымъ человѣкомъ, рѣшающимъ уже по численности, но вдобавокъ и по соціальному и духовному вѣсу въ этихъ странахъ, по своей связанности и отраженности во всевозможныхъ классахъ и состояніяхъ, былъ — широко говоря — мѣщанинъ. То была духовность крестьянина, обносящаго свой участокъ частоколомъ и заводящаго тяжбу за потраву; духовность лавочника, подсчитывающаго убытки отъ неправильнаго дѣйствія контрагента, духовность рантье, положившагося на то, что онъ уже обезпечилъ прошлымъ трудомъ свое будущее благосостояніе, и который въ покушеніи на свой отложенный капиталъ усматриваетъ величайшее преступленіе, а въ его возстановленіи — а при случаѣ и округленіи — верховную свою задачу. То была *духовность мѣщанина, перенесенная на государственность.*

Мѣщанство бываетъ различнымъ; здѣсь преобладала духовность мѣщанства успокоеннаго, осѣвшаго и зрѣлаго (столь соотвѣтствующая зрѣлости западно-европейскаго общества) и потому именно взглядъ его былъ устремленъ назадъ, а не впередъ, на возстановленіе нарушеннаго, а не на созиданіе лучшаго. Если-же и германскую духовность подводить подъ подобнаго рода формулу, то ее слѣдуетъ признать скорѣе психикой буржуа пріобрѣтателя, купца, выходящаго въ плаваніе, рискующаго своимъ имуществомъ, чтобы его пріумножить, предпринимающаго грандіозныя операціи, зачинающаго новыя сдѣлки. Здѣсь пріобрѣтатель стоитъ противъ пріобрѣвшаго, предприниматель противъ рантье, рискующій грюндеръ противъ застраховавшаго свою исторію обывателя. Строитель будущаго стоялъ противъ оберегателя прошлаго и творчество было противъ охраненія.

Въ странахъ демократическаго запада мѣщанинъ, пожалуй, и вообще опредѣляетъ государственность; но во первыхъ, только на ряду съ другими силами, во вторыхъ — онъ ее опредѣляетъ косвенно черезъ сложный аппаратъ, въ идеѣ своей и приспособленный къ претворенію частной воли въ государственное дѣяніе. Здѣсь же неоткладываемая острота времени ослабила средостѣніе. Хотя во время войны государственная зависимость власти отъ народа и была умалена, но духовная связанность должна была возрасти; и именно за

выключеніемъ или ослабленіемъ дѣйствія промежуточнаго государственнаго аппарата, они должны были связаться непосредственнѣе. И потому мѣщанская духовность непосредственнѣе, болѣе по содержанію, опредѣлила чисто государственную дѣятельность и отношенія. Необходимая въ современномъ обществѣ дифференціація группъ, функцій и психикъ стушевалась, и въ государственно международномъ общеніи глубже опредѣлилась идейность мѣщанина, какъ она выработалась въ частно-хозяйственномъ его бытіи.

Уже самъ по себѣ негоденъ переносъ одной духовности въ чуждую ей область. Но еще хуже было то, что не только мѣщанство опредѣлило государственность, но что мирное мѣщанство опредѣлило военную государственность. Здѣсь переносъ произошелъ не только изъ одной области въ другую — одного и того же соціальнаго тѣла; здѣсь переносъ произошелъ отъ одного состоянія этого тѣла на другое: отношенія твердаго тѣла были примѣнены къ нему въ газообразномъ его состояніи. Помѣстите газъ въ сосудъ, предназначенный для жидкости, — онъ улетучится; налейте жидкость на подставку для твердаго тѣла — она разольется. Но принципы мирнаго частно-хозяйственнаго мѣщанства были примѣнены къ состоянію и послѣдствіямъ вооруженной государственной борьбы, и государства подверглись разрушительнымъ воздѣйствіямъ не одной войны, но и этого примѣненія.

Это примѣненіе казалось чрезвычайно идеальнымъ; оно въ идеѣ исключало самое состояніе войны, физическаго разрушенія и насилія; оно въ идеѣ замѣняло ихъ принципами добраго мира, и замѣняло отношенія враждебнаго подавленія отношеніемъ мирнаго возмѣщенія. Но бѣда въ томъ, что оно это дѣлало — и только и могло дѣлать — въ идеѣ. Замѣнить войну миромъ — дѣло прекрасное, но, сохраняя войну, руководиться примѣнительно къ ней принципами мира, поступать такъ, *какъ если бы* былъ миръ, дѣло зловредное, ибо это прежде всего означаетъ — поступать внѣ соотвѣтствія съ дѣйствительностью; а поступать въ дѣйствительности внѣ соотвѣтствія съ ней, значитъ — либо себя, либо ее разрушать, и во всякомъ случаѣ производить хаосъ. Конечно, это разрушеніе могло бы постигнуть разрушающаго, дѣйствующаго по мирному въ военной борьбѣ. Но дѣло въ томъ, что самая то дѣятельность у всѣхъ была одинаковой — военной и только окутывалась и прикрывалась мирной идейностью. Отсюда ея примѣненіе, приводя къ духовному

укрывательству со всѣми его послѣдствіями, вело къ усугубленію разрушительности, частью всеобщей, но преимущественно — направленной на того, кто оказался слабѣйшимъ.

Худо и разрушительно поступать въ одной средѣ такъ, какъ если бы она уже была другой; но когда при этомъ попутно въ нее уже и вносятъ элементы, которые могли бы имѣть смыслъ только въ той другой средѣ, дѣло становится еще хуже. Такъ, если въ безгосударственной средѣ вы прибѣгнете къ суду — получится подлогъ суда и освященіе насилія; если вы въ ней устроите суррогатъ представительства, получится облыжное представительство и закрѣпленіе односторонняго господства. Дѣятельность должна соотвѣтствовать обстановкѣ своего приложенія для того, чтобы достигать поставленной задачи. Гуманность государствомъ осуществляется только государственнымъ путемъ; смягченіе военныхъ бѣдствій можно достигать только приспособляясь и учитывая военную обстановку; улучшенія быта людей можно добиваться только путями, открываемыми этимъ бытомъ. Быть можетъ возможно создать нѣкоторый уютъ въ ночлежкѣ, но во всякомъ случаѣ только при условіи, что не будутъ въ ней располагаться какъ въ пышномъ дворцѣ. Быть можетъ, и можно смягчить разошедшіяся страсти, но только не поступками и словами, разсчитанными на святыхъ. Соотвѣтствіе дѣйствительности — реализмъ средствъ — первое условіе воздѣйствія на нее. Формы мира на войнѣ, внутригосударственныя въ межгосударственныхъ отношеніяхъ, пути ликвидаціи частнаго спора въ примѣненіи къ устройству враждующихъ государствъ, мѣщанство въ государственности — все это, внося смятеніе, не достигаетъ и искажаетъ поставленную цѣль.

Но всего хуже — мнимо надставляя надъ сущимъ желательное, идеальное, — приспособляться къ предполагаемо-идеальному въ своемъ воздѣйствіи на подлинно сущее. Если такъ поступаетъ дѣйствительно преданный идеалу, то это еще съ полъбѣды; ибо хотя, не достигнувъ цѣли, онъ только разобьетъ себѣ голову, но этимъ можетъ даже дать вдохновляющій и возвышающій образецъ преданности убѣжденіямъ, хотя бы и ослѣпленнымъ. Безполезное или вредное по отношенію къ поставленной цѣли, такое дѣяніе можетъ имѣть свою цѣнность въ другой плоскости. Но когда внѣреальность цѣли не снимаетъ весьма реальнаго самоутвержденія того, кто ее преслѣдуетъ, потому ли что она служитъ ему лишь прикрытіемъ, потому ли что даже служитъ дополненіемъ къ вполнѣ

реальной задачѣ, потому ли что просто служитъ самоублаженію, — тогда не бываетъ послѣдствій гибельнѣе объективно и субъективно разрушительнѣе.

Ирреализмъ несоотносительныхъ съ дѣйствительностью требованій разрушаетъ ее поскольку на нее воздѣйствуетъ. Онъ не опасенъ, пока остается безсильнымъ, пока онъ лишь словесно вѣетъ около незыблемыхъ громадъ дѣйствительности. Но если въ силу своеобразнаго сочетанія условій — онъ ее начинаетъ претворять, то происходитъ не то, что обыкновенно отъ этого ожидается: происходитъ не продвиженіе дѣйствительности по направленію къ максималистической цѣли. Происходитъ другое. Дѣйствительность, претворяемая согласно нереальному заданію, какъ таковая разрушается: но такъ какъ нереальное заданіе остается неосуществленнымъ, то и остается лишь — разрушенная дѣйствительность. Этимъ дѣло не ограничивается; діалектика разрушенія влечетъ дальше. Если дѣйствительность подъ давленіемъ, или хотя бы въ соотвѣтствіи съ ирреальностью подверглась разрушенію, это значитъ, что въ ней уже была нѣкая слабость, нѣкій разъѣдающій процессъ пониженія или упадка, ибо иначе она ирреализма не допустила бы до воздѣйствія на себя. Подвергшись разрушенію въ своемъ максималистическомъ устремленіи, она сугубо оказывается безъ силы сопротивленія противъ своихъ внутреннихъ болѣзней и слабостей, и въ разрушенномъ организмѣ онѣ разворачиваются съ возрастающей побѣдностью. И потому подорванная своимъ нереалистическимъ устремленіемъ дѣйствительность не возвращается въ свое прежнее состояніе, а спадаетъ на болѣе низкое, летя ли стремглавъ въ пропасть, или задерживаясь на нѣкоторомъ болѣе низкомъ уровнѣ — въ зависимости отъ условій и обстоятельствъ. Вотъ откуда сугубая разрушительность максималистической идейности, когда она получаетъ шансы воплощенія: она не только себя не осуществляетъ, она отбрасываетъ дѣйствительность на болѣе низкую ступень. Наше поколѣніе пережило два подобныхъ процесса, глубоко различныхъ по дѣйствовавшимъ силамъ, вѣроятно, и по послѣдствіямъ, но аналогичныхъ въ этой особенности — русскую великую смуту и европейскую великую войну. Послужатъ ли эти два великихъ паденія излѣченію человѣчества отъ максималистической напасти — въ этомъ, конечно, позволительно не чувствовать увѣренности. Но было бы недостойно и непростительно, если бы они по крайней мѣрѣ не усилили выработки въ современникахъ новыхъ духовныхъ противоядій.

Конечно, на первый взглядъ странной кажется необходимость для старой Европы заново учиться реализму, проникаясь сознаніемъ зловредности общественной фантастики; но въ томъ то и дѣло, что Европа и старая, но въ нѣкоторомъ смыслѣ и весьма юная, въ частности тѣмъ, что неискушенныя подошли къ распорядительству ея судьбами массы — я говорю не только о народныхъ, но и объ общественныхъ массахъ — со всѣми слабостями числа и со всѣми опасностями неискушенности. Имъ подчинились въ безсознательномъ приноровленіи или въ сознательномъ приспособленіи и духовные и политическіе распорядители культурнаго и соціальнаго наслѣдства. И обреченными гибели окажутся и это юное общество, и его старая культура, если не пробьются къ зрѣлости руководящія имъ массы и ими руководимые вожди.

Мы, пережившіе и перестрадавшіе оба великихъ крушенія, — способны изнутри понять и оцѣнить происшедшее, какъ это извнѣ уже не удастся другимъ. И нашъ долгъ — закрѣпить пережитое и познанное въ ясныхъ мысляхъ, въ кованыхъ оцѣнкахъ и въ образахъ непреходящихъ.

ОТДѢЛЪ II

ИСКАЖЕННОЕ СТРОЕНІЕ

I. КОАЛИЦІОННОСТЬ

1. КОАЛИЦІИ ЕВРОПЕЙСКАЯ И МІРОВАЯ

Существенное значеніе среди причинъ, приведшихъ къ паденію Европы — помимо самаго факта грандіозной войны, помимо идей и стимуловъ, руководившихъ, какъ ею, такъ и заключеніемъ мира — имѣла и самая структура ведшихъ войну и заключавшихъ миръ силъ. Основной ея организаціонной чертой — является ихъ коалиціонный характеръ; второй — государственно географическое соотношеніе столкнувшихся коалицій; третьей — сравнительная роль въ обѣихъ коалиціяхъ чисто европейскихъ державъ.

Съ одной стороны была коалиція почти что чисто европейская, средне-европейская; къ тому же (со вступленіемъ Болгаріи) состоявшая изъ странъ, расположенныхъ въ непрерывномъ сосѣдствѣ; съ другой стороны была коалиція европейски-внѣевропейская, включавшая страны, расположеныя на всѣхъ материкахъ, во всѣхъ частяхъ свѣта, отдѣленныя одна отъ другой морями, океанами и черезполосицей нейтральныхъ пространствъ. Правда, и въ германской коалиціи — Турція была на отлетѣ частью за географическими предѣлами Европы; но вся тяжесть, вся мощь коалиціи заключалась въ европейскихъ державахъ — въ Германіи. Она руководила и собственно проводила всю борьбу; она провела борьбу и на малоазіатской территоріи, руководя турками, или имъ помогая. Дарданельская, галлиполійская операція была важнымъ эпизодомъ среднеевропейской обороны; сама Турція въ нѣкоторой степени вела войну въ качествѣ европейской державы, отстаивая свое европейское достояніе и, въ качествѣ фланга, непосредственно географически примыкая къ средне-европейскому блоку. Поскольку война шла и на Кавказѣ, или велась въ Малой Азіи, это было нѣкоторымъ распространеніемъ европейской войны за предѣлы Европы, но въ сущности тоже въ соотношеніи съ Европой — съ Россіей. Операція на Суецкій-

каналъ такъ и не была осуществлена, война въ германскихъ колоніяхъ была малозначущимъ эпизодомъ, героическая компанія флота подводнаго и налеты надводныхъ судовъ — имѣли своей базой европейскую родину. Если изъ Турціи возможно было извлечь сырье для Германіи, то въ сущности и эта возможность по времени касалась лишь части войны. Въ общемъ и основномъ средне-европейская коалиція была чисто европейской, въ Европѣ лежала она почти цѣликомъ, почти исключительно европейскими средствами располагала и европейскими силами боролась.

Наоборотъ, ей противопоставлялась и съ нею боролась на европейской почвѣ — коалиція міровая. Уже одно участіе Англіи дѣлало ее таковой, привлекая къ ней и сѣверъ Америки, югъ Африки, Австралію и Индію. Міровой дѣлало ее и участіе Россіи, вовлекая въ нее Сибирь и Среднюю Азію съ ея человѣческимъ и природнымъ матеріаломъ. Объ Японіи, можетъ быть, и не стоитъ особо упоминать въ виду ея малаго реальнаго военнаго значенія; но участіе Англіи еще и въ другомъ смыслѣ дѣлало коалицію міровой, вовлекая въ нее не въ качествѣ ея участниковъ, но въ качествѣ доступнаго для извлеченія нужныхъ матеріаловъ рынка — весь земной шаръ. Европейская коалиція была отъ міра отрѣзана, внѣевропейская располагала всѣмъ міромъ. Народы всего міра воевали въ Европѣ и вступленіе Америки только завершило эту картину.

Со средне-европейской коалиціей воевала коалиція европейски-міровая. Этимъ опредѣлился исходъ войны; а въ опредѣлившемся исходѣ этимъ опредѣлился и его сугубо разрушительный характеръ. Ибо европейская коалиція была цѣликомъ подъ непосредственнымъ ударомъ европейски-міровой; европейски-міровая же была въ значительной своей части — и притомъ въ наиболѣе могучей — внѣ предѣловъ досягаемости для европейской. Европа была доступна міру, міръ же былъ недоступенъ Европѣ.

Эти отношенія могли въ нѣкоторой степени сказываться уже на характерѣ самаго веденія войны и заключенія мира. Не приходится, конечно, преувеличивать международной сознательности рядовыхъ участниковъ боя, хотя бы они были европейцами. «Пермскіе» солдаты имѣли не только малосодержательное представленіе о враждебной Германіи и союзной Англіи, но, быть можетъ, не очень отчетливое представленіе о близкой Кубани; и французскій крестьянинъ, и англійскій приказчикъ едва ли интересовались характеромъ

Болгаріи, или Бранденбурга. Ненависть была наибольшей навѣрное именно среди европейскихъ враговъ. И все же отношеніе какого нибудь желтаго индуса, или чернаго марокканца, или бѣлаго австралійца было въ какомъ то смыслѣ болѣе страшнымъ въ своей отчужденности и безразличіи, нежели отношеніе европейскихъ враговъ; ибо въ концѣ концовъ и для пермяка, и для гасконца — нѣмецъ есть нѣчто все же изъ своего міра, а для марокканца или для горнаго индуса — это человѣкъ, народъ и страна изъ міра чужого. Тоже соотношеніе въ нѣсколько иныхъ тонахъ сказалось и при заключеніи мира, ибо среди вліявшихъ на него лицъ и группъ, было не мало въ корнѣ чуждыхъ Европѣ. Руководящій французъ можетъ ненавидѣть Германію и желать ее уничтожить, но для него все же Германія есть нѣкій живой комплексъ, тысячью нитей историческихъ, хозяйственныхъ и культурныхъ связанный съ его родиной. Для бура или австралійца Средняя Европа даже и не предметъ ненависти, но вообще — безразличный географическій и статистическій матеріалъ; онъ ее задавитъ, искромсаетъ или сохранитъ, вообще не замѣтивъ ея живого содержанія. Репрезентативнымъ для такой отчужденности, хотя сравнительно еще несравненно болѣе близкимъ къ Европѣ, нежели цѣлыя категоріи другихъ — былъ рѣшающій человѣкъ мира Вильсонъ, незнаніе коего и непониманіе европейскихъ дѣлъ является нынѣ едва ли не біографически установленнымъ фактомъ. Ненависть живыми нитями связаннаго съ Германіей француза и безразличное непониманіе чуждаго въ ней внѣевропейца, первая какъ стимулъ, второе, какъ рѣшающій факторъ, Клемансо и Вильсонъ — таковы рукоятка и молотъ, раздробившіе Среднюю Европу.

Но существеннѣе сказалась эта связь еще въ иномъ, уже не субъективномъ, а объективномъ отношеніи. Именно тѣмъ, что европейская коалиція была подъ ударами міровой, міровая же въ значительныхъ своихъ составныхъ частяхъ не была подъ ударами европейской, обусловливалась возможность сугубаго разрушенія въ случаѣ побѣды коалиціи именно міровой. Побѣди коалиція европейская, германская, хотя бы и съ той же полнотой, съ которой на самомъ дѣлѣ она была побѣждена, она все-же подавитъ своихъ враговъ такъ, какъ они сумѣли это сдѣлать по отношенію Германіи, никоимъ образомъ не смогла бы. Ибо часть враговъ — Японія, Америка, Британскія колоніи — при всѣхъ условіяхъ оставались для нея недосягаемыми; даже и вернуть своихъ колоній не

могла бы побѣдоносная Германія безъ компромисса со своими врагами. Въ такой же мѣрѣ не могло бы быть столь умерщвляющимъ и использованіе подобной побѣды; ибо и въ случаѣ пораженія заморскія страны сохраняли свое хозяйственное самодовлѣніе, Германія бы не располагала непрерывностью сосѣдскаго давленія и контроля надъ ними, а вмѣстѣ съ тѣмъ продолжала бы сохранятъ экономическую въ нихъ нужду. Конечно, по отношенію къ Франціи получилось бы то же положеніе, которое Франція занимаетъ нынѣ по отношенію къ Германіи; но дѣло въ томъ, что именно не во Франціи лежали главныя задачи для побѣдоносной Германіи. Въ остальномъ Европа конечно подчинилась бы гегемоніи Германіи; это выразилось бы въ закрѣпленіи ея власти въ средѣ объединенной съ ней коалиціи; распространилось бы ея вліяніе въ сторону Малой Азіи; Россію она не могла бы разгромить, какъ Россія сама себя разгромила и не могла бы подвергнуть использованію подобно тому, на которое Россія обрекается сейчасъ. И все же Германіи — и при полной побѣдѣ пришлось-бы все равно искать компромисса, дѣлать уступки въ своихъ требованіяхъ побѣжденнымъ, находящимся въ сферѣ ея воздѣйствія, съ цѣлью добиться примиренія съ недоступными ея воздѣйствію и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимыми ей заморскими ея противниками, — съ цѣлью использованія или хотя бы общенія съ заморскимъ міромъ.

Другими словами, вызванная войной глубина потрясенія и подавленія была возможна только при побѣдѣ міровой коалиціи надъ европейской, а не европейской надъ міровой, при побѣдѣ коалиціи, въ значительной своей части недоступной другой, надъ этой другой, всѣми своими частями доступной первой и предоставленной на ея милость. Побѣда Германіи не могла бы быть уничтожающей; уничтожающей могла быть только побѣда надъ Германіей. Въ Европѣ при участіи Европы міръ побѣдилъ Европу — отсюда безпрепятственность ея паденія.

---

2. ВЗАИМНЫЙ РАЗГОНЪ ПРИТЯЗАНІЙ

Но и помимо географическаго размѣщенія и соотношенія двухъ коалицій, самая форма коалиціонности — въ особенности при уже отмѣчавшемся отсутствіи сколько нибудь значащихъ нейтральныхъ — въ свою очередь приводила къ

усугубленію разрушительныхъ послѣдствій пораженія. Единая страна имѣетъ опредѣленную совокупность интересовъ и задачъ, которыя она и стремится удовлетворить въ результатѣ побѣды; имѣетъ опредѣленную преемственность и направленность вниманія и опасеній, которыми и руководится сознательно и безсознательно. Но объединенная коалиція разныхъ государствъ имѣетъ и разныя линіи судебъ, традицій, цѣлей и опасеній; и каждое изъ нихъ руководится своими, осуществляетъ свои задачи. Эти различныя задачи легко могутъ привести къ столкновенію при раздѣлѣ добычи, тогда, когда къ ограниченнымъ возможностямъ начинаютъ предъявлять притязанія на разошедшіеся государственные интересы. Столкновенія отчасти обусловлены тѣмъ, что интересы по существу своему направлены въ разныя или даже и противоположныя стороны и потому, будучи осуществляемы, становятся каждый — соперникомъ или помѣхой другому; отчасти же обусловлены тѣмъ, что предъявляемыя къ одной и той же ограниченной массѣ и значительно, а къ тому же неопредѣленно, ее превосходя, они сотвѣтственно подлежатъ неизбѣжному урѣзыванію. Борьба идетъ за то, чтобы претерпѣть это неизбѣжное сокращеніе въ наименьшей степени, или чтобы не допустить вчерашняго союзника и завтрашняго соперника до слишкомъ выгодныхъ возрастаній. Отсюда побѣдоносная коалиція послѣ побѣды имѣетъ неминуемую тягу перейти въ состояніе болѣе или менѣе явныхъ внутреннихъ соперничествъ или вражды, когда даже и поддержка поверженнаго врага можетъ оказаться орудіемъ, подходящимъ противъ чрезмѣрнаго усиленія удачливаго союзника.

Но прежде чѣмъ такія послѣдствія могли проявиться съ достаточной ясностью, долженъ былъ пройти промежутокъ времени иного содержанія, особенно губительный для побѣжденнаго. Расхожденіе и соперничество интересовъ можетъ получить разное выраженіе въ зависимости отъ того, каковъ соотносительно съ ними объемъ благъ, которыя подлежатъ отнятію у побѣжденнаго. Чѣмъ уже этотъ объемъ, тѣмъ вѣроятнѣе, быстрѣе и сильнѣе столкновеніе при его распредѣленіи; чѣмъ шире онъ, тѣмъ благополучнѣе можно удовлетворить имъ возгорѣвшіяся алканія. При побѣдѣ надъ средне-европейской коалиціей объемъ благъ, прямо или косвенно попавшихъ въ распоряженіе побѣдителей, былъ огромный; онъ былъ тѣмъ больше, что — за отсутствіемъ внѣ состава побѣдителей сколько нибудь значащихъ державъ —

въ ихъ руки и распоряженіе, собственно говоря, попало не только то, что принадлежало побѣжденнымъ, но и вообще все, что въ современномъ мірѣ могло подлежать овладѣнію и распредѣленію. Въ этомъ огромномъ запасѣ завоеванныхъ и распредѣлимыхъ цѣнностей могли свободно размѣститься всякія предъявленныя притязанія. Этимъ давалась возможность временно сохранять кровью запечатлѣнную и совмѣстными жертвами созданную инерцію военнаго содружества и связь коалиціонности путемъ послѣдовательныхъ компенсацій за счетъ поверженнаго. Если при ограниченномъ объемѣ полученнаго въ распоряженіе и на распредѣленіе — совмѣстность расходящихся интересовъ членовъ коалиціи вызываетъ и столкновеніе и борьбу, то избѣжаніе этой борьбы приводило къ компенсаціонному разбуханію частичныхъ алканій.

Эту динамику коалиціонной побѣды легко наблюдать на повоенномъ развитіи событій въ обѣихъ ея чертахъ: въ одновременномъ нажимѣ на побѣжденнаго въ различныхъ, несвязанныхъ интересахъ и во взаимномъ компенсированіи выгодъ членовъ коалиціи за его счетъ путемъ дальнѣйшихъ на него нажимовъ. Франція едва ли нуждалась въ томъ, чтобы отнять у Германіи ея колоніи, въ особенности же — всѣ ея колоніи; вся выгода для нея, наоборотъ, заключалась бы въ томъ, чтобы по крайней мѣрѣ часть колоній, которую она сама эксплоатировать и не смогла бы и не захотѣла, оставить въ эксплоатаціи Германіи для увеличенія ея платежеспособности; но Японія и Англія имѣли интересъ именно въ германскихъ колоніяхъ. Англія, въ интересахъ которой было отнять колоніи и торговый флотъ, а также уничтожить военный, нисколько не была заинтересована въ томъ, чтобы отторгнуть восточныя и западныя окраины Германіи, не была заинтересована въ военномъ занятіи ряда областей, въ содержаніи армій на территоріи обезоруженнаго и лишеннаго флота врага. Но въ этомъ то именно и была заинтересована Франція, увеличивавшая такимъ образомъ свою мощь и силу союзной Польши. Въ этомъ ее поддерживалъ Вильсонъ, гипнотизированный формулой національнаго самоопредѣленія, въ правильности приложенія коей онъ, впрочемъ, не отдавалъ себѣ отчета. Но съ точки зрѣнія какъ этой формулы, такъ и всѣхъ другихъ, имъ раздѣляемыхъ, онъ никоимъ образомъ не могъ бы противодѣйствовать присоединенію Австріи къ Германіи; не было основанія для такого противодѣйствія и у Англіи. Но Франція, опасающаяся возстановленія германскихъ силъ,

и Италія, предпочитающая имѣть между собой и Германіей маленькій неопасный буфферъ, стали именно противъ такого присоединенія. Такъ, въ процессѣ взаимнаго наслѳенія одновременно осуществлялись всѣ эти несвязанные интересы, а, поскольку они оказывались несовмѣстимыми, державы получали свои компенсаціи за предѣлами Европы.

Эти соотношенія не трудно было бы прослѣдить и дальше на исторіи послѣднихъ лѣтъ и по всѣмъ другимъ областямъ использованія побѣды, и по всѣмъ стадіямъ возстановленія мира не только въ Версалѣ, но и на послѣдующихъ конференціяхъ и переговорахъ. Это же соотношеніе сказывается не въ одномъ территоріальномъ государственномъ отношеніи, но и въ отношеніи финансовомъ — не только въ плоскости прикрытыхъ аннексій, но и въ плоскости прикрытыхъ контрибуцій; тѣ же соотношенія сказывались — и здѣсь можетъ быть особенно ярко — въ распорядительствѣ наслѣдіемъ Турціи.

Единое государство, имѣя свою линію интересовъ и задачъ, ведя во имя ихъ войну, при успѣхѣ стремится ихъ и удовлетворить. Въ коалиціи же устанавливается нѣкоторая общая линія задачъ и интересовъ, во имя которыхъ она и заключается и во имя которыхъ и ведется борьба; но при побѣдѣ, когда лицомъ къ лицу остаются уже не враждебныя коалиціи, а лишь члены побѣдоносной, — изъ подъ покрова общей коаліціонной задачи вырастаютъ исконныя розныя государственныя задачи и притязанія ея членовъ. Отсюда возможности разнобоя и столкновеній; но отсюда же, при наличности необозримаго объекта дѣлежа, — и стремленіе къ ихъ совмѣщенію; а при отсутствіи какого либо противодѣйствія — и стремленія къ совмѣщенію ничѣмъ неурѣзываемому, т. е. въ неизмѣримо преувеличенномъ размѣрѣ. Въ концѣ концовъ ограничивающей силой можетъ при такихъ условіяхъ оказаться только взаимное опасеніе чрезмѣрныхъ разрастаній, или предѣлы внутренней способности усвоенія каждой державы. Но внутренняя способность усвоенія едва ли не всегда переоцѣнивается. Особенно переоцѣнивается она, когда усвоенію подлежитъ не нѣчто постоянно обезпеченное и возобновляющее ее, а ниспосланное исключительной удачей, неповторной въ вѣкахъ. Вполнѣ естественно, что трудность или даже невозможность усвоенія мысленно преодолѣвается путемъ разложенія на неопредѣленное предстоящее протеченіе времени (что отчасти и основательно) и только въ процессѣ времени и можетъ проявиться болѣе или менѣе тяжкимъ

государственнымъ несвареніемъ, внутреннимъ отравленіемъ и иными болѣзненными явленіями. Если эти явленія болѣзненны для усваивающаго, то насколько болѣзненнѣе они для тѣхъ, кто усвоенію подвергается. Вредоносны-же они для обоихъ.

Въ тотъ небольшой промежутокъ времени, который протекъ со времени заключенія мира, уже обнаружились и явленія несваренія и взаимныя соревнованія и противорѣчія; сказалась, пожалуй, и неумѣщаемость притязаній даже въ томъ обширномъ объемѣ, которыя изъ себя представляютъ побѣжденныя страны. И динамика коалиціонности начинаетъ претерпѣвать претвореніе, — изъ соревнованія путемъ взаимно нарастающаго распространенія въ неограниченномъ объемѣ она переходитъ къ внутреннему соревнованію и борьбѣ въ объемѣ ограниченномъ. Продолжаются, впрочемъ, и поиски того неограниченнаго объема, въ которомъ соревнованіе и параллельныя алканія все еще могли бы совмѣститься; въ сущности англійско-итальянская политика въ томъ и заключается, чтобы и Россію включить въ тотъ объемъ, на который могутъ распространиться и въ которомъ могли бы найти параллельное удовлетвореніе союзныя притязанія. И такъ какъ разбуханіе всѣхъ запросовъ за счетъ побѣжденнаго привело къ невозможности удовлетворить ихъ, то появляется мысль и ему дать возможность преслѣдовать свои интересы совмѣстно съ интересами побѣдителей — въ этомъ новомъ, какъ бы вдвойнѣ побѣжденномъ, объемѣ. Побѣжденному предполагается дать субъэксплоатируемаго, чтобы его эксплоатаціей онъ полнѣе покрылъ свои собственныя обязательства.

Какъ бы то ни было, въ этомъ сложномъ процессѣ интересы членовъ побѣдившей коалиціи оказались несовмѣстившимися и приходятъ въ обостряющееся соревнованіе. Здѣсь и открывается необходимость взаимныхъ ограниченій, которыя по отношенію къ совокупности бывшихъ побѣдителей по своимъ послѣдствіямъ могли бы стать какъ бы нѣкоторымъ самоограниченіемъ. Здѣсь открывается необходимость соблюденія нѣкоторыхъ интересовъ побѣжденнаго, поскольку ихъ нарушеніе обнаружилось зловреднымъ для котораго либо изъ побѣдителей.

Начало второго полугодія 1922 г. и обнаруживаетъ въ этомъ отношеніи критическій узловой моментъ, когда общій разгонъ притязаній объективно неминуемо долженъ бы переломиться во взаимное самоограниченіе побѣдителей. Но такъ какъ это самоограниченіе не происходитъ какъ добро-

вольный сознательный актъ, а выдалбливается взаимнымъ ограничиваніемъ державъ-побѣдительницъ, то процессъ происходитъ въ формахъ ихъ препирательствъ и борьбы, осложняемой стремленіемъ наверстать упускаемое — на слабѣйшей сторонѣ, на побѣжденномъ. Отсюда — величайшая опасность, что процессъ этотъ, если и приведетъ къ самоограниченію, то лишь черезъ новый разгромъ побѣжденнаго и дальнѣйшій распадъ побѣдителей.

3. НОВАЯ ГЕГЕМОНІЯ

Коалиціонныя образованія — явленія повторныя и частыя въ международной жизни, и чрезвычайно было бы интересно изучить тѣ общіе процессы, которые обнаруживаются въ ихъ судьбѣ — изучить ихъ морфологію и динамику. Что коалиціи побѣжденныя подвергаются расторженію — это естественно, какъ одно изъ первыхъ средствъ ослабленія и обезвреживанія врага. Съ коалиціей побѣдителей происходятъ иные процессы, при чемъ здѣсь возможны, или одновременно и проявляются, тенденціи противоположныя. Одна была выше намѣчена, именно тенденція къ распаду на составныя части въ борьбѣ за добычу; но одновременно идетъ и другой процессъ. Уже и въ эпоху борьбы слабая сторона коалиціи заключается въ самодовлѣніи ея частей; запросы борьбы естественно тяготѣютъ къ спайкѣ воедино усилій ея членовъ, а спайка предполагаетъ и общій распорядительный центръ. Централизація коалиціи — такова неизбѣжная ея тяга въ тяжелой борьбѣ. Если силы членовъ коалиціи рѣзко различаются и одинъ изъ нихъ рѣшительно преобладаетъ надъ другими, то соотвѣтственно онъ и получаетъ возможность — пожалуй, необходимость — въ этомъ процессѣ спаиванія пріобрѣсти господство. Господство, разъ установленное во время борьбы, сохраняется и при переходѣ на мирное положеніе, тѣмъ болѣе, что на это есть и самостоятельныя существенныя основанія: коалиція по исчезновеніи надобности получаетъ тенденцію распасться, общіе коалиціонные интересы грозятъ замѣниться частными интересами сочленовъ, единство — соревнованіемъ, и сила совокупности, — разслабленіемъ частей. Стремленіе избѣжать такого ослабленія, задача безтревожнаго распорядительства добычей, поддерживаетъ унаслѣдованную отъ борьбы фактическую гегемонію — и получается тенденція закрѣпленія въ мирной организаціи той самой геге-

моніи, которая выработалась уже на войнѣ. Трудно сомнѣваться въ томъ, что, въ случаѣ побѣды средне-европейской коалиціи, гегемонія Германіи установилась бы въ первую голову именно надъ ея союзниками — раньше и больше, чѣмъ надъ побѣжденными врагами. Первымъ и можетъ быть основнымъ результатомъ германской побѣды — была бы организація, приближающаяся къ союзно-государственной въ примѣненіи къ Средней Европѣ. Въ нѣкоторой степени, вѣроятно, повторился бы приблизительно тотъ же процессъ, который послѣ бисмарковскихъ войнъ установилъ гегемонію Пруссіи въ германской имперіи.

Иначе обстоитъ дѣло въ тѣхъ случаяхъ, когда въ борьбѣ не вырабатывается предопредѣленное преобладаніе одного члена коалиціи надъ другими, какъ это и имѣло мѣсто въ коалиціи Антанты. И здѣсь однако распадъ на составныя части представляетъ столь явно нежелательныя или даже и опасныя стороны, что на ряду съ возвращеніемъ въ состояніе независимости, сохраняется запросъ и на удержаиіе коаліціонности — на удержаніе единства или связи; а такъ какъ связь самостоятельныхъ единицъ никогда не бываетъ прочной и всегда грозитъ распадомъ, то и получается тенденція къ объединенію въ одной изъ двухъ формъ (гегемонія одного изъ составныхъ элементовъ или выработки общаго всѣмъ и подчиняющаго ихъ всѣхъ органа), при одновременномъ столкновеніи этой тенденціи съ противоположной — къ распаду на независимыя составныя части. И въ этомъ неустойчивомъ бореніи можетъ заново вырастать гегемонія даже такой державы, которая за время войны не успѣла ея достигнуть или закрѣпить.

Думаю, что эти отношенія ясно запечатлѣлись на послѣвоенной судьбѣ Антанты. Основополагающимъ фактомъ является возвращеніе къ самостоятельному бытію отдѣльныхъ державъ. Но оно оказывается до крайности затрудненнымъ уже благодаря безчисленнымъ трудностямъ предстоящихъ задачъ; благодаря тому, что въ процессѣ ихъ разрѣшенія предопредѣляется судьба будущей эпохи и куется сила или усугубляется слабость народовъ — уже внѣ зависимости отъ непосредственныхъ послѣдствій войны. Переломъ, чреватый угрожающими непредвидѣнностями, заставляетъ держаться старой близости, хотя она и теряетъ свой прежній смыслъ за отсутствіемъ прежнихъ опасностей. Строятся новыя отношенія и въ нихъ болѣе сильная сторона еще болѣе усиливается, болѣе слабая еще болѣе слабѣетъ. Старую близость

естественно удерживать въ прежней перспективѣ противопоставленія бывшему врагу; но врагъ пересталъ быть опаснымъ и быть врагомъ, слѣдовательно она и не можетъ быть удержана. Старая близость такимъ образомъ становится ирреальностью, лишающейся содержанія формой, международнымъ этикетомъ. Новыя отношенія складываются уже и въ новыхъ противопоставленіяхъ; и посколько они проявляются въ старой связности — новое преобладаніе силъ становится, или грозитъ стать новой гегемоніей. Какъ это ни странно, но избѣжать гегемоніи одного изъ побѣдителей надъ другими возможно (или кажется возможнымъ) лишь уничтоживъ старую близость, старое общеніе, — ибо внѣ объединенія каждая держава движется свободно, въ предѣлахъ объединенія она подчиняется сильнѣйшему. Въ фактическомъ осуществленіи Лиги Націй, въ длительномъ протовопоставленіи союзныхъ и дружественныхъ народовъ остальному міру, въ совмѣстныхъ совѣщаніяхъ этихъ народовъ и рѣшеніяхъ ими судебъ остальныхъ сказывается одна тенденція къ поддержанію прежней близости; въ преслѣдованіи каждымъ своихъ интересовъ — сказывается другая.

Такъ сходятся, расходятся и сталкиваются ряды организаціонныхъ послѣдствій основного факта — коалиціонности побѣдоносной стороны. Сообразно основной моей темѣ надлежитъ разсмотрѣть одинъ изъ этихъ рядовъ, имѣющій рѣшающее значеніе не только въ продолжающемся разгромѣ побѣжденныхъ, но — шире того — въ продолжающемся и послѣ войны разгромѣ Европы.

II. ТРАГЕДІЯ ФРАНЦІИ

1. ПОБѢЖДЕННЫЙ ПОБѢДИТЕЛЬ

Войну вела съ обѣихъ сторонъ коалиція и коалиція одержала побѣду. Европейско-внѣевропейская коалиція побѣдила коалицію чисто европейскую. Первая сложилась для войны; для опредѣленной задачи въ опредѣленный историческій моментъ сблизились и объединились различныя и независимыя линіи державныхъ судебъ. Но державы эти, пройдя ту точку, въ которой онѣ объединились, дальше не могутъ не идти по своимъ самостоятельнымъ путямъ. Таково положеніе въ міровой плоскости. Въ предѣлахъ Европы лицомъ къ лицу остаются только нѣкоторыя изъ сражавшихся государствъ — коалиція побѣжденная и часть побѣдителей. Упрощая вопросъ къ основному рѣшающему пункту: лицомъ къ лицу остаются Франція и Германія. Побѣдила Германію коалиція міровыхъ державъ, лицомъ къ лицу съ ней осталась одна Франція. Америка лежитъ въ недосягаемости для Германіи и Европы; ея интересы, конечно, съ Европой связаны тѣсно, но съ одной стороны, принципіально не больше, чѣмъ со всякой другой частью свѣта; съ другой стороны, остріе опасности обращено для нея именно въ другомъ направленіи; и наконецъ, съ третьей стороны, въ томъ интересѣ, который представляетъ для Америки Европа, различіе внутриевропейскихъ странъ отходить на второй планъ. Въ сущности и самая война имѣла для Америки основной интересъ въ томъ, что она охватила всю Европу, сдѣлавъ ее — ея, Америки, данницей. Безразличное и слѣдовательно подлинно нейтральное отношеніе диктовалось Америкѣ именно основной ея заинтересованостью въ ослабленіи всей Европы; и только сравнительно уже на второмъ мѣстѣ — географическая близость и сохраненная связь съ Западной Европой при отрѣзанности благодаря военнымъ дѣйствіямъ отъ Европы средней — глубже заинтересовывало и тѣснѣе связывало ее именно съ

Антантой, — и тѣмъ вызвало окончательное съ ней сближеніе (въ цѣляхъ покончить войну). Но съ окончаніемъ войны эта специфическая связанность вновь слабѣетъ и отношеніе къ Франціи и — Германіи опредѣляется уже не военнотранспортной возможностью сношеній съ одной и невозможностью сношеній съ другой, а хозяйственными и производство-обмѣнными основаніями. А потому мирная заинтересованность Америки Европою ни въ какой степени не является продолженіемъ ея заинтересованности военной: для мирнаго продолженія военной коалиціи здѣсь не остается больше основаній.

Въ иномъ положеніи находится Англія. И по своей близости, и по своимъ исконнымъ традиціямъ, и по своимъ экономическимъ связямъ она несравненно тѣснѣе остается связанной съ европейскимъ материкомъ, нежели Америка. Но опять таки хозяйственный ея интересъ нисколько не предрѣшенъ отношеніями военной коалиціи; политическая же традиціонная задача англійской политики искони заключалась въ обезсиленіи сильнѣйшей европейской державы. Но эта цѣль свыше мѣры достигнута Англіей по отношенію къ Германіи и Россіи; и посколько пораженіе использовано, посколько отнято въ свою пользу, что можетъ быть отнято (а это сдѣлано) — у Англіи собственно не остается мотивовъ сохранять свою позицію неизмѣнной; наоборотъ, у нея даже могутъ появиться стимулы ту самую свою исконную политику обратить остріемъ противъ новой сильнѣйшей континентальной державы, побѣдительницы и союзницы. Опасенія подъема Германіи для нея не существуетъ въ томъ смыслѣ, что не такъ скоро онъ можетъ сказаться и есть не мало средствъ ему противодѣйствовать, или отъ него оберечься и, наконецъ, еще и въ томъ смыслѣ, что противъ подобной опасности сохраняется достаточная гарантія въ лицѣ Франціи. Пока же опасности нѣтъ и пока единственная опасность въ чрезмѣрной слабости страны — работника и потребителя, всѣ основанія заботиться отнюдь не о направленіи своего острія противъ нея. И наконецъ, существеннѣе всего то, что и вообще важнѣйшія задачи, опасности и приманки для Англіи — не въ Европѣ, а внѣ ея; и потому для постояннаго или длительнаго объединенія повоенныхъ судебъ Франціи и Англіи нѣтъ достаточныхъ основаній. Практически это и сказалось въ свое время въ отказѣ Америки и Англіи заключить съ Франціей союзный договоръ и въ повторныхъ трудностяхъ этихъ соглашеній въ послѣдующее время. Такъ главные три союзника-побѣдителя въ войнѣ естественно и неизбѣжно по за-

ключенiи мира расходятся по разнымъ путямъ своихъ историческихъ судебъ. Францiя остается на европейскомъ континентѣ лицомъ къ лицу съ Германiей. И если бы даже поддержка и была ей обѣщана, то — не говоря объ ея цѣнѣ — кто поручится за ея длительность.

Но и еще усугубляется ея одиночество. Россiя, какъ держава, исчезла на неопредѣленное время съ мiровой арены. Австро-Венгрiя распалась и исчезла. Италiя выросла и обѣщаетъ и впредь продолжать свой ростъ, совершающiйся ужъ болѣе полувѣка, — ростъ и государственный, и хозяйственный, и культурный; и менѣе всего она можетъ послужить опорой для Францiи въ ея противоположенiи съ Германiей, ибо съ Германiей Италiи нечего дѣлить. Противникомъ, угнетателемъ и жертвой Италiи была Австрiя; Германiя никогда не была и по своему географическому положенiю и хозяйственному укладу и не могла быть противникомъ Италiи, скорѣе онѣ въ нѣкоторой степени одна другую дополняютъ и поддерживаютъ. Наоборотъ съ Францiей у Италiи не только сосѣдство географическое, но и общая сфера распространенiя — —бассейнъ Средиземнаго моря; и потому здѣсь имѣются или въ любую минуту могутъ разгорѣться соревнованiе, соперничество и борьба. Такъ, въ составѣ мощной коалицiи, исчезнувшей вмѣстѣ съ побѣдой и подавленiемъ противника, Францiя, побѣдивъ Германiю, осталась съ ней послѣ побѣды одинъ на одинъ — болѣе одинокой, чѣмъ она когда либо была.

Побѣдитель неизмѣнно бываетъ сильнѣе побѣжденнаго; онъ бываетъ сильнѣе не только своей мощью военной, но совокупной мощью соцiально-культурной. Соотвѣтственно мiровая коалицiя была сильнѣе коалицiи германской. Но оставшаяся въ результатѣ побѣды одинокой въ Европѣ побѣдоносная Францiя — потенцiально слабѣе побѣжденной Германiи. Вотъ въ этой парадоксальной на первый взглядъ формулѣ: побѣдитель слабѣе побѣжденнаго — ключъ къ современному европейскому положенiю.

Менѣе всего этимъ хочу отрицать блестящiя военныя доблести и мощь Францiи, столь ярко проявившiяся на войнѣ, гдѣ она дала Антантѣ и рѣшающiй командый составъ и наиболѣе упругую борющуюся массу. Менѣе всего хочу отрицать глубину и тонкость прославленной обше-гражданской культуры, еще до войны сызнова получившей и новый напоръ и новый расцвѣтъ. Но факты все же таковы, что съ величайшимъ трудомъ была одержана побѣда надъ герман-

ской коалиціей послѣ безчисленныхъ усилій; а между тѣмъ на одной сторонѣ вмѣстѣ съ Франціей были такія державы самостоятельной мощи, какъ Англія и Америка; большую часть войны вмѣстѣ съ ними была и русская безбрежность; вмѣстѣ съ ними была и Италія, не говоря о малыхъ силахъ Сербіи и Бельгіи и далекой, мало дѣйствовавшей Японіи. Между тѣмъ съ Германіей шла одна только явно находившаяся на склонѣ, изнутри подорванная и еле державшаяся, Австрія и страны малой культуры, уставшія уже отъ предшествовавшихъ войнъ — Болгарія и Турція. Франція стояла на ряду съ великими державами, вносившими въ войну независимый, самостоятельный, своеобразный вкладъ; Германія руководила своими союзниками и поддерживала ихъ. Это различіе имѣло и выгодныя и невыгодныя для каждой стороны послѣдствія; самодовлѣніе независимыхъ мощныхъ державъ создавало основу для независимыхъ центровъ распоряженія и, слѣдовательно, затрудняло единство воли и руководства, создавало возможность треній и неопредѣленности. Наоборотъ единство руководства въ германской коалиціи создавало сосредоточенность и напряженіе, особенно сказывавшіяся, пока Германія сохраняла свою самостоятельную силу. Но зато ко времени упадка отношенія оборачиваются на противоположныя: по мѣрѣ общаго ослабленія и утомленія каждая изъ странъ высокой культуры и сильной государственности въ большей степени сохраняетъ свою разную и независимую отъ другихъ иниціативу и напряженіе, и тѣмъ самымъ служитъ другимъ поддержкой; наоборотъ, страны слабыя и менѣе культурныя, раньше подчинявшіяся сильной волѣ, скорѣе слабѣютъ, теряются и отпадаютъ, или во всякомъ случаѣ требуютъ все большей поддержки отъ своего руководящаго союзника. Такимъ образомъ сила односторонняго культурнаго превосходства, закрѣпляющая устойчивость при непочатости силъ, оборачивается обезсиливаніемъ и отпадомъ по мѣрѣ ихъ израсходованія; и наоборотъ — независимая мощь, затрудняющая согласованіе, — при утомленіи и ослабленіи благотворно сказывается самостоятельностью продолжающихся усилій.

Какъ бы то ни было, сопоставленіе слабыхъ союзниковъ Германіи съ могучими союзниками Франціи явно обнаруживаетъ преобладаніе силъ вторыхъ надъ первыми. Навѣрно было бы чрезвычайнымъ преувеличеніемъ силъ союзниковъ Германіи — приравнять ихъ совокупности военныхъ силъ Россіи, Италіи, Бельгіи, Сербіи и Румыніи; но и то остается противъ

Германіи мощь Франціи, Англіи и Америки. И значитъ внѣ всякаго спора остается сравнительное громадное превосходство силъ Германіи противъ одной Франціи. Побѣдителемъ остался въ Европѣ слабѣйшій лицомъ къ лицу съ сильнѣйшимъ побѣжденнымъ.

Но въ сущности вѣдь и не было надобности въ фактической провѣркѣ войной — чтобы это утверждать; одни численныя соотношенія количества населенія, производства и производительности, напряженности труда и организаціонныхъ умѣній; одно соспоставленіе сравнительныхъ темповъ роста государственныхъ функцій, хозяйственной организаціи, культурныхъ достиженій за послѣднія 30—40 лѣтъ приводятъ къ тому же непоколебимому выводу. Пусть совершенно ложнымъ было представленіе о французскомъ упадкѣ, о мнимой дегенераціи; пусть во Франціи накоплялись и нарастали новыя, свѣжія духовныя силы; сопоставленіе германскаго и французскаго государственно-культурнаго развертыванія дѣлало ихъ уравненіе невозможнымъ. И тѣмъ болѣе имѣлъ и сохранялъ значеніе этотъ выводъ, что онъ опирался не на какія либо отдѣльныя свершенія и достиженія, а на потенціи, заложенныя въ численности, въ уровнѣ грамотности, въ организованности, въ распорядительности, въ накопленіи и распространеніи знаній.

Можно возразить, что таковы соотношенія независимыя отъ войны, неудачной для сильнѣйшей стороны; но что именно война самымъ фактомъ произведеннаго ею разгрома ослабляетъ потерпѣвшаго пораженіе больше, чѣмъ побѣдителя, и тѣмъ низводитъ перваго на положеніе слабѣйшаго. Это соображеніе въ основѣ своей, конечно, правильно; оно примѣнимо и къ случаю великой войны; однако, по той же причинѣ, которая подвергается здѣсь разсмотрѣнію, оно не вполнѣ примѣнимо къ отношеніямъ Франціи и Германіи. Побѣждаетъ сильнѣйшій и въ процессѣ побѣждающей войны наноситъ слабѣйшимъ въ общемъ больше урона, чѣмъ испытываетъ самъ. Соглашеніемъ, вытекающимъ изъ побѣды, онъ еще больше укрѣпляетъ достигнутое положеніе, обезсиливая противника отнятіемъ у него территоріи или цѣнностей, или возложеніемъ на него какихъ либо обязательствъ, и такимъ образомъ надолго остается сильнѣе побѣжденнаго, свободнымъ отъ страха передъ нимъ, вольнымъ въ своихъ дальнѣйшихъ движеніяхъ, способнымъ даже на великодушіе по отношенію къ поверженному и больше уже не опасному врагу. Такъ въ общемъ и обстоитъ дѣло при со-

поставленіи дѣйствительнаго побѣдителя съ дѣйствительнымъ побѣжденнымъ — мірового союза съ союзомъ германо-европейскимъ. Первый оказался сильнѣе второго; несмотря на превзошедшее всякія ожиданія длительное героическое сопротивленіе первый побѣдилъ второго и въ процессѣ побѣды нанесъ ему въ общемъ навѣрно больше зла, чѣмъ самъ испыталъ. Въ самомъ дѣлѣ, если оставить внѣ разсмотрѣнія бѣдствія, постигшія Россію, уже нетолько въ связи непосредственно съ войной, а въ связи съ внутреннимъ распадомъ, — если сопоставить только уроны самой войны и связанныхъ съ войной бѣдствій мирнаго населенія; если въ этомъ сопоставленіи съ одной стороны принять во вниманіе Германію, Австро-Венгрію, Болгарію, Турцію, а съ другой, не только европейскія державы Антанты, но и Америку и Японію, Канаду и Австралію, Индію, Южную Африку, Алжиръ и Египетъ, страны, принимавшія и прямое, а въ особенности косвенное участіе въ войнѣ, — то едва ли можио будетъ отрицать, что пропорціонально территоріи, пропорціонально населенію — бѣдствія войны пали съ несравненно большей тяжестью на коалицію германскую, нежели на коалицію міровую. Этотъ выводъ заслоняется и затушевывается страданіями, постигшими сѣверо-восточную Францію, части Бельгіи и Сербію. Но какое же основаніе въ плоскости разсмотрѣнія сравнительныхъ ущербовъ двухъ подлинныхъ военныхъ противниковъ (т. е. обѣихъ коалицій) выдѣлять части одной изъ всей ихъ совокупности. Воевала и побѣдила не сѣверо-восточная Франція съ Бельгіей и Сербіей, а грандіозная коалиція, разостлавшаяся по всѣмъ материкамъ; и бѣдствія войны надо относить не къ части, а къ цѣлому. Отдѣльно взятая Франція испытала сравнительно больше бѣдствій и урона, нежели Германія, но она и была слабѣе ея и, конечно, одна ее и не побѣдила-бы. Если же эти бѣдствія соотнести къ подлинному побѣдителю — ко всей Антантѣ съ ея безконечными пространствами, съ ея неисчислимымъ населеніемъ, не только никакихъ военныхъ страданій не пережившимъ, но еще на почвѣ войны и расцвѣтшимъ, то мы и получимъ то естественное соотношеніе, при которомъ побѣжденный дѣйствительно испыталъ уже въ процессѣ самой войны и заключенія мира, а тѣмъ болѣе въ результатѣ его — тотъ грандіозный уронъ, который сбросилъ его съ занятаго имъ прежде уровня и сдѣлалъ его для побѣдителя (для побѣдившей коалиціи) впредь больше неопаснымъ. Вспомнимъ при этомъ съ другой стороны, не объ одной только Германіи, но и о судьбѣ, постигшей

остальныхъ ея союзниковъ. Общее естественное соотношеніе не только осуществилось и здѣсь, но можетъ быть осуществилось въ особо наглядномъ, потрясающемъ размѣрѣ.

Но дѣло немедленно мѣняется, какъ только мы возьмемъ не побѣдителя въ его цѣльности и въ такомъ же видѣ побѣжденнаго, а возьмемъ оставшіяся въ Европѣ лицомъ къ лицу державы — только Францію и Германію. Германская коалиція испытала относительно больше всесторонняго урона, нежели Антанта, но Германія испытала относительно меньшій уронъ, чѣмъ Франція. Германскія войска топтали французскую землю, разрушали французскія поселенія и города, насажденія и жилища. Трудно, конечио учесть косвенный вредъ, испытанный германскимъ населеніемъ отъ блокады, но въ общемъ непосредственныя потрясенія войны обрушились на французскую территорію, какихъ Германія вовсе и не испытала. Но вѣдь Германія по сравненію не со всей Антантой, а съ одной Франціей и вела войну, какъ побѣдительница, на ея территоріи, постоянно удерживаемая отъ окончательной побѣды то русскими наступленіями, то прибытіемъ англійскихъ и американскихъ силъ. Побѣдоносная по отношенію къ одной Франціи, Германія была побѣждена совокупной Антантой. Соотвѣтственно и располагаются бѣдствія, испытанія и уронъ.

Въ этомъ соотношеніи можно на первый взглядъ усмотрѣть парадоксальное утвержденіе того, что часть больше цѣлаго; ибо, если бѣдствіе германской коалиціи превосходитъ бѣдствіе антантистской, то тѣмъ болѣе оно должно превосходить бѣдствіе одной Франціи. Но вѣдь эти испытанія не берутся здѣсь и не могутъ быть взяты, какъ нѣкія абсолютныя величины, а лишь — въ соотношеніи съ переживавшими ихъ субъектами, съ численностью населенія, съ длительностью переживаній, съ территоріей, на которую они распространяются. Вѣдь «бѣдствія», «испытанія», «переживанія» — и вообще не являются нѣкимъ объективнымъ явленіемъ, взвѣшиваемымъ или измѣриваемымъ на какой либо объективный масштабъ; они въ самомъ существѣ своемъ соотносительны съ субъективными свойствами и способностями переживающаго. Рана, незначительная для сильнаго организма, бываетъ смертельна для слабаго, лишенія, легко переносимыя закаленнымъ, губительны для изнѣженнаго. Къ тому же бѣдствія и лишенія и между собой объективно несоизмѣримы и несопоставимы; наконецъ, ихъ въ данномъ случаѣ приходится вѣдь отнести не къ личности ихъ переживающей, а къ соціаль-

ному тѣлу ихъ преодолѣвающему. Для того, чтобы свести къ какому либо общему знаменателю военныя бѣдствія, необходимо было бы отыскать, или установить нѣкую вымышленную единицу таковыхъ и найти коэффиціенты, которые позволили бы перевести на эту единицу всѣ разновидности военныхъ дѣйствій.

И все же думается, что и не производя такой, быть можетъ, и неисполнимой работы, мыслимо въ суммарной оцѣнкѣ установить и подтвердить отмѣченныя соотношенія. Чисто личныя страданія и вообще несоизмѣримы. Но разсматривая ихъ удѣльный вѣсъ въ народномъ коллективѣ, мы естественно выдѣляемъ распространенность въ немъ задѣтыхъ непосредственно личностей, и въ этомъ смыслѣ ясно, въ какой мѣрѣ Америка или Канада были задѣты безконечно меньше Европы и даже Англія меньше, чѣмъ Германія и Франція. Значеніе угрожаемости, необезпеченности существованія, риска гибели — несоизмѣримы съ другими испытаніями; ясно какъ различается въ этомъ смыслѣ субъективное самочувствіе и объективная устойчивость съ одной стороны той же Америки, Японіи, Индіи, съ другой — Англіи, защищенной флотомъ, Германіи, защищенной своимъ войскомъ, стоящимъ на чужой территоріи, Россіи въ основномъ защищенной своими пространствами; и съ третьей стороны — Франціи, столица которой находилась подъ непосредственнымъ ударомъ, а промышленные районы которой были захвачены. И тоже относится къ хозяйственному аппарату, работавшему въ полной обезпеченности за океанами и надорванному во Франціи. Правда, Германія переживала бѣдствія незнакомыя ея врагамъ, а именно ослабленіе ея человѣческаго субстрата благодаря блокадѣ и недоѣданію. И если этого бѣдствія уже самаго по себѣ достаточно, чтобы установить сравнительную значительность ея испытаній по отношенію ко всей Антантѣ, наибольшая часть населенія которой этихъ бѣдствій и ихъ послѣдствій и вообще не знала, то все же во Франціи этому противопоставимо отношеніе физически погибшихъ и искалѣченныхъ къ общему составу населенія. И такимъ образомъ въ общемъ — продолжая подобный анализъ — придется все же придти къ выставленному выше суммарному утвержденію, что германская коалиція претерпѣла несравненно больше Антанты, но все же, что больше Германіи претерпѣла Франція.

Замѣчательно, что это самое соотношеніе отражается соотвѣтственно и на духовныхъ послѣдствіяхъ войны. Страннымъ на первый взглядъ образомъ — какъ бы Франція ни была

преисполнена торжества и самочувствія побѣдителя, въ ней съ этой душевностью соприсутствуетъ и психологія побѣжденнаго: озлобленіе за испытанныя и неискупленныя страданія, озлобленіе и месть. Въ своемъ родѣ, какъ это ни необычно, тяга къ реваншу скорѣе на сторонѣ Франціи, несмотря на ея побѣду чѣмъ на сторонѣ Германіи. Это отношеніе естественно мѣняется въ связи съ испытываемыми Германіей угнетеніями и униженіями послѣ военнаго времени. Политика мира способна вызвать жажду реванша и въ Германіи, — но не исходъ войны. Конечно, въ такихъ сложныхъ, тонкихъ и мало наглядныхъ вещахъ нелегко давать безспорныя утвержденія; но все же поразительной была довольно широко распространенная въ германской печати и общественномъ мнѣніи готовность возстановить и исправить содѣянное на войнѣ; и наоборотъ характерно и показательно было проявленіе неизсякаемой жажды мести и утѣсненія, продолжающихся претензій на сторонѣ Франціи. И думается, это именно и опредѣляется намѣченной структурой побѣдителей и побѣжденныхъ. Должно было этому содѣйствовать также и то, что — насыщенная длиннымъ рядомъ блистательныхъ дѣлъ доблести мирной и военной, небывалой самозащиты противъ всего міра — Германія не переживала и не имѣла основаній переживать уязвленности побѣжденнаго. Не было у нея, не могло быть сознанія своей дефектности, своей Minderwertigkeit, своей внутренней морально-культурной и духовно-организаціонной несостоятельности, — того сознанія, которое больше всѣхъ внѣшнихъ паденій гложетъ и подавляетъ побѣжденнаго и наполняетъ его стремленіемъ къ реваншу, какъ способу себя объективно неоспоримо реабилитировать, возстановивъ уваженіе и самоуваженіе. Наоборотъ, сознаніе исключительности осуществленнаго не могло въ общемъ не поддерживать духа побѣжденныхъ и во всякомъ случаѣ, дѣлать для нихъ излишней жажду реабилитаціи. Отчаянія отъ напраснаго израсходованія неимовѣрныхъ усилій и невозстановимыхъ цѣнностей не могло не быть; но это ощущеніе своимъ остріемъ направляется скорѣе на себя, а никакъ не на врага. Передъ врагомъ Германіи не приходилось стыдиться, не было основанія для моральной ущемленности, а потому нѣтъ у нея моральныхъ основаній и для реванша. Да къ тому же и реваншъ долженъ бы быть направленъ на врага совокупнаго, на Антанту; но она состоитъ изъ столь разнородныхъ элементовъ и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ Германія настолько нуждается для своего возстановленія, и судьба нѣкоторыхъ настолько слу-

чайно сплелась съ великой войной, что предуготавливать реваншъ совокупно противъ нихъ было бы ни съ чѣмъ несообразно; между тѣмъ отмщеніе одной какой либо странѣ потеряло бы характеръ реванша и могло бы быть вызвано лишь требованіями политики — новыми выгодами будущаго, а не чувствами прошлаго. И въ противоположность этому — ощущеніе и проповѣдь отмщенія, уничиженія давала яркую ноту въ проявленіяхъ французскаго сознанія; и притомъ не отмщенія за прошлое, за семидесятый годъ — эта полоса была покрыта новой побѣдой и ея послѣдствіями; — отомщенія за послѣднюю великую войну. Идея и чувство продолжающагося реванша какъ бы не прекращали господствовать и послѣ побѣды; побѣда и ея результатъ не насытили, а какъ бы обострили это чувство и эту задачу. Германская коалиція разбита, подавлена и разъята; всецѣло неограниченное торжество у Антанты — и все же часть этой Антанты (Франція) по отношенію къ части германской коалиціи (Германіи) чувствуетъ себя не насыщенной, не отмщенной, а наоборотъ еще пуще задѣтой и обездоленной. И слышатся жалобы и обвиненія, что побѣжденному легче, чѣмъ побѣдителю, что побѣжденный меньше потерялъ, чѣмъ побѣдитель, что побѣжденному угрожаютъ меньшія хозяйственныя и финансовыя затрудненія, чѣмъ побѣдителю. Въ такой формѣ это, конечно, невѣрно; ибо побѣдителю подлинному (т. е. міровой коалиціи) безконечно лучше, чѣмъ побѣжденному подлинному (т. е. германской коалиціи). Но это могло быть частично вѣрнымъ при сравненіи одиого изъ элементовъ побѣдившей коалиціи съ однимъ изъ элементовъ коалиціи побѣжденной — Франціи съ Германіей. Снова мы возвращаемся въ новой плоскости къ тому же отношенію: Побѣдитель въ Европѣ остался слабѣе побѣжденнаго; этотъ европейскій побѣдитель и на войнѣ былъ слабѣе побѣжденнаго и потому страдалъ больше него, претерпѣвалъ отъ него бѣдствія больше, чѣмъ ему наносилъ, сохранилъ къ нему чувства озлобленія побѣждаемаго и чувства реванша потерпѣвшаго. Не то, конечно, чтобы Франція изъ войны могла вынести ощущеніе своей моральной или соціальной неполноцѣнности. Наоборотъ, она могла бы быть всецѣло удовлетворена содѣяннымъ ею; ущемленныя чувства пораженія 1870 года покрыты и стерты; умѣніе, напряженіе, героизмъ были на уровнѣ задачи, — и тѣмъ не менѣе переживанія субъективныя и претерпѣванія объективныя были и остались въ порядкѣ побѣжденности. Побѣдитель остался слабѣе побѣж-

деннаго и къ ощущеніямъ торжества побѣды своеобразно примѣшиваются претерпѣванія пораженія.

Таково своеобразное положеніе Франціи въ результатѣ великой войны, положеніе, приводящее къ послѣдствіямъ рѣшающаго для Европы значенія.

Побѣдитель слабѣе побѣжденнаго, пострадалъ больше него. Таково парадоксальное положеніе, получившееся въ итогѣ того, что боролись коалиціи, а остались въ Европѣ лицомъ къ лицу лишь отдѣльные ея члены.

Если страна побѣждаетъ страну, то она естественно и въ процессѣ и въ послѣдствіяхъ борьбы противопоставляетъ себя ей цѣликомъ. Если какая либо провинція побѣдившей страны почему либо особенно пострадала, то не бываетъ такъ, что бы сперва побѣдитель подводилъ итогъ своей побѣдѣ, а потомъ предоставлялъ своей пострадавшей провинціи особо скомпенсировать себя за счетъ побѣжденнаго. Побѣдитель подводитъ въ свою пользу общій итогъ и затѣмъ уже во внутреннемъ процессѣ своей государственной жизни компенсируетъ болѣе пострадавшихъ своихъ согражданъ за счетъ менѣе пострадавшихъ, или за счетъ извлекшихъ пользу — на почвѣ общей совокупности своего военнаго выигрыша; это уже вопросъ внутренняго уравновѣшенія и распредѣленія.

Бываетъ, разумѣется, и такъ, что такого внутренняго уравновѣшенія вовсе и не происходитъ; въ частности оно вѣдь и не можетъ происходить по отношенію къ смертямъ и ущербамъ невознаградимымъ. Какъ бы то ни было, таковыя относятся къ неизбѣжнымъ бѣдствіямъ, несправедливостямъ, паденіямъ всякой, даже и побѣдоносной войны, и воспринимаются въ синтезѣ ея послѣдствій, а отнюдь не сопоставляются порознь съ общимъ состояніемъ врага. Напримѣръ, семьи, потерявшія всѣхъ своихъ сыновей, несопоставимы же отдѣльно со всѣмъ побѣжденнымъ народомъ, большая часть молодежи котораго все же осталась въ живыхъ. Врагу противопоставляется побѣдившій народъ, цѣликомъ взятый съ его потерями и пріобрѣтеніями, а не отдѣльная группа или часть его, хотя бы и понесшая не вознаградимый, или невознагражденный ущербъ.

Такъ было — отвлеченно говоря — справедливо и цѣлесообразно поступить и въ данномъ случаѣ. Одни части коа-

лиціи извлекли изъ войны громадную выгоду, вся коалиція закрѣпила свое совокупное міровое положеніе за счетъ побѣжденнаго; побѣжденный поверженъ и принужденъ платиться за свое пораженіе народнымъ достояніемъ и государственной судьбой, — осталось бы дѣломъ внутри-коалиціоннымъ, уравновѣсить, поскольку это возможно, неравномѣрныя потери путемъ передвиженія пріобрѣтенныхъ отъ врага благъ и преимуществъ. Америка, разбогатѣвшая на войнѣ, могла бы отказаться отъ своихъ требованій къ Франціи, частью возстановить погубленное въ ней, Японія помочь въ въ этомъ и пр. И наконецъ, поскольку такая внутренняя компенсація представлялась бы неосуществимой или неосуществляемой, оцѣнку несправедливости естественно было бы отнести къ побѣдившему цѣлому, а не къ побѣжденному.

Само собой понятно, что подобное представленіе я намѣчаю не реально, а лишь какъ звено разсужденія; само собой понятно, что было бы ни съ чѣмъ несообразнымъ ожидать, чтобы какая либо страна добровольно отказалась отъ пріобрѣтенныхъ ею благъ въ пользу другой. Америка могла содѣйствовать Франціи, но никакъ не стала бы отказываться въ ея пользу отъ части пріобрѣтенныхъ на войнѣ — частью и за счетъ Франціи — прибылей и благъ. Но эти прибыли и блага вѣдь входятъ въ составъ потерь Франціи; если бы коалиція составляла единое государство — эти потери въ государственномъ смыслѣ и вообще не были бы потерями и не требовали бы компенсаціи отъ врага. Они не потери побѣдителей — коалиціи, а только Франціи — члена коалиціи; такимъ образомъ Германіи какъ бы приходится отвѣчать не только за причиненное ею, но и за вызванное войной передвиженіе благъ въ средѣ коалиціи, отвѣчать за обогащеніе Америки за счетъ Франціи. Такъ коалиціонно военное единство независимыхъ и по разному пострадавшихъ державъ, не приводя къ взаимной внутренней компенсаціи, возлагаетъ на побѣжденную страну отвѣтственность не только за суммарный ущербъ побѣдителя, а помимо него еще и за тотъ дифференціальный ущербъ наиболѣе пострадавшей части коалиціи, который является прибылью другой части и который во всякомъ случаѣ не показателенъ для общаго ущерба побѣдителя.

Аналогичное относится и къ безопасности. Для побѣдителя, цѣликомъ взятаго, разбитая германская коалиція всецѣло перестала быть сколько нибудь опасной. Но цѣликомъ взятаго побѣдителя и не осталось по заключеніи мира; остались раз-

дѣльныя государства съ самостоятельной судьбой. И для одной изъ этихъ самостоятельныхъ частей бывшаго единства оставшійся врагъ можетъ оставаться или вновь стать опаснымъ.

Въ этомъ необычномъ положеніи Франція первоначально сдѣлала попытку все еще опереться на коалиціонное единство. Какъ пострадавшая, она повидимому искала освобожденія отъ своего внутри-коалиціоннаго долга, что облегчило бы ея финансовое положеніе; какъ слабѣйшая передъ врагомъ, она искала заключенія оборонительнаго союза съ Англіей и Америкой, что сняло бы съ нея опасенія передъ вчерашнимъ побѣжденнымъ. Попытки остались въ то время безплодными. Можно проповѣдывать миръ всего міра, объединеніе народовъ и торжество справедливости, но это — вообще; конкретно же долгъ есть долгъ, который подлежитъ уплатѣ, прибыль, уже полученная, есть собственность новаго собственника, а судьба государствъ налагаетъ тяжелую отвѣтственность на ихъ руководителей, которую они ни за что не отяготятъ обузой, связанной съ воспоминаніями прошлаго, но отнюдь не съ интересами будущаго. Воевали совмѣстно, но окончательные разсчеты производятся раздѣльно; воевали вчера въ такомъ сочетаніи, но завтра придется, быть можетъ, воевать уже въ другомъ. И ясно, что союзы будутъ заключаться сообразно назрѣвающему сочетанію завтрашняго дня, а не исчерпанному сочетанію вчерашняго. Было бы странно въ подобномъ случаѣ говорить о такихъ вещахъ, какъ неблагодарность и несправедливость. Союзы и международныя обязательства связываютъ не государственныхъ дѣятелей, ихъ заключающихъ, а народы; и не только данное поколѣніе народовъ, а и его будущее; ставятъ подъ вопросъ всю его судьбу, а слѣдовательно существованіе и культуру, жизнь грядущихъ поколѣній и достиженія прошлыхъ. И было бы ни съ чѣмъ несообразнымъ, если бы изъ какихъ бы то нибыло соображеній товарищества въ какую нибудь — хотя бы и величайшую — войну государство и народъ пошли по пути, отклоняющему ихъ отъ линіи ихъ самозащиты и расцвѣта. Иными словами, Франціи нужно то, чего просто нѣтъ въ природѣ вещей и государствъ — нужно сохраненіе того государственно-подобнаго единства, которое сложилось примѣнительно къ неповторимому сочетанію условій и внѣ ихъ немыслимо и безсодержательно.

Къ тому же, если бы даже союзъ, желанный для Франціи, и былъ заключенъ, это не многое — или во всякомъ случаѣ

не надолго — измѣнило бы въ ея положеніи. Ибо союзъ не только не вѣченъ, но въ историческомъ масштабѣ и не слишкомъ долговременень. На нѣсколько лѣтъ былъ бы союзъ, а тѣмъ временемъ интересы народовъ продолжали бы двигаться по своимъ самостоятельнымъ путямъ, и союзъ ослабѣвалъ бы и выцвѣталъ, грозя снова оставить Францію въ томъ же положеніи одиночества.

Вдобавокъ подобный союзъ и не могъ бы разрѣшить для Франціи ея исторической проблемы, ибо весьма скоро онъ проявилъ бы скрытую въ немъ неравноправность сторонъ. Не будемъ говорить объ Америкѣ, которая въ немъ и вовсе не нуждается; но не нуждается въ немъ и Англія, — а между тѣмъ для Франціи онъ сталъ бы основной исторической гарантіей. При такой неравномѣрной заинтересованности сторонъ ясны послѣдствія сближенія: наиболѣе нуждающаяся въ немъ страна будетъ готова на все, лишь бы его сохранить; менѣе дорожащія имъ — и менѣе уступчивы. Результатомъ было бы то, что Франція стала бы англо-американскимъ вассаломъ, своего рода англо-американскимъ pied-à-terre на европейскомъ континентѣ. Гордая и блистательная страна, руководившая общими усиліями войны и испытавшая ея наибольшія бѣдствія, оказалась бы вассаломъ своихъ болѣе счастливыхъ — болѣе могучихъ и лучше расположенныхъ союзниковъ. Собственно именно таковой и сложилась для Франціи альтернатива въ результатѣ войны — стать вассаломъ англо-американскимъ, или остаться побѣдителемъ, слабѣйшимъ побѣжденнаго. Это послѣдствіе съ неизбѣжностью вытекало изъ того непредусмотрѣннаго руководителями французскаго государства положенія, что Франція всѣмъ своимъ бытіемъ гораздо тѣснѣе связана съ Европой, чѣмъ съ заморскими державами. Исторія послѣвоенныхъ годовъ и являетъ колебанія Франціи между этими двумя возможностями. Сознаніе своей побѣдоносной слабости заставляетъ ее добиваться союза (какъ и отпущенія долга); предвкушеніе вассальной зависимости заставляетъ союза пугаться. Ибо союзъ мыслимъ уже не въ плоскости тѣхъ соотношеній, въ которыхъ застала война европейскія государства и даже не въ тѣхъ, въ которыхъ война ихъ оставила, а въ плоскости заново сложившихся зависимостей и ожидаемыхъ въ будущемъ событій; и потому онъ потребовалъ бы новаго приспособленія ослабѣвшей Франціи къ усилившейся Англіи. Новый договоръ обезпечилъ бы не прежнюю Францію на ея прежнемъ уровнѣ, а закрѣпилъ бы ея новый уровень, т. е. одновремен-

но могъ бы дать и обезпеченіе, но и утвержденіе упадка. Въ этомъ и кроется объясненіе того, что именно Францiя, по окончанiи войны поставившая вопросъ о гарантирующемъ ее союзѣ, въ 1922 году затруднила и, пожалуй, сорвала намѣчавшееся соглашенiе съ Англiей. И при томъ сорвала его нисколько не успокоенная за свою будущую судьбу и нисколько не отказавшись отъ притязанiй къ своимъ бывшимъ союзникамъ.

Возможно, что въ какой либо новой коньюнктурѣ, какой либо договоръ еще будетъ заключенъ и долги частично или цѣликомъ-отпущены; хотя второе и будетъ чрезвычайно существенно, но въ общемъ положенiе уже не измѣнится: во первыхъ, уже протекли годы, въ которыхъ опредѣлилась политика Францiи, предопредѣливъ многое въ будущемъ, во вторыхъ, это измѣненiе будетъ уже не тѣмъ, чѣмъ было бы при заключенiи мира — не способомъ ликвидацiи войны, а въ новой обстановкѣ и чѣмъ то новымъ, — учетомъ промышленныхъ и финансовыхъ интересовъ времени своего заключенiя. И наконецъ, въ третьихъ, и это важнѣе всего, какъ бы дальше ни развернулись событiя, все же выходъ изъ альтернативы остаться слабѣе своего побѣжденнаго врага, или вассаломъ своихъ союзниковъ — для нея едва-ли еще сохранился.

Были повидимому мечты выйти изъ этого положенiя: мелькнула мысль о романской федерацiи, которая должна была бы охватить, какъ романскiя страны Европы, (Францiю, Италiю, Испанiю) съ ихъ африканскими и малоазiатскими колонiями, такъ и Южную Америку. Безспорно, такое всероманское объединенiе представляло бы большую мощь и повело бы по новымъ путямъ судьбы Европы, частью воздѣйствуя и на весь мiръ. Однако для подобной концепцiи едва ли въ исторической дѣйствительности имѣется хоть сколько нибудь реальныя основы. Выше уже было отмѣчено, что пока что Италiя и является естественнымъ ближайшимъ соперникомъ Францiи въ Средиземноморскомъ бассейнѣ — ближайшей сферѣ распространенiя обѣихъ. Что касается Испанiи и Южной Америки, то здѣсь, повидимому, дѣйствительно естественны расовыя и культурныя сближенiя и сростанiя; быть можетъ, съ большей или меньшей скоростью они и станутъ проявляться въ будущемъ. Но прежде всего подобные процессы сближенiя и сростанiя требуютъ помимо большой активности — и не малаго числа десятилѣтiй; едва ли это дѣло — по крайней мѣрѣ, если разсматривать его въ крупныхъ рѣшающихъ размѣрахъ — ближайшей трети, а можетъ быть и

половины вѣка. Но главное въ томъ, что даже и при его осуществленіи нѣтъ основанія ожидать дальнѣйшаго сближенія этого объединенія именно съ Франціей. Испанія а въ особенности Южная Америка скорѣе заинтересованы въ хозяйственномъ сближеніи съ Германіей, чѣмъ съ Франціей; одного филологическаго родства и можетъ быть нѣкоторой культурной близости далеко недостаточно, чтобы пересилить эти глубокія міровыя, хозяйственныя, политическія тяготѣнія. Испанско-американскому міру, можно думать, предстоитъ еще большая активная историческая будущность; когда онъ выйдетъ на арену міровыхъ состязаній не только какъ совокупность странъ съ богатѣйшими природными возможностями, пока связуемыхъ съ другими лишь сѣтью торговыхъ сношеній, — а со всѣмъ давленіемъ активной политики — еще разъ заколеблется міровое равновѣсіе, снова сдвинувъ свои центры. Но этому еще должны предшествовать десятилѣтія внутренняго роста, насыщенія численно увеличивающимся населеніемъ и матеріальной культурой. Грандіозный воспріемникъ, легко впитывающій въ себя неограниченныя массы людского матеріала и людской энергіи, долженъ стать источникомъ самостоятельныхъ экспансивныхъ устремленій; должна произойти переработка центростремительныхъ процессовъ въ центробѣжные. Эта эпоха и сама по себѣ наступитъ не завтра; а потому о всероманскомъ союзѣ, а тѣмъ болѣе о сближеніи съ Франціей, какъ о реальной политической возможности ближайшаго историческаго періода, не можетъ быть рѣчи.

И остается тотъ голый и богатый глубочайшими послѣдствіями для предстоящей судьбы Европы фактъ, что лицомъ къ лицу въ ней остался побѣдитель, слабѣйшій побѣжденнаго, пострадавшій больше него.

2. УЩЕРБЛЕНІЕ ЕВРОПЫ

I

Мыслимо ли санкціонировать такое состояніе: признать себя слабѣйшимъ, принять свои военныя испытанія; или другими словами — будучи побѣдителемъ, признать себя побѣжден-

нымъ. Допустимо-ли, хотя бы и использовавъ одержанную побѣду съ тѣмъ, чтобы возможно больше улучшить свое положеніе, — все же въ основномъ примириться съ признаніемъ себя слабѣйшимъ и потерпѣвшимъ. Уже одна подобная формулировка даетъ сама на себя и отвѣтъ. Чтобы страна, находящаяся въ вознесеніи побѣды, одержанной величайшимъ напряженіемъ и оплаченной несказанными жертвами, обладая реальностью господства, добровольно стала въ положеніе побѣжденной, — это было бы такимъ искаженіемъ человѣческой природы, ожидать котораго ни съ чѣмъ не сообразно. Даже, если бы въ дѣйствительности и не оставалось другого выхода, если бы таковой была неумолимая дѣйствительность, все таки исканіе выхода, стремленіе испытать всѣ пути для его обрѣтенія — диктуется самимъ положеніемъ. И поскольку выходъ, какъ выше было отмѣчено, не можетъ быть найденъ путемъ усиленія себя, съ помощью сохраненія военныхъ союзовъ и вообще сохраненія мощи военнаго времени, постолько его остается искать по пути умаленія силъ противника, за счетъ ущербовъ наносимыхъ врагу, которые либо покрыли бы собственные ущербы, либо ихъ превзошли.

Если въ результатѣ войны побѣдитель оказывается слабѣе побѣжденнаго, ему остается приступить къ дальнѣйшему ослабленію побѣжденнаго; если побѣдитель пострадалъ больше него, надо причинить ему дальнѣйшее страданіе. Этимъ опредѣляется послѣвоенная политика, Версальская и по-версальская. Надо отнять воинскую силу во всѣхъ ея видахъ и предпосылкахъ, и самыя предпосылки ея возстановленія; надо переложить на побѣжденную сторону всѣ ущербы, истощивъ ее уничтожающей контрибуціей; надо отнять у нея навсегда, или на время съ шансами перевести эту временность въ вѣчность — источники доходовъ, распорядительства производствомъ, богатство и самую возможность создавать богатства. Именно, въ противорѣчіи создающемся на этой почвѣ и сказывается діалектическая непреложность задачи. Если бы дѣло было только въ возмѣщеніи понесенныхъ убытковъ, или хотя бы въ томъ, чтобы налиться силами за счетъ побѣжденной Германіи, — задача стояла бы такъ, что Германіи надо дать возможность оправиться, стать процвѣтающей, чтобы имѣть, что отъ нея отнимать. Но процвѣтаніе и богатство есть сила и противорѣчитъ задачѣ ослабленія; ослабленіе же лишаетъ возможности изобильнаго производства, благъ, кои можно было бы въ свою пользу отнимать. Такимъ образомъ неизбѣжность противорѣчія опредѣляется

существомъ задачи. И такъ какъ ослабленіе врага все же существеннѣе покрытія ушербовъ за его счетъ, то въ общемъ довольно долго преодолѣваетъ именно эта тенденція. Тою же задачей опредѣляется и характеръ контрибуціи и другихъ воздѣйствій на побѣжденную сторону. Обыкновенно войны заканчиваются опредѣленнымъ, такъ сказать, однократнымъ передвиженіемъ силъ, территорій и средствъ отъ побѣжденной стороны на сторону побѣдителя: отнимаются земли, сносятся укрѣпленія, налагаются контрибуціи. Здѣсь это казалось — и съ точки зрѣнія поставленной выше задачи и было — слишкомъ мало. Все однократное покрываемо неопредѣленной во времени растяжимостью и возможнымъ нарастаніемъ послѣдующихъ усилій. Надо было установить такую систему воздѣйствія на побѣжденнаго, которая предоставляла бы и возможность послѣдующаго вмѣшательства, контроля, давленія и увеличенія давленія. Сумма возмѣщенія не была назначена въ договорѣ, но и при послѣдующемъ назначеніи она была установлена въ такомъ масштабѣ, чтобы въ продолженіи десятилѣтій позволить побѣдителю сохранить активную возможность увеличенія своего давленія, возможность извлеченія всей будущей производительности изъ живой дѣятельности страны — и тѣмъ возможность ее въ теченіе десятилѣтій парализовывать. Въ сущности вѣдь и послѣ того, какъ сумма была назначена, распредѣлена на десятилѣтія и обезпечена непрерывностью давленія, — кромѣ того была сохранена про запасъ еще особая сумма, превышающая первую, способы взысканія которой цѣликомъ отложены на будущее. Быть можетъ ее и не предполагалось взыскивать, но она все же остается, какъ дополнительный камень на всякій случай — «чтобы встать онъ изъ гроба не могъ». Вообще отказъ отъ однократнаго опредѣленія повинности и обязанности побѣжденнаго и замѣна такового организаціей длительнаго послѣдующаго установленія контроля за исполненіемъ — всецѣло обусловлены именно идеей: не дать подняться, не столько обезпечить себѣ удовлетвореніе требованій, сколько, наоборотъ, обезпечить себя отъ возможности ихъ удовлетворенія, хотя бы путемъ исключительныхъ усилій; и словомъ — обезпечить за собой распорядительство въ побѣжденной странѣ. Неосуществимость заданія получаетъ здѣсь значеніе самостоятельное на ряду съ его высотой. Формально говоря, мы имѣемъ здѣсь возвращеніе къ типу стародавнихъ завершеній войнъ путемъ организаціи господства надъ побѣжденнымъ, путемъ «порабощенія» его.

Однако и въ этомъ еще нѣтъ разрѣшенія задачи слабѣйшаго и потерпѣвшаго побѣдителя стать сильнѣйшимъ. Ибо сколько ни отнимать созданнаго народомъ, важнѣйшее богатство есть все же способность созиданія; какъ бы ни обезпечивать возможности выкачиванія изъ народа его будущаго производства, важнѣйшая гарантія — это неспособность народа измѣнить условія своего бытія, своего международнаго тягла. Можно лишить его силы сейчасъ, но кто гарантируетъ отъ творчества, отъ изобрѣтеній, отъ организаціонныхъ умѣній и народной воли завтрашняго дня, или слѣдующаго поколѣнія. И, значитъ, сохраняя не пораженнымъ послѣдній источникъ этихъ возможныхъ усилій и воли и вмѣстѣ съ тѣмъ оказывая давленіе на его проявленія, — съ одной стороны, не обезпечиваешь себя отъ него, а съ другой — пріуготавливаешь только тѣмъ болѣе напряженный въ послѣдующемъ его прорывъ. Единственное подлинное обезпеченіе себя отъ него — это поразить самую народную основу, заглушить самый предѣльный источникъ народныхъ силъ, разслабить ихъ глубинную пружину.

Быть можетъ, именно на это и была направлена система униженія Германіи, устраненія изъ международнаго оборота, изъ культурнаго общества. Но въ концѣ концовъ, хотя это и дѣйствуетъ глубоко, поражая моральную сердцевину народа, но все же можетъ быть покрыто и исцѣлено теченіемъ времени; можетъ быть исцѣлено, какъ внутренними силами, такъ и заживляющими вліяніями другихъ народовъ, не обязанныхъ вѣдь навѣки оставаться на сторонѣ вчерашнихъ побѣдителей. Рѣшающей гарантіей слабости является лишь ударъ по самому народному субстрату, умаленіе его въ его численной государственно спаянной плотности; другими словами, — расчлененіе народа и государства.

Непосредственно прибѣгнуть къ расчлененію — напримѣръ, путемъ уничтоженія германской имперіи и сохраненія лишь отдѣльныхъ составляющихъ ее государствъ — было вѣроятно невозможно уже въ силу слишкомъ рѣзкаго противорѣчія такой мѣры провозглашеннымъ принципамъ войны. (Пожалуй, такое противорѣчіе могъ бы замѣтить даже и Вильсонъ). Къ тому же эта мѣра могла быть логичной съ точки зрѣнія интересовъ Франціи, но нисколько не съ точки зрѣнія интересовъ другихъ союзниковъ, между тѣмъ проведена она могла быть лишь съ ихъ согласія и шансовъ на полученіе таковаго быть не могло. Впрочемъ, надо сказать, что какъ бы ни была такая политика въ линіи исходной

задачи Франціи, тѣмъ не менѣе и она не дала бы рѣшающаго обезпеченія. Ибо культурное единство германскаго народа, сила идеи и факта, осуществленнаго въ теченіе полустолѣтія, слишкомъ глубоки и значительны, чтобы не преодолѣть государственной множественности. Вотъ и небольшой нѣмецкій осколокъ австрійскаго государства неудержимо стремится къ всегерманскому объединенію. Тѣмъ болѣе неудержимой была бы взаимная тяга насильственно-разъединенныхъ частей Германіи. Возсоединеніе было бы столь мощнымъ стимуломъ, который покрылъ бы всѣ другіе, и не было бы достигнуто искомое ослабленіе германскаго субстрата разъединеніемъ на двѣ одинаково германскія страны. Даже, если бы расчлененіе и оставалось длительнымъ, оно все еще было бы только расчлененіемъ государственнымъ, а не народнымъ; народный субстратъ остался бы нетронутымъ, хотя и раздвоеннымъ. Культурная жизнь осталась бы объединенной, а государственная вѣчно грозила бы возсоединеніемъ, тѣмъ болѣе, что національная германская государственная форма федерализма настолько облегчаетъ возможности таковаго. Словомъ, государственное расчлененіе было и трудно производимо и малообѣщающе.

Но есть другая форма расчлененія субстрата, которая дѣйствительно его поражаетъ, отторгая и лишая отторгнутыя части возможности совмѣстной съ цѣлымъ культурной жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ именно для этой формы весьма легко было найти видимость подходящаго обоснованія и въ принципахъ военнаго времени. Это обстоятельство обезпечивало согласіе Вильсона; противодѣйствіе же со стороны Англіи въ моментъ, столь еще близкій къ взвинченной ненависти и озлобленію военнаго времени, оказалось мало настойчивымъ. По этому пути — отторженія частей Германіи путемъ включенія ихъ въ составъ другихъ государствъ — и пошло дѣло Версальскаго мира. Задача была поставлена и ограничена возможностью подведенія подъ формулу, если и не національнаго самоопредѣленія, то все же сближенія съ національнымъ признакомъ. Надо было всѣ части Германіи, какія только было возможно, включить въ сосѣднія государства. Эльзасъ и Лоттарингія отходили къ Франціи; кое что къ Даніи и особенно много къ Польшѣ; не приходилось брезгать и какимъ либо крошечнымъ кусочкомъ, отдаваемымъ Бельгіи. Что можно — то было отторгнуто просто и непосредственно; что никакъ нельзя было такъ отторгнуть, предоставлено было плебисциту, (на почвѣ каковаго Антанту, впрочемъ,

постигъ рядъ разочарованій, какъ въ Пруссіи, такъ и въ Силезіи). Конечно, здѣсь какъ и въ другихъ отторженіяхъ суть заключалась не въ одномъ только отчлененіи части нѣмецкаго населенія и вкрапленіи его въ чужое государство, но еще и въ отторженіи богатыхъ производительно-важныхъ территорій; Германія одновременно лишалась и частей своего населенія и важныхъ частей своей земли, нѣдръ и культуры; и притомъ онѣ не отходили къ германской же странѣ, а къ чужимъ, враждебнымъ; — т. е. предположительно Германія лишалась ихъ навсегда. Къ этому присоединялись территоріи, не отторгнутыя окончательно, а лишь временно отданныя подъ оккупацію, — что непосредственно подчиняло ихъ иноземному владычеству и вмѣстѣ съ тѣмъ создавало шансы на послѣдующее отторженіе и въ окончательномъ видѣ; къ этому присоединяется еще и географическій отрывъ Восточной Пруссіи, также вносящій трещину въ германскую сплоченность.

Такими многообразными путями искала Франція выхода изъ своего положенія слабѣйшей, наиболѣе пострадавшей побѣдительницы. Вся эта система мѣръ ведетъ въ своемъ заданіи и въ своемъ осуществленіи къ одному: къ подавленію германскаго народа, къ принудительному ограниченію его усилій — созиданіемъ благъ, необходимыхъ для оплаты неизсякаемыхъ притязаній. Устраняется свободная игра свободныхъ народныхъ силъ, устремленіе въ высь и въ даль, въ неизвѣданное, въ горделиво созидаемое; отсѣкаются манящіе просторы, вздымающія волю и рѣшимость задачи, заглушается обѣтованіе жизненныхъ достиженій. Гнетъ и тягло, обезсиленіе и умаленіе, унижающій надсмотръ и международно организованная стрижка: шерсть отрастаетъ, что бы во время быть выстриженной для согрѣванія врага. Можетъ быть, это возмездіе, и можетъ быть, этимъ вознаграждаются понесенные ущербы. Во всякомъ случаѣ этимъ придушается культурнѣйшій народъ, его производство и творчество.

Другими словами, посколько можно говорить о совокупномъ строительствѣ Европы, этими мѣрами создается систематическое, длительно организованное ущербленіе ея, вылущиваніе одного изъ важнѣйшихъ источниковъ ея силъ. Не надо обольщаться: это уже не продолженіе того рокового удара, какой Европѣ наносила великая война. Это уже новая система ударовъ, новая полоса вытравливанія и уничтоженія, конечно, имѣющая въ войнѣ свою конечную при-

чину, но ставшая независимой отъ войны, самостоятельными путями осуществляемая и становящаяся сама источникомъ новыхъ уничтоженій. Кончилась война съ ея разрушеніями; долженъ начаться процессъ затягиванія ранъ въ новой жизни, и въ этой новой жизни строится новая система разрушенія Европы черезъ — разрушеніе Германіи. Съ частичной точки зрѣнія Франціи это можетъ казаться возмездіемъ; съ общей точки зрѣнія Европы это — продолжающееся самоуничтоженіе.

II

Можно ли считать Германію достаточно обезсиленной намѣченной системой мѣръ, дѣйствительно ли она стала слабѣе своего побѣдителя, а главное, дѣйствительно ли обезпечена ея слабость. Въ исторической перспективѣ отвѣты на подобный вопросъ едва ли могутъ быть даны съ безспорной опредѣленностью; и тяга къ дальнѣйшему обезсиливанію и самообезпеченію остается.

Какъ часто бываетъ, этой тягѣ отвѣчаютъ и осуществляемые ею же жизненные факты; своимъ самодовлѣющимъ движеніемъ они влекутъ къ ея дальнѣйшему закрѣпленію и удовлетворенію.

Части германской территоріи и населенія отданы другимъ народамъ, такъ сказать, погружены въ нихъ. На востокѣ Германіи большія территоріи были переданы или обѣщаны Польшѣ. Обѣщаніе и обнадеживаніе должны быть исполнены; исполненіе вызываетъ трудности, — какъ сопротивленія мѣстнаго характера, такъ и затрудненія въ международномъ масштабѣ. Для осуществленія своей политики Франціи становилось неизбѣжнымъ поддерживать стремленіе Польши къ пріобщенію возможно большей части Германіи. Но и помимо этихъ дальнѣйшихъ приращеній, самый фактъ уже осуществленныхъ — естественно вызывалъ озлобленіе Германіи; озлобленіе было тѣмъ большее, что отторженія производились не въ процессѣ борьбы, не въ столкновеніи силъ, обосновывающихъ и тѣмъ въ нѣкоторой степени оправдывающихъ передвиженіе, а происходили въ пользу неборовшагося, падая на него благодѣтельнымъ отраженіемъ чужихъ бореній, жертвъ и успѣховъ. Польша созидается заново;

созидается не сама, слѣдовательно не въ соотвѣтствіи со своими силами и способностями пріобщенія, использованія и удержанія, а выростаетъ она, какъ даръ, если не боговъ, то Антанты. При этомъ она растетъ съ двухъ сторонъ и въ сторону побѣжденной Германіи, и въ сторону распадающейся Россій. Съ неба побѣдителей на нее пали территоріи, населеніе, задачи, трудности, съ которыми и не справиться. Не приложивъ къ тому никакихъ усилій, она получаетъ объемъ, который нормально и естественно могъ бы быть достигнутъ лишь рядомъ могучихъ и успѣшныхъ поколѣній, руководимыхъ большими людьми, осчастливленныхъ удачными побѣдами и широкимъ созиданіемъ. Это положеніе естественно, а слѣдовательно устойчиво — можетъ быть достигнуто лишь въ концѣ цѣлой подъемной исторической линіи народнаго движенія, при томъ совпадающей и сплетающейся съ линіями упадка сосѣдей; такъ постепенно пластически оно врастаетъ въ новое сосуществованіе, а отнюдь не ломаетъ его благодаря посторонней неудачной коньюнктурѣ. Свалившееся съ пиршественнаго стола Антанты громадное государство только съ ея помощью — военной, финансовой, организаціонной — и можетъ сохранить устойчивость; иначе, оформленное въ размѣрахъ, не соотвѣтствующихъ наличнымъ внутреннимъ силамъ сцѣпленія, оно рискуетъ подвергнуться разрушенію извнѣ или даже обвалу изнутри. Антанта — и въ первую голову Францiя — тѣмъ самымъ возлагаетъ на себя обязанность его и охранять. Такъ создается для Франціи одновременно задача и гарантія, протеже и союзникъ на Востокѣ отъ Германіи. Поддерживая Польшу, она получаетъ новое орудіе противъ Германіи, возлагая на себя и новую тяжесть. Союзное укрѣпленіе Франціи противъ Германіи, которое оказалось столь затрудненнымъ на почвѣ военной Антанты, немыслимымъ на почвѣ романской идеи, получаетъ основу на почвѣ государственныхъ новообразованій Восточной Европы. Польша даетъ Франціи поводъ и путь отторженія земель и населенія отъ Германіи, даетъ ей союзника, пока еще однако требующаго поддержки. Значитъ, надо его усиленно поддерживать въ разсчетѣ, что постепенно онъ и внутренне окрѣпнетъ и станетъ серьезной вспомогательной силой. Но и теперь уже онъ, если и не вполнѣ силенъ, то все же представляетъ человѣческій, территоріальный и сырьевой матеріалъ для силы. И вотъ намѣчается опредѣленная линія французской политики. Если континентальная политика Ан-

гліи сводится къ тому, чтобы искусственно сдѣлать сильныхъ слабыми, то политика Франціи прибавляетъ къ этому и второй самостоятельный принципъ: искусственно *сдѣлать слабыхъ сильными.*

Но дѣлать искусственно слабыхъ сильными, поддерживать свыше мѣры притязанія слабыхъ, предоставляя имъ неиспользуемыя ими возможности — задача не менѣе разрушительная, чѣмъ искусственно ослаблять сильныхъ. Во второмъ случаѣ уничтожаются цѣнности и — что гораздо вредоноснѣе — уничтожаются потенціи цѣнностныя. Еще съ полъбѣды — съ общей точки зрѣнія совокупности человѣческихъ напряженій — если цѣнности только отбираются отъ одного для того, что бы быть переданными другому. Но арифметическаго переноса слагаемыхъ здѣсь не бываетъ, и перенесеніе сопровождается естественно незалѣчиваемыми, или трудно залѣчиваемыми ранами. И если раны заживаютъ, то лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда присвояющее государство находится въ расцвѣтѣ, на своей подъемной линіи и слѣдовательно обладаетъ свободными силами и не использованными возможностями, которыя на присвоенномъ и получаютъ поприще проявленія; это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда теряющій народъ слабѣетъ и все равно всѣхъ своихъ цѣнностей въ полной мѣрѣ использовать не можетъ. Но чистымъ и общезначимымъ ущербомъ является отнятіе цѣнностей, людей и территорій у народа, находящагося на подъемной линіи своего развитія; и сугубое уничтоженіе, ни для кого не полезное и ни на что не нужное, когда отнимаемое передается не могущему имъ воспользоваться.

Вотъ почему ослабленіе, уничиженіе и расчлененіе Германіи изъ самосохраненія слабѣйшей Франціи — это чистый ущербъ, великій подрывъ не только народу, находившемуся въ творческомъ расцвѣтѣ, это сильный ударъ человѣчеству, у котораго отнимается одна изъ его творящихъ силъ — это прежде всего роковой ударъ по Европѣ. И такимъ же, хотя и меньшимъ, ударомъ является искусственное взращиваніе слабыхъ: передаваемыя цѣнности иеиспользуемыя обрекаются на упадокъ, а народъ, на который взвалили, или который самъ на себя взвалилъ преувеличенную ношу, не можетъ понести и той, которая безъ того была бы ему по силамъ. Дѣло не такъ обстоитъ, что, напрягаясь на осуществленіе непосильнаго, народъ попутно осуществитъ доступное ему, — этого то именно онъ и не осуществитъ. Чрезмѣрныя территоріи и притязанія приводятъ къ сверхсильному воен-

ному напряженію; оно вызываетъ и сверхсильное финансовое напряженіе; это послѣднее приводитъ къ разстройству хозяйства, вносящему разстройство и во весь бытъ, въ отношенія классовъ и даже въ личную жизнь. Да и помимо этого матеріальнаго ряда, аналогичны послѣдствія и духовныхъ измѣненій. Организація, приспособляемая къ непосильнымъ задачамъ (военная, чиновничья), разрастается слишкомъ поспѣшно безъ мѣры и традиціи; отсюда ея слабость, отражающаяся и на ея дѣятельности въ предѣлахъ для нея естественныхъ и законныхъ. Приспособляемая къ исторически необоснованнымъ и непереваренньмъ территоріямъ и функціямъ, она проникается особенностями своей навязанной и навязывающейся, искусственной и насильственной дѣятельности, которая неизбѣжно переносится на весь аппаратъ; насиліе и гнетъ со сверхнормальнаго переносится на законное, съ окраинъ на коренную страну. Тоже происходитъ и въ духовномъ отношеніи; народный духъ приспособляется къ захвату и къ насильственному удержанію; чрезмѣрная экстенсивность мѣшаетъ интенсивности, задача переварить инородное препятствуетъ задачѣ оплотнить родное. Конечно, гибка народная оболочка, но, чрезмѣрно натянутая, она утончается и грозитъ разрывомъ. Расплескавшіяся силы становятся слишкомъ жидкими и, не будучи въ состояніи обработать чужого, запускаютъ и свое. Государственныя новообразованія естественно болѣютъ многими болѣзнями и слабостями, но сверхъ-разросшееся — становится сплошнымъ больнымъ мѣстомъ. Оно не только не способно дать того, что могла бы дать данная государственность, сохраненная въ болѣе адэкватномъ размѣрѣ, оно становится больнымъ мѣстомъ и для другихъ. Сверхсильное напряженіе малыхъ народовъ создаетъ лихорадку и болѣзненность всей Европы.

III

На почвѣ давленія на Германію появляется у Франціи возможность, какъ бы обрасти зависимыми отъ нея и слѣдовательно на нее опирающимися, частью же и живущими ею, союзниками, союзниками-вассалами; прежде всего таковой является Польша, но, пожалуй, можетъ приблизиться къ такому положенію и Бельгія. Естественной становится задача

и дальше повести это обрастаніе. Германія расчленена только частью; но бывшая Австрія расчленена цѣликомъ. Маленькая привѣнская Австрія и урѣзанная Венгрія остаются преемницами старо-германской союзницы; остальныя вновь созданныя, или возросшія государства — Чехія, Сербія, Румынія — создались или разраслись за счетъ тѣхъ и тѣмъ самымъ въ борьбѣ съ ними. Австрія правда слишкомъ слаба даже для того, чтобы съ кѣмъ бы то ни было враждовать, но она цѣликомъ льнетъ къ Германіи, стремясь даже не столько опереться на нее, сколько съ ней слиться. Такое движеніе противорѣчитъ политикѣ расчлененія и ослабленія Германіи, и слѣдовательно необходимо во что бы то ни стало ему воспрепятствовать. Таковой и становится задача Франціи. Венгрія могла бы мечтать опереться на Антанту, но это становится невозможнымъ, разъ ея территоріи заняты и пріобщены къ бывшимъ союзникамъ этой послѣдней; естестественно, что здѣсь сохраняется почва для тяготѣнія къ Германіи. И этому необходимо помѣшать угрозами или соблазнами. Отсюда возможность колебаній политики по отношенію къ Венгріи, возможность отпугиванія и обольщенія, — и Франція все глубже должна погружаться въ мелкогосударственныя политическія отношенія средне-европейской мелкой государственности.

Всего проще и естественнѣе казалось бы для Франціи постараться связать съ собой Чехословакію на подобіе Польши. Тѣмъ самымъ получилась бы вторая опора противъ Германіи, тѣмъ самымъ получилось бы приближеніе къ ея окруженію. Привлечь къ себѣ Чехію, органически возстановивъ ее противъ Германіи, напримѣръ, путемъ предоставленія ей нѣкоторой части Силезской территоріи, — это дало бы разрѣшеніе задачи. Юго-Славія могла бы служить противовѣсомъ противъ Италіи. Но въ этихъ случаяхъ дѣло становится уже сложнѣе и складывается менѣе для Франціи благопріятно. Получившіяся въ результатѣ распада Австро-Венгріи государства находятся въ несравненно болѣе благопріятномъ положеніи, нежели Польша. Они выросли не за счетъ Германіи, существующей и все еще значительной, не за счетъ Россіи, растерзанной, но все еще могущей воскреснуть къ большой мощи, — а за счетъ державы исчезнувшей невозвратно. Ихъ основная слабость поэтому не во внѣшней возможной опасности, не въ опасности грядущей, сколько въ трудностяхъ исторически внезапнаго внутренняго оформленія; но и въ этомъ отношеніи двѣ изъ

нихъ — Румынія и Юго-Славія имѣютъ опоры въ своей же предшествующей государственной самостоятельности, только сильно разросшейся, но не созданной заново великой войной; Чехословакія же имѣетъ опору какъ въ своемъ унаслѣдованномъ отъ Австріи провинціальномъ управленіи, такъ и въ непрерывности своей исторической культуры, культуры при томъ и государственнаго характера. Въ польскихъ дѣлахъ непосредственно заинтересована одна Франція; въ дѣлахъ преемниковъ Австро-Венгріи — кромѣ нея заинтересована ближайшимъ образомъ и Италія. Исторически болѣе зрѣлыя чѣмъ Польша, международно связанныя съ различными державами, онѣ свободнѣе въ своихъ движеніяхъ, что и сказалось немедленно въ образованіи Малой Антанты. Въ Малой Антантѣ сказалось и нѣчто другое. Безостаточнымъ распадомъ Австро-Венгріи исторія подтвердила несостоятельность этого политическаго образованія; но вмѣстѣ съ тѣмъ длительностью ея существованія она показала великій смыслъ связанности земель, входившихъ въ ея составъ. Эти маленькія, разнообразныя, взаимно одна другую дополняющія по своимъ природнымъ и хозяйственнымъ особенностямъ земли такъ расположены, что онѣ либо другъ другу нестерпимо мѣшаютъ, либо одна другую восполняютъ; одни изъ этихъ странъ отрѣзаютъ другія отъ моря, другія напротивъ, служатъ первымъ естественнымъ Hinterland'омъ, у однихъ есть хлѣбъ безъ промышленности, у другихъ промышленность при недостаткѣ хлѣба. Сообща онѣ расположены по крупной водной артеріи. Есть словомъ глубокія силы, толкающія къ взаимному сближенію, больше того, — къ закрѣпленію такого сближенія въ устойчивыя формы, хотя бы самымъ ревнивымъ образомъ охраняющія полнѣйшій государственный суверенитетъ каждой. Это сближеніе можетъ даже перелиться за края прежней Австро-Венгріи, включая Румынію и бывшую Сербію; съ другой стороны, ему противодѣйствуютъ различныя внутреннія притязанія (частью выросшія изъ условій мира, частью независимыя отъ него); скрѣпленіе такой связанности мало желательно Антантѣ. Англія вообще предпочитаетъ имѣть дѣло съ множествомъ небольшихъ и невліятельныхъ независимыхъ единицъ; для Франціи же консолидація Придунайскихъ государствъ представлялась бы и соблазнительной, но одновременно и угрожающей; соблазнительной, если бы у Франціи была увѣренность сохранить въ ней за собой руководство, ибо она въ ней получила бы оружіе одновременно и противъ

Германіи и противъ Италіи. Въ отношеніи къ этимъ странамъ Франція основнымъ образомъ заинтересована не экономически или культурно, а политически. Всего проще и удобнѣе было бы для нея международное государственно-подобное сближеніе ихъ въ одинъ блокъ, который удовлетворялъ бы французской задачѣ. Но онъ удовлетворялъ бы только при условіи, если бы остался подъ ея гегемоніей. Въ этомъ соблазнительность подобной идеи; но въ ея необезпеченности — угрожающее для Франціи значеніе, ибо на сохраненіе за собой подобной гегемоніи обезпеченныхъ шансовъ у нея нѣтъ. Военныя столкновенія Средней Европы — Сѣверной съ Южной — уже бывали и закончились ихъ союзомъ; но и послѣ теперешняго разрыва есть большіе шансы на возобновленіе, если не союза, то тѣснаго сотрудничества. Особенно это ясно въ отношеніи Чехословакіи и Германіи. Въ сущности Чехія — типичная средне-европейская страна, вѣками жила общей жизнью съ германской средней Европой, сражалась, мирилась, вмѣстѣ торговала, училась и работала. Общая жизнь гораздо больше сближаетъ, нежели разъединяютъ общія войны. Географія сильнѣе политики, и даже національныя и религіозныя распри, хотя и не замиряются, но все же объемлются совмѣстной жизнью. И потому есть много шансовъ на то, что Чехословакія въ концѣ концовъ поведетъ свою историческую линію въ тѣсномъ соприкосновеніи съ германской, несмотря даже на внутреннія чехо-нѣмецкія распри. И если такъ, и если нѣмецкая Австрія и подавно льнетъ къ Германіи, и если и въ другихъ порознь имѣется тяготѣніе хозяйственнаго порядка къ Германіи, то сближеніе ихъ въ международный блокъ нисколько не гарантируетъ гегемоніи надъ ними Франціи и тѣмъ самымъ становится для нея опаснымъ.

Впрочемъ, противъ естественнаго тяготѣнія Придунайскихъ странъ къ сближенію можно выставить вызванныя политикой, въ частности заключеніемъ мира — взаимно непримиримыя ихъ столкновенія. Обобранная Венгрія во всякомъ случаѣ ненавидитъ сосѣдей, Италія, нѣкогда являвшаяся сферой вліянія Австріи, включаетъ ее нынѣ нѣкоторымъ образомъ въ сферу своего вліянія, вызывая естественное противодѣйствіе своихъ сосѣдей. Въ этихъ краяхъ, гдѣ разложившаяся держава нѣкогда скрѣпляла въ единство многообразіе народовъ и культурныхъ уровней, образуется сложное поле скрещивающихся тяготѣній и отталкиваній. Не имѣя возможности обезпечить за собой гегемоніи надъ

ними въ случаѣ ихъ сближенія, Франція становится занитересованной въ ихъ разрозненности и укрѣпленіи своего положенія путемъ искусственной поддержки однихъ противъ другихъ, путемъ внѣдренія своего вліянія военнаго и финансового, путемъ дипломатіи и политики. Пока еще далеко не проявилась вся сложность и острота создающагося здѣсь положенія, ибо пока здѣсь еще заняты самозакрѣпленіемъ, еще протекаетъ организаціонный періодъ. Только впослѣдствіи проявятся всѣ заложенныя затрудненія; и въ нихъ роль Франціи будетъ заключаться не въ стремленіи ихъ разрѣшить сообразно нуждамъ самихъ народовъ, т. е. по линіямъ ихъ культурнаго развитія и слѣдовательно европейскаго прогресса — а въ соотвѣтствіи со своими собственными цѣлями, для нихъ посторонними. Это не цѣли хозяйственной заинтересованности въ юго-средней Европѣ, это даже и не цѣли непосредственной политической заинтересованности въ ней. Это цѣли политической заинтересованности не въ ней, а въ Германіи (частью и въ Италіи). Другими словами страны юго-средней Европы нисколько не интересны для Франціи сами по себѣ, хотя бы въ той мѣрѣ, въ какой интересенъ государству его контрагентъ, процвѣтаніе котораго есть и для него самоцѣнность. Интересъ Франціи къ юго-средней Европѣ дважды внѣшній, — это интересъ въ томъ, чтобы отвратить отъ Германіи тѣхъ, кто къ ней тяготѣетъ и создать противъ нея зависимый отъ себя дополнительный оплотъ. Этотъ интересъ Франціи вторгается въ органическую ткань жизни народовъ механически и воздѣйствуетъ на нихъ въ плоскости инородныхъ съ ними интересовъ. Въ этомъ смыслѣ онъ искусственъ и идетъ въ разрѣзъ съ самодовлѣющимъ теченіемъ ихъ жизни. Можетъ быть нѣтъ лучшаго символа этихъ отношеній, нежели положеніе маленькой Австріи. Едва ли не въ буквальномъ смыслѣ она единогласно стремится къ сліянію съ Германіей. Не стоитъ разбирать то классическое нарушеніе принципа самоопредѣленія народовъ, какое здѣсь проявляется въ противодѣйствіи осуществленію воли народа: народамъ, какъ оказывается, охотно предоставлялось самоопредѣляться лишь путемъ раскалыванія, а не путемъ спайки. Суть въ томъ, что этой напряженной волѣ, этому органическому жизненному тяготѣнію маленькой страны, подлинно задыхающейся въ своемъ одиночествѣ, оказывается противодѣйствіе, и страна обрекается на длительныя безпросвѣтныя бѣдствія и гибель изъ за внѣшнихъ — съ ней непосредственно ничего общаго не имѣю-

щихъ — соображеній, изъ за соотношенія Франціи и Германіи[1]. Тоже самое, менѣе наглядно, но по существу столь же непреклонно, проявится и въ отношеніи ко всѣмъ другимъ юго-средне европейскимъ государствамъ; имъ всѣмъ угрожаетъ стать орудіями чуждой имъ игры. Это вовсе не значитъ, что каждая изъ этихъ странъ будетъ непремѣнно подвергаема притѣсненіямъ; наоборотъ, иная получитъ опору и содѣйствіе, но и это содѣйствіе будетъ несоотносительно ея органическимъ задачамъ или возможностямъ. Словомъ вмѣшательство будетъ механически несоотносительнымъ съ предметомъ воздѣйствія и въ этомъ смыслѣ нарушающимъ, какъ нарушающимъ будетъ вторженіе механическаго процесса въ органическое становленіе, движеніе иглой по паутинкѣ.

Далеко ли сумѣетъ Франція продвинуть эту свою политику? Можно думать, что не очень, что она встрѣтитъ уклончивость или противодѣйствіе въ культурныхъ и самосознающихъ центрахъ юго-средней Европы. Но въ этомъ уже скажется неудача политики, не ея существо. Это не мѣняетъ значенія ея по ея внутреннему смыслу — механическаго вторженія въ жизнь народовъ, во имя даже не столько враждебныхъ имъ, какъ просто совершенно чуждыхъ, органически не соотносительныхъ съ ними задачъ.

IV

Такъ исходный трагизмъ французскаго положенія ведетъ къ тому, что подавляется центральный творческій вождь въ средней Европѣ, малыя нарождающіяся государственности калѣчатся; остается одна Франція гегемономъ надъ Европой, подавляя ее для своей обезпеченности и спокойнаго существованія. Если бы дѣло такъ обстояло, то ясно, что этимъ въ обще-европейскомъ масштабѣ производилось бы все продолжающееся обезкровленіе Европы и дальнѣйшій

[1] Вершиной антантистской политики, а вмѣстѣ съ тѣмъ и незабываемымъ урокомъ въ области примѣненія принципа самоопредѣленія національностей, было бы осуществленіе мелькнувшей нынѣ (Августъ, 1922) въ печати мысли о раздѣлѣ Австріи между сосѣдними государствами. Не многимъ лучше, впрочемъ, будетъ и присоединеніе ея цѣликомъ къ какому либо одному изъ нихъ — итальянскому или славянскому.

подрывъ той культурной значимости, которая за ней еще сохранилась въ результатѣ войны. Ибо не можетъ одна Францiя, какъ бы высоко культурна она ни была, сколько бы ни имѣла за собой вѣковъ интенсивной творческой жизни, не можетъ она одна за другихъ вести всю общеевропейскую работу. Но къ тому же дѣло обстоитъ еще хуже. Искаженность Средней Европы не можетъ не отразиться болѣзненно и на другихъ странахъ, и въ особенности не можетъ не подорвать положенiя и работы самой Францiи. Нечего уже говорить о хозяйственной и финансовой связи Францiи съ Германiей. Упадокъ Германiи влечетъ за собой неуплату контрибуцiи и слѣдовательно роковой ущербъ для Францiи; неупорядоченность и пониженiе хозяйства въ Европѣ отразится и на ея промышленной жизни.

Но есть здѣсь, быть можетъ, нѣчто еще болѣе глубокое — въ томъ влiянiи, которое подобныя отношенiя къ сосѣдямъ должны произвести въ организацiонномъ строенiи и въ умонастроенiи самаго гегемона. Вѣчное напряженiе къ подавленiю, къ искусственному внѣшнему вмѣшательству должно къ себѣ приспособить и самое строенiе государства: функцiя и здѣсь вырабатываетъ свой органъ. Призванiе, хотя бы и навязанное, подчиняетъ себѣ всю жизнедѣятельность, помыслы и привычки. Какъ профессiя вырабатываетъ позу, выраженiе и даже теченiе мысли, такъ и постоянныя международныя задачи. Въ политической жизни будутъ вынесены наверхъ къ властнымъ центрамъ и узламъ тѣ, кто къ осуществленiю подобныхъ задачъ приспособлены; учрежденiя незамѣтно или нарочито будутъ претворяться, обрастать новыми, или отмирать въ соотвѣтствiи съ ними; въ обществѣ установится господство соотвѣтствующихъ настроенiй и убѣжденiй, школа посвятитъ себя подготовкѣ къ нимъ, вся страна въ ея глубинныхъ основахъ приспособится къ задачѣ внѣшняго вмѣшательства. Милитаризмъ, какъ орудiе давленiя въ цѣляхъ самосохраненiя; дипломатiя, опирающаяся на милитаризмъ, принужденная не считаться съ жизненными тенденцiями государствъ, а извнѣ направлять ихъ или на нихъ давить; настроенiя заподазриванiя и выслѣживанiя; организацiй выжиманiя соковъ изъ чужихъ народовъ въ свою пользу въ нѣкоторой степени взамѣнъ собственной работы; и все это — для охраны собственнаго благополучiя подъ предлогомъ пышныхъ словъ, изображающихъ высокiя идеи, какъ trade-mark на этикеткахъ продовольственныхъ суррогатовъ. При такихъ условiяхъ не только Францiя должна мѣшать

другимъ творить, она сама перестанетъ это дѣлать. Образъ тюремщика, лишь немногимъ болѣе свободнаго, чѣмъ заключенный, котораго онъ сторожитъ на уединенной, моремъ обмываемой скалѣ, вѣчный символъ подобныхъ отношеній. Паденіе Европы закрѣпляется не только силою давленія, поскольку оно Европою испытывается, но и тѣмъ-же давленіемъ, поскольку оно оказывается Франціей.

V

Подобная картина рисуется въ результатѣ того положенія, въ которомъ оказалась побѣдоносно-побѣжденная Франція. Я отнюдь не хочу утверждать, чтобы эта перспектива непремѣнно и осуществилась. Давить и распоряжаться вовсе не такъ просто; вѣчно преодолѣвать органическій жизненный ростъ и движеніе народовъ — ибо къ этому въ краткой формулѣ сводится намѣченный рокъ Франціи — задача безконечно трудная. Въ сущности великіе гегемоны только тогда становятся таковыми, когда путь ихъ возвеличенія, если и не осуществляетъ, то во всякомъ случаѣ параллеленъ путямъ самодовлѣющаго движенія, хотя бы важнѣйшихъ подчинившихся имъ народовъ; когда по крайней мѣрѣ онъ не очень отклоняется отъ ихъ насущнѣйшихъ тяготѣній.

Стоять непрерывно на стражѣ того, какъ бы не ожилъ подавляемый противникъ, какъ бы не засвоевольничали руководимые подчиненные — задача не только не благодарная и мертвящая, но еще и чрезвычайно ненадежная. При недосмотрѣ и неудачѣ здѣсь слишкомъ легко упустить все сложно налаживаемое руководство. И уже теперь замѣтно, какъ тяготѣніе Франціи на нѣкоторыхъ путяхъ встрѣчаетъ противодѣйствіе: какъ будто начинаетъ Бельгія ускользать изъ безоговорочной опеки; какъ будто юго-средняя Европа частью показала, что умѣетъ и рѣшается не считаться съ Антантой, по своему распоряжаясь своими дѣлами. Но больше чѣмъ отъ заинтересованныхъ, начинаетъ Франція встрѣчать сопротивленіе роковому для нея и для Европы пути — у окружающихъ могучихъ державъ — у Англіи и Америки. Сейчасъ не мѣсто загадывать, куда приведетъ игра этихъ дѣйствій и противодѣйствій. Не слѣдуетъ считать исключенной возможность и того, что сама Франція внутри себя постепенно обрѣтетъ силы и самосознаніе для того, чтобы

отойти отъ навязываемой ей судьбой роли европейскаго притѣснителя; для того, чтобы принять и примириться со своимъ положеніемъ слабѣйшаго побѣдителя. Какъ бы это ни казалось противорѣчащимъ человѣческой природѣ, не зачѣмъ считать совершенно исключенной и подобную возможность. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что здѣсь не будетъ прямого пути, что даже въ случаяхъ его измѣненія послѣдуютъ и рецидивы, и что отступленія будутъ прикровенны, какъ обмачивы — лозунги. Въ эпоху мирной непрерывности — инерція можетъ удерживать слабѣющую державу въ положеніи сильнѣйшей и задерживать крѣпнущую въ положеніи слабѣйшей. Во времена неустановившіяся, во времена ломокъ и привычныхъ непривычностей — труднѣе сохранить за собой необоснованное положеніе; объективный вѣсъ народа проявляется здѣсь объективнѣе въ столкновеніяхъ и противодѣйствіяхъ, и взвѣшенное всеобщимъ взаимнымъ напряженіемъ государство, будетъ точнѣе оттѣснено на подобающее ему по его потенціямъ мѣсто. Но произойдетъ ли это болѣе или менѣе безболѣзненно или въ движеніи оно въ осколки раздробитъ окружающіе народы и само на этихъ осколкахъ разобьется — въ этомъ вопросъ.

Не за чѣмъ, да и нѣтъ возможности учитывать шансы того или иного исхода, отыскивать возможности промежуточныхъ или переходныхъ рѣшеній. Задача заключалась лишь въ томъ, чтобы показать, какъ своеобразное положеніе Франціи, созданное войной, толкаетъ ее къ такому поведенію, которое самостоятельно изъ себя заново ведетъ къ продолжающемуся разгрому и приниженію Европы, отчасти включая и ее самое. Что на дѣлѣ эта тяга и осуществилась въ первые повоенные годы — явно обнаруживается ихъ исторіей; не будемъ загадывать, въ какой мѣрѣ она дальше будетъ осуществляться, или будетъ прервана другими процессами. Во всякомъ случаѣ одно должно быть установлено: не только къ сохраненію европейскаго упадка, но и къ продолжающемуся его усугубленію приводитъ сохраненіе того создавшагося въ ней положенія, что побѣдоносная слабѣйшая Франція осталась лицомъ къ лицу съ побѣжденной сильнѣйшей Германіей. Паденіе можетъ быть остановлено лишь измѣненіемъ этого положенія, признаніемъ Франціей въ своей (общей съ союзниками) военной побѣдѣ — своего историческаго пораженія и примиреніемъ съ соотвѣтствующимъ мѣстомъ. Другими словами, это предполагаетъ возстановленіе Германіи, предоставленіе ей на европейскомъ материкѣ того мѣста, ко-

торое исторически ей принадлежитъ, предполагаетъ органическое выпрямленіе европейскаго материка, исправленія внесенныхъ въ него внѣевропейскимъ вмѣшательствомъ искривленій.

Конечно, одной резиньяціей Франціи еще не разрѣшается европейская проблема, ибо въ концѣ концовъ даже и низведеніе Франціи само по себѣ отнюдь не означаетъ возведенія Германіи. Скорѣе всего — судя по всему происходящему — естественно себѣ представить такое одновременное на нихъ обѣихъ давленіе Англіи, которое удерживая Германію въ ея подчиненномъ подопечномъ состояніи вмѣстѣ съ тѣмъ зазаставило бы и Францію отказаться отъ своей побѣдоносной самостоятельности. Но это уже другой — послѣдующій — вопросъ. Пусть весь европейскій материкъ подпалъ подъ внѣшнюю гегемонію, но и въ своемъ составѣ онъ имѣетъ калѣчащую его пружину. Устраненіе этой пружины еще не даетъ высвобожденія материка, но оно невозможно и безъ ея устраненія. Есть разныя силы умаленія Европы; нынѣшнее франко-германское соотношеніе не единственная изъ нихъ. Но безъ его измѣненія не можетъ быть рѣчи о спасеніи и возстановленіи того европейскаго культурно-государственнаго достоянія, которое еще возможно спасти и возстановить.

И надо опредѣленно сказать, что изъ двухъ гегемоній — французской и англійской — все же менѣе для Европы губительна вторая. Ибо гегемонія англійская низводитъ всю Европу на положеніе подчиненное, дѣлаетъ ее цѣликомъ зависимой и данницей міровой державы. Но держа всю Европу въ слабости и зависимости, — она все же дастъ въ этихъ предѣлахъ сложиться болѣе или менѣе нормальной жизни и нормальнымъ отношеніямъ. Европа же нормально, хотя подъ сурдинку, живущая, производительно работающая, хотя бы и на другихъ, — вновь постепенно окрѣпнетъ. И если Ирландія добивается своего, если Египетъ добивается своего, то своего добьется и окрѣпшая Европа. Она вернется къ самостоятельности черезъ внутреннее оздоровленіе. Трудная, печальная перспектива для міровой распорядительницы вчерашняго дня, но — перспектива. Наоборотъ, гегемонія Франціи — какъ выше было намѣчено — есть имманентное самоискаженіе европейскихъ отношеній, подавленіе Европы изнутри. И потому изъ нея проистекаетъ не только слабость, не только пониженность ея жизни, но и пораженность ея возможностей; она организуетъ не только подчиненіе, изъ котораго все же мыслимо выбиться, она организуетъ само-

пражение, изъ котораго выхода нѣтъ. Внѣшняя тяжесть и внутренняя болячка — таково различие этихъ двухъ гегемоній. Первую мыслимо здоровому организму скинуть; вторая дѣлаетъ здоровье невозможнымъ.

3. ДВА МИЛИТАРИЗМА

Стремленіе къ господству Франціи надъ Европой подчасъ истолковывается такъ, что сейчасъ на мѣсто германскаго милитаризма сталъ милитаризмъ французскій; послѣ Вашингтонской конференціи, на которой Франція проявила настойчивость въ отстаиваніи своего подводнаго флота, такая точка зрѣнія стала высказываться и въ средѣ ея бывшихъ союзниковъ; тѣмъ болѣе естественно стать на нее врагамъ. Тѣмъ не менѣе правильной ее нельзя признать, ибо въ ней сказывается то самое непониманіе современнаго милитаризма, которое было столь типично для нареканій, въ свое время направленныхъ противъ Германіи.

I[1]

Къ теоріямъ, испытавшимъ разрушительное дѣйствіе войны, несомнѣнно, приходится отнести и классическое положеніе позитивизма, противопоставлявшее, какъ два несовмѣстимыхъ и враждебныхъ типа культуры — культуру промышленную и культуру воинскую. Первая казалась дѣломъ настоящаго и будущаго; вторая — остаткомъ прошлаго; первая идетъ на смѣну второй вмѣстѣ съ наукой, съ моральнымъ закрѣпленіемъ мирнаго общественнаго обихода; и всѣмъ своимъ укладомъ, внѣдряемымъ воспитаніемъ, привычками, всѣми предпосылками и послѣдствіями своего существованія — оттѣсняетъ, съ корнемъ выпалываетъ вторую.

А между тѣмъ, если есть сейчасъ убѣжденіе, которое согласно раздѣляется обѣими враждующими на смерть сторонами, которое восторжествовало по всей линіи, и всюду громогласно признано, лихорадочно претворяемое въ дѣло,

[1] Настоящая глава составляетъ часть статьи «Культурныя зависимости», напечатанной въ «Сѣверныхъ Запискахъ», 1915 г., Іюнь—Августъ, и написанной въ ту раннюю пору войны съ цѣлью возраженія (въ предѣлахъ цензурныхъ возможностей) на обычныя въ то время противопоставленія германскаго милитаризма антантистской мирной гражданственности.

— такъ это убѣжденіе въ тѣснѣйшей связи и зависимости промышленнаго и воинскаго дѣла, дѣла мира и дѣла войны, организаціи общегражданскаго творчества и международнаго столкновенія.

Враги Германіи корятъ ее ея милитарною культурной и организованностью; сами нѣмцы нисколько отъ своей военной подготовленности и не отрекаются. Что союзники вмѣняютъ въ преступленіе, за что призываютъ къ борьбѣ до конца, въ томъ нѣмцы видятъ свою гордость, оплотъ своей культуры, фактовъ никто не отрицаетъ. Но было бы верхомъ близорукости не усматривать, что Германія въ тѣ же десятилѣтія, въ которыя развивала свою военную организацію, въ тѣ же сорокъ лѣтъ, въ которыя по всеобщему утвержденію готовилась къ войнѣ, — развивала съ необычайной интенсивностью и свою промышленность, сельское хозяйство, вообще свою организацію мира. Сколько бы корпусовъ воиновъ ни выставила она на поле народныхъ битвъ, она выставила въ предыдущія десятилѣтія не меньше корпусовъ инженеровъ и химиковъ, комми-вояжеровъ и профессоровъ, торговцевъ и агрономовъ — на поприще мирнаго соревнованія.

То германское засилье, противъ котораго ведется теперь дѣятельная борьба не только въ Россіи, но и во Франціи и въ Англіи, — это вѣдь засилье мирнаго времени, незамѣтной мирной работы и организаціи. Цѣлыя отрасли наиболѣе необходимыхъ для современной культуры производствъ — оказались сосредоточенными въ рукахъ Германіи, ею созданными; а въ другихъ областяхъ она уже догоняла, уже кое гдѣ едва ли не вытѣсняла страны — Англію, Францію — задолго до нея закрѣпившія за собой господствующее положеніе. Приблизительно полвѣка отдѣляетъ отъ настоящей войны серію послѣднихъ войнъ, которыя Германія вела и на которыхъ создалась. Этимъ промежуткомъ времени она воспользовалась во всю, ибо менѣе чѣмъ полувѣковая работа вынесла ее изъ средне-европейскаго захолустья на міровой просторъ; превращеніе почти фантастическое совершилось съ необычайной быстротой, — и вполнѣ естественно, какую тревогу оно обоснованно внушило господствовавшимъ доселѣ западно-европейскимъ державамъ. Нѣмецкіе товары во всевозможныхъ странахъ и наивысшей, и наинизшей культуры, немецкіе корабли — на всѣхъ моряхъ; нѣмецкія книги во всѣхъ библіотекахъ; нѣмецкіе приборы — во всѣхъ лабораторіяхъ, — нѣмецкія факторіи, нѣмецкіе посредники, нѣмецкіе ученые, нѣмецкіе мастера.

Сорокъ четыре года нѣмцы готовились къ войнѣ, — кто не знаетъ этого теперь изъ безчисленныхъ статей и рѣчей, доведшихъ эту мысль до всякаго, кто только способенъ къ ней прислушаться. Но думать, что они только этимъ и занимались сорокъ четыре года — значило бы ничего не понять въ ихъ работѣ; утверждать это — значитъ вводить въ заблужденіе родную страну. Вѣроятно, будетъ небольшой ошибкой предположить, что нѣмецкая стратегическая аггрессивность, и даже самая теорія таковой — только одно изъ приложеній и проявленій того общаго натиска, который они въ своихъ «кузницахъ» не только подготавливали, но уже и осуществляли сорокъ четыре года. Не 1 Августа былъ впервые брошенъ вызовъ и ультиматумъ германскимъ властелиномъ; въ сущности это около полувѣка уже дѣлали его подданные, нѣмецкіе строители, предприниматели, химики, посредники. Сорокъ лѣтъ Германія съ поразительнымъ натискомъ пробивалась къ міровому господству молотомъ, прежде чѣмъ вынуть съ тою же цѣлью мечъ. Молотъ и мечъ ея выкованы на одной наковальнѣ, и управляютъ ими однѣ руки; или — если воспользоваться болѣе современнымъ образомъ — огонь артиллерійскій оказался лишь претвореннымъ огнемъ доменныхъ печей.

Если Германія оказалась страной наиболѣе милитарной, то она въ той же мѣрѣ и страна наибольшаго индустріальнаго развитія; ея воинская организація соотвѣтствуетъ ея организаціи производительной; ея военная предусмотрительность соотвѣтствуетъ ея продуманности соціально-хозяйственной. Военное и индустріальное государство оказались въ ней слиты; теорія объ ихъ противоположности разсѣялась, какъ дымъ. Едва ли когда либо истина съ такою наглядностью и быстротой овладѣвала сознаніемъ правящихъ и массъ, ученыхъ и профановъ. Въ современномъ обществѣ индустріализмъ не противоположенъ милитарности; миръ — основа войны; на войнѣ воюютъ миръ, умѣнія, навыки, организація, цѣнности мира. Война — не отличная отъ мира культура, а только опредѣленное использованіе постояннаго мирнаго уклада для острыхъ боевыхъ задачъ.

Итакъ, въ современности культура мира не противоположна военной культурѣ, а служитъ ей оплотомъ, питая ее

собой. На тылъ опирается фронтъ; промышленнымъ напряженіемъ живутъ напряженія военныя.

Но, можетъ быть, въ этомъ еще нѣтъ отрицанія того основного противоположенія, которое позитивизмъ установилъ между индустріальнымъ и военнымъ укладомъ. Вѣдь военное государство не предполагаетъ, что оно посвящаетъ себя всецѣло культурѣ войны и военныхъ цѣнностей, воздерживаясь отъ хозяйственной, духовной работы; оно предполагаетъ только, что хозяйственная, соціальная, духовная работа — какъ бы пышно она ни развивалась — развивается подъ воздѣйствіемъ возможной войны, въ военныхъ интересахъ и цѣляхъ, въ подчиненіи военному принципу. И тѣсное сплетеніе и зависимость «войны» отъ «мира», можетъ быть, нисколько не является свидѣтельствомъ значенія мирной гражданской культуры на войнѣ, а, наоборотъ, является только доказательствомъ милитаризма самой мирной культуры, подчиненія, порабощенія ея цѣлямъ войны.

Однако, не нужно слишкомъ длинныхъ разсужденій, чтобы понять всю ошибочность подобной поверхностной точки зрѣнія.

Быстрота передвиженій искони была могучимъ средствомъ военныхъ успѣховъ; Аннибалъ, Суворовъ, Наполеонъ — тому вѣковые свидѣтели. «Ногами одерживаются побѣды», — это, конечно, односторонняя условность, но въ ней лежитъ серьезная доля правды. Однако, въ современности, при средствахъ современной культуры, войска передвигаются преимущественно не ногами, а колесами. Техника и здѣсь исполняетъ свое извѣчное предназначеніе — замѣщать, безконечно усиливая и совершенствуя, функціи человѣческихъ органовъ, помощь животныхъ организмовъ. Желѣзныя колеи, подвижной составъ, топливо, моторы внутренняго сгоранія, хорошія дороги, постоянные мосты или техника ихъ скораго наведенія — этимъ и подобнымъ достигается быстрота передвиженія. Конечно, желѣзныя и шоссейныя дороги могутъ быть проведены со спеціально стратегическими цѣлями; автомобили могутъ быть подготовлены на случай войны и т. п. Но совершенно ясно, что весь въ военныхъ цѣляхъ организованный транспортъ можетъ быть лишь привходящимъ, дополняющимъ самодовлѣющій транспортъ мирнаго времени. Хозяйственный расцвѣтъ, быстрота общенія и обмѣна, духовнаго и матеріальнаго, необходимость и жажда передвиженія, сбыта и удобствъ, хлѣба и роскоши, просвѣщенія и обработки земли — приводитъ къ созданію, поддержанію и непрерывному развитію

сложнѣйшей сѣти всевозможныхъ путей и средствъ сообщенія. Этотъ процессъ имѣлъ мѣсто въ Германіи такъ же, какъ и въ Бельгіи, во Франціи, какъ и въ Англіи. Къ густой сѣти самодовлѣющаго мирнаго назначенія, нетрудно прибавить дополнительныя звенья, или внести въ нее измѣненія и отклоненія, предусматривающія уже чисто военныя назначенія, или дающія возможность въ случаѣ нужды приспособить ее къ таковымъ. Но рѣшительно нѣтъ и не можетъ быть того напряженія финансоваго, хозяйственнаго, общесоціальнаго, помощью котораго можно было бы построить хотя бы малую часть подобной сѣти въ специфически военныхъ цѣляхъ. Только потому существуютъ въ такомъ большомъ масштабѣ столь необходимые для войны желѣзныя и шоссейныя дороги, каналы, паровозы, вагоны, автомобили, что они въ подавляющей своей части каждодневно используются для нуждъ каждодневной жизни; ее питаютъ и ею окупаются; и этимъ создаютъ могучій организмъ, способный въ нужную минуту легко превратиться и въ боевое орудіе. Да и чисто стратегическія дороги въ мирное время естественно используются въ мирныхъ же дѣловыхъ и жизненныхъ цѣляхъ, и тѣмъ самымъ обрастаютъ хозяйственными и бытовыми назначеніями. Держать потребное число паровозовъ и автомобилей про запасъ, на случай войны — абсолютно невозможно; война будетъ располагать ими, поскольку они были созданы для самодовлѣющихъ мирныхъ цѣлей.

Конечно, и всего богатства средствъ передвиженія мирнаго времени можетъ оказаться недостаточнымъ для военныхъ нуждъ; потребуются новыя, дополнительныя; ихъ надо будетъ тутъ же на мѣстѣ спѣшно заготовлять; и опять таки ясно, что эта уже чисто военная заготовка будетъ мыслима только тогда, когда въ странѣ имѣется достаточно соотвѣтствующихъ заводовъ, станковъ, машинъ, достаточно численные кадры рабочихъ, мастеровъ, инженеровъ, химиковъ. И опять таки было бы ни съ чѣмъ несообразно думать, что все это можно приготовить впрокъ на случай войны и примѣнительно къ войнѣ; что заводы будутъ въ ожиданіи ея стоять безъ дѣла, отъ времени до времени подвергаясь ремонту, что машины будутъ бездѣйствовать, инженеры и рабочіе упражняться, получая жалованье и пенсіи. Имѣется, конечно, и специфически военная матеріальная часть — корабли, пушки, снаряды и пр. — которая находится именно въ подобномъ положеніи; въ подобномъ же положеніи находятся и профессіонально-военные личные кадры. Но это лишь ма-

лая часть того, что нужно для войны, и если и въ этой части требуется усиленное производство, то его можетъ доставить лишь богато оборудованная промышленность, пышно расцвѣтающая въ мирное время въ самодовлѣюще хозяйственныхъ мирныхъ цѣляхъ. И то, что относится къ средствамъ передвиженія, одинаково относится и ко всѣмъ другимъ областямъ, къ продовольствію и снаряженію, ко всему, что можетъ понадобиться для войны и не можетъ быть впрокъ заготовлено. Только непрерывное мирное творчество во всѣхъ областяхъ производства создаетъ тѣ мирные аппараты, скопленія цѣнностей и навыковъ, которые въ нужную минуту могутъ быть использованы для специфически военныхъ цѣлей.

О трехъ вещахъ, необходимыхъ для войны — деньги, деньги и деньги — уже давно брошено крылатое слово. Оно, правда, относится къ менѣе сложной общественной средѣ; сейчасъ, пожалуй, двѣ изъ этихъ трехъ вещей измѣнились, сейчасъ нужны — деньги, кредитъ и кредитъ. Какъ бы то ни было, финансовая проблема сейчасъ стоитъ на первой очереди проблемъ войны (правда, на ряду со многими другими, ибо преимущественное мѣсто зависитъ здѣсь въ сущности не отъ объективнаго положенія, а отъ направленія вниманія). И опять таки безъ дальнихъ словъ ясно, въ какой мѣрѣ здѣсь окажется несостоятельнымъ подчиненіе гражданской культуры задачамъ ожидаемой войны. Ясно, что проблема финансовъ есть проблема прежде всего мирной организаціи государства для цѣлей мирной работы, при условіяхъ мирной жизни. Кредитъ связанъ со всею совокупностью мирнаго труда, доходы государства связаны со всенародной работой и распредѣленіемъ, съ хозяйственной политикой, банковой организаціей, внутреннимъ строемъ, внѣшнимъ обмѣномъ. Быть можетъ, нѣтъ болѣе разительной иллюстраціи отстаиваемой здѣсь точки зрѣнія, какъ знаменитый германскій неприкосновенный военный фондъ, хранившійся въ Юліевой башнѣ. Вотъ истинное соотношеніе для дѣла войны — спеціально воинской и общегражданской культуры, вотъ ихъ удѣльный вѣсъ: сто двадцать милліоновъ марокъ золота, неприкосновенно сохраняемыхъ на случай войны и свыше милліарда государственнаго золотого запаса, за годъ войны увеличеннаго изъ запасовъ народныхъ на четыре шестыхъ, — и многомилліардные займы. Юліева башня — это специфически воинская подготовка; запасы имперскаго банка, займы — это результатъ многолѣтней общенародной работы. И то же относится и къ другимъ странамъ — къ

Франціи, и Англіи — гдѣ единственнымъ военнымъ фондомъ и былъ фондъ народнаго труда.

Но не одна техника мирной культуры, матеріальная и общественная, заводская и финансовая, имѣетъ непосредственное отношеніе и рѣшающее значеніе для дѣла битвъ. Ибо все связано со всѣмъ въ сплетеніи культурнаго consensus'а. Безъ науки и притомъ безъ самодовлѣющей систематической науки для науки — нѣтъ широкаго развитія техники, а слѣдовательно нѣтъ и успѣшной войны. Расцвѣтъ химической промышленности связанъ съ каѳедрами теоретической химіи, съ лабораторіями самодовлѣюще научнаго изслѣдованія. Чистая математика процвѣтаетъ тамъ, гдѣ умѣло строятъ мосты и творчески проектируютъ машины; экономическія и правовыя науки развиваются тамъ, гдѣ съ тщательною предусмотрительностью организуютъ общественныя функціи и регулируютъ хаосъ хозяйственной жизни. А гдѣ внѣдренъ вкусъ къ теоретическому знанію вообще, тамъ процвѣтаютъ въ отдаленіи отъ всякой техники — и исторія, и филологія. Гдѣ развиваются математика и экономика, исторія и химія, тамъ подвергаются анализу и предпосылки этихъ дисциплинъ, — не только теоріи техники, но и теоріи этихъ теорій, теорія знанія, философія. Ибо философія расцвѣтаетъ не тамъ, гдѣ полудосужая мысль развиваетъ взглядъ и нѣчто о томъ, что попадается въ поле ея вниманія; а тамъ, гдѣ мысль человѣческая упорно преодолѣваетъ всякія сопротивленія, а слѣд., и тѣ, которыя она сама себѣ создаетъ.

Я почти не уклонился въ сторону отъ вопроса о непосредствонномъ соотношеніи культуры мирной и воинской. Правда, философъ можетъ непосредственно лишь мало пригодиться въ дни битвъ; и значительная доля того прикладного — къ настроеніямъ и инстинктамъ — философствованія, которое вызвано военными событіями, безъ ущерба для военныхъ дѣйствій и съ выгодой для ясности общественнаго сознанія могло бы (какъ то и подобаетъ подлинному философствованію) спокойно вылежаться въ авторскихъ мозгахъ или портфеляхъ, по крайней мѣрѣ, до наступленія мирныхъ временъ. Но вотъ біологи и химики, врачи и экономисты и многіе другіе теоретики, вѣроятно, во всѣхъ воюющихъ странахъ оказали неоцѣнимыя услуги непосредственно дѣлу войны или опосредствованно дѣлу организаціи «тыла», и слѣд., опять-таки дѣлу помощи войнѣ. Все это потребовало быструю импровизацію творческой и исполнительской работы цѣлой

массы ученыхъ или во всякомъ случаѣ сложно обученныхъ людей. Непосредственная связь подобныхъ явленій, — а ихъ можно предполагать великое множество — съ уровнемъ просвѣщенія и самодовлѣющей научной работы, не требуетъ доказательствъ, какъ не требуетъ доказательствъ и громадное значеніе ихъ для военныхъ задачъ и успѣховъ. Чѣмъ совершеннѣе наука, самодовлѣющая, мирная наука данной страны, тѣмъ болѣе неожиданной подмоги она, несомнѣнно, оказала въ дѣлѣ разрѣшенія неожиданныхъ затрудненій и непредвидимыхъ препятствій боевой дѣятельности.

Не только техника мирнаго времени, общественная организація, интеллектуальная работа, — но и то, что принято отдѣлять отъ нихъ, какъ «внутреннюю», моральную жизнь духа, какъ она развилась въ мирное время, участвуетъ рѣшающимъ образомъ въ ратномъ дѣлѣ. Впрочемъ, отдѣленіе внѣшней культуры отъ внутренней, — техники отъ морали, — столь ходкое уже и до войны, въ частности въ россійской литературѣ, и вообще основано на поверхностномъ пониманіи и той и другой. Даже если взять кажущіяся крайности — съ пропускомъ многихъ связующихъ ихъ промежуточныхъ звеньевъ — мораль и матеріальную технику, то нельзя не признать, что первая есть функція второй въ такой же мѣрѣ, какъ вторая — функція первой.

Общественный духъ опредѣляетъ войну нисколько не въ меньшей степени, чѣмъ финансы и быстрота передвиженія, вмѣстѣ взятые. При неимовѣрной напряженности, спѣшности и сложности безмѣрныхъ работъ и великихъ событій, — представимо ли, что подобную дѣятельность возможно успѣшно осуществлять иначе, какъ при высокой культурѣ чувства отвѣтственности во всей толщѣ общества, и при соотвѣтствующей ему — увѣренности каждаго въ другомъ, взаимномъ довѣріи. Можетъ ли въ современномъ фантастически сложномъ сплетеніи сколько-нибудь спориться работа, если каждый или большая часть участвующихъ въ ней не исполняютъ каждый на своемъ мѣстѣ, свое дѣло, большое или малое, поистинѣ — *за совѣсть*. Въ бѣшеной торопливости умаляется значеніе контроля; да его значеніе умаляется уже тѣмъ, что послѣдствія совершеннаго ложатся не-

возвратно на чаши историческихъ взвѣшиваній. Если не слѣдуетъ сваливать на стрѣлочника великихъ послѣдствій великихъ событій, то все же вѣдь, дѣйствительно, и отъ стрѣлочника они иной разъ могутъ оказаться въ зависимости. Заминка въ одномъ мѣстѣ можетъ привести къ затору во всемъ движеніи; если есть болѣе важныя и менѣе важныя, или даже и ничтожныя дѣятельности — по своему положительному значенію, то по отрицательному — всяческія дѣйствія могутъ сказаться гибельными. Механизмъ будетъ успѣшно работать, только когда сверху донизу въ немъ разлито чувство отвѣтственности, сознаніе долга, выдержка, твердость духа, увѣренность каждаго, что и другой исполнитъ свой долгъ до конца; ибо только увѣренность въ другихъ закрѣпляетъ и увѣренность въ себѣ, довѣріе къ чужому исполненію долга поддерживаетъ въ тяжелыя минуты на путяхъ собственной неуклонности, изъ мертваго долга-подвижничества превращая ее въ живое творческое напряженіе. Люди сплочены въ единый механизмъ, и его приводными ремнями являются не механическія силы, а мораль долга и отвѣтственности; та мораль, которая сочетаетъ индивидуалистическое самодовлѣніе съ коллективнымъ единствомъ. Въ разныхъ людяхъ, на разныхъ общественныхъ позиціяхъ — эта мораль принимаетъ и различныя воплощенія: отъ элементтарнѣйшей честности, добросовѣстности, иногда даже простой скучной аккуратности въ исполненіи службы, до героическаго самоотверженія при осуществленіи взятой на себя миссіи. Эта мораль будетъ проявляться подъ огнемъ на полѣ битвы и въ тылу за станкомъ, въ минуту непосредственной опасности, и въ дни далеко опосредствованной подготовительной работы; она управляетъ и штыкомъ при нанесеніи удара, и молотомъ, и перомъ. Она, правда, не импровизируется героическимъ нутромъ, а вырабатывается въ народѣ — въ долгіе годы мира; воспитывается всѣмъ складомъ его жизни, ежедневной работы и праздничныхъ отдохновеній, фабрикой и искусствомъ. Ею опредѣляется война, но она опредѣляется миромъ.

Аналогичное надо сказать уже и не про чисто моральную, а — интеллектуальную психику, впрочемъ, болѣе тѣсно и непрерывно связанную, сплетающуюся съ моральной, чѣмъ это нерѣдко представляется съ перваго взгляда. Для владѣнія и управленія громадными массами — людскими и матеріальными, — для приспособленія къ неожиданнымъ сложнѣйшимъ и часто еле разгаданнымъ обстоятельствамъ, для

спѣшнаго переоформленія народной жизни, иногда даже и въ ея интимно-бытовомъ укладѣ, для выработки и осуществленія новыхъ ударовъ, для отвѣта на нихъ, нужна — и помимо знаній, науки, техники — нужна высокая талантливость, большой характеръ; иниціатива и рѣшительность, интуиція и самообладаніе; нуженъ готово произведенный подборъ надлежащихъ людей на надлежащихъ мѣстахъ — the right man on the right place. Для быстрой мобилизаціи — не только общественной, людей и матеріаловъ, но и — духовной: дарованій и умѣній, — подъ рукой должно въ изобиліи быть то самое, что мобилизаціи подлежитъ, таланты, знанья, иниціатива, работоспособность, умѣнье владѣть людьми и собою. Эти свойства въ индивидуальномъ разрѣзѣ — могутъ являться благодатью. Но въ разрѣзѣ народной жизни они воспитываются и взращиваются исторіей, культурой, государственнымъ укладомъ, житейскимъ бытомъ; и не только выращиваются, но и выносятся на тѣ общественныя мѣста, въ тѣ узлы, гдѣ они работаютъ и совершенствуются съ наибольшей производительностью и наглядностью; и откуда ихъ легко получить въ минуты особо острой нужды. Конечно, въ современномъ намъ мірѣ нѣтъ, вѣроятно, страны, гдѣ бы не пропадало и не гибло много прекрасныхъ силъ и возможностей; и нѣтъ страны, гдѣ бы кое-какія изъ большихъ силъ въ концѣ концовъ не пробивались. Весь вопросъ только въ большемъ и меньшемъ; и этотъ большій или меньшій просторъ духовной жизни и проявленій — есть дѣло мирнаго времени, общегражданской культуры; и отъ него зависитъ дѣло войны.

Но даже и въ самомъ тѣсномъ смыслѣ воинской психики — доблестей и слабостей — война проявляетъ лишь свойства, накопленныя въ годы мира. Вѣроятно, многіе — въ томъ числѣ и иные военные авторитеты, высокомѣрно относившіеся къ стаду мѣщанъ, снабженныхъ оружіемъ, не предусмотрѣвшіе сопротивленія бельгійцевъ и т. п. — не ожидали того поистинѣ эпическаго характера, который приняла протекающая міровая война. А между тѣмъ достаточно было съ нѣкоторымъ вниманіемъ отнестись къ характеру нашего времени, чтобы и до войны отчетливо усмотрѣть основную его пружину въ дисциплинѣ и героизмѣ, въ дисциплинированномъ героизмѣ. Наиболѣе реально-поэтическое воплощеніе, поистинѣ въ подлинномъ смыслѣ слова символическое, наше время получило въ авіаціи; но она лишь репрезентативна для множества разнообразнѣйшихъ сторонъ и пластовъ современной дѣйствительности. Наиболѣе буднично-реальное во-

площеніе духъ нашего времени имѣетъ въ компактныхъ рабочихъ массахъ, буднично и твердо исполняющихъ свою подчасъ полную ежеминутныхъ опасностей работу въ шахтахъ, въ туннеляхъ, во множествѣ тяжелыхъ производствъ. Спокойную отвагу владѣющей собой личности, чувствомъ отвѣтственности дисциплинированную въ солидарный героизмъ массъ, — вотъ что съ собою принесли въ современные легіоны запасные и ополченцы, вотъ что взрастилъ весь складъ современной передовой культуры. И какъ въ поражающихъ воображеніе подвигахъ настоящей войны проявляется героизмъ мира, такъ и вообще въ культурѣ мира — вычеканилась мощь воюющихъ державъ. Наступила пора въ корнѣ передѣлать древній афоризмъ. Если хочешь быть сильнымъ на войнѣ, твори культуру мира. Si vis bellum para pacem.

Само собою разумѣется, что, подчеркивая рѣшающую роль общегражданской мирной культуры въ дѣлѣ современной войны, я нисколько не хочу затушевать наличности и спеціально воинской подготовки, профессіи, производства. Если къ войнѣ оказалось необходимымъ приспособить самодовлѣюще-мирное производство страны, ни въ какой степени не заготовленное впрокъ для войны, то не слѣдуетъ упускать изъ вниманія и спеціально военныхъ заводовъ, предпріятій, именно впрокъ и работавшихъ. Если для войны пригодились знанія и личныя силы мирнаго труда, то, конечно, не слѣдуетъ забывать и тѣ группы, которыя профессіонально готовились къ войнѣ, впрокъ разрабатывая знанія и умѣнія, специфически воинскія. И наконецъ даже и приспособленіе мирной культуры къ военнымъ надобностямъ произошло тѣмъ быстрѣе и успѣшнѣе, чѣмъ болѣе были въ довоенное время продуманы задачи войны, и чѣмъ предусмотрительнѣе были задолго до нея приспособлены къ гражданскому механизму мирной культуры тѣ добавочные колесики и винты, которые позволили сравнительно быстро примѣнить аппаратъ одного назначенія для назначенія временно-новаго. Существо отстаиваемаго здѣсь положенія отнюдь не въ томъ заключается, что будто культивированіе спеціально воинскихъ задачъ не играетъ роли для войны, а въ томъ, что рѣшающее значеніе имѣетъ культура самодовлѣюще мирнаго назначенія;

и уже къ ней могутъ быть приспособлены заранѣе придуманные механизмы, содѣйствующіе въ нужную минуту ея новому использованію; но не въ виду этого новаго использованія она растетъ, не въ качествѣ милитаристической она оказывается наиболѣе пригодной для войны, а именно въ качествѣ самодовлѣюще общегражданской.

Аналогичное относится и къ личному составу. Безчисленныя арміи современности далеко перерастаютъ профессіональные кадры, а при серьезной убыли — и замѣщаютъ ихъ. Но, кромѣ того, и самый профессіонально воинскій составъ все болѣе включаетъ въ себя общегражданскіе, мірскіе элементы и функціи (какъ, напр., авіаторы и инженеры, руководители желѣзнодорожнымъ движеніемъ, интендантствомъ и пр.). И, наконецъ, силою современнаго строя, все болѣе демократизирующагося въ большинствѣ странъ западной культуры, профессіонально-воинскій классъ не можетъ не отражать въ своей работѣ и въ своей работоспособности, въ самыхъ методахъ и путяхъ дѣятельности, организаціи, продумыванія — общаго духа своего общества, общихъ навыковъ и типовъ работы окружающей рабочей и общественной среды. Въ этомъ отношеніи Германія представляетъ какъ бы отклоненіе отъ другихъ странъ западной культуры; въ ней профессіонально-воинскій, дворянскій классъ отличается особою исключительностью, рѣзкой отдѣленностью отъ гражданскаго общества. Тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ преувеличивать и это противопоставленіе. Съ одной стороны, не можетъ подлежать сомнѣнію, что юнкерскій духъ наложилъ свою четкую и тяжелую печать на весьма многія стороны германской общегражданской жизни и духа; но не слѣдуетъ упускать изъ вниманія и другую сторону. Какъ бы ни было замкнуто юнкерство Пруссіи, трудно усомниться въ томъ, что общій духъ германской систематически упорной работы отразился и на немъ. Вѣроятно, при тщательномъ анализѣ можно было бы вскрыть, положимъ, у стараго Мольтке не мало общихъ методовъ работы съ выдающимся нѣмецкимъ организаторомъ торговаго флота, чиновникомъ, фабрикантомъ, профессоромъ. Но какъ бы то ни было, въ Пруссіи, дѣйствительно, специфическій юнкерскій милитаризмъ рѣзко выдѣлялъ профессіональный воинскій классъ изъ гражданскаго общества. Однако, и это только подтверждаетъ защищаемую здѣсь точку зрѣнія. Я убѣжденъ, что впослѣдствіи при

анализѣ войны выяснится — вопреки первымъ поверхностнымъ впечатлѣніямъ, — что прусскій юнкерскій милитаризмъ оказался на войнѣ слабѣе, чѣмъ это ожидали, оказался не на высотѣ возлагавшихся на него надеждъ, быть можетъ, даже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ — прямо таки несостоятельнымъ; и что вызволяли его именно резервы и импровизація общегражданскаго коллектива. Провалъ того же юнкерскаго состава въ германской дипломатіи, даже въ военное время въ меньшей степени впитывающей въ себя мирныхъ гражданъ, чѣмъ это дѣлаютъ военные кадры, можетъ быть, безъ сомнѣнія, признанъ доказаннымъ уже и сейчасъ.

Та зависимость культуры специфически-милитарной отъ общегражданской, которую я выше намѣчалъ, отчасти имѣетъ мѣсто во всякую эпоху, но отчасти — и притомъ въ весьма существенной степени — составляетъ особениость только нѣкоторыхъ эпохъ исторіи, и притомъ характернѣйшимъ образомъ — эпохи современной. Въ этомъ и заключается разгадка ошибочности того классическаго утвержденія позитивной школы прошлаго вѣка, которое я приводилъ выше и которое было вполнѣ правильнымъ для нѣкоторыхъ ступеней общественнаго развитія, но менѣе всего оправдываемо для настоящаго времени.

Суть дѣла заключается въ роли профессіонально выдѣленнаго элемента (личнаго и матеріальнаго) въ цѣломъ общества; а слѣд., и вообще въ томъ, можетъ ли структура даннаго общества дать рѣзко раздѣльныя группы разнаго назначенія и самодовлѣющей организованности. Конечно, общество всегда находится во взаимодѣйствіи всѣхъ своихъ составныхъ частей, и потому всегда неизбѣжно нѣкоторое соотвѣтствіе и взаимная зависимость между разными его функціями и слоями. Тѣмъ не менѣе, когда по состоянію общественнаго уклада, матеріальной и моральной культуры даннаго строя, отдѣльныя его функціи и носители рѣзко выдѣлены и отграничены одни отъ другихъ, тогда господство того или другого слоя — военнаго или хозяйственнаго — опредѣляетъ собою всю жизнь страны, ея психологію и бытъ, ея душу и исторію; тогда и милитаристическое господ-

ство направляетъ жизнь страны по пути, рѣзко отличному отъ путей господства торгово-промышленнаго. Тогда одна функція, не только руководитъ остальными, но именно за счетъ остальныхъ и можетъ господствовать; тогда расцвѣтъ ея можетъ сопровождаться — въ теченіе нѣкотораго историческаго періода — подавленіемъ остальныхъ, ихъ прозябаніемъ, даже и замираніемъ. Воинская организація можетъ разрастаться (конечно, на ограниченный историческій періодъ) цѣною пришибленности народной жизни, на ея упадкѣ строя свою мощь и своею мощью закрѣпляя общій упадокъ.

Совсѣмъ другая картина развертывается на тѣхъ ступеняхъ общественнаго развитія, когда народная жизнь проявляетъ глубинное единство, взаимопроникновеніе, неразличимость или тѣсную сплоченность своихъ составныхъ функцій и частей. Это можетъ быть единствомъ еще нерасчлененннаго общества, опредѣляемаго непрерывностью своей соціальной ткани; это можетъ быть единствомъ крайне расчлененнаго общества, разслоившагося, полнаго внутренней борьбы и сопротивленій, но именно въ силу этого разслоенія на взаимоборствующія, но взаимосвязанныя, зависимыя и взаимодѣйствующія части, — представляющаго новую ступень интеграціи, новое строеніе усложненной объединенности. Къ первому типу относятся общества ранней, пожалуй — первобытной культуры; ко второму — общество современное, высоко расчлененное и вмѣстѣ съ тѣмъ и крѣпко на крѣпко спаянное.

Я не знаю, многіе ли ощущаютъ вообще какую-то поразительную, глубинную родственность — конечно, лишь въ нѣкоторыхъ формальныхъ основахъ — между столь сложной современной западно-европейской культурой и культурами ранними, «дѣвственными», зачинающими. Я нисколько не хочу отрицать и различныхъ рядовъ упадочничества, усталости, которые проявлялись еще такъ недавно по разнымъ гранямъ современнаго необычайно сложнаго, многоразвѣтвленнаго и разносплетеннаго организма. Здѣсь не мѣсто вскрывать основы этого сосуществованія противоположностей — coincidentia oppositorum — которое даетъ возможность каждому подмѣчать въ одномъ и томъ же матеріалѣ различное сообразно своему вкусу. Въ настоящемъ мѣстѣ я только хочу — и только могу — отмѣтить, что современная западно-европейская культура носила въ себѣ такой порывъ дѣйственной и еще дѣвственной стихіи, такую непочатость возможностей, такую непосредственность, почти наивность творчества, та-

кой смѣлый бѣгъ въ неизвѣданное, но при этомъ вовсе не устрашающее, а, наоборотъ, богатое обѣщаніями и радостными неожиданностями, — которые свойственны только молодости человѣка и народа. Въ этомъ смыслѣ западная Европа, безъ всякихъ сомнѣній, несравненно моложе странъ отсталыхъ, еще не развернувшихся; она моложе самой себя въ предшествующіе періоды своей собственной культуры, въ свои предыдущіе вѣка. Въ этомъ-то смыслѣ въ ней и чувствуется родство съ тою духовностью, которую можно себѣ рисовать (не скрываю отъ себя, что только съ весьма большою дозой упрощающей условности) на зарѣ человѣческой культуры. Разумѣется, это новое рожденіе происходитъ на совершенно несравнимой культурной ступени; спираль исторіи привела къ той же точкѣ, но только на несравнимой высотѣ. Какъ когда-то (многократно, въ разныхъ мѣстахъ, въ разныя времена и различно) зачиналось строительство культуры на почвѣ готовой, извнѣ данной природы, такъ теперь растетъ новое строительство на новой почвѣ культуры самосозидаемой; человѣческое творчество служитъ основой и предпосылкой человѣческаго творчества, какъ когда-то ими служила природа; человѣкъ строитъ на человѣческомъ, какъ когда-то онъ строилъ на природномъ, на божескомъ [1]. Онъ строитъ на предпосылкахъ, имъ же создаваемыхъ и поддерживаемыхъ, какъ онъ раньше строилъ на предпосылкахъ извнѣ данныхъ; (и можетъ быть, лишь отраженіе этого сказывается и на наиболѣе самодовлѣющемъ творчествѣ — въ мыслительной архитектурѣ, въ философіи, — гдѣ на мѣсто былой метафизики онъ подводитъ самовырабатываемые фундаменты гносеологіи). Въ этомъ смыслѣ, конечно, нѣтъ большаго различія, какъ между складывающимся типомъ современной культуры и культурой первобытной; въ этомъ смыслѣ вся предшествующая нашему времени культура въ существѣ своемъ однотипна съ первобытною и рѣзко отличается отъ нарождающейся. Въ этомъ смыслѣ мы имѣемъ какъ бы два ея этажа, два слоя; и различіе между ними, вытекая изъ намѣченнаго основанія, проникаетъ и распространяется по всѣмъ ея плоскостямъ. Но въ предѣлахъ новаго слоя — западно-европейская культура нашего времени являлась своего рода зачинающей, молодой, своего рода первобытною; и въ этомъ-то и основаніе тѣхъ аналогичныхъ

[1] Ср. статью мою въ «Сѣверн. записк.», 1913 г. IV: «Увалень и культура», 6.

линій, которыя сближаютъ ее съ зачинающею молодостью человѣчества.

Возвращаясь тѣснѣе къ ближайшей темѣ настоящей главы можно отмѣтить двѣ относящіяся сюда черты. Съ одной стороны, это — всенародность современной войны, демократическій характеръ всякаго государственнаго дѣланія въ странахъ западной культуры, будь то дѣланіе мирное или военное. Съ другой стороны, это, именно, выше отмѣченная объединенность жизни — единою высокою технической культурой, являющейся сейчасъ общею средою жизни всего общества, а не спеціальнымъ достояніемъ одного класса въ отличіе отъ другого. Военное дѣло черпаетъ изъ общаго бассейна человѣчески созданной среды (примѣрно — рельсовая сѣть, телеграфная сѣть, заводская организація, электрическіе распредѣлители, жилищныя скопленія и пр., и пр.), какъ нѣкогда черпало свои дубины и камни изъ непосредственно единой среды природной.

Дѣло теперь не такъ обстоитъ, что народъ живетъ одною матеріальною культурой, привилегированные слои — другою, а для военнаго дѣла имѣется и своеобразная техника. При такой структурѣ военное дѣло, дѣйствительно, было бы дѣломъ специфическимъ, и могло бы — при своемъ господствѣ — милитаризировать и всю культуру. Дѣло обстоитъ теперь такъ, что разные слои народа пользуются совершенно по различному, въ глубочайшимъ образомъ различныхъ степеняхъ, — но все же единымъ общимъ составомъ культурной среды. Освѣщена ли каморка одною пятисвѣчевою лампочкой, или залитъ особнякъ потоками электрическаго свѣта — та же центральная станція работаетъ на каморку и на особнякъ. Посылается ли изрѣдка открытка, или летятъ ежедневно телеграммы и ведутся разногородніе телефонные переговоры — та же почтово-телеграфная организація используется въ обоихъ случаяхъ. Ѣдетъ-ли человѣкъ въ биткомъ набитомъ вагонѣ четвертаго класса, или въ отдѣльномъ купэ перваго, — онъ ѣдетъ по тѣмъ же рельсамъ, и тотъ же пароходъ везетъ эмигранта въ трюмѣ и милліардера въ роскошныхъ салонахъ. Выпивается ли въ прикуску стаканъ чаю или за чашкой мокка цѣдятъ тонкіе ликеры — въ обоихъ случаяхъ предполагается тотъ же международный обмѣнъ со всей его безконечно сложною организаціей. И тѣ же шахты нужны для отопленія рабочей квартирки и для веденія богатѣйшаго предпріятія. И словомъ, общая, единящая среда

— хотя уже и не природная, какъ то было раньше, а человѣкомъ созданная и совокупнымъ трудомъ поддерживаемая — лежитъ въ основѣ обще-единенной жизни, хотя по разному используется каждымъ; и только изъ этой общей среды и единой почвы, той самой, которою существуетъ и мирная жизнь общества, — черпаетъ свои средства и военное дѣло.

Иначе было, когда масса жила, положимъ, натуральнымъ хозяйствомъ, военное же дѣло требовало специфической техники; но въ нѣкоторой степени аналогично было, когда и военное и невоенное дѣло одинаково строились на элементарной обработкѣ природы или на примитивныхъ изобрѣтеніяхъ раннихъ культурныхъ достиженій. И кромѣ того, аналогично и въ тѣ времена тѣсно единенной жизни, всякое значительное достиженіе вызывалось и отражалось на совокупномъ бытіи. Стрѣла и лукъ были, конечно, геніальными техническими созданіями своего времени; появившись въ связи съ нѣкоторымъ высвобожденіемъ, отвлеченіемъ мысли отъ связности съ мускульно-органическимъ ощущеніемъ, они годились столько же для охоты, какъ и для войны, служили общему самоутвержденію племени, его безопасности и обезпеченности; служили и духовному росту личности, росту ея самодовлѣнія въ преодолѣніи пространства. Когда кузнецы научились ковать мечи и щиты, обезопасивъ воиновъ отъ стрѣлъ и вооруживъ ихъ разящимъ металломъ, они въ томъ же процессѣ создавали и орудія мирнаго труда и утварь домашняго обихода; и около защищеннаго и украшеннаго ими очага, за увѣренной работой складывались пѣсни и сказанія, творились эпосъ и миѳы.

Единый резервуаръ жизни, труда и умѣній создавалъ и военное, и мирное дѣло; и въ томъ, и въ другомъ участвовало все племя, то и другое творилось всенароднымъ усиліемъ за общею отвѣтственностью. Далеко ушли мы отъ тѣхъ временъ; но снова общимъ единымъ резервуаромъ культуры создается и мирное, и военное, — плуги и пушки снова куются тѣми же кузнецами; снова къ всенародному приближается и мирное и ратное дѣло, и во всякомъ случаѣ за все болѣе общею отвѣтственностью оно ведется. Я нисколько не восхваляю, я устанавливаю характеръ совершающагося. По самому глубинному существу современности «милитаризмъ» теперь — не подчиненіе гражданской культуры военной, а частичное использованіе въ виду военныхъ задачъ самодовлѣющей мирной культуры. Хорошо ли это или плохо — это

вопросъ особый; но это такъ. И съ этимъ одинаково можно считаться, если хочешь бороться съ вытекающими отсюда послѣдствіями и если ихъ принимаешь.

Я нисколько не имѣлъ выше въ виду утверждать, что въ современности не можетъ быть милитаризма въ привычномъ смыслѣ этого понятія, т. е. такого соотношенія военныхъ и общегражданскихъ задачъ, при которыхъ вторыя оказываются искажаемыми первымъ. Я только думаю, что поскольку такой милитаризмъ существуетъ, онъ можетъ существовать лишь въ странахъ слабыхъ въ военномъ дѣлѣ. Впрочемъ, и въ сильныхъ государствахъ онъ можетъ въ извѣстной степени проявляться и даже существенно отравлять ихъ гражданскій обликъ, налагая на него свою печать; но и тамъ онъ лишь ослабляетъ, а не усиливаетъ военную мощь страны. Сильная, побѣдоносная воинская культура въ дѣйствительности возможна лишь тамъ, гдѣ (и поскольку) сильна и расцвѣтаетъ самодовлѣющая культура общегражданская, надстройкой и частичнымъ использованіемъ которой и является культура военная.

II

Милитаризма подлинно самодовлѣющаго (независимаго отъ задачъ гражданскаго общества) въ современныхъ условіяхъ нѣтъ и, думаю, и не можетъ быть, развѣ, что въ представленіи писателей — его почитателей, а въ особенности хулителей. Едва ли какой либо государственный дѣятель или крупный дѣятель военный способенъ былъ бы теперь проповѣдывать, а въ особенности осуществлять милитаризмъ ради него самого. Слишкомъ наглядна невозможность его осуществленія, невозможность самаго даже приступа къ его осуществленію внѣ связи со всей полнотой народно-государственной жизни. Съ серьезнымъ милитаризмомъ должно быть соотносительно совокупное народное бытіе — хозяйство, организація, техника, психологія, изобрѣтательность, бытъ — и такъ какъ насильственно его приспособлять нельзя, во всякомъ случаѣ нельзя безъ того, чтобы оно не согнулось, не захирѣло и тѣмъ са-

мымъ не подорвало самаго милитаризма, обезсиливъ его своимъ къ нему приспособленіемъ, — то милитаризмъ можетъ существовать, какъ значительное явленіе, только въ составѣ такой народной жизни, которая сама по себѣ его требуетъ и предопредѣляетъ. Милитаризмъ дѣйствительно значительный и вліятельный можетъ быть не опредѣлителемъ народной жизни, а лишь ея орудіемъ, не руководителемъ народной судьбы, а ея исполнителемъ. Онъ можетъ быть силенъ только, поскольку выросши изъ народной жизни, онъ осуществляетъ государственную задачу — мирную жизненную историческую задачу государства. Отсюда слѣдуетъ, что понять смыслъ, значеніе и вѣсъ даннаго милитаризма возможно только опредѣливъ ту служебную роль, которую онъ въ данное время осуществляетъ. Эта роль различна въ современной Франціи и въ довоенной Германіи и потому глубоко различны и производные отъ нихъ ихъ милитаризмы.

Разсматривая оба милитаризма, необходимо отвлечься отъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ особенностей, обусловленныхъ историческими условіями, традиціями и поверхностцыми наслоеніями, мало затрагивающими ихъ существо. Связь съ сословными привилегіями, съ общимъ соблюденіемъ и почитаніемъ соціальныхъ положеній и различій, со всепроникающей продуманной организованностью наложили свою печать на нѣмецкій милитаризмъ, давая въ разныхъ сплетеніяхъ различные его болѣе или менѣе внѣшне знакомыя черты. Въ содержаніи своемъ онъ, очевидно, былъ только воплощеніемъ, отраженіемъ и частнымъ примѣненіемъ общихъ свойствъ германской культуры той же эпохи, какъ она болѣе или менѣе одинаково проявлялась на заводахъ и въ лабораторіяхъ, въ чиновничьихъ канцеляріяхъ, въ громадныхъ Kaufhaus'ахъ или университетскихъ организаціяхъ. Смыслъ его опредѣлился всѣмъ смысломъ германскаго государственнаго бытія.

И точно также должны быть и въ современномъ французскомъ милитаризмѣ внѣшнія черты, опредѣляемыя вліяніемъ и отблесками традицій и современныхъ условій, въ сущности мало существенныя для уясненія его подлиннаго содержанія. Такъ надо отнести долю его проявленій на своеобразное сочетаніе побѣдоноснаго самочувствія съ ощущеніемъ тревоги за себя; надо удѣлить долю и демократической нерасчлененности, ослабленію специфически воинскаго этикета, что такъ неизбѣжно въ современной демократіи. Отсюда та упрощенность, которая подчасъ звучитъ вмѣсто прежней отчеканенной солдатской рѣзкости. Знаменитое слово

Бріана, которое вѣроятно нелегко будетъ предано забвенію — схватить Германію за шиворотъ — ярко выражаетъ эти особенности. И тѣмъ не менѣе все это лишь внѣшняя оболочка и не этимъ опредѣляется существо французскаго милитаризма. И оно опредѣляется своей подчиненностью общей государственной задачѣ страны. Характерно въ этомъ отношеніи отмѣтить роль, которую играютъ въ ней побѣдоносные генералы — тріумфаторы. Страною, которая сто лѣтъ привыкла увлекаться генераломъ, поклоняться его успѣху, въ которой еще на глазахъ старшихъ изъ нынѣ живущихъ поколѣній былъ возвеличенъ ничтожный Буланже только для того, чтобы было, съ кѣмъ носиться, которая въ дѣлѣ Дрейфуса допустила отчаянную борьбу, лишь бы не признаться въ ошибкахъ и преступленіяхъ нѣсколькихъ военныхъ, — этой страной сейчасъ управляютъ и представительствуютъ не выдающіеся побѣдители небывалой войны, въ числѣ которыхъ есть навѣрное подлинно замѣчательные люди и государственные организаторы, а обычные прежніе исконные депутаты-адвокаты, отчасти пріумноженные промышленниками. И милитаризмъ осуществляютъ и выражаютъ именно эти статскіе люди, подгоняемые палатой, газетами и толпой. Милитаризмъ есть теперь для Франціи, какъ онъ раньше былъ для Германіи, не дѣло преимущественно военныхъ, а дѣло государства, кѣмъ бы таковое ни управлялось, въ комъ бы оно ни воплощалось; онъ не руководитъ государствомъ, а ему подчиняется, будучи орудіемъ его насущнѣйшихъ задачъ. И вотъ въ отличіи этихъ неотъемлемыхъ государственныхъ задачъ, различныхъ для Германіи довоенной и повоенной Франціи, — и заключается различіе смысла и значенія ихъ милитаризмовъ.

Эти государственныя задачи въ существѣ своемъ были уже намѣчены: для Германіи то была задача творческаго роста страны, находившейся на подъемѣ могучихъ напряженій; для Франціи это задача самообороны, самообезпеченія слабѣйшаго. Въ этомъ смыслѣ вполнѣ справедливо сказать, что для Германіи милитаризмъ былъ стороной и подробностью, орудіемъ общенароднаго наступательнаго движенія, для Франціи — оборонительнаго. Не такъ обстояло дѣло, что германскій милитаризмъ былъ наступательнымъ, а французскій оборонительнымъ, а такъ — что каждый изъ нихъ былъ орудіемъ соотвѣтственно наступающей и самообороняющейся общенародной жизни.

Наступательный милитаризмъ, милитаризмъ, стремящійся идти войной, тѣмъ самымъ носитъ въ себѣ стремленіе къ разрушенію; милитаризмъ оборонительный, не перекидывающійся на другихъ, а какъ бы выжидающій ихъ у себя для отпора, — начала разрушенія въ себѣ не заключаетъ. Таково соотношеніе, если взять ихъ какъ самодовлѣющіе милитаризмы въ государствахъ, опредѣляемыхъ воинскими задачами. Но существенно мѣняется это соотношеніе, если имѣешь дѣло съ милитаризмами, подчиненными общенародной жизни.

Ибо наступательная общенародная жизнь, наступательная жизнедѣятельность, хозяйственная, культурная и соціальная — несетъ не разрушеніе, а созиданіе, творчество; а оборонительная общенародная жизнь — есть проявленіе застоя, охранительства, во всякомъ случаѣ завершенности историческаго дѣланія. Противоположность наступленія и обороны въ совокупной жизни народа — есть противоположность творчества и завершенности, порыва и удовлетворенія, жажды и сытости, работы и покоя — движенія и застоя. И милитаризмъ, какъ служебное орудіе, будетъ орудіемъ творчества въ наступательномъ государствѣ, будетъ орудіемъ неподвижности въ другомъ.

Не нужно, надѣюсь, подчеркивать, что это противоположеніе я отношу не къ отдѣльнымъ французамъ и нѣмцамъ, и что нисколько я не хочу утверждать, чтобы не было во Франціи творчества и чтобы все было творчествомъ въ Германіи. Я только хочу сказать, что общій тонъ и схема, общее устремленіе и смыслъ культуры французской и французскаго общества опредѣляются ихъ завершенностью въ прошломъ, законченностью и успокоенностью. Общій же тонъ и схема, устремленіе и смыслъ германской культуры и государственности опредѣлялись безоглядным созиданіемъ, неограничиваемымъ устремленіемъ, стихійно разливающимся во всѣ стороны напоромъ. Еще отмѣчу во избѣжаніе недоразумѣній, что отсюда не слѣдуетъ, что это соотношеніе было предопредѣлено въ характерѣ народовъ; быть можетъ, черезъ нѣкоторое время при дальнѣйшемъ неискаженномъ протеченіи событій, исчерпавъ силу своего напора, Германія также пришла бы — хотя и въ другомъ родѣ — къ состоянію уравновѣшенности и къ задачѣ охранительства; нѣкогда и Франція была страной бьющей черезъ край жизненности и въ концѣ концовъ пароксизмъ таковой — а кто знаетъ, быть можетъ, даже ея возвратъ, былъ бы мыслимъ и при какихъ либо непредвидѣнныхъ сочетаніяхъ будущаго. Но въ настоящую

эпоху соотношеніе было именно таково и не случайно было таковымъ, а глубоко обоснованнымъ въ исторіи и въ сложившемся духѣ народовъ.

На обычное воспріятіе французскаго народнаго характера такое представленіе можетъ казаться неожиданнымъ и противнымъ дѣйствительности: традиціонное пониманіе французовъ, какъ будто подкрѣпляемое всей исторіей послѣднихъ полутора вѣковъ, проявляетъ ихъ революціонерами не въ одной лишь политической области; нѣмцы же, безпорно, искони революціонерами быть не умѣли. Но если процессъ революціи въ объективномъ своемъ протеченіи одинаковъ или близокъ, гдѣ бы онъ ни происходилъ, то психологія революціонности можетъ быть чрезвычайно разнообразной; этимъ понятіемъ одинаково можетъ быть охвачена и логизирующая разсудочность отрицающей критики, и мистическая настроенность туманныхъ ожиданій, и разудалость бунтарства, и озлобленная систематичность тупицы. Навѣрно во всякой исторической революціи соприсутствуютъ всѣ эти типы, но въ разныхъ пропорціяхъ; и въ разныя эпохи или у разныхъ народовъ преобладающимъ и налагающимъ свою печать является какой либо одинъ изъ нихъ. Конечно, настроеніе революціонизма противоположно сознанію удовлетворенности и завершенности; но и строительнаго творческаго начала въ немъ обыкновенно не много; скорѣе всего, въ немъ субъективно дѣйствуетъ сила разрушенія и отрицанія. И революціонизмъ можетъ приводить къ творчеству, но отнюдь его не предполагаетъ непремѣнно. Созиданію же естественно исходить изъ существующаго; оно вызываетъ волевое напряженіе, утверждающее, а не отрицающее. Можно также и утверждающимъ развитіемъ, творческимъ осуществленіемъ придти къ новому, необывалому и оригинальному, — къ снятію исходной точки, хотя и безъ воли къ ея устраненію. Ибо устранить исходное возможно отнюдь не только разобравъ его, но и застроивъ; да и разобрать можно въ процессѣ стройки. Во всякомъ случаѣ воля революціонизма направлена въ первую голову на устраненіе, а не на созиданіе; во всякомъ случаѣ на созиданіе путемъ устраненія, а не на устраненіе путемъ созиданія. Въ нѣкоторомъ смыслѣ можно сказать, что революціонизмомъ подчасъ можетъ стать и стремленіе къ

новому, къ иному, къ творческому — но именно это и возможно только въ насыщенномъ обществѣ. Не насыщенное творитъ положительно, насыщенное — даже для творчества — должно разрушать.

Но и помимо этого, суть въ томъ, что и самый французскій революціонизмъ не такъ исчерпывающе безспоренъ, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Роменъ Ролланъ гдѣ то говоритъ, что во Франціи двѣ души и неожиданно просыпается и выступаетъ наружу одна, казавшаяся отсутствующей, когда засыпаетъ другая. Оставимъ здѣсь въ сторонѣ вопросъ о подосновѣ такой множественности народнаго характера: идетъ ли рѣчь о разныхъ расовыхъ этническихъ типахъ — о гальскомъ и франкскомъ, загрунтованныхъ общероманской традиціей — которые перемежаясь овладѣваютъ руководствомъ страны; идетъ ли рѣчь о разныхъ климатическихъ вліяніяхъ сѣверо востока и югозапада (не былъ ли вѣкъ революціонизма вѣкомъ гальскаго юга-Марселя и Жиронды въ противоположность германскому сѣверу и востоку). Какъ бы то ни было, для Франціи исторической ужъ во всякомъ случаѣ характерно на ряду съ революціонизмомъ и нѣчто другое, едва ли не противоположное ему. И характерно не только сейчасъ, не только одновременно съ эпохой революціонизма, но еще ярко и явно до нея. Уравновѣшенная размѣренность — мѣра и вѣсъ — закругленность, законченность, отмѣренность, академизмъ и классицизмъ. Парки Людовиковъ, единицы измѣренія физиковъ, единства трагедіи, взвѣшенность языка предшествуютъ и соприсутствуютъ, какъ нѣчто болѣе глубокое и опредѣляющее, — французскому революціонизму. Самый революціонизмъ, можетъ быть, — лишь бросающаяся въ глаза, но все же поверхностная и во всякомъ случаѣ производная функція отъ живости характера, особенностей историческаго момента, внутренней изжитости культуры и раціонализма мышленія. Раціонализмъ — какъ будто характерная и глубокая черта французской духовности, хотя разумѣется есть въ ней также и другое — мистика германскаго типа, столь внятно заговорившая снова въ послѣднее время. Раціонализмъ этотъ — внѣшняго, зрительнаго типа (преобладающее искусство Франціи революціоннаго вѣка — не музыка, а живопись) — даетъ подходъ извнѣ, напр., въ искусствѣ изображенія души даетъ внѣшнюю соціальную ея изображаемость (въ романѣ и частью въ музыкѣ въ отличіе отъ выразительной музыки германской). Зрительный раціонализмъ даетъ геометрію, соразмѣрность

частей и ихъ обозримую симметрію — все характерныя для французовъ вещи — и тяготѣетъ къ закругленной законченности, къ обозримо завершенному предѣлу. Но вмѣстѣ съ тѣмъ раціонализмъ запросовъ, геометрія требованій въ приложеніи къ ирраціональной фактичности человѣческой жизни приводитъ къ ея отрицанію и отверженію, къ построеніямъ ея заново по чертежамъ, къ извнѣшней ея формальной перестройкѣ въ ущербъ внутреннему содержательному развертыванію. Вмѣстѣ съ тѣмъ подвижность характера безъ устремленія въ даль даетъ разрядъ энергіи внутри страны вмѣсто устремленія ея наружу. Настроеніе революціонизма такимъ образомъ и можетъ — при опредѣленныхъ соціальныхъ условіяхъ — оказаться производнымъ отъ духовнаго раціонализма — при южной экспансивной живости, не находящей выхода, направленнаго на обозримую завершенность, достигнутую и превзойденную въ долгомъ историческомъ процессѣ.

Какъ бы то ни было, эта законченность безспорно сказывается во всевозможныхъ крупныхъ и мелкихъ чертахъ жизни, — на историческомъ отступленіи Франціи передъ Англіей въ дѣлѣ міровой колонизаціи, на сравнительной неприспособленности по сравненію съ итальянцами къ хозяйственному использованію колоній и въ наше время, въ малой промышленной экспансивности, въ фактѣ и психологіи рантьерства, въ сравнительно маломъ туризмѣ, въ изсяканіи элементарной органической жизненности. Къ тому же за полтораста лѣтъ Франція оказалась обезкровленной и потрясенной революціями и войнами; сугубо потрясенной и обезкровленной небывалой послѣдней войной. Исторически насыщенная и законченная, политически и соціально удовлетворенная, слабая и побѣдоносная она въ слабости имѣетъ стимулъ, а въ побѣдѣ видитъ возможность навсегда себя обезпечить. Самообезпеченіе — вотъ задача, въ которой совпалъ историческій запросъ Франціи данной эпохи съ субъективнымъ привычнымъ настроеніемъ ея гражданъ — настроеніемъ рантьерства. Конечно, задача обезпеченія своего будущаго шире рантьерства въ тѣсномъ смыслѣ слова; вся система государственнаго пенсіонерства съ одной стороны и рабочаго, а также и иного, страхованія съ другой — преслѣдуетъ ту же задачу. Задача охраны добытаго, пріобрѣтенныхъ правъ и обезпеченія въ будущемъ достиженіи прошлаго — коренится глубоко въ духовныхъ основахъ культуры, достигшей опредѣленной степени завершенности. Молодость, творчество, давая напряженность — не ищутъ внѣшней обезпеченности своего будущаго, ибо носятъ ее въ себѣ, въ

своей творящей силѣ, переживаемой въ ея жизненности и не представимой въ ея изсякновеніи. Нужно выйти изъ непосредственно наивной погруженности въ творчество, нужна извнѣшняя оглядка на него, на его судьбы, превратности и крушенія для того, чтобы поставить задачу внѣшняго обезпеченія его результатовъ. Въ иной плоскости мы имѣемъ тотъ же процессъ и въ области отвлеченнаго мышленія: по завершеніи метафизической стадіи наступаетъ стадія гносеологическаго мышленія, задача провѣрки его предпосылокъ съ главной, быть можетъ, цѣлью — обезпеченія опредѣленныхъ его результатовъ. Этотъ сдвигъ отъ метафизическаго творчества къ гносеологической провѣркѣ и обезпеченію сотвореннаго — какъ признакъ и проявленіе нѣкоторой культурной завершенности, преобладаніе рефлекса на содѣянное, недовѣріе къ дальнѣйшему творчеству, даже, пожалуй, неисканіе его получаетъ особо типичное выраженіе въ психологіи рантьерства. И всецѣло этой задачей проникнуто отношеніе Франціи къ ликвидаціи войны. Дѣло не только въ рантьерствѣ финансовомъ, въ желаніи нѣмецкими платежами обезпечить свой бюджетъ; дѣло глубже — въ желаніи на крови, лишеніяхъ и ущербахъ войны построить навѣки свою государственную обезпеченность; получить историческую ренту вѣчной государственной неуязвимости — на жертвы и усилія войны. Та психологія мѣщанства въ государственности, о значеніи которой для Антанты шла рѣчь въ другомъ мѣстѣ, обостряется во Франціи до чрезвычайной выпуклости — въ форму мѣщанства рантьерскаго. Устроить такъ, чтобы уже навсегда быть государственно обезпеченнымъ — такова задача Франціи; изъ нея вытекаетъ тяга обезсилить, до конца доканать, поставить отъ себя въ неотмѣнимую зависимость бывшаго врага.

Эту цѣль обезпеченія разъ добытаго положенія преслѣдуетъ и французскій милитаризмъ. Положеніе Франціи въ мірѣ защитное, оборонительное и орудіемъ ея охранительства и самообезпеченія является ея милитаризмъ.

Милитаризмъ наступательный разрушительнѣе милитаризма оборонительнаго; но вопреки поверхностной кажимости милитаризмъ, какъ орудіе самосохраняющейся культуры, зловреднѣе и разрушительнѣе милитаризма, какъ орудія культуры наступательной и разливающейся; зловреднѣе и разру-

шительнѣе не случайно, а въ своемъ существѣ, въ своемъ имманентномъ напряженіи. Ибо культура наступательная, разливаясь, сталкивается съ уже установленными, закрѣпившимися, отстоявшимися и даже застывающими цѣнностями и обществами; тревожитъ ихъ, вызываетъ въ нихъ опасеніе и противодѣйствіе, вызываетъ въ нихъ тревогу и отпоръ. Ей нужна сила для того, чтобы предохранить себя отъ противодѣйствія испуганныхъ за свое господство или безтревожное существованіе, для того, чтобы обезпечить возможность своего творческаго распространенія. Впрочемъ, ей сила можетъ быть нужной и не только для обезпеченія своего наступленія отъ противонаступленій, но и для того, чтобы самочинно прокладывать себѣ дорогу, освободить поле для своего возможнаго строительства. Солдатъ не только служитъ здѣсь охраной купцу, инженеру, рабочему и ученому, онъ еще можетъ выступать впередъ для того, чтобы расчистить тѣмъ путь. Милитаризмъ, какъ орудіе наступательной культуры, можетъ быть и агрессивнымъ ея проводникомъ. Тѣмъ не менѣе есть въ немъ, посколько за нимъ дѣйствительно стоитъ наступательная культура, — внутреннее мѣрило и ограниченіе агрессивности. Я говорю, конечно, о тенденціи, ему присущей, не о всегда возможныхъ конкретныхъ разбѣгахъ и преувеличеніяхъ. Этимъ внутреннимъ мѣриломъ и ограниченіемъ служитъ именно творческая наступательность цѣлаго общества. Общество живетъ самочувствіемъ своихъ задачъ, оно эти задачи и преслѣдуетъ; въ мѣру этихъ задачъ оно и прокладываетъ себѣ путь. Гдѣ нѣтъ задачъ, нѣтъ и стимуловъ агрессивности, нѣтъ и основы для нея, потому что наступательная энергія направляется въ другія мѣста. Гдѣ есть задача, для осуществленія которой имѣются и сознаются силы и возможности, тамъ въ мѣру ихъ и производится давленіе на окружающихъ. На большее нѣтъ не только надобности, нѣтъ и охоты, нѣтъ и возможности, — посколько задачи сами по себѣ велики, соблазнительны и увлекающи. Могутъ быть соблазны и запросы отдѣльныхъ государственныхъ силъ на агрессивность сверхъ мѣры, но здоровье растущаго организма изнутри справляется съ такими излишествами. Яркимъ воплощеніемъ этихъ отношеній служитъ политика Бисмарка, отказавшагося отъ приращеній за счетъ побѣжденной Австріи и сокращавшаго военныя вожделѣнія къ побѣжденной Франціи. И нельзя же отрицать, что отнятое у Франціи въ семидесятомъ году, какъ прежде у Польши, было использовано производительно, творчески и органи-

чески. Здѣсь отнимаемое и разрушаемое разрушается и отнимается въ соотвѣтствіе съ ощущаемымъ или и осознаваемымъ творческимъ заданіемъ, дающимъ обоснованіе агрессивности въ обоихъ отношеніяхъ — и какъ стимулъ ея, и какъ ея предѣлъ.

Есть и еще особенность въ агрессивности наступательной культуры, служащая ей оправданіемъ. Конечно, разрушаемое ею или отторгаемое не виновато, что попало въ предѣлы ея распространенія и законно отстаиваетъ себя, сопротивляясь наступающей культурѣ; оно при этомъ вызываетъ сочувствіе и поддержку. Существующее и вообще носитъ въ себѣ право на дальнѣйшее существованіе, какъ силы, рвущіяся за свои границы, носятъ въ своемъ порывѣ право ихъ перешагнуть. Столкновеніе съ точки зрѣнія частныхъ столкнувшихся воль неразрѣшимо споромъ, неразрѣшимо иначе, какъ трагическимъ фактомъ. Но если отвлечься отъ частныхъ воль, вступившихъ въ столкновеніе, и стать въ плоскость того общаго, что связуетъ воедино даже и враждебно столкнувшихся (въ данномъ случаѣ по отношенію къ Франціи и Германіи — стать на точку зрѣнія Европы), то есть оправданіе въ разрушеніи, когда оно производится во имя созидающей мощи. Это то оправданіе, которое такъ раздражало союзниковъ, когда въ устахъ нѣмцевъ имъ покрывалось поврежденіе, или уничтоженіе памятниковъ старины, происходившее отъ военныхъ дѣйствій: способностью возводить памятное для будущаго. Въ общей формѣ оправданіе здѣсь въ томъ, что цѣнности разрушаются во имя цѣнностей, цѣнности прошлаго во имя цѣнностей будущаго, цѣнности остановившіяся во имя растущихъ, останки во имя зародышей; оправданіе въ томъ, что отторгаемое включается въ организмъ, не разбухающій за его счетъ, а растущій. Оправданіе въ томъ, что жизнь не уничтожается, а поглощается жизнью же, что за счетъ поглощаемаго происходитъ ростъ. Смерть наносится ради жизни, и не ради выживанія, а ради расцвѣта. Страдающему естественно и законно сопротивляться своей гибели; но эта гибель, если ужъ происходитъ, получаетъ и созидательный смыслъ.

Этого созидательнаго смысла нѣтъ при милитаризмѣ, какъ орудіи самосохраненія. Его задача — не проложить путь для роста, а охранить существованіе; отсюда двойная противоположность милитаризму наступательной культуры: во первыхъ, онъ не имѣетъ внутренняго мѣрила своимъ разрушеніямъ, во вторыхъ его разрушеніе не есть претвореніе въ новыя цѣнности, а — разрушеніе чистое. Внутренняго мѣрила онъ не

имѣетъ потому, что его не имѣетъ самая задача самообезпеченія, по существу своему задача отрицательная и неопредѣленная. Можно себя обезпечивать отъ уже явныхъ и угрожающихъ опасностей; но опасность вѣдь не есть нѣчто наступившее, а только возможность; возможности же всегда и вездѣ неограниченны. Задачи наступленія предопредѣляются изнутри опредѣленной наличностью силъ и запросовъ; задача оградить себя опредѣляется извнѣ — неопредѣленными возможностями угрозъ и рисковъ. Первыя опредѣленны и ограниченны, вторыя — безпредѣльны, неисчерпываемы и всепоглощающи.

Въ обычномъ ходѣ исторіи народы противодѣйствуютъ только наиболѣе явнымъ опасностямъ, уже назрѣвшимъ, уже переходящимъ въ осуществленіе. Здоровые народы видятъ главную гарантію своего будущаго въ собственной силѣ, въ собственномъ ростѣ. Но представимъ себѣ положеніе народа, съ одной стороны чувствующаго себя въ состояніи завершенности и не склоннаго въ собственномъ дальнѣйшемъ ростѣ и напряженіяхъ искать своего обезпеченія, при томъ народа, жаждущаго безтревожнаго существованія; народа къ тому же, уже произведшаго нечеловѣческія напряженія и алчущаго избѣжать ихъ повторенія, народа, наконецъ, находящагося въ обладаніи побѣды и неоспоримой, никогда уже неповторимой мощи. Здѣсь разрушительность его самозащиты достигаетъ крайнихъ предѣловъ, ибо онъ ищетъ себя обезопасить навсегда. Онъ будетъ напряженно и подозрительно высматривать всѣ возможности новыхъ угрозъ, будетъ использовывать столь исключительное и столь дорого оплаченное положеніе, чтобы ихъ до дна вытравлять, чтобы не допустить и предупредить самое ихъ появленіе. Конечно, и здѣсь давленіе не будетъ безпредѣльнымъ, но его границы опредѣлятся только внѣшнимъ сопротивленіемъ, а не опредѣленностью внутренняго содержанія; и милитаризмъ на службѣ такой самозащиты будетъ безпощаденъ, ибо будетъ направленъ на вытравленіе возможностей, а не на осуществленіе потенцій.

Но онъ будетъ не только изнутри неограничиваемымъ, онъ будетъ и вовнѣ безъ возмѣщенія мертвящимъ. Ибо онъ будетъ отторгать и уничтожать не съ тѣмъ, чтобы нѣчто стало, а только съ тѣмъ, чтобы чего либо не было; его задача уничтожать не только — и даже не столько — нѣчто сущее, а то что могло бы быть и что, ставъ дѣйствительнымъ, могло бы стать угрожающимъ его существованію. Во

имя существующаго онъ обреченъ устранять назрѣвающее. Онъ грѣшитъ не только противъ настоящаго, но и противъ будущаго, не только противъ осуществленнаго, но и противъ осуществимаго, не только противъ жизни, но и противъ рожденія.

Такъ оборачивается соотношеніе милитаризмовъ наступающей и обороняющейся культуръ.

Вотъ почему несравнимо зловреднѣе и губительнѣе милитаризма растущей культуры милитаризмъ культуры обороняющейся, завершенной. Вотъ откуда получился тотъ фактъ, который еще недавно казался бы неправдоподобнымъ парадоксомъ: милитаристически побѣдоносная Франція, своей гегемоніей подавляющая и губящая Европу.

III. ГЕРМАНІЯ

1. ВИНОВНАЯ ДОБЛЕСТЬ

Выводы предыдущихъ главъ въ примѣненіи къ Германіи не только должны были бы показаться парадоксальными, въ былые военные и ближайшіе повоенные годы, но могутъ показаться таковыми еще и въ наши дни. Оставимъ въ сторонѣ ту проповѣдь, касавшуюся германскаго звѣрства, германской культурной недостойности, отсталости и виновности въ войнѣ, которая во всемъ мірѣ велась Антантой, и къ которой въ общемъ весь не германскій міръ примкнулъ; оставимъ эту область безъ разсмотрѣнія и безъ критики, потому что едва ли она еще въ томъ своемъ военномъ обличіи многими поддерживается и многими раздѣляется, — хотя безспорно еще живетъ въ безчисленныхъ душахъ, какъ отголосокъ или замедляющаяся инерція. Проходятъ годы и остываетъ реакція объективной обиды на несправедливость, на развращающее обманываніе неразбирающихся «малыхъ сихъ» культуры, на весь тотъ грѣхъ совѣсти и мысли, который осквернилъ европейскій, пожалуй, можно сказать міровой духъ военной пропагандой. Когда то — въ тѣ годы, когда она производилась — не было предѣла сдавленному возмущенію, не было достаточно презрѣнія къ неумѣнію и нежеланію съ врагомъ вести борьбу, сохраняя къ нему — т. е. собственно къ себѣ — уваженіе; и даже не къ нему и не къ себѣ, а къ объективности. И хотѣлось запечатлѣть паденіе и ничтожность духа въ поученіе и предупрежденіе будущимъ поколѣніямъ, хотѣлось сохранить какъ свидѣтельство овладѣвшей людьми слѣпоты, образцы тѣхъ явныхъ нарушеній очевидности, которыя, обосновываемыя мыслителями, воспѣваемыя поэтами, проповѣдуемыя публицистами, воспринимались людьми, вообще говоря способными на разсужденіе и на созерцаніе, какъ безспорная истина. И тогда было ясно, что вотъ пройдутъ года, и люди и сами не повѣрятъ тому, что говорили

и утверждали на всѣхъ перекресткахъ, какъ неоспоримое; ясно было, что какъ ни въ чемъ не бывало они отрекутся и даже позабудутъ отречься, проснувшись какъ бы невинными и свободными отъ груза собственныхъ утвержденій, отъ отвѣтственности за разлитой ядъ. И хотѣлось недопустить этой безотвѣтственности, закрѣпить за каждымъ не только его житейскіе поступки, но и поступки его духа — его слова; и когда наступитъ время — предъявить жестокое обвиненіе ради очищенія подвергнутой отравѣ души.

Но нѣтъ, они правы тѣ, кто не боятся отвѣтственности за участіе или даже за вызовъ массовыхъ помраченій. Только отравленность остается, только послѣдствія; сама же отрава исчезаетъ и люди забываютъ о бредѣ, обуявшемъ ихъ — даже и тогда, когда видятъ разбитыя въ бреду зеркала; забываютъ объ отравителяхъ и снова, какъ ни въ чемъ не бывало, готовы прислушиваться къ нимъ, къ ихъ новымъ рѣчамъ, довѣряя имъ въ соотвѣтствіи болѣе съ новыми страстями и алканіями, нежели со старымъ опытомъ. И даже у тѣхъ, кто переболѣлъ страданіемъ зрячести и томился жаждой духовнаго возмездія — пропадаетъ охота возвращаться къ старымъ обманамъ. Къ чему? Современникъ спѣшитъ къ отвѣтственности сегодняшняго дня, предоставивъ вчерашній будущему историку; а тотъ въ своемъ трудѣ посвятитъ имъ обстоятельное примѣчаніе, а, можетъ быть, даже и цѣлый отрывокъ въ текстѣ. Скучно возвращаться къ старымъ отвѣтственностямъ, когда каждый день даетъ начало новымъ; и ужъ во всякомъ случаѣ неохота возвращаться къ разоблаченію старыхъ содержаній, не столько даже разоблаченныхъ, сколько просто отметенныхъ движеніемъ жизни.

Но отъ затихшаго бреда остались упорные слѣды. А такъ какъ противъ Германіи былъ весь міръ и такъ какъ Германія побѣждена и, какъ всегда, исторія отливаетъ свои оцѣнки по образцамъ побѣдителя, то сужденія его получаютъ шансы сохранить свой вѣсъ и на будущее. Знаменательно, что они получаютъ распространеніе и среди побѣжденныхъ. Ибо въ томъ одно изъ свойствъ пораженія, что оно не только физически и соціально, но и морально подчиняетъ побѣжденнаго торжествующему противнику.

Отношеніе къ Германіи, конечно, характерно измѣнилось за эти годы; вѣроятно, оно смягчилось у всѣхъ, во всякомъ случаѣ, если и сохраняется прежнее отношеніе отдѣльныхъ слоевъ и лицъ, оно теряетъ свой міровой авторитетъ. Едва ли будетъ ошибкой отмѣтить, что въ среднемъ постепенно

получаетъ преобладаніе точка зрѣнія, опредѣляемая приблизительно такими двумя мотивами: съ одной стороны не такъ уже велика и въ особенности исключительна была виновность Германіи въ вызовѣ и веденіи войны, а съ другой стороны — не лучше и другіе, какъ это обнаруживается въ ихъ поведеніи въ эпоху, послѣдовавшую за побѣдой. Оказывается, что «всѣ хороши» — таково приблизительно, если не господствующее мнѣніе, то во всякомъ случаѣ мнѣніе наиболѣе безпристрастное, благонастроенное на справедливость, на хладнокровную разсудительность. Былые грѣхи Германіи, пожалуй, признаваемые и абсолютно преувеличенными, ей даже готовы отпустить въ силу грѣховности ея обвинителей; поведеніе ея враговъ бросаетъ ex post смягчающій отблескъ на ея прегрѣшенія. Конечно, молъ, правота, правда, прогрессъ и идеалы были на сторонѣ Антанты; но посмотрите, какъ она сама съ ними поступала, когда получила возможность ихъ осуществлять, — вотъ какова природа человѣческая. И въ сущности весьма близокъ къ этому широко распространившійся и среди нѣмцевъ взглядъ; передовая нѣмецкая мысль, отрицая исключительную виновность своей родины, взываетъ противъ Антанты къ ея же принципамъ, тѣмъ самымъ ихъ санкціонируя. Но даже и уязвленный націоналистическій патріотизмъ, оправдывая себя, собственно какъ будто также склоняется къ родственнымъ построеніямъ, лишь перенося обнаружившуюся въ побѣдѣ грѣховность Антанты и на прошлое, и въ этомъ усматривая оправданіе, обоснованіе неизбѣжнаго своего прошлаго поведенія; Германія имѣла-де право такъ поступать, какъ поступала, и всѣ обвиненія лицемѣрны, ибо вотъ каковыми оказались ея враги и вотъ какъ они все равно поступили бы, если бы Германія не сдѣлала попытки себя отстоять противъ ихъ козней. Приблизительно таково кажется мнѣ разсѣянное ощущеніе, сказывающееся въ словахъ и интонаціяхъ, въ строкахъ и между строкъ.

И если вѣрно, что приблизительно таковъ, хотя бы и не всеобщій и не господствующій, но во всякомъ случаѣ наиболѣе благопріятный для Германіи и безпристрастный взглядъ, то приходится отмѣтить, что выводы предыдущихъ главъ идутъ въ разрѣзъ съ нимъ, какъ они шли бы въ разрѣзъ и съ идеологіей военнаго времени. При томъ они идутъ въ разрѣзъ не съ точки зрѣнія «національнаго эгоизма» Германіи, который можетъ въ сущности принять всѣ обвиненія враговъ и все же не считаться съ ними, становясь на эго-

центрическую точку зрѣнія собственнаго блага; который можетъ въ происшедшемъ видѣть неудавшееся самоосуществленіе, отрицательная сторона котораго въ томъ, что оно не удалось, а не въ томъ, что оно — удавшись — причинило бы другимъ величайшее зло. Намѣченная здѣсь точка зрѣнія безконечно далека отъ такого германскаго эгоцентризма. Я подхожу къ затронутымъ вопросамъ исключительно съ точки зрѣнія общей, съ точки зрѣнія идей, какъ и ставила вопросъ идеологія Антанты; но хочу съ этой точки зрѣнія подходить къ реальности, не ограничиваясь словесными, а тѣмъ болѣе — устраняя лицемѣрные выводы. Моя точка зрѣнія идейнаго реализма и именно она и приходитъ въ противорѣчіе съ кажущимся наиболѣе распространеннымъ и благожелательнымъ представленіемъ нашего времени.

Дѣло именно не въ томъ, что Германія дѣйствовала, какъ и всякій другой народъ въ предѣлахъ своего національнаго эгоизма; дѣло не въ томъ, что идейность была у Антанты — правильная, но осуществленіе не лучшее, чѣмъ у Германіи. Дѣло въ томъ, что именно Германія стояла на объективно творческой и прогрессивной позиціи, а Антанта на регрессивной или пассивно-охранительной. Дѣло въ томъ, что послѣдняя основа исключительнаго развала Европы — не только военнаго, но и повоеннаго — заключается въ пораженіи, испытанномъ одной изъ сторонъ въ небывалой борьбѣ, и именно что пораженіе потерпѣла сторона исторически, объективно носившая въ себѣ движеніе Европы; что европейское будущее побѣждено европейскимъ прошлымъ — при содѣйствіи міровото настоящаго. Будущее Европы побѣждено ея прошлымъ, — оно не только оказывается отсѣченнымъ, но еще на развалинахъ торжествуетъ сила, въ настоящую эпоху неприспособленная строить и ставящая задачей — возстановить невозстановимое.

Таковъ выводъ предыдущихъ разсужденій, но собственно такова же и непосредственная интуиція происшедшаго. Когда побѣждаютъ, на войнѣ или гдѣ бы то ни было, силы строительныя, творческія, носительницы будущаго, какъ бы онѣ ни были истомлены и ослаблены борьбой и побѣдой, онѣ получаютъ благодаря ей непосредственную возможность самоосуществленія для дальнѣйшаго строительства. Ихъ побѣда означаетъ устраненіе враждебныхъ имъ, т. е. враждебныхъ поступательному творческому движенію, препятствій; и потому развалины не столько загромождаютъ путь, сколько освобождаютъ его отъ труднѣе преодолимыхъ препятствій.

Хотя и усталыя, побѣдившія силы получаютъ свободу развертыванія и бросаются въ него, какъ потокъ, снесшій плотину, — стихійно безъ передышки. Строительство начинается и происходитъ незамѣтно, гдѣ и какъ, потому что побѣдило и торжествуетъ начало строительное. Даже усталые и изнеможенные чувствуютъ освобожденіе; новая жизнь предчувствуется, даже еще и не сказываясь. Мы же стоимъ въ безвыходномъ недоумѣніи на перепутьи нѣсколькихъ тупиковъ, и явнымъ образомъ ищемъ разрѣшенія — не въ продолженіи побѣднаго пути, а въ томъ, чтобы раздѣлать хоть часть содѣяннаго. Поразительно, что въ этомъ отношеніи сказывается глубокое внутреннее соотвѣтствіе между послѣдствіями великой европейской войны и глубокой всероссійской смуты, — и тамъ разрушеніе не даетъ ни освобожденія силъ, ни выхода, — а чистое разрушеніе, и тамъ оно приводитъ не къ возможностямъ новыхъ построеній изъ полученнаго, а къ необходимости раздѣлать сдѣланное, и тамъ — не движеніе впередъ, а возвращеніе вспять.

Выше уже пришлось говорить о передовомъ положеніи Германіи за послѣдній полувѣкъ. Я знаю, что не мало нѣмцевъ нынѣ въ общемъ упадкѣ пораженія готовы это отрицать или не усматривать; я знаю возраженіе, что Германія занималась и выдается преимущественно организаторскими способностями, систематическимъ развитіемъ тѣхъ идей, которыя въ своихъ творческихъ зачаткахъ зарождались въ геніальныхъ интуиціяхъ другихъ. Я не стану разсматривать этихъ рядовъ мыслей, ибо они не относятся къ существу настоящаго вопроса. Вѣрно ли это или невѣрно относительно личной геніальности, это нисколько не касается темы — о нѣмецкой государственно-культурной значимости, ибо въ послѣднемъ вопросѣ дѣло идетъ не объ индивидѣ, а о коллективѣ. И потому здѣсь существенно сравнивать не отдѣльныя индивидуальныя достиженія, а достиженія коллективныя. Для оцѣнки общаго уровня народа достаточно отмѣтить, что онъ вообще — въ какіе либо моменты, въ какихъ либо областяхъ — достигалъ вершинъ культурнаго творчества. Въ этомъ смыслѣ Гете, Кантъ, Бетховенъ, противопоставляемые современной Германіи — непротивопоставимы ей, а наоборотъ служатъ вмѣстѣ съ Бисмаркомъ или Гаусомъ, Люте-

ромъ или Лейбницемъ ключомъ къ ея уразумѣнію. Разъ гдѣ то достигнутъ максимумъ — этого достаточно для общаго признанія максимальности; остальное — пусть даже спаденіе въ тѣ или иныя эпохи, или слабость тѣхъ или иныхъ категорій — служитъ уже не оцѣнкѣ суммарной высоты, а характеристикѣ относительныхъ способностей и пониманію кривыхъ временнаго измѣненія. Но дѣло и не въ этомъ. Дѣло не въ способностяхъ народа, а въ его функціи въ данную эпоху. И слѣдовательно именно вопросъ не въ лицахъ, а въ коллективѣ, въ совмѣстной работѣ, а не въ индивидуальныхъ откровеніяхъ. Только объ этомъ — и уже во всякомъ случаѣ преимущественно объ этомъ — идетъ рѣчь, когда ставятъ вопросъ о творческой роли народа. И потому то, что данный народъ своимъ трудомъ выращиваетъ и духовные зародыши другихъ народовъ, — менѣе всего можетъ служить ему укоромъ; наоборотъ, быть можетъ больше всего другого это и подтверждаетъ его строительную — не только за себя, но и за другихъ — роль, если онъ не только свои собственные, но и чужіе задатки доводитъ до общезначимаго использованія и осуществленія. И именно эта роль выпала Германіи за послѣднія десятилѣтія, и именно эту роль играли въ былыя эпохи Англія или Франція. И эти двѣ страны не у однихъ себя черпали толчки и зерна своихъ достиженій; всякая великая культура неизбѣжно не только имѣетъ свои истоки у другихъ, но и безъ боязни изъ нихъ черпаетъ, не опасаясь тѣмъ потерять свое лицо. Она остается великой, поскольку почерпаемое отовсюду претворяетъ въ своемъ синтезѣ въ цѣнности, общезначимыя въ данную эпоху. И у Германіи были въ былыя эпохи геніальныя достиженія, и другія страны заимствовали таковыя у постороннихъ народовъ; и тѣмъ не менѣе въ эти былыя эпохи именно другія страны являлись тѣмъ тиглемъ, въ которомъ синтезировалось образцовое творчество эпохи, черезъ который основныя цѣнности должны были пройти, чтобы достичь своего рѣшающаго значенія. Было бы преувеличеніемъ сказать, что точно такую роль играла Германія въ послѣдніе полвѣка; слишкомъ общимъ стало къ этому времени то, что можетъ быть названо обще-европейскимъ характеромъ культуры; во многихъ областяхъ и Парижъ, и Лондонъ сохраняли свое былое значеніе. Было бы ни съ чѣмъ несообразнымъ утверждать, будто Германія вытѣснила или заслонила собой европейскую культуру, — да и не это смыслъ и задача творческаго народа въ его творящую эпоху. Достаточно того, что въ этой со-

вокупной европейской культурѣ — въ которой на ряду съ тремя главными частичными культурами неустанно работали, и воспринимая, и внося свою лепту, и меньшіе и малые народы, въ которую вливалась и Россія, въ руслѣ которой росла и Америка, — Германія во многихъ отношеніяхъ стояла впереди. Не то было бы существенно, чтобы она изъ себя создавала все самое новое, а то, что она на своей плавильнѣ претворяла свое и чужое въ формы для данной эпохи образцовыя, передовыя, что къ ней приходили учиться, и что она свою выработку и свой духовный законъ распространяла вокругъ себя. Германскому шовинизму могло бы хотѣться быть единственнымъ въ верховномъ культурномъ строительствѣ; германскому самолюбію можетъ быть непріятно, что изъ его творчества невытравимы геніальныя интуиціи другихъ народовъ и что, быть можетъ, даже въ его собственной работѣ неотдѣлимо сплетаются труды чужихъ по расѣ или по государственности людей. Патріотъ Европы остережется умалить долю творчества и соучастія другихъ; но онъ все же долженъ будетъ признать — что въ данномъ случаѣ только и существенно — что въ этомъ общемъ творчествѣ и работѣ германскій синтезъ давалъ во многомъ передовое, образцовое, общеевропейское.

И когда говорятъ, что этотъ синтезъ получался не путемъ творчества, а путемъ организаціи, — то этимъ противопоставленіемъ обнаруживаютъ замѣчательное недоразумѣніе. Ибо на самомъ дѣлѣ организація и есть основной путь творчества. Изобрѣтеніе или вообще обрѣтеніе новыхъ элементовъ есть явленіе чрезвычайно рѣдкое, можно сказать почти исключительное. Элементовъ во всякой области имѣется совершенно ничтожное число по сравненію съ бездной производимыхъ изъ нихъ цѣнностей, — производимыхъ не въ смыслѣ повторности экземпляра, а въ смыслѣ новаго созиданія. Мало того, элементы въ наибольшей части не создаются, не творятся; въ рѣдкихъ случаяхъ — они открываются; чаще всего они обрѣтаются, улавливаются, примѣчаются, случайно обнаруживаются. Основная масса человѣческаго творчества заключается — въ организовываніи, въ оформленіи ихъ въ новые и все новые, болѣе усложненные, или болѣе адекватные назначеніямъ синтезы. Организація есть согласованіе элементовъ или синтезовъ въ новые синтезы; она предполагаетъ, разумѣется, не одно сопоставленіе частей, не одно ихъ собираніе, а — сопоставленіе, собираніе сообразно схемѣ, которой и опредѣляется новый синтезъ, сооб-

разно его идеѣ. Громадное большинство идей культуры суть идеи ея синтезовъ, ея организовыванія; громаднѣйшее большинство достиженій культуры — осуществляется въ порядкѣ выработки новыхъ организаціонныхъ схемъ, новыхъ синтетическихъ идей; вѣрнѣе сказать — въ порядкѣ организовыванія сообразно новымъ (болѣе сложнымъ, адекватнымъ или эффективнымъ) схемамъ и формамъ; подавляющая часть культурнаго творчества — есть творчество организаціонныхъ схемъ и организованіе въ соотвѣтствіи съ ними.

Если основной процессъ культуры есть процессъ организовыванія, то, разумѣется, въ разныхъ областяхъ культуры онъ является организовываніемъ различнаго, разнаго матеріала и соотвѣтственно предполагаетъ разныя способности, особую интуицію или методы. Въ философіи организуется матеріалъ отвлеченныхъ мыслей или обобщенныхъ созерцаній; въ искусствѣ — матеріалъ образовъ, соотвѣтствующихъ данной области искусства, синтезируемый сообразно присущимъ ему схемамъ; въ математикѣ — организуется матеріалъ величинъ или комплексовъ, въ техникѣ — матеріалъ орудій или средственныхъ приспособленій; въ общественности — матеріалъ человѣческой дѣятельности. Организаціонный процессъ въ дѣятельности индивидуальной остается внѣ поля наблюденія, ибо во первыхъ, онъ происходитъ существеннымъ образомъ въ предѣлахъ личной психики и недоступенъ внѣшнему воспріятію, проявляясь лишь въ готовомъ результатѣ, а во вторыхъ онъ въ весьма значительной степени протекаетъ внѣ поля сознанія. Организаціонный процессъ коллектива, протекающій внѣ личности, въ соотношеніяхъ между личностями, въ ихъ совмѣстныхъ дѣятельностяхъ — хотя также можетъ протекать неосознаннымъ, но бросается въ глаза своей организованностью и организуемостью, когда онъ уже готовъ. Ибо въ этой своей организуемости онъ долженъ быть поддерживаемъ уже и сознательно. И кромѣ того, онъ на большемъ протяженіи подготавливается сознательно и осуществляется, какъ произвольно производимая дѣятельность. Отсюда организаціонный и организаторскій процессъ въ коллективномъ созиданіи естественно выдѣляется нагляднѣе нежели въ творчествѣ индивидуальномъ. Народъ въ коллективномъ своемъ дѣяніи болѣе созидательный и творческій будетъ проявляться и большими организаціонными способностями или дѣйствіями.

И наконецъ, если такъ обстоитъ дѣло вообще, по самому существу процесса созиданія, то сугубо такъ обстоитъ —

или вѣрнѣе сказать, особенно ярко это подчеркивается въ томъ грандіозномъ процессѣ творчества, которымъ опредѣляется характеръ новаго европейскаго міра. Въ настоящемъ мѣстѣ нѣтъ возможности полнѣе обосновать или хотя бы намѣтить обоснованіе того положенія, (къ которому прійдется вернуться еще ниже, см. Отд. IV, гл. III), что въ послѣдней своей основѣ ново-европейская культура, философія, наука, техника, общественность, искусство — въ отличіе отъ культуръ другихъ эпохъ основаны на идеѣ комплексности, изъ которой организаціонный принципъ вытекаетъ съ особенной непосредственностью[1]. Иначе это соотношеніе можно и такъ выразить, что именно потому ново-европейская культура и получила свой небывалый, а можетъ быть, и неповторимый размахъ, что она непосредственно обоснована тѣмъ самымъ двигательнымъ мотивомъ, который фактически и лежитъ въ основѣ всякаго вообще человѣческаго творчества. То, что въ другихъ культурахъ является лишь фактической пружиной созданія, но не имманентной основой созидаемаго, — здѣсь становится таковой; здѣсь впервые культура по своему содержанію воздвигается на той самой идеѣ, которая всегда и является закулисной пружиной всякаго культуросозиданія. И потому сказать про народъ, что онъ въ данную эпоху является наилучшимъ организаторомъ, и въ особенности сказать это въ нашу эпоху, только и значитъ, что признать его —передовымъ, культуроносным народомъ нашего времени.

Германія имѣла счастье — или то было несчастье — оказаться на томъ мѣстѣ современнаго человѣчества, на которомъ общая Западной Европѣ культура получила свое наиболѣе активное воплощеніе.

Неудивительно, что центральное наиболѣе выдающееся положеніе заняла Германія и въ военныхъ столкновеніяхъ. Въ дѣяніяхъ доблести и въ сверхчеловѣческомъ напряженіи войны не зачѣмъ противополагать одни народы другимъ; да и заранѣе ясно, что если бы максимумы доблести и напряженій были только на одной сторонѣ, то въ нихъ уже

[1] См. объ этомъ мою работу «Объектные мотивы философскихъ построеній» въ «Логосѣ» 1913 г. книга 3—4, главу о комплексномъ мотивѣ.

и не было бы большой необходимости, ибо — не встрѣчая равнозначнаго противодѣйствія — она оказалась бы неоспоримой побѣдительницей. Упорство и длительность борьбы уже и сами по себѣ обнаруживаютъ нѣкую равнозначность сторонъ. И въ частности среди Антанты не можетъ не внушать высокаго восхищенія упорная доблесть, твердая выдержка, блистательная борьба Франціи, подвергшейся смертельному натиску, и съ мужествомъ, въ которомъ духовное самообладаніе равнялось физическому самоотверженію, руководившей героическимъ сопротивленіемъ. Да и выдѣленіе ея изъ среды союзниковъ нисколько не предназначено стушевать и доблести иныхъ, а лишь подчеркнуть значительность ея дѣяній. Дѣло военныхъ рѣшить, кто изъ боровшихся противниковъ чаще достигалъ вершинъ стратегическаго искусства, гдѣ были наивысшія проявленія военнаго генія и военныхъ призваній. Но каково бы ни было сужденіе спеціалистовъ о спеціальныхъ дѣяніяхъ, есть еще иная точка зрѣнія и иное воспріятіе — не военныхъ доблестей въ военныхъ дѣяніяхъ, а проявленной на войнѣ доблести общенародной; не напряженія организованнаго разрушенія и умерщвленія, а напряженія всенароднаго созиданія, лежащаго въ основѣ воинскихъ усилій. И въ этомъ смыслѣ воображеніе всякаго созерцателя подавляется той безбрежной лавиной усилій, замысловъ, творчества и героизма, которая въ великой войнѣ была проявлена германскимъ народомъ.

Это не вопросъ спеціальной оцѣнки, спеціальнаго постиженія; это суммарное воспріятіе борьбы со всѣми народами міра, на всѣхъ концахъ Европы одновременно, борьбы на сушѣ, на моряхъ, подъ морями и въ воздухѣ; борьбы одиночныхъ героевъ, авіаторовъ, командировъ подводныхъ лодокъ или сказочныхъ каперовъ въ экзотическихъ моряхъ, усилія полководцевъ и рабочихъ, организаторовъ и желѣзнодорожниковъ, дѣяніе массъ, дисциплинированныхъ въ единое тѣло, и кучекъ, вкрапленныхъ въ чужія образованія; борьбы подъ Верденомъ и подъ Варшавой, подъ Бѣлградомъ и Константинополемъ, въ глубинѣ Африки и въ Сѣверномъ морѣ, въ Малой Азіи и въ Атлантическомъ океанѣ; борьбы оружіемъ и наукой, химіей и металлургіей, организаціей и личной инициативой, командованіемъ и подчиненіемъ, въ траншеяхъ и въ заводскихъ мастерскихъ; борьбы характеромъ и умомъ, мужествомъ и сообразительностью, находчивостью и систематичностью, энтузіазмомъ и разсчетомъ. Таковой была борьба Германіи съ многочисленнѣйшими на-

родами міра, снабженными всѣми богатствами нашего времени и свободой добывать богатства со всего міра; сочетавшими въ себѣ столь противоположныя и одинаково губительныя свойства, какъ британская неотпускающая твердая хватка и засасывающая россійская безкрайняя зыбкость, — борьба съ врагами, которые восполняли одинъ другого, между тѣмъ какъ ей приходилось восполнять своихъ союзниковъ.

Подобную эпопею едва-ли видѣлъ свѣтъ за все свое существованіе; величайшія дѣянія прошлаго блѣднѣютъ передъ напряженіемъ человѣческаго духа, непосильнымъ для народной души. Непосильно утомительнымъ становилось для созерцанія даже слѣдить за нимъ, непрерывно ожидать и переживать все новые удары, все новыя отбиванія, все новыя вздуванія одной и той же человѣческой матеріи. Можетъ быть, нѣкоторое частичное объясненіе злостнаго опорачиванія германскаго духа, произведеннаго литературой и мыслью враждебныхъ странъ, въ томъ и заключается, что надо было стать слѣпымъ къ германской доблести, чтобы передъ ней устоять.

Есть мѣра не только на доблесть единоличную и коллективную, есть мѣра даже на способность ея воспріятія. Германская борьба превзошла эту мѣру. Не съ точки зрѣнія конкретныхъ интересовъ конкретной страны, не съ точки зрѣнія конкретныхъ интересовъ человѣчества въ данную эпоху, а съ точки зрѣнія имманентной человѣческой цѣнности исчерпана была способность воспріятія исчерпавшей себя народной доблести. Для дальнѣйшаго уже мѣста не было, ибо дальше оставалось лишь одно повтореніе. И къ чему дальше устремляться бороться, жить: герою, взошедшему на вершину доблести, незачѣмъ повторять своихъ восхожденій, — ему некуда идти иначе, какъ въ святость или гибель. Геройскій актъ при неограниченномъ продолженіи претворяется въ литургію или трагедію: Парсифаль, Зигфридъ. Но народъ не можетъ стать святымъ — и потому онъ долженъ погибнуть. Бывали моменты войны, когда казалась побѣда Германіи близкой и неотвратимой, и все-же у наблюдателя сохранялось чувство ея обреченности. Германскій геній создалъ безсмертный похоронный маршъ, внушающій жажду быть героемъ, лишь бы подъ его звуки быть унесеннымъ на костеръ уничтоженія. Не патетическое выраженіе печали и жалобы, восторга и преклоненія, — онъ точно вылилъ само суровое вѣяніе рока въ прощальныхъ звукахъ, потрясающихъ человѣческія сердца. Германскій народъ свершилъ

дѣянія, достойныя похороннаго гимна Зигфриду. И звуки гимна становились внятны, когда, казалось, еще не ослабѣвали побѣдныя напряженія.

И стоитъ-ли не гибнуть, достигши вершинъ. Рѣчь не о живущихъ людяхъ, не о народѣ, какъ ихъ совокупности, не о культурѣ, какъ совокупности ихъ дѣяній и переживаній. Рѣчь о культурѣ и о дѣяніяхъ, какъ довлѣющихъ себѣ цѣнностяхъ. Почему культура должна существовать триста лѣтъ, а не сто; почему доблесть должна проявляться десять лѣтъ, а не два. Разъ проявленное, проявлено навѣки, разъ бывшее, было на вѣчность. Культура, какъ организація жизни, цѣнна въ своей жизненной значимости, — тѣмъ, что она есть. Культура, какъ совокупность наивысшихъ достигнутыхъ цѣнностей, достигнута разъ навсегда, — цѣнна, поскольку была. И доблесть, разъ проявленная на вершинѣ, не требуетъ повторенія и не имѣетъ продолженій. The rest is silence. Молчаніе окутаетъ и заглушитъ отчаяніе погибающихъ и скорбь остающихся. Забвеніе поглотитъ муки неосуществленности и излѣчитъ страданія — исчезновеніемъ. Туманы покроютъ живое и умирающее и только озаренныя вершины будутъ свѣтить изъ за нихъ будущимъ вѣкамъ.

Незачѣмъ печалиться о погибшемъ героѣ, ибо удѣлъ всѣхъ умереть, но удѣлъ лишь немногихъ — геройство. Незачѣмъ печалиться о недосовершенныхъ дѣяніяхъ, если и осуществленныя дали ихъ безспорную мѣру.

Неразрѣшаемое геройство идетъ къ гибели; но народъ въ сущности погибнуть не можетъ; онъ остается, и эта жизнь не можетъ быть простымъ продолженіемъ предшествующаго. Въ какомъ то смыслѣ народъ, какъ и человѣкъ послѣ глубинныхъ потрясеній, — замыкая свое прошлое въ нетлѣнную память духа, какъ свое неотъемлемое богатство и опору, начинаетъ новую жизнь. Человѣкъ для этого стремится измѣнить мѣстность, среду, профессію; народъ мѣняетъ свой укладъ. Послѣ великаго срыва жизнь продолжается, но въ новыхъ формахъ она должна уже быть и новой жизнью.

Показателенъ для несказаннаго напряженія характеръ того срыва, которымъ онъ закончился. Римъ побѣждалъ несмотря на пораженія. Германія побѣждена несмотря на по-

бѣды; побѣждена, усѣвшись на вражеской территоріи. Это и было не столько военное пораженіе, сколько органическій срывъ, своей органичностью и обнаруживающій всю нечеловѣчность предшествующихъ усилій. Можно подумать, что здѣсь сказалась преувеличенность германской научной систематичности; что люди разсчитали неизбѣжность своего пораженія, какъ расчитывали всѣ планы своихъ походовъ, и придя къ отрицательному заключенію покончили съ войной, какъ они раньше рѣшали и предпринимали любое свое наступленіе. Можетъ казаться — если это такъ — что въ этомъ была и роковая ошибка; быть можетъ даже безнадежное отступленіе, безвыходная борьба до послѣдней крайности, безразсчетная, безумная, безцѣльная — была бы все же цѣлесообразной, ибо ввела бы въ игру множество неизвѣстныхъ и невѣсомыхъ факторовъ: утомленіе, разногласіе, неувѣренность въ результатахъ у противника, нежеланіе лишнихъ потерь, внутреннее сопротивленіе. Въ такой безумной и безразсчетной, и все же разсчетливой въ своей аппеляціи ко всякимъ силамъ и слабостямъ противника, къ предѣльнымъ возможностямъ и случайностямъ — въ такомъ сокрушительномъ финалѣ была бы гармонія съ той рѣшительностью броска, который произвела Германія въ войнѣ; и пораженіе было бы, можетъ быть, и страшнѣе, но не гибельнѣе для страны. Во всякомъ случаѣ остается тотъ замѣчательный и знаменательный фактъ, ярко выясняющій смыслъ германскаго военнаго напряженія: оно въ такой мѣрѣ вздыбило всѣ силы, средства, способности народа, что не могло мѣняться, наростать или сокращаться. Оно могло быть или не быть; и поскольку оно было, оно было побѣдоносно, а поскольку перестало быть — разомъ рухнуло и погребло страну. Это былъ вопросъ синтетической духовности, цѣлостной государственности; здѣсь разыгрывалась не нѣкая военная исторія, — здѣсь исчерпывалась судьба нѣкоей государственной духовности. И потому несущественно было мѣсто, гдѣ разыгралась бы послѣдняя стадія борьбы. Суть была въ томъ, выдержитъ или не выдержитъ народъ; и онъ не выдержалъ. И потому до срыва онъ занималъ чужія земли, а послѣ — оказался лишеннымъ всякой сопротивляемости. Сила предѣльнаго торжествующаго напряженія сказалась въ немедленности упадка. Не о правотѣ или промахахъ, не объ умѣніи или ошибкахъ рѣчь — не о побѣдахъ надъ врагами или неудачахъ, и даже не о государственной цѣлесообраз-

ности. Рѣчь о внутреннемъ, о томъ неуклонномъ собираніи воедино своихъ силъ и возможностей, которое, оказавшись недостаточнымъ, изнутри обусловило паденіе.

На вершинѣ общеевропейскаго культурнаго и государственнаго движенія стояла Германія до войны; на вершинѣ усилій и достиженій стояла она во время войны. Тѣмъ глубже было ея пораженіе и пораженіе Европы. Не будь Германія такъ мощна, она не вела бы подобной борьбы со всѣмъ остальнымъ міромъ, не довела бы ея — а слѣдовательно и послѣдовавшаго разрушенія — до такого небывалаго максимума. Отъ того, что свыше мѣры было ея сопротивленіе, отъ того свыше нормы оказалась и разрушительность.

Разбитъ передовой и сильнѣйшій, сорванъ творческій процессъ. Какъ могло это случиться; должно ли было это случиться, — была ли въ этомъ трагическая діалектика современности или только роковая случайность.

---

2. ПРЕДОПРЕДѢЛЕННОСТЬ И ОТВѢТСТВЕННОСТЬ

Трагическая діалектика или роковая случайность. Но развѣ бываютъ въ исторіи случайности. Разъ произошло — не значитъ ли это, что были на то и достаточныя основанія, неустранимыя причины.

Если человѣкъ умеръ, были несомнѣнно достаточныя причины для его смерти, но она могла произойти отъ органическаго болѣзненнаго состоянія человѣка, отъ условій его жизни, отъ вліянія неподходящей среды, — или отъ того, что на него упала плохо прикрѣпленная балка. Въ первомъ случаѣ смерть человѣка была предустановлена въ основныхъ категоріяхъ его жизни; во второмъ, — была по отношенію къ нимъ случайностью. Только объ обоснованности въ этомъ смыслѣ можетъ здѣсь идти рѣчь. Конечно, если взять всю хаотическую совокупность разрозненныхъ явленій въ ихъ соотвѣтственныхъ причинахъ и слѣдствіяхъ, то можно сказать, что совокупность явленій современности, обусловлена совокупностями явленій предшествующихъ эпохъ — такъ,

что каждая конкретность настоящаго обусловлена какими либо конкретностями предшествующаго времени. Но если говорить не о хаосѣ жизненныхъ дифференціаловъ, а выдѣлять изъ него нѣкіе ихъ интегралы, въ данномъ случаѣ государственную судьбу, то можетъ быть законнымъ поставить вопросъ о томъ, была ли таковая предопредѣлена въ предыдущемъ бытіи государства; или въ его прошломъ — въ данномъ случаѣ въ прошломъ Германіи и Европы — еще не было предзаложено случившееся, и оно произошло благодаря сплетенію независимыхъ судебъ, благодаря вторженію въ нихъ изъ хаося явленій — не связанныхъ съ ними причинныхъ цѣпей, и въ этомъ смыслѣ по отношенію къ разсматриваемой судьбѣ — случайно.

И другое. Стоитъ ли вообще послѣ свершенія ставить вопросъ объ обоснованности совершившагося. Не заслуживаетъ ли такая постановка ироническаго отвѣта: Da kommt ein Philosoph herein und sagt, es müsst' so sein. Но во первыхъ, и въ совершившемся стоитъ разбираться, хотя бы для того, чтобы попытаться усмотрѣть еще только имѣющее совершиться, — а вѣдь и это иной разъ удается «философамъ». Во вторыхъ, даже, если они лишь послѣ дѣла объясняютъ его неизбѣжность, то и здѣсь еще остается для творческой мысли большая задача — выявить, въ чемъ именно она заключалась. Конечно, нѣтъ ничего назойливѣе простого возведенія факта къ необходимости. Но если возведеніе происходитъ адэкватно дѣйствительности, то этимъ вѣдь впервые обнаруживается ея смыслъ.

И наконецъ третье. Постановка вопроса еще не означаетъ положительнаго на него отвѣта. И поиски неизбѣжности могутъ оказаться имѣющими ту цѣнность, что приводятъ къ сомнѣнію въ ней или даже къ ея отрицанію. Я не задаюсь цѣлью отвѣтить на эти вопросы, достаточно ихъ поставить.

Была ли обречена на военное крушеніе передовая страна современнаго — недавняго культурнаго міра.

Ближайшее разсмотрѣніе вопроса приводитъ къ его расчлененію. Должна ли была Германія потерпѣть крушеніе на

войнѣ, такъ именно сложившейся (въ смыслѣ распредѣленія сторонъ); должна ли была война такъ (въ этомъ отношеніи) сложиться; была ли вообще неизбѣжна война.

Беря войну сложившейся съ смыслѣ распредѣленія сторонъ такъ, какъ она сложилась, можно ли считать предустановленнымъ пораженіе Германіи. Война сложилась такъ, что Германія была во главѣ европейской коалиціи, являясь единственной подлинной творчески — культурной, мощной державой въ ней — противъ коалиціи всѣхъ остальныхъ европейскихъ и внѣевропейскихъ державъ. Европейская коалиція противъ коалиціи европейско-міровой; одна великая держава противъ союза всѣхъ другихъ. Собственно такъ поставить вопросъ уже значитъ на него и отвѣтить.

И дѣйствительно непосредственное чувство во время войны такой отвѣтъ и подсказывало. Первые дни, когда къ Россіи и Франція присоединилась еще и Англія — не охватило ли всѣхъ ощущеніе рока: Англія и Россія какъ совмѣстные противники. Впослѣдствіи могло оказаться, что съ Россіей было легче справиться, чѣмъ съ Франціей; душой сопротивленія, руководительницей и вмѣстѣ съ тѣмъ главнымъ орудіемъ была именно Франція. И все же въ томъ первоначальномъ чувствѣ, что Германіи не справиться съ сочетаніемъ Россіи и Англіи — была нѣкая сверхъэмпирическая правда. Неопредѣленно всасывающая безкрайняя податливость и непреодолѣваемость Россіи и цѣпкая упорно неподдающаяся энергія Англіи — непреодолимымъ было именно это сочетаніе противоположностей. Нельзя приспособлять единую борьбу къ противникамъ, столь противоположнымъ; нельзя одновременно считаться съ совмѣстными столь противоположными опасностями: быть всосаннымъ и раздробленнымъ; съ задачами — подорвать и не утонуть. Длительное приспособленіе къ столь противоположному едва ли вмѣщаемо въ единую систему борьбы.

Бывали періоды, когда извнѣ, — по крайней мѣрѣ не спеціальному глазу — побѣда Германіи стала казаться неминуемой. Можетъ быть, дѣйствительно бывала она чрезвычайно близка — такъ часто совершала Германія невѣроятное и вызволяла своихъ союзниковъ изъ тягчайшихъ бѣдъ, обнаруживала силы, когда казалась истощенной, выходила съ торжествомъ изъ положенія, которое казалось вело къ ея уничтоженію; столько разъ in höchster Not находила выходъ и даже торжество, что стала казаться непобѣдимой. Но ни-

когда — кромѣ, можетъ быть, самаго начала войны — не казалась германская побѣда просто возможной; всегда она представлялась таковой лишь въ силу и въ связи со сверхчеловѣческимъ напряженіемъ. Поэтому кажется правильнымъ сказать, что если бы даже Германія побѣдила, — все же въ общихъ линіяхъ того распредѣленія силъ, по которымъ сложилась война — лежала предопредѣленность ея пораженія.

Но неизбѣжно ли было то самое распредѣленіе силъ, при которомъ Германія со своими спутниками имѣла противъ себя всѣ державы Европы и внѣ Европы.

Въ экстенсивномъ напряженіи своего творчества Германія стремилась къ имперіализму — одновременно съ Америкой и Японіей послѣ Англіи и Россіи. Это было дѣломъ Германіи, какъ отдѣльной страны, но это вмѣстѣ съ тѣмъ было и дѣломъ Европы. За вторую половину 19 вѣка совершилось то колоссальное измѣненіе въ міровыхъ отношеніяхъ, о которомъ теперь уже такъ много писали. Раньше активнымъ міромъ была Европа, остальная часть земного шара была лишь ея объектомъ. Міровыми силами были силы европейскія, между ними шла борьба, соревнованіе, союзъ и вражда. Международными отношеніями были отношенія внутри-европейскія. Международныя нити протягивались по лицу лишь европейскаго материка. Къ концу 19 вѣка выросли и выступили на международную арену Америка и Японія, выступили, но еще окончательнаго мѣста своего на ней не опредѣлили. Только результаты войны, разгромившей Европу, закрѣпили за ними ихъ вновь добытое мѣсто. Но до войны при всей ихъ признанной и проявленной всесторонней созидательной мощи, онѣ еще только располагались занять положеніе не на ряду каждая со всей Европой, а каждая на ряду — съ каждой отдѣльной европейской страной. Англія постепенно оріентировалась на внѣевропейскій міръ, какъ бы постепенно отрываясь отъ традицій своей колыбели. Россія, легко достигшая имперской формы, еще не выработала культурно государственнаго содержанія надлежащей интенсивности и распространенности; именно эту задачу ей предстояло осуществить въ полной противоположности Германіи, которая имѣла чрезвычайно насыщенное содержаніе,

не вмѣщавшееся въ слишкомъ тѣсныя рамки, — и обѣ потерпѣли крушеніе на этомъ несоотвѣтствіи. Но и помимо того, Россія только одной ногой и географически и идейно была въ Европѣ, въ западничествѣ, другой ногой въ Сѣверной Азіи, въ Византіи, въ татарствѣ.

Міръ становился инымъ. Система центровъ — Лондонъ, Парижъ, Берлинъ, Петербургъ, уже отступавшая Вѣна и еще только нароставшій Римъ, — перераспредѣлялась въ новыя группировки: Лондонъ, Нью-Іоркъ, Токіо, Петербургъ, Берлинъ. Изъ европейскихъ, чисто-европейскихъ государствъ, какъ преемникъ, наслѣдникъ и продолжатель европейской культурной мощи — одна Германія могла занять мѣсто въ этомъ новомъ міровомъ распредѣленіи. И Германія, занявъ въ немъ мѣсто, была бы и Европой, занявшей въ немъ мѣсто, ибо помимо того, что она сама по себѣ представляла сильнѣйшее передовое государство Европы, къ ней тяготѣла и Австрія; цѣлый рядъ малыхъ, но глубоко культурныхъ богатыхъ, сѣверныхъ европейскихъ государствъ естественно — безъ союзовъ и безъ поглощенія — находились въ ея орбитѣ; и наконецъ и Италія въ этой міровой плоскости уживалась съ нею безъ какихъ либо точекъ столкновенія. И потому имперіализмъ въ Германіи былъ объективно имперіализмомъ Европы, былъ формой перехода Европы въ новую плоскость океанической системы державъ. Если бы процессъ этого перехода развился органически, то конечно, Европа все же сошла бы со своей прежней позиціи единственной значащей части міра; но культурно она осталась бы на своей высотѣ, непрерывность ея традиціи продолжалась бы или претворялась бы лишь постепенно. Мы тогда имѣли бы — чисто европейскій міровой имперіализмъ въ лицѣ Германіи; создавшійся въ Европѣ, ею пропитанный и лишь постепенно отъ нея отходящій имперіализмъ Англіи; полуевропейскій имперіализмъ Россіи и Европой созданный отъ нея отпочковавшійся имперіализмъ Америки; и лишь на Дальнемъ Востокѣ самобытный, но и то на Европу оріентирующійся имперіализмъ Японіи. Европа переставала быть единственной, но оставалась культурно-опредѣляющей.

Германія сознательно становилась имперіалистической, но что въ этомъ зарождался имперіализмъ Европы, кажется, не дошло до сознанія и не опредѣляло поведенія. Германія осуществляла обще-европейскую задачу съ самосознаніемъ внутри - европейской державы — въ плоскости внутри - евро-

пейскихъ соревнованій; въ одномъ силовомъ полѣ она осуществляла задачи другого силового поля, опредѣлялась отношеніями одного круга для рѣшенія задачъ другого. Война своимъ рѣзкимъ разрывомъ, превративъ въ обломки нагроможденіе историческихъ построекъ, уяснила и выявила ихъ основной чертежъ.

Чисто европейская держава должна была стать міровой. Для этого были у нея данныя, силы и стремленія; это былъ и завѣтъ европейскаго прошлаго міровому будущему. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Германія — внутри-европейская страна — тысячью нитей связана съ традиціями европейской вѣковой исторіи; расположена не въ одномъ только географическомъ смыслѣ — въ осиномъ гнѣздѣ перекрещивающихся вліяній, притязаній, счетовъ. Сравните съ этимъ ростъ американской державы на безграничныхъ просторахъ вдали отъ какихъ либо традицій; распространеніе Россіи на такихъ же безкрайнихъ просторахъ, въ которыхъ на тысячахъ верстъ не встрѣтишь противодѣйствія; былой ростъ Англіи среди безпомощныхъ первобытныхъ людей. Кругомъ Германіи или занятыя уже территоріи, рынки, объекты, или уже готовыя претензіи народовъ, раньше пришедшихъ или ближе живущихъ. И наконецъ у самаго перехода отсюда туда, — изъ Европы въ міръ — стоитъ Англія, этотъ путь уже продѣлавшая и по интересамъ и традиціи туда никого изъ Европы не пускающая.

Трудно было бы утверждать, чтобы чрезвычайно сложная, но все же объективно обоснованная, задача Германіи была фактически неосуществимой. Пожалуй, можно себѣ представить даже различные пути ея разрѣшенія. Либо консолидація положенія въ Европѣ, чтобы въ ней исключить сопротивленіе для дальнѣйшаго пути въ міръ. Или, оставивъ эту священную землю, унавоженную трудомъ, творчествомъ, героизмомъ вѣковъ — закрѣплять опредѣленную группу вліяній и связей міровыхъ. Но здѣсь то и попадаешь подъ ударъ Англіи, во всякомъ случаѣ въ сферу ея воздѣйствія. Такъ осуществленіе Германіей задачи европейскаго имперіализма (впрочемъ въ качествѣ таковой вовсе и не осознанной) вызывало противъ нея и противодѣйствіе европейскихъ державъ и державъ міровыхъ, вызывало европейски-міровую коалицію. Въ этомъ былъ трагизмъ не только Германіи, въ этомъ былъ трагизмъ и Европы.

И все же нельзя утверждать, чтобы эта трудность была непревзойдимой, ибо фактически не были произведены тѣ усилія, неудача которыхъ только и могла служить тому доказательствомъ. И если задача была въ томъ, чтобы изъ множества представлявшихся возможностей выбрать одну, устранивъ такимъ образомъ опасности, сопряженныя съ остальными, — то въ предвоенной исторіи Германіи поражаетъ противоположное: одновременное блужданіе по всевозможнымъ путямъ и слѣдовательно одновременный вызовъ противъ себя всевозможныхъ сопротивленій. Тутъ и Китай, и Африка, и Турція, столкновенія съ Англіей и Франціей, вызовъ желтому міру, отчужденіе отъ Россіи. Впечатлѣніе такое, что въ сознаніи своей мощи государство кидается сразу во всѣ стороны, нигдѣ ни въ чемъ не ограничивая себя и тѣмъ всѣхъ противъ себя возстановляя.

Вѣроятно въ этомъ сказалась самоувѣренность могучихъ силъ въ ощущеніи своего біенія незамѣчающихъ неизмѣримости задачъ. Такова уже имманентная опасность бурнаго роста; но повидимому къ этому присоединялась и исторически случайная возбудимость тѣхъ лицъ, которые Германіей руководили.

Руководящій государственный кругъ Германіи въ своей многоустремленности — отражалъ общій народный процессъ роста вмѣсто того, чтобы имъ руководить. Какая то женственность, впечатляемая рефлекторность наблюдается въ его поведеніи. Кажется правильнымъ сказать, что германское верховное руководительство вѣрно чувствовало и отображало основныя устремленія и задачи германскаго народа. Но оно къ нимъ не привносило своего, того, что привнести лежитъ на обязанности руководительства. То самое, что для народа является правильнымъ, здоровымъ проявленіемъ и показателемъ творческой мощи, то для его руководителей является слабостью и недостаткомъ. Творческій народъ въ пароксизмѣ своего творчества естественно отличается экспансивностью, всѣмъ интересуется, во всѣ стороны кидается, многое зачинаетъ и пробуетъ. Ибо народъ — это единство, но единство множества, множества связаннаго, но не скованнаго; и именно сила и мощь творческаго порыва предполагаетъ и даже опредѣляется множествомъ — частью обреченныхъ на безплодіе или неудачу — индивидуальныхъ частичныхъ пытаній и зачинаній. Задача власти привнесть начало сдерживающее, ограничивающее, сосредоточивающее, направляющее. Бываютъ геніальные люди, на все способные и за все беру-

щіеся, именно потому гибнущіе въ безплодіи, что нѣтъ въ нихъ ограничивающаго, отказывающагося и сосредоточивающаго аппарата, который, направляя геніальное творчество на опредѣленныя задачи, путемъ жертвъ остальными возможностями, создаетъ великое. Тоже и въ государствѣ. Въ томъ великое значеніе власти, что поддерживая, культивируя, изъ многаго, предоставляемаго народнымъ творчествомъ, — одно, она кое чему даетъ заглохнуть, кое что оставляетъ на произволъ случайности, даже затрудняетъ появленіе, можетъ быть, и цѣннаго, но зато, выдѣляя главное, содѣйствуетъ его достиженію. Этого ограничивающаго и сосредоточивающаго руководительства было незамѣтно въ дѣятельности германскихъ верховъ. И потому то, что для народа въ его производящей множественности является творческимъ богатствомъ и разносторонностью — у единой руководящей власти оказывается торопливостью и суетой; и то, что у народа есть мужественное преодолѣніе, у руководящей власти становится возбудимостью и кажется подчасъ капризомъ. Вопреки благонамѣренному воззрѣнію, что нѣмецкій народъ былъ мирно и скромно настроенъ, а агрессивнымъ было его правительство, слѣдуетъ сказать, что агрессивенъ былъ германскій народъ своимъ всестороннимъ многообразнымъ творчествомъ, предпріимчивостью и активностью, а пассивно воспріимчивой и передающей безъ претворенія, и слѣд. лишь во внѣ агрессивной, была его власть. Не было въ жизни одного поколѣнія достаточной емкости, чтобы вмѣстить и разрѣшить всѣ поставленныя задачи, а онѣ были подхвачены, какъ бы для разрѣшенія на протяженіи одной человѣческой жизни. Правда условія времени требовали чрезвычайной спѣшности. Можетъ быть, размѣстить задачу на рядъ поколѣній значило проиграть игру. Но не значило ли это опять таки, что задача была взята въ невозможномъ масштабѣ. И потому думается, не можетъ быть данъ опредѣленный отвѣтъ, была ли самая задача, какъ она объективно была поставлена передъ германскимъ народомъ, передъ Европой, передъ культурой — объективно же безнадежно обреченной на неудачу, или при несомнѣнной трудности ея — она все же могла быть осуществлена властью, творчески выдержанной и активно осторожной, которая сумѣла бы устранять препятствія и лучше подготовить свою среду. И если это дѣйствительно такъ, то несказанна отвѣтственность, которая падаетъ на руководителей, отвѣтственность передъ Германіей, ростъ которой оказался сорваннымъ, передъ европейской культурой, рѣшающая задача ко-

торой оказалась проигранной, — отвѣтственность передъ надорваннымъ міромъ и загубленнымъ поколѣніемъ.

Мы подошли къ третьему изъ намѣченныхъ вопросовъ: была ли самая война неизбѣжной. Излюбленный какъ пацифистами, такъ и прокурорами побѣдоносной войны вопросъ этотъ ставится чаще всего въ плоскости вмѣненія. Онъ могъ бы быть и независимо отъ того поставленъ въ плоскости исторической причинности.

Безспорно, что не будь, напримѣръ, вовсе Германіи — не было бы и этой войны; или будь она маленькой, спокойно живущей, мало развивающейся страной — войны бы тоже не было, и слѣдовательно въ этомъ смыслѣ ясно, что причина войны заключается въ мощномъ ростѣ и развитіи Германіи. Конечно, съ другой стороны можно сказать: не будь Англіи, или будь Англія скромной и благодушной страной, привѣтствующей появленіе всякой новой державы на міровомъ поприщѣ, — этой войны тоже не было бы. Она въ одинаковой степени была вызвана возрастаніемъ германскаго государства изъ внутри-европейскаго въ міровое, какъ и нежеланіемъ допустить такой ростъ, какъ со стороны другихъ только европейскихъ народовъ, такъ и со стороны другихъ народовъ, уже міровыхъ.

Въ этомъ смыслѣ, если виновна Германія, то вина здѣсь не на правительствѣ, не на юнкерствѣ, не на милитаризмѣ, а на самомъ германскомъ народѣ; и вина не въ милитаризмѣ, а въ творчествѣ, въ ростѣ и созиданіи. Если это вина, то Германія виновата. Можно, конечно, сказать, что виноваты тѣ кто не хотѣлъ уступать своихъ завоеванныхъ ранѣе позицій завоевательному напору германской дѣятельности и культуры. Одна формулировка стоитъ другой. У однихъ вина въ творчествѣ и дѣятельности, у другихъ — въ сохраненіи завоеванныхъ или созданныхъ ранѣе благъ; у однихъ въ томъ, что они своей работой вытѣсняли, у другихъ въ томъ, что они не соглашались быть вытѣсненными. Воля каждаго выбрать, что онъ считаетъ недопустимымъ, или въ чемъ видитъ смягчающія вину обстоятельства, или что онъ и вовсе виной не считаетъ. Безспорно священна самозащита, хотя бы она приводила къ гибели, ибо все существующее предъявляетъ право на свое дальнѣйшее существованіе; но трудно не со-

чувствовать творчеству и созиданію, хотя бы оно вытѣсняло уже созданное и установленное другими. Ибо носителемъ не только будущаго, но и настоящаго, является именно оно; ибо безъ него ничего нѣтъ, не было бы и того, что сейчасъ отстаивается; ибо нѣтъ того законнаго Навина, который обоснованно могъ бы сказать солнцу человѣческой энергіи — остановись; ибо оно есть послѣднее оправданіе и смыслъ самаго существованія человѣческаго — а слѣдовательно и смерти. И именно потому, что самозаконны оба, потому и неизбѣжны и трагически безвинны ихъ столкновенія.

Но немыслимо ли преодолѣніе и вырѣшеніе споровъ между творчествомъ и самосохраненіемъ — мирное, безъ пролитія крови, безъ массовыхъ смертей и физическихъ страданій — безъ войны.

Присмотримся къ фактамъ. Едва ли бывалъ когда либо случай, чтобы государство переходило съ одного уровня на другой, высшій — безъ силового утвержденія себя на этомъ новомъ уровнѣ. Еще недавно Японія утвердила свою нынѣшнюю великодержавность въ рядѣ войнъ; Америка, выраставшая въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ удаленности и независимости, къ тому же безспорно по традиціямъ, убѣжденіямъ и, можетъ быть, инстинктамъ настроенная глубоко антимилитарно, свой выходъ на міровую державную арену ознаменовала войной съ Испаніей. Англія рядомъ войнъ закрѣпляла свое державное положеніе, и рядомъ войнъ озиаменовывали на протяженіи 19 вѣка Германія и Италія послѣдовательныя стадіи своего роста. Общимъ образомъ можно сказать: государство устанавливаетъ свой новый государственный status неизмѣнно силовымъ путемъ. Задача соціологіи отвѣтить на вопросъ, почему это такъ, и слѣдовательно поднять вопросъ, мыслимо-ли, чтобы стало иначе. Но до сихъ поръ это было такъ, и потому незачѣмъ притворяться, будто въ данномъ случаѣ просто могло быть иначе Можно надѣяться, что когда либо безъ силового утвержденія будутъ разрѣшаться конфликты. Пусть люди уже сейчасъ добросовѣстно ставятъ подобныя задачи, стремясь къ ихъ выясненію. Но возможность добросовѣстно ставить этотъ вопросъ по отношенію уже къ прошлому или настоящему — да еще въ порядкѣ виновности — мнѣ представляется просто исключенной. Думать, что въ 1914 году уже были данныя для разрѣшенія подобныхъ проблемъ безъ войны, когда въ 1905 году и во всѣ предшествовавшіе годы объ

этомъ не было и помину, — просто непозволительно. И потому вообще заниматься выясненіемъ того, почему силовымъ путемъ устанавливается державное перераспредѣленіе, возможно, какъ возможно заняться всякимъ теоретическимъ вопросомъ; но конкретно исходить изъ отрицанія этого пути при разсмотрѣніи великой европейской войны, или японо-русской, или испано-американской, или какой бы то ни было другой державно-знаменательной войны прошлаго — представляется методомъ слишкомъ мало плодотворнымъ. Что великій конфликтъ державнаго перераспредѣленія разразился въ такой моментъ, а не въ другой, въ такой, а не въ другой конъюнктурѣ — въ этомъ можетъ быть личная вина, ибо это можетъ быть сводимо къ конкретно-выдѣлимымъ дѣяніямъ; что вообще силовымъ путемъ разрѣшаются конфликты державнаго перераспредѣленія — въ этомъ личной вины не бываетъ.

Вовсе этимъ я не хочу сказать, чтобы не слѣдовало государственнымъ людямъ и народамъ производить всевозможныя усилія во избѣжаніе войны или хотя бы для ея отсрочки или смягченія. Я только утверждаю, что въ современномъ мірѣ подобныя усилія, даже умѣлыя и добросовѣстныя, никоимъ образомъ не могутъ предполагаться обезпеченными успѣхомъ. И потому исходить — при установленіи вины и вмѣненія — изъ предположенія, что сохраненіе мира есть нѣчто естественное, а переходъ къ войнѣ предполагаетъ преступно на то направленную волю, значитъ ставить на голову подлинное соотношеніе вещей. Въ частности, болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы безъ войны могъ обойтись ростъ германской культуры и государственности; но вполнѣ допустимо, что онъ могъ бы обойтись безъ этой войны.

3. ВОСТАНОВЛЕНІЕ

I. Средняя Европа

Разгромлена Европа войной, разгромлена Европа миромъ. Каковы бы ни были причины — что же съ ней будетъ дальше? Будетъ ли дальнѣйшее лишь реализаціей занесеннаго удара, медленной смертью уже переставшаго нормально жить ор-

ганизма. Или еще есть возможность спасенія и продолженія творческой жизни. О прежнемъ положеніи говорить не приходится; тотъ томъ міровой исторіи законченъ и можетъ быть поставленъ на полку къ другимъ томамъ отошедшихъ въ прошлое эпохъ, но остаются вѣдь жить люди, остаются жить народы, живутъ культуры. И остается вопросъ, каковы же возможности для новой Европы, для Европы уже только какъ частичной міровой силы, какъ одного изъ факторовъ человѣчества.

Германія до войны стояла во главѣ европейскаго движенія; на ея долю выпало осуществлять очередную міровую европейскую задачу; ея историческое движеніе было поэтому прогрессивно и идеи его — идеями творческими. Въ центрѣ войны, ея судебъ и усилій стояла Германія, какъ носительница будущаго противъ охранительства прошлаго, какъ индивидуально наиболѣе могучая противъ превышавшаго ее союза всѣхъ, какъ Европа противъ міра. И соотвѣтственно — паденіе Германіи обнаружилось, какъ паденіе Европы. Естественно, что и въ центрѣ возстановленія Европы, хотя бы въ томъ частичномъ смыслѣ, о которомъ шла выше рѣчь, — становится возстановленіе Германіи. И не только въ томъ смыслѣ связано съ возстановленіемъ материка возстановленіе Германіи, что она сама по себѣ является наиболѣе многочисленнымъ — послѣ Россіи — его народомъ, что съ ея платежами связалось будущее Франціи, что съ ея производительностью, емкостью, валютой, связана производительность и емкость другихъ, и. т. п. Но и глубже. Европа, обезкровленная, безъ посторонней помощи возстановиться не можетъ. Но посторонняя помощь — есть и постороннее руководство и въ томъ или иномъ смыслѣ господство. Возстановиться въ самодовлѣніи она можетъ только сосредоточеніемъ около нѣкоторой внутренней силы, внутренняго центра. Англія уже стала для нея центромъ внѣшнимъ, Россія надолго выведена изъ строя, Франція рокомъ своей исторіи обречена руководящее положеніе оплачивать подавленіемъ Европы. Безспорная страна будущаго — Италія, но она все же слишкомъ исчерпывающе оріентирована на частичный средиземно-морской бассейнъ и лишена нѣкоторыхъ основъ міровой державности. У другихъ странъ порознь — нѣтъ достаточной массы и человѣческой, и матеріальной, и духовной; сближенія между ними одними, конечно, вполнѣ возможны, но они и географически, и культурно останутся частичными сближеніями — Скандинавскихъ странъ отдѣльно взятыхъ, или юго-

средне-европейскихъ тоже взятыхъ отдѣльно. Уже самое географическое положеніе приводитъ къ тому, что линіи дальнѣйшаго движенія этихъ группъ или отдѣльныхъ ихъ членовъ между собой — скрещиваются на территоріи Германіи; и къ тому же ведутъ и культурныя особенности и отношенія. Мало внутренней связи и близости — между Латвіей и Чехіей, Литвой и Швейцаріей и даже Швейцаріей и Швеціей; но всѣ эти, да и другія страны, какими либо своими сторонами — не только географически, но и духовно-экономически — примыкаютъ къ Германіи. Тысячи нитей сосѣдства, вѣковой исторической близости, хозяйственнаго сожительства связываютъ съ отдѣльными частями Германіи эти географически примыкающіе къ ней съ разныхъ сторонъ народы. Одни, какъ Швейцарія, Австрія связаны съ ней языковымъ и племеннымъ родствомъ; и племеннымъ же, хотя и болѣе отдаленнымъ родствомъ связаны съ ней скандинавскіе народы; въ средѣ другихъ — Чехіи и Польши — живутъ ея соплеменники въ большомъ числѣ; даже и какъ будто враждебные ей народы — чехи, латыши — въ концѣ концовъ прошли многовѣковую общую историческую выучку въ значительной степени именно въ школѣ германской. Пока вопросъ стоялъ о внутри-европейскихъ силахъ и соревнованіяхъ — центральное положеніе не могло имѣть того значенія и даже, наоборотъ, положеніе периферическое, близость къ океану, легкость сношенія и использованія заморскихъ богатствъ могли играть рѣшающую роль. Центральное положеніе только увеличивало давленіе со всѣхъ сторонъ и отсѣкало источники обогащенія и внѣшняго господства. Но когда вопросъ зашелъ о собираніи Европы, то здѣсь именно это центральное положеніе получаетъ опредѣляющій вѣсъ, — и быть можетъ, именно въ этомъ и заключалось одно изъ основаній (хотя и не единственное), почему осуществлять задачу европейскаго имперіализма выпало на долю именно Германіи. Имперіализмъ въ Европѣ могла создавать и Франція, имперіализмъ Европы можетъ создать одна только Германія.

Въ нѣкоторомъ отношеніи можно сказать, что теперешнее ослабленное положеніе Германіи даже можетъ содѣйствовать болѣе легкому и полному закрѣпленію связей съ сосѣдями. Былая военная мощь Германіи заставляла малыя страны оставаться насторожѣ, въ опасливомъ отгораживаніи. Сейчасъ Германія въ военномъ отношеніи не опасна ни для кого. Мало того, Германія нуждается въ помощи, и эту помощь — съ вы-

годой для себя легко могутъ ей оказывать иные богатые, насыщенные культурой сосѣди, — Голландія, Швейцарія; другія наоборотъ нуждаются въ ней для своего закрѣпленія. И только черезъ ея посредство и посредничество могутъ въ одну систему собираться столь глубоко различные по культурному уровню народы, изъ которыхъ иные стоятъ на уровнѣ высшихъ германскихъ составныхъ честей, а другіе — ниже наименѣе культурныхъ провницій. Гамбургъ также родственъ Роттердаму, или Любекъ — Мальме, какъ баварскіе Альпы близки Тиролю или Зальцбургу; какъ неразличимо переходитъ одинъ въ другой Баденъ и Базель; Саксонія родная сестра нѣмецкой Богеміи, Восточная Пруссія издавна находилась въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ сѣверо-западной Россіей, связанная общими рѣками; одинаково — балтійскіе порты Кенигсбергъ и Рига, Данцигъ и Либава; Бреславль, несмотря на государственное расхожденіе, сохранитъ близость къ Познани. Такъ къ различнымъ федеративнымъ частямъ Германіи, единой въ своей разнохарактерности, примыкаютъ порознь различныя сосѣднія страны, въ ней находя соединительное географически духовное звено.

Тяга и шансы такого сближенія и совмѣстной работы нисколько не заключаются въ чемъ либо похожемъ на военныя предпріятія или планы, на вооруженіе, или наступленіе; для него не нужна даже и особенная дипломатическая или политическая подготовка, хотя, конечно, таковая можетъ облегчать или закрѣплять достиженія. Тяга заключается въ элементарной жизни, въ простѣйшихъ экономическихъ отношеніяхъ, въ повседневнокультурныхъ интересахъ, — и тѣмъ труднѣе ей помѣшать. Чтобы ей воспрепятствовать, необходимо у каждаго предпріятія поставить сторожа и около каждаго народа завести сложную дипломатическую сѣть; помѣшать можно — въ сущности говоря, только держа все и всѣхъ въ развалинахъ и подавленности. И, значитъ, снова встаетъ альтернатива: либо Европа въ искусственно удерживаемыхъ развалинахъ, либо сплетеніе средне-европейской близости около и въ связи съ Германіей.

Различныя силы естественно могутъ способствовать такой неудержимо стихійной концентраціи; всѣ онѣ совпадаютъ въ понятіи жизненныхъ потребностей заинтересованныхъ странъ.

Страны малой культуры совершенно естественно устремятся воспользоваться резервуаромъ культуры и производительности, заключеннымъ въ Германіи. Въ нѣкоторыхъ изъ вновь образовавшихся въ средней Европѣ государствъ можетъ сложиться даже и вопреки путямъ ихъ образованія тяга къ тому, чтобы найти опору въ сближеніи съ Германіей. Самая наличность нѣмецкаго населенія въ странахъ новообразованныхъ можетъ послужить основой — не взаимныхъ притѣсненій, а сближенія этихъ государствъ съ комплексомъ государствъ германскихъ.

Было бы для Германіи ложной политикой — задаться цѣлью всѣхъ нѣмцевъ объединить, выдѣлить въ одно государство. Національный вопросъ, какъ вопросъ культуры и администраціи, сравнительно не трудно удовлетворительно разрѣшить въ маленькой Европѣ и безъ территоріально государственныхъ передѣловъ, — когда взоры будутъ направлены на болѣе далекія задачи; а для задачъ сближенія наличность нѣмцевъ въ составѣ сосѣднихъ странъ можетъ лишь служить сближающимъ моментомъ. Она можетъ политически нисколько не быть опасной для самихъ этихъ государствъ, поскольку устанавливается согласный modus vivendi. Эта наличность можетъ культурно быть нисколько не опасной для нѣмецкаго меньшинства въ силу — сосѣдства культурно-значительной германской массы: и во всякомъ случаѣ всякія національныя опасности могутъ безъ труда быть устранены путемъ встрѣчныхъ соглашеній; и наконецъ и для общеевропейскаго имперіализма такая національная черезполосица можетъ оказаться даже выгодной. Нѣмецкій черезполосный элементъ можетъ явиться естественнымъ посредствующимъ звеномъ между своей государственной и своей культурной родиной, и тѣмъ послужить сближенію въ одну общую сферу этихъ (точнѣе — нѣкоторыхъ изъ этихъ) государствъ въ общій средне европейскій комплексъ.

Въ другихъ малыхъ — искони самостоятельныхъ, глубоко культурныхъ — народахъ, примыкающихъ къ Германіи, имѣются — или во всякомъ случаѣ могутъ обнаружиться стимулы новаго обще-европейскаго возстановленія. Эти малыя государства — въ первую голову поставлю Голландію, но сюда же относятся и Швейцарія и скандинавскія страны — насыщенныя богатствомъ и культурой, старинные резервуары, а въ не малой степени и творцы европеизма (опять таки на первую очередь поставлю Голландію) и всегда его неизмѣнные подлинные носители — потеряли нынѣ всякія основанія для

опасенія какихъ либо злыхъ умысловъ со стороны Германіи. Безспорно, здѣсь Германія и найдетъ опору для своего хозяйственнаго возстановленія. Но, можетъ быть, именно на почвѣ уничтоженныхъ политическихъ опасеній здѣсь возможнымъ окажется и иное сближеніе, — культурное, хозяйственное; сближеніе, пожалуй, даже международнаго типа, хотя бы и не формальное. Можетъ быть въ этихъ малыхъ резервуарахъ европеизма проснется передъ угрозой — и кто знаетъ, не передъ рокомъ ли — окончательнаго погасанія европейскій патріотизмъ, у нихъ болѣе европейскій, чѣмъ у какого либо изъ крупнѣйшихъ народовъ. У тѣхъ европейство неизбѣжно окрашивается германствомъ, англосаксонствомъ, франкогалльствомъ, даже итальянствомъ; но у Голландіи — голландская культура не можетъ заслонить или замѣнить западноевропейской. Мы вѣдь знаемъ, какъ обманчива и даже облыжна видимость матеріальнаго благополучія и мирной удовлетворенности. Бываютъ великія теченія, охватывающія народы, изъ какихъ то глубинъ подымающія ихъ на призывы и велѣнія судьбы и бросающія на великія игры, въ которыхъ созидаются кульминаціонныя точки человѣческой жизни. Для этого не требуется сознательныхъ рѣшеній; для этого — въ данномъ случаѣ — не требуется и военныхъ тяготѣній; больше чѣмъ когда либо, это вопросъ простѣйшаго дѣланія не однихъ государствъ, а и народа, отдѣльныхъ слоевъ, отдѣльныхъ группъ и даже лицъ. И эти теченія сказываются не въ какой либо планомѣрной политикѣ народовъ и парламента, а въ массовыхъ дѣйствіяхъ, въ широкихъ устремленіяхъ и симпатіяхъ, въ логикѣ конкретныхъ государственныхъ проявленій. Можетъ быть ходъ событій создастъ въ этихъ малыхъ странахъ новую дѣйственную, неистраченную и полную духовной мощи опору для послѣдняго самоотстаиванія и подъема Европы, для послѣдняго ея возгоранія. Такое развитіе придастъ безспорно средней Европѣ новый видъ, новое распредѣленіе центровъ и перестановку ихъ вѣса, но въ корнѣ не измѣнитъ того существа новой Европы, которое центръ ея тяжести расположилъ въ сѣверо-центральной ея части.

И наконецъ въ самой Германіи имѣются условія, благопріятствующія возстановленію путемъ трудовыхъ усилій и производительныхъ напряженій; а именно, — помимо ея трудовой и творческой мощи и упорной жажды жить — то, что она объективно *не нуждается въ реваншѣ* за военное пораженіе,

а въ одномъ лишь возстановленіи. Она должна покрыть и возмѣстить себѣ не войну, а только результаты войны.

Въ самомъ дѣлѣ бываетъ такъ, что самая война настолько глубоко проявляетъ народную несостоятельность даннаго періода народной жизни, что народъ не въ силахъ подняться въ чужомъ и своемъ собственномъ самосознаніи, въ своемъ моральномъ самоощущеніи — не возмѣстивъ безчестія проигранной войны, не загладивъ пораженія честью новой побѣды. Конечно, и безъ новыхъ войнъ и побѣдъ можетъ быть возстановлено народное самосознаніе — доблестью мирнаго строительства и культурныхъ успѣховъ; но это путь долгій, трудно уловимый въ безспорности своихъ достиженій, медлительно разсасывающій ядъ пораженія.

Ничего подобнаго нѣтъ въ случаѣ съ Германіей. Война, закончившаяся пораженіемъ, въ своемъ протеченіи была по рѣдкому исключенію настолько побѣдоносной, въ такой мѣрѣ проявила доблесть и исключительныя качества, что останется въ исторіи страницей славы побѣжденнаго. И потому ни объективно, ни субъективно Германіи не требуется для возстановленія своего моральнаго равновѣсія и нормальнаго историческаго самочувствія — реваншнаго успѣха. Да, впрочемъ нѣтъ и подлиннаго объекта для реванша: побѣдитель — коалиція, разсѣянная по всѣмъ материкамъ — растаялъ вмѣстѣ съ побѣдой, и нѣкоторые его важнѣйшіе составные элементы въ такой мѣрѣ оказываются лишенными враждебности и одіозности для Германіи, что о реваншѣ по отношенію къ нимъ и вообще никакой рѣчи быть не можетъ. Было бы неправдой скрывать отъ себя, что послѣвоенное обращеніе съ Германіей, безпорно оскорбляя страну тысячью мелкихъ уколовъ и крупныхъ ударовъ, выводитъ изъ этого положенія, внушая чувство нарастающей обиды. Но это уже вопросъ послѣдующаго времени; сама война поставила вопросъ не реванша, а возстановленія.

II. Еврейство

Но есть силы и интересы, которые дѣйствуютъ въ томъ же направленіи помимо средне-европейскаго состава государствъ. Быть можетъ, покажется страннымъ, если въ этомъ отношеніи я сопоставлю столь различныя величины, какъ еврейство и Россію.

Своеобразна въ тысячелѣтіяхъ судьба еврейскаго народа. Длительность его существованія обусловливается, конечно частью внутренними духовными его свойствами, но частью и внѣшними соотношеніями съ народами окружающими. Во всякомъ случаѣ періоды расцвѣта и упадка всецѣло опредѣляются той государственно культурной средой, сквозь которую въ данный отрѣзокъ своей исторіи проходилъ еврейскій народъ. И общимъ образомъ можно сказать, что въ тѣ эпохи расцвѣтала еврейская жизнь, которыя общимъ тономъ своимъ были конгеніальны еврейской духовности или соотносительны съ ней, нуждаясь въ ней, какъ въ своемъ дополненіи; и только въ тѣхъ государственныхъ рамкахъ расцвѣталъ еврейскій народъ, которыя отвѣчали его соціальному и духовному строенію. На протяженіи вѣковъ бывали періоды еврейскаго расцвѣта, сравнительно болѣе короткіе, и сравнительно болѣе длинные періоды еврейскаго упадка, въ продолженіе которыхъ однако накапливались различныя отрицательныя и положительныя свойства, находившія свое проявленіе въ дни расцвѣта. Здѣсь не мѣсто по содержанію уяснять духовныя и соціальныя особенности, коими опредѣляется возможность расцвѣта въ чужой культурѣ и въ чужой государственности[1]. Отмѣчу здѣсь существенныя для нашего разсмотрѣнія черты.

Во первыхъ, какъ народъ не только разсѣянія, но выработавшійся и выработавшій въ разсѣяніи свою духовность, преимущественно городской жизни, своеобразно самобытный, но вмѣстѣ съ тѣмъ соціально незамкнутый, не включающій въ себя исчерпывающихъ соціальныхъ функцій — еврейство можетъ процвѣтать, какъ своеобразный коллективъ только въ морѣ широкаго имперіализма. Мелкая государственность его дробитъ, онъ сохраняетъ свою массу только въ государственности крупной, имперіалистической; а масса имѣетъ для него сугубое значеніе, ибо онъ лишенъ другихъ сцѣпляющихъ началъ — территоріи и политической организованности. Обширность территоріи и связанность съ ней разнородныхъ населеній имѣетъ для него еще и то значеніе, что при сочетаніи въ одной имперіи многихъ вѣръ и національностей онъ легче и, пожалуй, единственно имѣетъ шансы сохранить свою вѣру и свою національность не въ конфликтѣ и про-

---

[1] Въ другихъ мѣстахъ мнѣ приходилось дѣлать соотвѣтствующія попытки: «Отрывки объ изученіи еврейства» въ Еврейской Библіотекѣ, т. X и др.

тивопоставленіи, а въ сочетаніи съ государственнымъ укладомъ, въ согласованности съ имперской структурой, какъ ея нормальную составную часть. Обширность государственной среды имѣетъ для него и еще другое значеніе, открывая возможности для развертыванія его спеціально городскихъ и даже крупно городскихъ торговыхъ и интеллигентскихъ функцій — создавая поприще для его своеобразно кочевой, двигательно-напряженной, активно-экспансивной природы. Въ мелкомъ государствѣ еврейство обречено либо обезличиться, поглощенное господствующимъ населеніемъ, либо противостоитъ ему, какъ механически чуждое, инородное, неперевариМое тѣло. То, что въ многонаселенной, многонаціональной и многовѣрной имперіи является естественнымъ или во всякомъ случаѣ пріемлемымъ, становится тамъ аномаліей и болѣзненностью. Скованность тѣсными границами, а въ ихъ предѣлахъ городской жизнью, отрѣзаетъ благія производительныя возможности своеобразно еврейской разсѣянной связанности и сковываетъ положительныя стороны ихъ активности. Поэтому еврейство и расцвѣтало въ эпохи имперіализма, играло въ нихъ значительную роль, было обычной ихъ опорой или даже зиждительной силой; такъ въ разныхъ степеняхъ обстояло дѣло и въ Римской имперіи, и въ арабскомъ калифатѣ, въ имперіи Каролинговъ, и въ современной Европѣ.

Есть и второй моментъ на ряду съ этимъ (къ которому ниже еще прійдется вернуться въ другой связи) — это моментъ духовной активности, волевой напряженности, въ послѣднемъ своемъ корнѣ, опирающійся на неизмѣнную устремленность пустыннаго кочевья на зарѣ народной жизни и городскаго разсѣянія на всемъ ея протяженіи. Бываютъ эпохи органической законченности жизни, ея пригнанности въ уравновѣшенныя рамки; бываютъ эпохи строительства безъ устали и ограниченія, устремленія въ даль и въ высь, все опрокидывающаго или все побѣждающаго напора. Эти послѣднія эпохи особенно конгеніальны съ духомъ еврейства и въ эти эпохи еврейская работа особенно естественно и безпрепятственно укладывается въ общее стремленіе вѣка. Таковыми были эпоха арабская и ново-европейская; и въ обѣ — еврейство играло особенно видную роль, крѣпко спаявъ свою работу съ работой и устремленіями вѣка, сохраняя, однако, свою самость въ общемъ строительствѣ.

И наконецъ третья черта, выработавшаяся въ еврействѣ, какъ въ народѣ въ общемъ преслѣдуемомъ, но вмѣстѣ съ

тѣмъ представляющемъ нѣкій, хотя и не замкнутый, духовный коллективъ, который въ себѣ включаетъ всѣ духовныя функціи народа, — это система идей и чувствъ преодолѣнія угнетенности. Во всякомъ народѣ главная его масса можетъ оказаться въ состояніи подавленности. Но даже когда эти такъ угнетенныя массы составляютъ въ духовномъ смыслѣ одно цѣлое съ другими частями народа, онѣ не вырабатываютъ своей особой идеологіи, системы чувствъ и учрежденій, соотвѣтствующихъ состоянію угнетенности и борьбѣ съ угнетенностью. Наоборотъ идеологія, общая духовность, вырабатываемая народомъ въ его высшихъ и среднихъ слояхъ, обыкновенно соотвѣтствуетъ положенію, точкѣ зрѣнія и чувствамъ господствующихъ круговъ, или во всякомъ случаѣ положенію народа въ его цѣломъ; соотвѣтствуетъ положенію его въ мірѣ среди другихъ народовъ, въ природѣ или — его внутреннему состоянію. То же, конечно, имѣетъ мѣсто и въ народѣ еврейскомъ. Но онъ обычно находился цѣликомъ въ положеніи въ общемъ безправнаго или неравноправнаго, угнетаемаго или угрожаемаго угнетеніями; и потому и духовность его, чувства, соціальныя убѣжденія вырабатывались при рѣшающемъ участіи духовныхъ и соціальныхъ верховъ, но соотвѣтствовали совокупному положенію народа, положенію общей угнетенности и притѣсненности. Къ тому же при этомъ угнетенность есть состояніе пассивное, обреченное; притѣсняемые обречены на исчезновеніе или на ниспаденіе въ безотвѣтственные низы, на болѣе или менѣе соціально-объектное, а не соціально-субъектное состояніе. Наоборотъ еврейство, какъ группа притѣсняемая, но вмѣстѣ съ тѣмъ не неизбѣжная въ строеніи общества (какъ неизбѣжны, напримѣръ, соціальные «низы») могло бы исчезнуть, если бы она была чисто пассивной, претерпѣвающей. Разъ она сохранялась, ясно, что она вмѣстѣ съ тѣмъ проявляла непрерывиую историческую активность, непрерывное противленіе (и вѣроятно встрѣтила для того достаточно благопріятныя внутреннія или внѣшнія основанія); она не только была въ положеніи претерпѣвающей, но и въ положеніи преодолѣвающей угнетеніе, — борющейся или уклоняющейся, но во всякомъ случаѣ преодолѣвающей. Отсюда новое сближеніе съ современной Европой, демократической, протестующей, борющейся противъ угнетенія массъ; съ новой Европой, въ которой въ силу распространенія образованія и повышенія благосостоянія — сами массы перешли отъ положенія униженности къ его преодолѣнію. И

поразительно въ какой мѣрѣ рядъ идей и учрежденій современнаго демократическаго общества имѣютъ своихъ предтечъ въ еврейскомъ обществѣ былыхъ вѣковъ, взятомъ какъ цѣлое (хотя и оно въ своей собственной средѣ включало господствующихъ и подвластныхъ, подчиняющихся и подчиненныхъ). Оно выработало чувство переживанія угнетенія и вмѣстѣ съ тѣмъ напряженія его преодолѣть — во всемъ томъ, что это заключаетъ одновременно и дурного и хорошаго: одновременно и въ системѣ чувствъ приниженности и забитости, но и чувствъ борьбы и напора; одновременно въ системѣ притязаній, на что, не имѣя, чувствуешь свое право, претензій, обидъ, чувствъ вызова и протеста, солидарности въ страданіи и гуманности. Здѣсь не мѣсто обстоятельно развернуть различныя перекрещивающіяся послѣдствія, вытекающія изъ этой исходной точки. Достаточно напомнить, какой громадной струей влился еврейскій субстратъ въ процессъ европейской демократической, либеральной и соціалистической борьбы, въ процессъ подъема низовъ и революціи [1]. Можно по разному оцѣнивать это участіе въ европейской жизни; до губительнаго катаклизма послѣднихъ лѣтъ естественно было оцѣнивать это участіе преимущественно въ его положительномъ значеніи; послѣ совершившихся нынѣ разгромовъ, столь же естественно преувеличивать и отрицательную сторону. Я здѣсь ни въ малѣйшей мѣрѣ не занимаюсь обвиненіемъ или апологетикой, а исключительно только установленіемъ фактическихъ зависимостей. И въ этомъ смыслѣ существенно уяснить, что и въ этомъ отношеніи еврейство оказалось созвучнымъ глубинному процессу — одному изъ рѣшающихъ процессовъ, происходившихъ въ современномъ европейскомъ обществѣ. Это не было разложеніемъ европейскаго общества со стороны еврейства, какъ думаютъ многіе; это было участіе въ одномъ изъ рѣшающихъ процессовъ, происходившихъ въ самомъ этомъ обществѣ — въ процессѣ подъема низовъ; и если здѣсь было разложеніе, то это было его саморазложеніемъ.

Вѣками выработанной стихіей еврейства было обусловлено его участіе въ жизни современной Европы; въ этомъ и находитъ свое объясненіе совмѣстность того, что кажется противоположнымъ и взаимно противорѣчивымъ: одновременно

[1] Въ вышеупомянутой статьѣ сдѣлана попытка выяснить изъ тѣхъ же предпосылокъ, почему еврейство, принявшее столь большое участіе въ процессѣ демократическомъ и соціалистическомъ, осталось въ общемъ чуждымъ анархизму.

міровового торговаго организаторства, участія въ высшихъ формахъ крупно-городского хозяйства (финансовый капиталъ), имперіализма (напр., въ лицѣ Дизраэли) и демократической борьбы (напр. у Лассаля), иногда своеобразно сочетающихся и въ личности, и въ содержаніяхъ.

Можно сочувствовать этимъ особенностямъ или ихъ отвергать, можно ихъ благословлять или проклинать; но надо ихъ признать, и надо признать и понять, почему и какъ еврейство глубочайшими своими особенностями вложилось въ ново-европейскую культуру; не въ культуру Западной Европы, какъ она складывалась со временъ готики, и не въ ту ея стадію, которая складывалась со временъ Возрожденія, а именно въ тотъ послѣдній ея отрывокъ, который, зачатый еще въ 18 вѣкѣ, собственнаго расцвѣта своего достигъ лишь къ концу 19 в., въ культуру ново-европейскую въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Здѣсь дѣло отнюдь не только въ томъ, что освобожденное или постепенно допущенное къ свободѣ, къ гражданственности и къ просвѣщенію еврейство влило свои личныя силы въ общее дѣло европеизма. Конечно, есть и и это; есть и то, что самое освобожденіе и пріобщеніе къ европеизму проявляло внутреннее ихъ сродство. Но главное здѣсь въ томъ, что въ рѣшающихъ своихъ чертахъ ново-европейская культура оказалась конгеніальной съ основными пружинами еврейской души, съ основными тяготѣніями еврейской стихіи, съ основнымъ чертежомъ еврейской общественности, какъ онъ былъ выработанъ въ прошлые вѣка; и вливаясь въ нее, еврейство — себя осуществляя — осуществляло и ея заданія и ея тяготѣнія: напряженный (едва ли не бѣшеный) натискъ волевого строительства, имперіализмъ, всемірно-городскую культуру, демократическій разливъ. И именно поэтому — отнюдь не только, какъ это обыкновенно говорится, въ силу личной даровитости, напористости, наглости, или энергіи — еврейство сыграло свою большую роль въ наше время; оно оказалось однимъ изъ его предустановленныхъ носителей и воплотителей. Наведенная долгими вѣками пружина было спущена либерализмомъ эпохи, двигавшейся въ направленіи дѣйствія этой пружины. Вліяніе еврейства въ послѣднія десятилѣтія бросалось въ глаза наблюдателю; теоретики и романисты, соціологи и публицисты посвятили ему не мало вниманія. Какъ всякое дѣйствіе, въ особенности столь напористое, вызываетъ противодѣйствіе, такъ и еврейское участіе въ ново-европейской культурѣ вызвало рѣзкій отпоръ; и именно черезъ этотъ отпоръ антисемитизма оно

стало нагляднѣе раньше, чѣмъ черезъ признаніе. Но факты остаются; дѣйствительно глубокое значеніе имѣло въ ней еврейство, невытравимое ни въ дурномъ, ни въ хорошемъ.

Такъ глубочайшимъ образомъ оказалось еврейство связаннымъ съ Европой. Такъ безспорно съ паденіемъ Европы грозитъ новый упадокъ еврейству. Конечно, въ настоящее время оно сосредоточено не въ одной Европѣ; какъ уже неоднократно бывало въ его исторіи, оно переливается съ одного материка на другой. Какъ когда то переносились центры тяжести еврейскаго творчества и еврейскихъ массъ изъ Вавилона въ Испанію, изъ Александріи и Рима въ священную Германскую имперію, такъ и на нашихъ глазахъ гонимыя безправіемъ переливались эти массы путемъ эмиграціи изъ Россіи, гдѣ онѣ были сосредоточены, въ Сѣверо-американскіе Соединенные Штаты, — можно сказать изъ Европы въ Америку, ибо въ Европѣ еврейство въ качествѣ массъ сосредоточено было въ одной только ея восточной части. И въ довоенное время уже образовалось два главныхъ массива еврейства, причемъ и численно и культурно преобладалъ восточно-европейскій; но въ смыслѣ благосостоянія, свободной подвижности и вліянія выросталъ на первую очередь американскій, по своему происхожденію и родственнымъ связямъ тѣсно съ тѣмъ связанный. Въ другихъ странахъ евреи въ качествѣ народнаго коллектива собственно и не могутъ быть разсматриваемы.

Великая война и ея непосредственныя послѣдствія нанесли тягчайшій ударъ восточно-европейскому еврейству. Самая война на восточномъ германскомъ фронтѣ непрерывно проходила по территоріи, населенной евреями, и бѣдствія войны и военныхъ мѣръ эвакуаціи бѣженства открыли печальную страницу новѣйшей еврейской исторіи. Какъ извѣстно, мѣры притѣсненія — какъ матеріальнаго, такъ и моральнаго — падали на еврейство съ особой тягостью, и волны еврейскихъ бѣженцевъ уже тогда разбредались по русской землѣ. Второй тяжкій ударъ, постигшій восточно-европейскихъ евреевъ, заключался въ разслоеніи на рядъ не только самостоятельныхъ, но и враждебныхъ государствъ, въ установленіи множества границъ и рогатокъ на территоріяхъ, составлявшихъ единый хозяйственный организмъ. Еврейская масса оказалась разбитой на осколки и если даже въ правовомъ отношеніи стало лучше, — въ хозяйственномъ и національномъ они оказались ослабленными и поставленными подъ множество угрозъ. Третій ударъ, нанесенный европейскому еврейству,

заключался въ русской смутѣ и установленіи большевистскаго режима. Невнимательному взору можетъ казаться, что большевистскій режимъ — въ силу безспорно большого числа евреевъ, принимающихъ участіе въ его властномъ и административномъ аппаратѣ — долженъ быть особенно благопріятнымъ еврейству. Здѣсь не мѣсто выяснять сколько нибудь обстоятельно подлинныхъ отношеній; достаточно общимъ образомъ сказать, что еврейская масса (и отнюдь не только бѣднѣйшая), какъ принадлежащая въ значительной своей части къ буржуазнымъ слоямъ, должна была неизбѣжно существеннѣйшимъ образомъ пострадать отъ режима, направленнаго на уничтоженіе буржуазіи; какъ масса городская должна была существеннѣйшимъ образомъ пострадать отъ строя, въ которомъ въ первую голову стали отмирать города. И если въ правительственный аппаратъ умѣстилось не малое количество лицъ изъ еврейскаго мѣщанства, то во всякомъ случаѣ главнѣйшая масса туда укрыться не могла. Далекая отъ деревни, куда спасалось русское городское населеніе, она опускалась и погибала. И даже когда вновь станетъ возстанавливаться въ Россіи буржуазное хозяйство, оно, конечно, можетъ дать снова поприще для работы исконнаго еврейскаго городского населенія, но возстанавливаемое на низкомъ и нездоровомъ уровнѣ, оно угрожаетъ — быть можетъ, на ряду съ обогащеніемъ отдѣльныхъ круговъ еврейства — нездоровымъ и низкимъ уровнемъ жизни остальныхъ. И наконецъ, принявъ значительное участіе въ процессѣ восточно-европейской смуты — въ силу разныхъ основаній, въ частности и въ силу той революціонной тяги, о которой выше шла рѣчь, — еврейство черезъ свою революціонную часть связало себя въ представленіи окружающихъ съ потрясшими Россію революціями. А такъ какъ эти революціи, вытекшія изъ войны и знаменовавшія развалъ, — сутъ явленія упадка и развала Европы, то получился такой пародаксальный, но вмѣстѣ съ тѣмъ логически обусловленный результатъ: народъ, особенно тѣсно связанный съ западно-европейской культурой и гражданственностью, съ велико-державностью, съ буржуазнымъ строемъ и просвѣщеніемъ, всѣмъ имъ обязанный и много имъ посодѣйствовавшій, оказывается какъ бы отвѣтственнымъ, во всякомъ случаѣ скомпрометированнымъ противобуржуазнымъ и противогосударственнымъ распадомъ.

Какъ еврейство усиленно участвовало въ современной культурѣ и подъемѣ, какъ его постигъ жестокій ударъ совмѣстно

съ ударомъ, постигшимъ Европу, — такъ только съ возстановленіемъ Европы можетъ оправиться и еврейство. Среди европейскихъ развалинъ оно обречено на захирѣніе и умираніе. Конечно, это еще не означаетъ конца еврейскаго народа. Можетъ быть — какъ это уже и бывало въ его исторіи — конецъ европейскаго еврейства совпадаетъ съ ростомъ новаго еврейства американскаго. Какъ бы то ни было, судьба европейскаго еврейства тѣснѣйшимъ образомъ связана съ судьбой возстановленія Европы. Въ Европѣ разрушенной или хирѣющей — все еврейство опустится на ту ступень униженія, оскудѣнія и забитости, на которой нѣкогда находилось еврейство въ Польшѣ во времена захирѣнія этой страны.

Изъ этихъ соображеній ясно вытекаетъ параллелизмъ связи германскаго возрожденія съ возрожденіемъ Европы и связи еврейскаго возстановленія съ возрожденіемъ Европы. Но эта близость идетъ и дальше. Сосредоточенное преимущественно на востокѣ Европы, еврейство, конечно, ближайшимъ образомъ связано съ возстановленіемъ гражданственности и производительности въ предѣлахъ восточной Европы — въ предѣлахъ Россіи. Вѣроятно, русскимъ антисемитамъ покажется странной та мысль — которую впрочемъ обстоятельно я не имѣю возможности здѣсь развить — что судьба еврейства находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ возстановленія великодержавства, культуры и гражданственности Россіи. Или возстановленіе Россіи, или гибель европейскаго еврейства. Отчасти черезъ возстановленіе Россіи, но въ нѣкоторой степени и непосредственно связывается еврейская судьба и съ судьбой германской. Ибо, если воскресшей Европы не будетъ внѣ воскресенія Германіи, или даже въ частности, безъ укрѣпленія всего сближающагося комплекса средне-европейскихъ странъ, то воскресеніе Германіи невозможно внѣ возстановленія Европы и слѣдовательно внѣ возстановленія ея разрушенныхъ государствъ. Умиротвореніе, возстановленіе державности, хозяйственнаго процвѣтанія, торговыхъ сношеній, мирной гражданственности — установленіе имперской тональности въ международно-міровомъ размахѣ — это предполагаетъ содружное возстановленіе прежде всего и Россіи, и Германіи. Для темы настоящаго отрывка достаточно установить, что въ этомъ процессѣ значительная роль предустановлена уже по географическимъ, но и по соціально-экономическимъ и культурнымъ основаніямъ — именно еврейству. Географически оно разселено

какъ разъ въ промежуточныхъ между Россіей и Германіей странахъ, имѣетъ въ предѣлахъ Россіи немалую массу и въ предѣлахъ Германіи не ничтожные круги. Къ тому же теченіе войны и смуты такъ перебросило и перетасовало это населеніе, что близкія родственныя лица и семьи оказываются разсѣянными по всѣмъ странамъ, — это создаетъ массу, своими непосредственными связями родственности, близости, знакомства и быта непрерывно связывающую Германію съ Россіей и съ промежуточными государствами. Чисто бытовымъ образомъ ея жизнедѣятельность создаетъ — и въ будущемъ создастъ еще въ большей степени — непрерывную цѣпь сношеній, сближеній личныхъ и дѣловыхъ — непрерывный мостъ между этими берегами. Къ тому же въ этой массѣ, помимо ея личной внутренней связи, есть и знаніе окружающихъ народовъ, психологіи, быта и хозяйства. Еврей изъ Нижняго Новгорода, заброшенный въ Гамбургъ, имѣющій брата въ Ковно, родственника жены въ Бессарабіи или Одессѣ и младшаго брата въ Константинополѣ или Бѣлградѣ — такова бытовая схема этихъ отношеній.

Сами русскіе находятся въ подобномъ-же положеніи. Но во первыхъ они не имѣютъ мѣстныхъ большихъ круговъ въ промежуточныхъ странахъ, во вторыхъ, и помимо географіи, евреи въ значительной части по своему соціальному составу даютъ подходящій городской человѣческій матеріалъ, включая въ свой составъ на ряду съ интеллигенціей обширные слои посредниковъ, купцовъ, предпринимателей. Въ массѣ своей они благодаря еврейскому языку — способны объясняться, хотя бы и съ грѣхомъ пополамъ по нѣмецки, знаютъ и русскій языкъ, а частично и языки промежуточныхъ странъ. Словомъ, въ чисто хозяйственно-бытовомъ отношеніи эта масса — предназначенная протянуть или содѣйствовать укрѣпленію тысячи возстановительныхъ нитей между Средней и Восточной Европой. Интеллигенція, выросшая въ Россіи и нынѣ живущая въ Германіи, а частично и въ другихъ европейскихъ странахъ, послужитъ естественнымъ духовнымъ соединительнымъ звеномъ. Если правильно говорятъ, что изъ всѣхъ европейскихъ народовъ одни нѣмцы способны работать въ Россіи и что безъ нѣмцевъ невозможна совмѣстная работа Россіи съ Европой, то столь же правильно сказать, — что какъ нѣмцы для западной Европы по отношенію къ Россіи, такъ и евреи составляютъ естественную промежуточную среду между Россіей и средней Европой. И къ этому надо прибавить, что эта промежу-

точная среда будетъ тѣмъ болѣе подходящей, что пришедшее изъ Россіи духовно съ ней связанное множество евреевъ стремится къ ней и вернется не какъ въ чуждую, а какъ въ родную страну. И вмѣстѣ съ тѣмъ, ища въ восточно-европейскомъ хаосѣ опоры въ силахъ твердой государственности и культуры, они безспорно будутъ оріентироваться, какъ на государственность россійскую, такъ и на нѣмецкую экономику. Можетъ быть, нѣкоторую дополнительную роль въ возстановленіи Европы — именно по путямъ германо-русскаго сближенія — можетъ сыграть и американское еврейство (подобно американскимъ нѣмцамъ), въ значительной части сохраняющее съ русскими евреями бытовыя родственныя связи и вмѣстѣ съ тѣмъ пользующееся вліяніемъ въ Америкѣ. Роль Америки въ дѣлѣ возстановленія Европы можетъ въ этихъ людяхъ найти и опору и двигательную силу.

Я отнюдь не хотѣлъ предшествующимъ сказать, что такъ именно и будетъ. Я только хотѣлъ указать, что такъ можетъ быть, что имѣются силы и тяготѣнія, толкающія въ эту сторону. Многое можетъ этому препятствовать. И глубоко развивающійся и распространяющійся антисемитизмъ, какъ въ Россіи, такъ и въ Германіи; и глубокая аберрація еврейской политической интеллигенціи въ поразительно рѣзкомъ противорѣчіи съ подлинными интересами и укладомъ своего народа, глубоко проникнутой идеями соціализма (при яркой буржуазности еврейства) и узкаго націонализма (при безспорной имперской тягѣ еврейства). И все же думается — не въ этомъ рѣшающій моментъ. Если еврейство и не сумѣетъ выдвинуть здоровую интеллигенцію на смѣну запутавшейся въ господствовавшихъ лозунгахъ, если слѣпая эмоція антисемитизма и преодолѣетъ и начала гражданственности, и чувство культуры, — то процессъ этотъ все же пойдетъ, хотя бы въ уродливыхъ безыдейныхъ формахъ; пойдетъ силой стихійнаго бытового интереса. Суть въ другомъ — пойдетъ ли вообще неразрывный процессъ оздоровленія и возстановленія Европы, Германіи, Россіи. Съ нимъ возстановится, и безъ него погибнетъ европейское еврейство — полнѣе, чѣмъ другіе народы.

III. Россія

Послѣдній анализъ затронулъ отношенія Россіи къ проблемѣ возстановленія Европы и къ проблемѣ возстановленія Германіи. На протяженіи этой книги я сознательно оставлялъ въ сторонѣ русскій вопросъ, — потому что это сама по себѣ громадная многообразная проблема, которая требуетъ самостоятельнаго анализа не только историческаго и культурнаго ея смысла, но въ частности и современнаго положенія, т. е. анализа великой смуты и ея результатовъ. И потому и здѣсь, чтобы не подымать этого сложнаго комплекса, о которомъ приходится говорить въ другихъ мѣстахъ, лишь вкратцѣ отмѣчу существо вопроса въ затронутомъ отношеніи.

Необходимость возстановленія Россіи для общеевропейскаго возстановленія — ясна всѣмъ; однако разныя страны по разному подходятъ къ этой единой задачѣ. Прежде всего въ отличіе отъ самой Россіи — для рѣшающихъ державъ современнаго міра — время терпитъ, они были заняты бездной другихъ дѣлъ и вопросовъ, не болѣе важныхъ, но болѣе близкихъ и для нихъ настоятельныхъ. Можетъ быть уже и въ этомъ отношеніи Германія находится въ особомъ положеніи, такъ какъ ей болѣе чѣмъ другимъ необходимо спѣшно предложить свой трудъ, развить свое производство — для облегченія своего хозяйственнаго не только подорваннаго, но и подрываемаго положенія. Но еще не въ этомъ суть. Суть въ томъ, что разныя европейскія страны по разному заинтересованы въ русскомъ возстановленіи.

Англія, заинтересованная въ хозяйственномъ возстановленіи Россіи, нисколько не заинтересована въ ея возстановленіи государственномъ, считала себя даже, наоборотъ, заинтересованной въ ея длительномъ, а по возможности окончательномъ государственномъ упадкѣ. Въ этомъ несомнѣнно заключалась одна изъ причинъ длительной и упорной, хотя первоначально и скрытой поддержки англичанами большевиковъ, какъ наилучшихъ разрушителей изнутри русской государственности. Англичане, искони направлявшіе свою политику на уничтоженіе всякой европейской державной мощи, уже поэтому во всей средней части 19 вѣка видѣли въ Россіи врага, подлежавшаго уничтоженію; пуще другихъ Россія была или казалась опасной Англіи, потому что уже вѣсомъ своей государственности она угрожала своеобразно не по морскимъ путямъ, а на сушѣ своимъ непосредственнымъ

азіатскимъ продолженіемъ — самой основѣ англійскаго могущества и богатства въ Азіи. Благодаря этому Англія и воспользовалась представившимся ей случаемъ уничтожить одновременно со своимъ врагомъ вчерашняго дня, Германіей, своего врага третьяго дня, всего столѣтія — Россію. Въ силу этого она и постаралась обставить это государственное уничтоженіе всевозможными гарантіями. Частью это гарантіи внутренняго характера — возможно болѣе продолжительное господство большевизма; частью это гарантіи международнаго характера — именно отчлененіе отъ Россіи и стремленіе поставить отъ себя въ зависимость части отторгнутыя; частью они заключаются въ стремленіи захватить въ сферу своего вліянія узловыя точки для воздѣйствія и контроля. Но этимъ самымъ создается и неискоренимое внутреннее противорѣчіе во всей англійской политикѣ по отношенію къ Россіи, — ибо нельзя использовать хозяйственно страну, держа ее въ государственныхъ развалинахъ. Хозяйство связано съ государственностью; развившееся на опредѣленной государственной основѣ, оно не можетъ продолжаться при его уничтоженіи. Разрушеніе державнаго государства предполагаетъ гибель такихъ количествъ людей, уничтоженіе такихъ хозяйственныхъ цѣнностей, что эта разруха устраняетъ возможность использованія русскихъ богатствъ, ибо оно возможно — хотя бы и при участіи иностраннаго капитала и —даже организаціи и труда, — но все же основнымъ образомъ только русскими силами и слѣдовательно русской организованностью и слѣдовательно организованностью, соотвѣтствующею уже достигнутому (хотя бы и подорванному, но все же уже достигнутому) уровню россійской государственности. Отсюда государственная разрушительная задача Англіи по отношенію къ Россіи дѣлаетъ совершенно иллюзорной ея задачу экономическую. Въ этомъ смыслѣ эта политика безнадежна для цѣлей Англіи и разрушительна для задачъ Россіи.

Иначе обстоитъ дѣло съ французской политикой. Франція по существу ни въ какой степени не враждебна русской государственности, — не даромъ она столько послѣднихъ десятилѣтій на нее и опиралась, не даромъ именно русское государство въ великую войну ее и спасало. Но въ стремленіи къ немедленному обезпеченію достигнутаго на войнѣ положенія, отчасти и въ связи съ различными мотивами войны, о которомъ въ своемъ мѣстѣ шла рѣчь, Франція отъ русской государственности отошла; отчасти и потому, что

для той международно-политической цѣли, которую она преслѣдовала въ союзѣ съ Россіей, она въ ней уже не нуждается, замѣиивъ ее болѣе въ этомъ отношеніи обезпеченной, ибо болѣе отъ себя зависимой Польшей. Какъ бы то ни было, въ государственномъ отношеніи Россія державная становится для нея величной проблематической. Настойчивость, съ которой Франція сопротивляется признанію Европой Совѣтской Россіи, безспорно вызываетъ законную признательность русскихъ людей; безспорно она этимъ оказываетъ и услугу міровой культурѣ, выступая въ защиту общечеловѣческихъ гражданскихъ началъ, но едва-ли она это дѣлаетъ въ плоскости государственной, международной перспективы возстановленія Россіи. Особенно ясно это различіе сказалось въ вопросѣ о поддержкѣ южной бѣлой арміи — съ одной стороны и Польши — съ другой. Различіе въ интенсивности и способахъ борьбы съ Совѣтской Россіей въ обоихъ случаяхъ ясно обнаруживаетъ смыслъ исходнаго мотива.

Вліяніе Италіи менѣе значительное на судьбы Россіи. Тѣмъ не менѣе она такъ же поддерживаетъ ея разложеніе; ибо Италія, какъ держава средиземно-морская, заинтересована не въ Россіи, а только въ югѣ Россіи, и разложеніе страны, которое дало бы возможность имѣть дѣло не съ цѣлымъ государствомъ, а съ отдѣленной, и слѣдовательно слабой ея частью — можетъ представиться наиболѣе выгоднымъ для безпрепятственной ея эксплоатаціи. Поэтому существованіе большевиковъ въ Москвѣ при разрѣшеніи хозяйничать съ большей или меньшей самостоятельностью на Украинѣ или на Кавказѣ является сочетаніемъ для нея пріемлемымъ. Что счетъ окажется невѣрнымъ, что безъ организованнаго порядка нѣтъ и экономики — это вопросъ особый, въ чемъ Европѣ и придется скоро убѣдиться.

Иное отношеніе къ россійской государственности диктуется положеніемъ Германіи. Германія непосредственно — въ противоположность Англіи и въ отличіе отъ Франціи и Италіи — объективно заинтересована въ возстановленіи государства въ Россіи. Прежде всего ей это нужно политически. Многіе въ Германіи вѣроятно надѣются — а внѣ Германіи опасаются — грядущаго военнаго союза возстановленной Россіи съ оправившейся Германіей. Но на самомъ дѣлѣ незачѣмъ идти такъ далеко, чтобы усмотрѣть политическій интересъ Германіи въ возстановленной Россіи. По заключеніи мира Германія оставалась лицомъ къ лицу съ одними непосредственными своими побѣдителями — Франціей и Англіей, на полной ихъ

милости; и собственно весь шансъ Германіи заключался лишь въ ихъ самоограниченіи или взаимномъ ограниченіи.

Уже возвращеніе Америки на политическую арену съ прекращеніемъ президентства Вильсона нѣсколько измѣнило положеніе, создавъ новый факторъ міровыхъ сочетаній; дѣйствіе этого возвращенія сказывается медленно, но, можно думать, будетъ все сильнѣе проявляться позже. Съ этой точки зрѣнія ясно, что возвращеніе Россіи самымъ фактомъ появленія новаго центра притяженій и вліяній сугубо измѣнитъ положеніе въ сторону облегченія всѣхъ ослабленныхъ державъ. Самая наличность еще одного международнаго субъекта математически открываетъ возможности большаго числа сочетаній и тѣмъ самымъ уже выгодна связаннымъ державамъ. И помимо всего, у обѣихъ — общій источникъ паденія и потому общій путь возрожденія.

Но и помимо такихъ международно-государственныхъ соображеній — уже и само экономическое строеніе ведетъ къ тѣмъ же послѣдствіямъ. Въ русскомъ сырьѣ и рынкѣ заинтересованы всѣ народы Европы. Но хотя всѣ и заинтересованы, однако, по разному. Въ концѣ концовъ сырье можно вѣдь достать изъ разныхъ странъ. Для промышленной страны, нуждающейся въ чужомъ сырьѣ важна вѣдь не только наличность сырья и его цѣна, но еще и обезпеченность его полученія. Государство, промышленность котораго органически предполагаетъ ввозъ сырья, становится въ зависимость отъ условій и путей этого ввоза; ибо измѣненіе этихъ условій можетъ подорвать самыя предпосылки его благосостоянія и существованія. Отсюда — стремленіе такого государства получить въ свою власть источники неотъемлемо необходимаго ему сырья — колоніи; отсюда стремленіе военной мощью обезпечить за собой пути полученія сырья, преимущественно морскіе пути и пр. Сейчасъ Германія лишена колоній и лишена военнаго флота, какъ орудія охраны морскихъ путей: значитъ полученіе сырья, а слѣдовательно и все ея существованіе ставятся въ органическую зависимость отъ тѣхъ державъ, подъ чьимъ контролемъ находятся морскіе пути; тѣмъ самымъ она становится въ вассальную зависимость отъ владыкъ морей. Единственный способъ избавиться отъ этой вассальной зависимости заключается въ томъ, чтобы получать сырье не по морскимъ путямъ; единственный остающіися путь — ея сухопутная граница, единственный источникъ — Россія. Торговыя сношенія и договоры съ Южной Америкой, Африкой, Китаемъ — не мѣняютъ ея полной за-

висимости отъ силы, господствующей на моряхъ. Торговыя сношенія и договоры съ Россіей — освобождаютъ. Даже одна возможность такихъ сношеній и договоровъ снимаетъ съ ея промышленности, а слѣдовательно съ ея государственнаго бытія, бремя безоговорочной подчиненности. Только съ возстановленіемъ Россіи можетъ и Германія получить независимость.

Правда, сейчасъ между теперешней Германіей и теперешней Россіей нѣтъ общей границы. Въ дальновидной предусмотрительности Антанта лишила ихъ таковыхъ — не съ цѣлью создать загражденіе противъ большевизма, а съ цѣлью создать преграду между двумя поверженными державами. Тѣмъ не менѣе въ случаѣ возстановленія Россіи прослойка окажется слишкомъ тонкой, чтобы ей было выгодно занимать враждебное по отношенію къ двумъ громадамъ положеніе, и можно надѣяться, что она въ интересахъ собственнаго существованія предпочтетъ извлекать выгоду изъ участія въ грандіозномъ обмѣнѣ.

Всѣ страны нуждаются въ русскомъ сырьѣ. Но при большевикахъ его для вывоза нѣтъ и не предвидится, а слѣдовательно, всѣмъ странамъ нуженъ возвратъ отъ большевизма къ строю хозяйственно-производительному, государственному. Кто хочетъ торговать съ Россіей, тотъ долженъ хотѣть замѣны большевизма нормальной государственностью; но кто опасается возможной силы русской нормальной государственности, тотъ долженъ поддерживать или примириться съ большевизмомъ (разсчитывая при томъ на его недолговѣчность). Тѣмъ самымъ ставится для Англіи неразрѣшимая задача, своего рода квадратура круга: торговать съ большевизмомъ. Но тѣмъ самымъ такая задача не стоитъ для тѣхъ, кто не имѣетъ основанія опасаться возстановленной русской государственности. И потому когда нѣмецъ говоритъ: разъ англичане могутъ заключать сдѣлки съ Совѣтской Россіей, то тѣмъ паче надлежитъ это сдѣлать намъ — онъ просто не замѣчаетъ существеннаго различія между его родиной и англійской имперіей.

Всѣ страны нуждаются въ русскомъ сырьѣ. Но источники сырья въ предѣлахъ бывшей русской имперіи такъ расположены, что разныя государства по разному могутъ къ этому сырью подойти. Въ общемъ богатѣйшіе источники сырья находятся на периферіи бывшей Россіи, восточной, южной, сѣверной, — частично примыкающей къ сферамъ господства или вліянія великихъ міровыхъ державъ; эти державы могутъ

поэтому къ этимъ богатѣйшимъ источникамъ сырья, подойти извнѣ; къ Баку, Кавказу, Туркестану — отъ Мессопотаміи или Персидскаго залива, къ Сибири черезъ Владивостокъ, къ сѣвернымъ лѣсамъ съ Ледовитаго океана. Поскольку онѣ нуждаются въ этихъ богатѣйшихъ источникахъ сырья, онѣ собственно въ Россіи нисколько не нуждаются. Онѣ могутъ извлекать изъ нихъ нужное имъ сырье путемъ сношеній съ Россіей, но и путемъ отторженія ихъ отъ Россіи, подчиненія ихъ себѣ въ тѣхъ или иныхъ изъ многочисленныхъ формъ, въ которыя современное международное право твердо, но и деликатно воплощаетъ подобную зависимость, не прибѣгая къ грубымъ пріемамъ захвата. Это возможно именно для тѣхъ державъ, которыя къ Россіи подходятъ съ ея азіатской периферіи. Для нихъ расчлененіе Россіи, какъ угодно далеко идущее, являясь и не безполезной политической гарантіей, нисколько не составляетъ и затрудненія экономическаго. Но Германія подходитъ къ Россіи съ запада, въ Европѣ; получать сырье она можетъ только черезъ центральную, европейскую Россію; сношенія съ Россіей могутъ дать ей сырье только при томъ условіи, если эта Россія сохранитъ въ своемъ составѣ — и свою периферію. Раздѣлъ Россіи, распадъ Россіи лишаетъ Германію основной экономической выгоды сосѣдства съ ней. Германіи экономически нужна — единая Россія.

Но Россія нужна всему міру не только какъ источникъ сырья, но еще и какъ рынокъ сбыта продуктовъ промышленности. Однако сбывать можно только въ обмѣнъ на что нибудь, а Россія нынѣ не производитъ того, чѣмъ она могла бы заплатить за сбываемые ей продукты, точно также, какъ и за свои прошлые долги. Это, конечно, чрезвычайно неудобно, какъ продавцамъ, такъ и кредиторамъ. Однако и въ этомъ отношеніи не всѣ государства оказываются въ одинаково неблагопріятномъ положеніи. Въ концѣ концовъ платить можно вѣдь по разному; нормально платить изъ дохода, но можно вѣдь съ великимъ для себя, но не для контрагента, ущербомъ — платить и капиталомъ, — рудой или рудниками, лѣсомъ или лѣсными угодьями, хлѣбомъ или землей, деньгами или регаліями. Съ Совѣтской властью никакого дѣла не сдѣлаешь, и даже концессій съ нею въ концѣ концовъ не устроишь. Но не теперь, такъ позже, не съ этой властью, такъ съ другой — лишь бы она была слаба, безпомощна и зависима, — въ формѣ ли концессіи или въ формѣ какого либо дружескаго мандата или содѣйствующей опеки — возможно получить уплату

за товары или по долгамъ съ капитальнаго достоянія русскаго народа, а не съ его производства. Быть можетъ, это соображеніе и побуждаетъ иную державу не очень торопиться съ возстановленіемъ въ Россіи строя, содѣйствующаго нормальной экономической производительной жизни, но вмѣстѣ съ тѣмъ и нормальной, склонной къ защитѣ своихъ интересовъ государственности. Безспорно въ этомъ одно —что къ такимъ концессіямъ, мандатамъ или опекѣ, т. е. къ властному распорядительству въ предѣлахъ Россіи, Германію не склонны будутъ допустить; еще менѣе допустятъ, чѣмъ къ участію въ военной оккупаціи русской земли. Отсюда слѣдуетъ, что для Германіи русскій рынокъ откроется надлежащимъ образомъ только тогда, когда въ Россіи возстановится производительный трудъ и государственность, достаточно сильная, чтобы охранить себя отъ концессіоннаго и мандатнаго вторженія, чтобы обезпечить за своими гражданами свободу хозяйственныхъ, частно-международныхъ отношеній.

Такимъ образомъ Германіи нужна Россія не только возстановленная съ нормально производительнымъ хозяйственнымъ строемъ, въ нормально-государственныхъ формахъ, единая — но еще и государственно сильная, т. е. приблизительно такая, какая нужна самой Россіи. Въ этомъ отличіе Германіи отъ другихъ державъ.

Такимъ образомъ для возстановленія Германіи нужна возстановленная Россія и обратно — возстановленная Россія самымъ фактомъ своего государственнаго хозяйственнаго существованія будетъ содѣйствовать возстановленію Германіи, шире говоря, возвращенію къ нормальности Средней Европы. Само собой разумѣется, что такое послѣдствіе можетъ быть основано только на взаимодѣйствіи, только на томъ, что, помогая Германіи, Россія помогаетъ себѣ. Германія можетъ предоставить Россіи въ первую голову свой трудъ и продукты своего труда, а не капиталъ. Безспорно Россія нуждается въ капиталахъ и безъ таковыхъ не произойдетъ ея возстановленія. Но фактъ таковъ, что тѣ, кто будутъ ссужать Россію капиталомъ, поставятъ ее по отношенію къ себѣ въ иное, болѣе тяжелое состояніе зависимости. Ибо капиталъ предполагаетъ довѣріе и требуетъ гарантій; ибо капиталъ есть организація извлеченія производимыхъ цѣнностей; и слѣдовательно частный и государственный капиталъ, придя въ слабую Россію, неизбѣжно принесетъ съ собой въ тѣхъ или иныхъ формахъ организованную зависимость. Болѣе, чѣмъ вѣроятно, что въ опредѣленной степени это неизбѣжно, а по-

сколько такъ, и благотворно для возстановленія Россіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ этомъ заложены — посколько превзойдена будетъ опредѣленная мѣра — чрезвычайныя опасности и во всякомъ случаѣ тяготы. Благопріятнѣе дѣло обстоитъ съ Германіей, которая придетъ не съ капиталомъ, а съ продуктами своего труда, каковые Россія сумѣетъ въ концѣ концовъ поглотить лишь въ мѣру своего отвѣтнаго труда (и что такимъ образомъ этотъ трудъ и будетъ стимулировать); и придетъ въ Россію не со своимъ изъ Лондона, Парижа или Нью-Іорка проводимымъ руководствомъ, а съ работой, осуществляемой преимущественно на мѣстѣ, съ трудомъ, который Россія, конечно, будетъ оплачивать, но который реально вложится въ ткань и строеніе русской жизни. Такимъ образомъ за содѣйствіе другихъ странъ Россія главнымъ образомъ будетъ платить своимъ будущимъ, отчасти своимъ капитальнымъ достояніемъ; за содѣйствіе же Германія будетъ въ значительно большей степени платить своей текущей наличностью; и частью это содѣйствіе въ формахъ труда и организаціи вольется составной частью въ ея будущее, станетъ ея капиталомъ. Возстановленіе Россіи и Германіи идутъ параллельно и взаимно одно другое обусловливаютъ.

Это настолько ясно сознается или во всякомъ случаѣ ярко чувствуется всѣми и въ Россіи, и въ Германіи, и внѣ ихъ, что приводитъ одной уже своей предвидимостью къ немаловажнымъ, а частью и къ отрицательнымъ послѣдствіямъ. Именно опасеніе будущаго германо-россійскаго содружества усугубляетъ стремленіе держать не только и Германію, и Россію слабыми, но и держать ихъ розными; возможность ихъ совмѣстнаго взаимодѣйствія приводитъ къ усугубленію давленія противъ нихъ, во всякомъ случаѣ къ воздержанію отъ мѣръ, которыя ихъ возстановленію могли бы содѣйствовать. Съ другой стороны запросъ на Россію бросается настолько ярко въ глаза Германіи, что она слѣпитъ ей взоръ. Нѣмцы такъ напряженно смотрятъ на Востокъ, ожиданіе облегченія съ Востока настолько ихъ гипнотизруетъ, что всякое подобіе помощи и государственности воспринимается ими какъ подлинная помощь и какъ подлинная государственность. Когда возлюбленная напряженно смотритъ на дорогу, ожидая съ минуты на минуту появленіе своего милаго, то и въ поднятой вѣтеркомъ пыли она на мгновеніе провидитъ приближающагося всадника. Тѣмъ тяжелѣе послѣдующее разочарованіе. Тѣмъ тяжелѣе будетъ и разочарованіе, посколько

имъ, въ большевистской власти, въ ея красной арміи, дипломатіи или хозяйствѣ усматривающимъ грядущую Россію, придется убѣдиться, что красная армія есть пораженіе, дипломатія ведетъ къ международной путаницѣ, а хозяйство ко все углубляющемуся развалу. Оставляя здѣсь въ сторонѣ проблему большевизма, какъ и проблему Россіи, отмѣчу только въ связи съ настоящей темой, что помимо разочарованія здѣсь создается и трагическое ухудшеніе положенія Россіи, а слѣдовательно и положенія Германіи. Ибо ей нужна Россія нормально государственно, нормально хозяйственно, нормально гражданственно построенная, т. е. работающая, производящая, сильная, или во всякомъ случаѣ закрѣпляющая свое положеніе; и слѣдовательно совѣтская Россія, пришедшая и приведшая къ голоду и вымиранію, къ разрушенію и пониженію уровня, нисколько Германіи не нужна, ибо не можетъ служить ей ни опорой, ни средой приложенія силъ, ни контрагентомъ для обмѣна, ни источникомъ извлеченія непроизводимаго сырья, ни рыикомъ помѣщенія непотребимыхъ фабрикатовъ. И не только совѣтская Россія не можетъ принести пользы Германіи, но она не можетъ не принести вреда, ибо подрываетъ и во всякомъ случаѣ откладываетъ моментъ возстановленія, пока что запутывая Германію въ международныя сплетенія, содѣйствующія не утвержденію, а расшатыванію Европы. Такъ, алча Россіи, Германія въ нетерпѣніи уповаетъ и поддерживаетъ процессъ ея разрушенія. Здѣсь дѣйствуетъ общеевропейское непониманіе и незнаніе, и невозможность пониманія происходящаго въ Россіи — въ виду его несоизмѣримости съ европейскимъ укладомъ, съ привычными Европѣ схемами революціи. Тутъ дѣйствуетъ и напряженность упованій и ожиданій, обманъ зрѣнія и ошибка чувствъ.

Такъ въ неразматываемые клубки сплетаются линіи спасительныя и разрушительныя.

Сплетаются линіи разрушенія и возстановленія. Всѣмъ извѣстны, хотя, можетъ быть, все таки недостаточно оцѣниваются въ ихъ глубинности и всепроникновеніи — объемъ развалинъ, сила разрушенія. Выше намѣчались тѣ факторы, которые не только привели къ нимъ, но ихъ и поддерживаютъ, продолжая ихъ углублять. Обвалъ получаетъ до-

полнительную силу разрушенія изъ собственной инерціи. Прервать движеніе разрушенія, пожалуй, труднѣе, чѣмъ его начать; при опредѣленномъ напряженіи и продолжительности — онъ самъ становится условіемъ и факторомъ своего продолженія. И тѣмъ не менѣе спору нѣтъ, что есть еще силы и шансы возстановленія; возстановленія не того, что было — по культурности, творчеству, вліянію и мощи, но возстановленія нѣкоторой новой, частичной, но все же человѣчной и человѣческой значимости. Возстановленіе Европы въ этомъ частичномъ смыслѣ кульминируетъ въ вопросѣ о возстановленіи Германіи, какъ паденіемъ этой послѣдней обусловлено и паденіе Европы, какъ съ расцвѣтомъ первой былъ связанъ и послѣдній расцвѣтъ второй.

Въ Европѣ при всемъ ея упадкѣ безконечно глубоки залежи культуры и опыта; глубоки они въ частности и въ Германіи. Жизнь беретъ свое — такъ думаютъ и говорятъ, забывая, что она это дѣлаетъ, поскольку остается жизнью; но свое беретъ и смерть, и разрушеніе. Если восторжествуетъ жизнь, она разовьется по опредѣленнымъ путямъ, но — восторжествуетъ ли она?

Широко распространено гордое сознаніе: Европа еще постоитъ за себя. Широко распространенъ и оптимизмъ по отношенію къ Германіи — она все отработаетъ, задѣлаетъ, возсоздастъ. Есть много правды и въ томъ и въ другомъ; но нѣтъ въ нихъ всей правды. Въ нихъ — обоснованное признаніе силъ, но нѣтъ ощущенія трудностей; есть сознаніе доблести, но и незрячесть на опасности; я бы сказалъ — неуважительное отношеніе къ требующимся преодолѣніямъ въ силу поверхностной недооцѣнки того, что требуется преодолѣть.

Ясное сознаніе причинъ и факторовъ паденія, его глубины и послѣдствій — есть само по себѣ, если еще не путь къ возстановленію, то предохраненіе отъ ложныхъ путей; даетъ, если не орудіе возсозданій, то его методъ. Дѣйствовать можно и не понимая; и, можетъ быть, такое дѣйствіе инстинктомъ руководимое — всего производительнѣе. Но нельзя дѣйствовать, понимая ложно.

Линіи европейскихъ судебъ ясны. Кончилось культурное и державное руководительство Европы міромъ. Великая война положила этой эпохѣ предѣлъ. Но останется ли Европа, европейская культура, европейская державность *одной изъ* міровыхъ силъ и строителей — этотъ вопросъ еще не предрѣшенъ. Предрѣшено лишь одно: либо Европа не только раз-

вернетъ свой развалъ, уроется глубже въ свои развалины, обреченная на внутреннее самоистязаніе, съ рискомъ стать больнымъ мѣстомъ всего міра, язвой, которую ему придется преодолѣвать и разсасывать; либо Европа воскреснетъ въ своей частной, но все же полной культурной мощи, какъ новая Европа средне-восточная, германо-россійская; какъ великій материкъ, обладаюшій всѣми природными человѣческими возможностями, какъ культурная мощь равноправная и равнозначная, съ мощью американской, дальне-восточной, британской и, можетъ быть, — кто знаетъ — все еще первая среди равныхъ.....

ОТДѢЛЪ III

НОВОЕВРОПЕЙСКАЯ КУЛЬТУРА

I. НАРЕКАНІЯ И ВМѢНЕНІЕ

Грозны и смутны судьбы Европы. Но приходится ли за нее тревожиться. Постоитъ ли она еще за себя или нѣтъ, — для кого и въ какомъ смыслѣ это можетъ представить захватывающій жизненный и духовный интересъ. Личность связана непосредственно со своей семьей, своимъ бытовымъ кругомъ, дѣловой сферой, со своимъ религіознымъ коллективомъ, національной культурой, государственной организаціей. Культурные и хозяйственные интересы выводятъ ее за предѣлы этихъ областей — въ другія сосѣднія или даже отдаленныя; но въ концѣ концовъ нигдѣ такой подлинно объемлющей личность сферой не является Европа, какъ нѣчто твердо законченное, внутренне — связанное и внѣшне — ограниченное. Хозяйственныя связи, перекидываясь за предѣлы родной страны, ведутъ и въ сосѣднюю, ведутъ и черезъ океаны; культурныя вліянія расползаются по всему міру, не задерживаясь и отчасти обходя сосѣдей. Весь міръ пришелъ въ общеніе съ одной стороны; съ другой — Европа была и до послѣдняго времени оставалась лишь подвижнымъ продуктомъ самодовлѣющей игры созиданій и вліяній, а не ихъ организованной основой. Быть можетъ, она станетъ такой основой, но именно ставъ частичной міровой силой. И нѣтъ ли провинціализма въ самомъ опасеніи ея провинціализаціи. И нѣтъ ли подавленности и внутренней слабости, нѣтъ ли духовнаго развала — въ самомъ цѣпляніи за ея развалины. Свѣжій и сильный духъ не идетъ ли свободно навстрѣчу всякому будущему, и не все ли ему равно, откуда до него будутъ долетать новые звуки, изъ Парижа или Токіо; и не все ли ему равно, откуда будутъ вспыхивать освѣщаюшіе ему путь огни — на востокѣ или на западѣ. Волны, несущія безпроволочныя вѣсти, сверлятъ пространство, не задерживаясь государственными и даже материковыми границами, — вопросъ лишь въ силѣ станцій, которыя ихъ посылаютъ; но станціи возрастаютъ въ своей силѣ

и будутъ возрастать. Полушарія легко общаются между собой и чѣмъ дальше, тѣмъ больше и легче, тѣмъ быстрѣе и полнѣе. Уже сейчасъ какими то своими струйками вливается весь міръ въ каждую свою точку и чѣмъ дальше, тѣмъ больше — будетъ все во всемъ. Будетъ по разному въ разныхъ мѣстахъ, но не будетъ ли въ Берлинѣ больше Нью-Іорка, чѣмъ Аграма и скоро, можетъ быть, больше Калькутты, чѣмъ Мадрида. Таютъ пространственнныя связи и расплывается историческое родство. Всякое опасеніе и тревога — есть слабость и застой. Сосѣдство таетъ, разлагаемое сверхпространственными связями. Когда то свой тѣсный домъ можно было связать общеніемъ лишь съ близъ лежащими; появились телефоны и трамваи — и вы общаетесь съ людьми на другомъ концѣ города, ни разу не встрѣтившись съ сосѣдомъ по площадкѣ. Сохраняя свой тѣсный, личный, бытовой, государственный домъ и на будущее — почему не связать его непосредственно со всѣмъ міромъ. Почему не пойти свободно на встрѣчу грядущему, топя свой сдавленный европейскій пессимизмъ въ общечеловѣческомъ оптимизмѣ, сохраняя свою душу открытой для всѣхъ вліяній, свою мысль и руку свободной для всякой работы. Всѣ оформленія преходящи, не преходяща лишь оформляющая сила; все сотворенное истлѣваетъ, сохранялось бы лишь творчество. Благоговѣйно склонившись на мгновеніе на предѣлѣ пройденнаго пути, вобравъ въ свою душу образъ минувшаго, — закрѣпимъ свою котомку съ драгоцѣнными остатками прошлаго и орудіями будущаго, чтобы пуститься въ неизвѣданный путь. Кончился одинъ періодъ исторіи — будетъ другой.

И пусть уже подъ новыми широтами будутъ новые люди заново творить дѣло человѣческое, заново созидать, бороться, преодолѣвать, радоваться, скорбѣть; новыя будутъ цѣли, новыя задачи; новые образы будутъ манить новыя поколѣнія; новыя столкновенія и новый рокъ будутъ влечь ихъ къ инымъ безднамъ, и по дорогѣ своихъ восхожденій и паденій они будутъ творить новыя цѣнности, выковывать новые характеры, по новому наслаждаться и по новому отравлять жизнь. Зрѣлые участники зрѣлой культуры, мы не будемъ возлагать на нихъ ребяческихъ упованій, — что они разрѣшатъ задачи неразрѣшимыя для насъ и устранятъ наконецъ изъ жизни насиліе, угнетеніе и печаль; ибо мы знаемъ, что разрѣшеніе задачъ, когда оно дается, означаетъ лишь замѣну ихъ новыми. Но мы также знаемъ, что въ процессѣ разрушенія и крушенія, въ процессѣ преодолѣній и претвореній,

одни поколѣнія топчутся на мѣстѣ, другія созидаютъ и творятъ и обогащаютъ души свою и грядущихъ поколѣній. Творятъ въ вѣчномъ трепетѣ духовнаго эфира, въ неизбывномъ распадѣ вѣчно становящейся матеріи — нетлѣнные образы и оформленія. Пусть же свершается переходъ къ новому.

Не довольно ли для старой Европы, не исчерпала ли она всей радужности своей игры. Не будетъ ли настойчивость отстоять и продолжить — не будетъ ли хваткой умирающаго, загроможденіемъ пути для новой культуры. И это — послѣ такого полнаго, блестящаго существованія, какой свѣтъ видѣлъ не часто. Не закончить ли главой небывалой доблести, неповторимаго напряженія человѣческихъ умовъ и характеровъ, поверженныхъ въ кровавое отчаяніе и смертельный ужасъ, — эпоху творческую и побѣдоносную. Не кончить-ли трагическимъ воплемъ неуслышаннаго отчаянія — возвышенную оду неповторяемой величавости. И затѣмъ уйти, уйти въ тѣнь мелкопомѣстнаго бытія, уступивъ безъ напрасныхъ и жалкихъ попытокъ, способныхъ только унизить отзвучавшую эпопею, поле дальнѣйшей жизни — другимъ.

Но закончилась ли эпопея, завершился ли внутреннимъ предопредѣленіемъ кругъ творческихъ возможностей. Вѣдь не извнутреннимъ процессомъ погасло созиданіе въ Европѣ, а насильственнымъ путемъ подорванъ еще устремлявшійся напоръ. И если такъ, то не малодушіемъ ли было бы оставить поле творческихъ возможностей неисчерпаннымъ до конца; не отреченіе ли это было бы отъ основного завѣта ново-европейскаго духа. Пусть другія поколѣнія другихъ народовъ произносятъ приговоръ, если окажется, что наши усилія оказались произведенными впустую, или — что хуже — имѣли лишь задерживающее значеніе. Это будетъ нашимъ рокомъ, рокомъ эпигоновъ: завѣтъ безотказнаго напряженія доосуществлять въ такое время, которое не способно уже привести къ созиданію. Если таковъ рокъ, его придется испытать до конца. Но мы его не знаемъ. Задача стоитъ — ее надо разрѣшать.

Но стоитъ ли задача; не проявилъ ли великій упадокъ военнаго и послѣвоеннаго времени безнадежности ново-европейской культуры, ея внутренней порочности и обреченности.

Быть можетъ, слѣдуетъ принять разгромъ не только какъ фактъ, но и какъ знаменье, и не только не печалиться его свершенію, но радоваться его свершенію заблаговременному, спасительному для будущихъ поколѣній; не только не подыматься противъ судьбы въ стремленіи удержать разрушающееся и возстановить разрушенное, но идти навстрѣчу разрушенію, принять и докончить его, осознавъ его обоснованность и законность. Гибельная стихія сама себя подорвала; познавъ ея гибельность, не слѣдуетъ ли довершить ея дѣла — въ зломъ процессѣ искореняя злое начало, творя благо завершеніемъ гибели зла.

Пожалуй, въ этой точкѣ мы нащупываемъ основную проблему времени. Несомнѣнна въ немъ гибель; но какъ ее понять: какъ гибель достойнаго жить, или — достойнаго умереть. И надо сказать, что на первый взглядъ второе толкованіе перевѣшиваетъ первое. Предположеніе случайности, необоснованности всего труднѣе намъ прилагать къ явленіямъ грандіознымъ. Законъ достаточнаго основанія, господствующій въ нашемъ мышленіи, требуетъ соотвѣтствія причинъ осуществившимся послѣдствіямъ; постулатъ имманентнаго возмездія, господствующій въ нашемъ чувствѣ, вмѣняетъ причину въ вину. И въ сущности уже не обосновать ее считается необходимымъ, а установить, въ чемъ она могла заключаться. Если свершилось крушеніе Европы, значитъ на то были основанія, — такова формула нашей мысли; значитъ основанія лежали въ Европѣ, въ ея государственности и культурѣ — такова ея естественная аберрація. Если произошло ея крушеніе, значитъ она не могла больше существовать въ силу ли своей порочности или слабости. И въ обоихъ случаяхъ ее незачѣмъ и не къ чему жалѣть и возстановлять. И если произошла великая гибель, значитъ была и великая преступность. Побѣжденныхъ тоже не судятъ — ихъ осуждаютъ. Разслѣдованіе замѣняется наглядностью фактовъ; вмѣсто веденія слѣдствія удовлетворяются мотивированіемъ приговора. На вопросъ: былъ ли сорванъ великій творческій процессъ или себя выявила порочная культурная слабость, отвѣтъ считается предрѣшеннымъ и слабость доказанной. И тѣ, кто менѣе всего участвовали въ быломъ строительствѣ, естественно чувствуютъ себя наиболѣе призванными обвинителями: и то, что было язвой, чувствуетъ свое торжество. Покаяніе, самобичеваніе и обвиненіе неизбѣжно слѣдуютъ за паденіемъ; ибо немногимъ дано въ пораженіи сохранить уваженіе къ себѣ, сохранить цѣненіе потерпѣвшаго.

Для ясности не мѣшаетъ расчленить соприкасающіяся или кажущіяся соприкасающимися воззрѣнія. Гибель Европы отъ собственной грѣховности и слабости, отъ порочности и исчерпанности — мало общаго имѣетъ сь представленіемъ о концѣ европейской культуры въ силу ея завершенности, въ силу законченности ея внутренней эволюціи, какъ эта мысль съ чрезвычайной силой выявлена въ шпенглеровской концепціи. Я упоминаю ее здѣсь, чтобы ее отвести. По названію и по внѣшности какъ будто всего тѣснѣе сюда примыкающая, она на самомъ дѣлѣ менѣе всего имѣетъ сюда отношенія. Пожалуй, можно даже сказать, что кажущееся оправданіе ея на послѣ-военномъ паденіи на самомъ дѣлѣ является ея (можетъ быть временнымъ) опроверженіемъ. Чтобы шпенглеровская концепція паденія западно-европейской культуры могла еще оправдаться, Европа должна изъ своего упадка воскреснуть и возстановиться въ прежнемъ — въ новомъ и большемъ — блескѣ.

Шпенглеръ отмѣчаетъ въ I томѣ своей книги, что она задумана была и писалась до войны. И не будь войны и разгрома, она могла бы быть написанной безъ какихъ либо измѣненій. Связь съ войной и ея послѣдствіями у нея не по содержанію, а единственно только по успѣху: не будь наглядныхъ бѣдствій войны, люди не повѣрили бы въ ея заглавіе (Untergang des Abendlandes) и вѣроятно не прочитали бы съ тѣмъ интересомъ, какъ это имѣетъ мѣсто сейчасъ. На самомъ дѣлѣ линія упадка, устанавливаемая Шпенглеромъ, проходитъ сквозь бѣдствія нашего времени, не включая ихъ въ свои построенія. Для Шпенглера рокъ упадка обусловливается органическимъ характеромъ роста всякой культуры, неизбѣжно проходящей черезъ предначертанныя ей стадіи развертыванія и умиранія. Стадіи культурно-творческаго развертыванія, согласно его концепціи, уже пройдены и наступаетъ эпоха безтворческаго, но могучаго разрастанія вышедшей изъ творческаго періода культуры, — экспансивной, внѣшне-могучей, но внутренне замершей цивилизаціи. Замираніе внутреннихъ творческихъ стимуловъ именно и соотвѣтствуетъ внѣшней мощи, распространенію и процвѣтанію, длительность коихъ не уступаетъ длительности предыдущихъ періодовъ ихъ бытія. Такимъ образомъ культурная исчерпанность въ смыслѣ Шпенглера нисколько не предполагаетъ внѣшняго государственнаго, соціальнаго, бытійнаго паденія, а наоборотъ предполагаетъ въ этихъ отношеніяхъ расцвѣтъ. И такимъ образомъ для того, чтобы Untergang Европы въ

смыслѣ Шпенглера осуществился, необходимо, чтобы она вышла и преодолѣла свой нынѣшній послѣ-военный Untergang. Культурная исчерпанность по Шпенглеру даетъ не государственный упадокъ, а государственную мощь; нынѣшній государственно-культурный упадокъ долженъ быть преодолѣнъ въ свою противоположность для того, чтобы могъ проявиться упадокъ въ смыслѣ Шпенглера. Эти построенія должны быть разъединены, чтобы изъ хаоса смутныхъ эмоціональныхъ сближеній приблизиться къ яснѣе очерченнымъ постановкамъ.

Но если шпенглеровскій историко-органическій пессимизмъ не можетъ служить подтвержденію и обоснованію пессимизма катастрофическаго, то было бы ошибочно думать, что онъ можетъ служить опроверженіемъ и всякаго катастрофическаго пессимизма. Если паденіе Европы есть ея грѣхопаденіе, то ему, конечно, противорѣчитъ идея ея органически непреложнаго самоизживанія. Но если паденіе Европы есть не, такъ сказать, моральная катастрофа, а катастрофа историко-механическая, то, быть можетъ, она совмѣстима и съ идеей органическаго роста и умиранія. Пожалуй, Шпенглеръ это отрицаетъ; онъ думаетъ, что культурная духовность изживаетъ себя вопреки и сквозь всѣ конкретныя событія и случайности, что линіи ея бытія не пересѣкаются и не отклоняются привходящими фактами, а развѣ только мѣстами стираются, не проявляясь во всей своей полнотѣ. Предзаложенное должно совершиться, и если факты этому противодѣйствуютъ, то они будутъ обойдены, и въ новыхъ фактахъ осуществится то, что осуществиться должно. Думаю, что съ этимъ согласиться трудно, даже если и признать полную истинность концепціи Шпенглера. Ибо каковъ бы ни былъ законъ развертыванія культурной духовности — и пусть Шпенглеръ будетъ идеально правъ въ ея выведеніи — онъ касается ея жизни, а не ея смерти. Поскольку духовность живетъ, она живетъ по своему внутреннему закону, но живетъ ли она — это зависитъ не отъ одного лишь ея закона. Шпенглеръ разъединяетъ культурныя духовности и, признавая ихъ самобытійными, несвязуемыми и взаимо-непроницаемыми, разсматриваетъ ихъ бытіе только изнутри развертывающимся. Но культурныя духовности — или ихъ государственно-народные носители — могутъ, сосуществуя во времени и пространствѣ, придти во внѣшнее соприкосновеніе. И это внѣшнее соприкосновеніе можетъ привести къ взаимному — или одностороннему — подрыву и потрясенію; можетъ привести къ нарушенію живого

органическаго функціонированія — къ пораненію и смерти. И если внѣшнее воздѣйствіе не можетъ измѣнить пути развертыванія, то оно можетъ подорвать и уничтожить движеніе по немъ. И потому историко-органическій пессимизмъ противорѣчитъ пессимизму морально-катастрофическому, гибели отъ собственной виновности, но не противорѣчитъ механически-катастрофическому пессимизму, сводящему паденіе на сцѣпленіе независимыхъ рядовъ причинности, на сцѣпленіе независимыхъ судебъ. Ибо хотя бы культура изживала себя по линіямъ своей судьбы, эта судьба, сталкиваясь съ чужими судьбами, перестаетъ быть едино-опредѣляющей. Я и исхожу изъ катастрофы, которую переживаетъ Европа и оставляю въ сторонѣ шпенглеровскую концепцію органическаго изживанія — противопоставляя лишь два взгляда: одинъ — морально вмѣняющій катастрофу грѣховности и порочности пострадавшаго-же и другой, механически объясняющій ее частью даже его доблестями и достиженіями.

Мысль, вмѣняющая паденіе падшему, навѣвается детерминизмомъ. Европа пала, значитъ у нея не было силъ устоять; оплакивать ее не приходится, ибо погибло то, что было — ибо оказалось — нежизнеспособнымъ. Едва ли однако съ какимъ либо основаніемъ возможно это соображеніе прилагать къ данному случаю. Безсиліе Европы было бы подтверждено ея паденіемъ, если бы она пала подъ ударами извнѣ, или расползлась бы во внутреннемъ ослабленіи. Но удары, постигшіе нашъ материкъ, были нанесены въ значительной степени его же собственными силами. Если измѣрять паденіе силою ударовъ и ударяющихъ, то паденіе Европы выявляетъ въ большей степени нежели неустойчивость испытавшаго удары — выдержку и напряженіе наносившаго ихъ — т. е. той же Европы. И жизнеспособность была проявлена не только не ниже, но выше той, которую можно было ожидать даже при высокой ея оцѣнкѣ: всѣ расчеты на скорое окончаніе войны именно и были основаны на томъ предположеніи, что длительнаго напряженія не въ силахъ вынести ничья жизнеспособность. А между тѣмъ по истеченіи четырехлѣтней войны народы принялись почти немедленно за работу и безспорно въ этомъ испытываютъ препятствіе не отъ однихъ военныхъ разрушеній и, можетъ быть, менѣе всего отъ нихъ.

Значитъ не въ безсиліи, а въ жизнеспособности заключалась основа паденія; Европа была полна мощью и значительностью, и эту мощь и значительность примѣнила на саморастерзаніе.

Но обвиненія могутъ идти по другому пути. Да, она была преисполнена силъ и содержанія, но эти содержанія оказались либо разрушительными или саморазрушительными, либо же выявили свою противорѣчивость и противоборство. Внутренняя противорѣчивость мощныхъ силъ, негодность и неосвященность ихъ, неосвященность подлиннымъ человѣколюбіемъ содержанія — такова вторая линія обвиненій и вмѣненій. И опять тотъ же выводъ: Европа была обречена и жалѣть о ней не приходится, ибо не подлинно культурна была ея культура.

Негодность и противорѣчивость — таковы обвиненія, порознь предъявляемыя и сплетаемыя воедино. Господство силовыхъ идеаловъ надъ духовными, господство частныхъ, классовыхъ интересовъ — надъ государственными, личныхъ — надъ общимъ благомъ или надъ объединяющей идеей, расцвѣтъ матеріализма надъ идейностью. Всѣ эти и подобныя характеристики сплетаются и разнообразятся на однородныхъ мотивахъ; въ основѣ лежитъ одно представленіе, которое смутно и неадэкватно, но съ достаточной приближенностью можно опредѣлить, какъ представленіе о матеріализмѣ новоевропейской культуры; въ матеріализмѣ — низменное противопоставляется возвышенному, частный, дробный, а потому и приходящій во взаимоборство интересъ — общеидейному; сила и власть — добру и праву; хозяйство и хозяйственный расцвѣтъ — красотѣ и нравственному усовершенствованію, жестокая борьба за существованіе — благостному соединенію въ цѣломъ. Эгоизмъ противопоставляется заботѣ объ общемъ, жизненное самоутвержденіе въ земныхъ благахъ — устремленію къ одинаково покрывающей всѣхъ людей небесной высотѣ. Внутреннее противорѣчіе и столкновеніе, проистекающіе изъ матеріализма, какъ подосновы частнаго интереса, выражается въ хозяйственной борьбѣ, противоположеніи классовъ эксплоатирующихъ и эксплоатируемыхъ, бѣдныхъ и богатыхъ, наслаждающихся всей ненасыщающею роскошью жизни и трудящихся въ недостаткѣ и лишеніяхъ; эти противорѣчія и столкновенія сказываются точно также и въ столкновеніяхъ государственной борьбы, колонизаторскаго распространенія имперіалистическихъ расширеній, и въ борьбѣ за власть внутри государства и за власть въ международномъ

общеніи. Всюду противорѣчія и взаимная борьба; наиболѣе блестящія достиженія остаются внѣшними, земными, а потому преходящими и ничтожными, оставляющими безъ вниманія внутреннее — глубинное и возвышенное, и потому, при всей роскоши и блескѣ достиженій, приводящими къ обездоленности и бѣдствію, грязи и крови.

Въ разныхъ разновидностяхъ и съ разными развитіями и оттѣнками можетъ быть выставляема подобная концепція въ обоснованіе наступившаго паденія европейской культуры и общества; быть выставляема для вмѣненія имъ ихъ паденія, для его оправданія и ихъ осужденія, для того, чтобы отъ нея отвернуться и приступить къ угашенію ея огней.

Какъ и обычно въ широко распространениыхъ оцѣнкахъ — при болѣе внимательномъ наблюденіи оказывается, что въ какихъ то основныхъ истокахъ сходятся не только разночтенія одинаково обвинительныхъ, или одинаково сочувственныхъ характеристикъ, но сходятся между собой и обѣ эти группы, расходясь не столько въ ядрѣ пониманія, сколько въ разной оцѣнкѣ понятаго. При всемъ различіи интуицій, подходовъ и пониманія — при ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что это все истолкованія разно оцѣниваемаго и разноусмотрѣннаго, любимаго или ненавидимаго, отстаиваемаго или уничижаемаго, но все же — въ послѣднемъ счетѣ одного и того же. И въ этомъ смыслѣ и уничтожающая, вмѣняющая Европѣ ея паденіе оцѣнка коренится въ нѣкоторомъ представленіи, въ послѣднемъ счетѣ не такъ уже уклоняющемся отъ представленій сочувственно-восторженныхъ. Соотвѣтственно — моей задачей является не столько опроверженіе намѣченныхъ выше, или другихъ подобныхъ характеристикъ, сколько провѣрка того смысла, который въ нихъ вкладывается и тѣхъ выводовъ, которые изъ нихъ извлекаются.

Можно наполнить тома нареканіями и обвиненіями новоевропейской культуры и государственности, выясненіемъ ея низкихъ и зловредныхъ сторонъ. И какъ бы этотъ методъ ни былъ благотворенъ для ихъ пониманія и соотвѣтственно для борьбы и для частичныхъ преодолѣній, — едва ли онъ можетъ сколько нибудь производительно служить общей ея характеристикѣ. По существу своему онъ сопоставляетъ

реальность европейской культуры и государства не съ какой либо другой реальностью, а съ нѣкіимъ критеріемъ, съ нѣкоей задачей, идеей или идеаломъ. Если въ современности была бездна нищеты и насилія, угнетенія и зла, то это можетъ быть основаніемъ осужденія современности съ точки зрѣнія критеріевъ добра и идеаловъ блага, но нисколько не въ плоскости реальнаго бытія, подлинной культуры государствъ, — ибо этимъ нисколько не устанавливается, чтобы когда либо и гдѣ либо существовало человѣческое общество, въ которомъ не было бы въ тѣхъ или иныхъ разновидностяхъ зла и лишеній, притѣсненій и несправедливости; этимъ само по себѣ даже еще не устанавливается, чтобы существовало или могло существовать общество, въ которомъ зла было бы хотя бы меньше. И потому оцѣнка съ точки зрѣнія критеріевъ оцѣночныхъ, а не реальныхъ, не можетъ дать какихъ либо выводовъ относительно опредѣленной реальности. Несоотвѣтствіе идеаламъ и заданіямъ ни въ какой степени не можетъ служить противопоказаніемъ жизненности и оправдываемости, ибо ни откуда не слѣдуетъ, чтобы жизненной, устойчивой и дѣйственной могла оказаться культура, именно отвѣчающая искомымъ идеаламъ. Заслуженность паденія ново-европейской культуры съ точки зрѣнія ея несоотвѣтствія идеямъ благой или красивой жизни тонетъ въ выводѣ о заслуженности паденія и уничтоженія всякой культуры, всякой бывшей, или возможной культуры, въ виду того же несоотвѣтствія. Alles, was entsteht, ist wert, dass es zu Grunde geht — таковъ выводъ изъ подобной критики благости новоевропейской культуры, а нисколько не выводъ о томъ, что заслуженно должна zu Grunde gehen культура именно новоевропейская.

Къ тому же изъ того, что контрасты благосостоянія въ европейскомъ обществѣ бо̀льшіе, чѣмъ въ какомъ либо другомъ, нисколько не слѣдуетъ, что понизился низшій уровень жизни, а только слѣдуетъ, что повысился высшій. Изъ изобилія, недомыслія и пошлости нисколько не вытекаетъ, что когда либо ихъ было меньше, а лишь то, что богаче и сложнѣе сталъ предметъ осмысленія, тоньше и глубже содержаніе, подлежащее опошленію. Я впрочемъ не хочу этимъ сказать, что новоевропейская культура была непремѣнно выше и тоньше, прекраснѣе, благостнѣе всякой другой. Я только хочу сказать, что изъ внутренней критики ея нисколько не вытекаетъ и обратнаго. Но, впрочемъ, и сравненіе съ другими мало можетъ дать основъ для общаго

сравнительнаго вывода; ибо культура есть сложнѣйшій синтезъ не только многихъ сторонъ, но и сочетаній многосложныхъ элементовъ; и всякое дробное выдѣленное сравненіе отдѣльныхъ сторонъ и моментовъ — какъ бы оно ни было познавательно-цѣнно — для общаго суммарнаго вывода основы дать не можетъ. Слишкомъ разно-категоріальны различныя стороны духа и общества, и слишкомъ полно каждая изъ нихъ осмысливается не сама по себѣ, а лишь въ синтезѣ ея живого существованія, — чтобы сопоставленіе выдѣленныхъ сторонъ могло дать критерій для общей оцѣнки: между тѣмъ непосредственныхъ критеріевъ для оцѣнки суммарныхъ синтезовъ и подавно быть не можетъ. И тѣмъ болѣе таютъ возможности суммарныхъ оцѣнокъ, что культуру, въ которой мы живемъ, мы воспринимаемъ въ ея толщѣ, а культуру, которую мы познаемъ по памятникамъ, мы воспринимаемъ преимущественно по ея вершинамъ, по ея общимъ очеркамъ, по ея достиженіямъ и окончательному вкладу.

Такимъ образомъ ни то обстоятельство, что данная культура или строй не удовлетворяютъ выставленнымъ критеріямъ, ни то, что въ какихъ либо отношеніяхъ иная культура или строй оставили память большихъ достиженій, не можетъ служить отверженію ея, непризнанію ея жизненности, правомѣрности и будущаго. Оцѣнивать въ этой плоскости культуру возможно исключительно только положительно, а не отрицательно, изнутри ея — по тому, что она дала, по ея достиженіямъ, а не по проваламъ; по тому, чѣмъ она превосходитъ другія, а не по тому, чѣмъ она ихъ слабѣе.

Только положительно и только абсолютно можетъ быть оцѣниваема культура. Созданъ ли ею особый жизненный синтезъ, своеобразно законченный, особый типъ человѣка, духовный складъ, выдѣлимый изъ склада другихъ эпохъ; созданы ли цѣнности не только дробныя и случайныя, но коренящіяся въ основахъ эпохи, сливающіяся даже своими переливами и противорѣчіями въ картину внутренне связанную и четко отъединяемую отъ другихъ. Созданы ли цѣнности, которыя въ вѣкахъ останутся, какъ самодовлѣющій культурный массивъ, пусть по разному воспринимаемый съ разныхъ точекъ зрѣнія, но изнутри полагающій себя, какъ неотстранимую часть человѣческаго однократнаго опыта. И наконецъ, создано ли нѣчто, мимо чего, мимо чьихъ вершинъ не пройти человѣчеству, что въ какихъ то своихъ составныхъ частяхъ войдетъ неотъемлемой составной частью въ его жизнь, войдетъ своими нестираемыми слѣдами въ его будущее.

Трудно было бы отрицать и ненавистникамъ ново-европейской культуры и тѣмъ, кто желали бы ея уничтоженія, — грандіозный и своеобразно-единственный характеръ ею созданнаго. Въ короткій историческій періодъ перелицована поверхность земли, въ тончайшихъ извилинахъ претворена человѣческая жизнь, созданы формы общенія, никогда не бывшія. Ново-европейское человѣчество отлично отъ всякаго иного отрѣзка человѣчества; созданное имъ стало необойдимымъ путемъ для всей современности, даже и для современности, его непріемлющей, ему себя противополагающей, и для будущаго останется основой строительства или вершиной для удивленія.

II. АНТИНОМІИ ОРГАНИЧНОСТИ

1. АНАЛИТИКА ОРГАНИЧНОСТИ

Внутреннія противорѣчія культуры — таково одно изъ существеннѣйшихъ, выставляемыхъ противъ ново-европейской культуры возраженій. Я вовсе не собираюсь отвергать этой характеристики или этого обвиненія; нисколько не хочу отрицать той вѣчной имманентной опасности, а можетъ быть и внутренняго рока саморазрушенія, къ которымъ влекутъ ее внутреннія противорѣчія. Я только хочу отмѣтить, что внутренняя противорѣчивость есть не противопоказаніе, не возраженіе, не патологія, хотя оно бываетъ разрушительнымъ, — а есть конститутивное явленіе всякой жизненности, всякой органичности.

Въ механикѣ дѣйствіе признается равнымъ противо-дѣйствію и игрой этихъ взаимно вызывающихъ и обусловленныхъ дѣйствій и противодѣйствій и производится механическая работа; но движущая сила, вызывающая ихъ, въ нихъ переливающаяся, дается извнѣ и лишь въ мѣру этой извнѣ данной движущей силы и осуществляется игра противодѣйствій и производится ихъ работа. Организмъ отъ механизма, жизнь отъ механической работы въ существѣ своемъ тѣмъ и отличается, что къ механизму движущая сила прикладывается извнѣ, въ организмѣ же — она ему имманентна; что организмъ въ себѣ самомъ носитъ источникъ своего движенія, что организмъ есть одновременно — въ переносномъ смыслѣ — и механизмъ, и двигатель, и регуляторъ. Если источникъ движенія химическій, то все же матеріалъ долженъ быть извнѣ ему доставляемъ; такъ же и вообще къ механизму извнѣ изъ среды подносятся подвергающіеся его переработкѣ матеріалы. Организмъ же нужный ему матеріалъ черпаетъ самъ изъ среды. Механизмъ какъ бы расположенъ на нѣкоторомъ пунктѣ независимаго отъ него пути. Онъ являетъ собой моментъ въ нѣкоторомъ до него

начинающемся и за нимъ продолжающемся процессѣ, моментъ на пути опредѣленныхъ претвореній, смыслъ которыхъ въ томъ, къ чему они приводятъ, въ его произведеніи; его назначеніе — въ его работѣ. Производимое же организмомъ не есть его произведеніе, а его отбросы; они, разумѣется, могутъ быть используемы другими организмами какъ матеріалъ и въ этомъ смыслѣ оказываться средствомъ; но все же они производные, а не произведенія. Производное вытекаетъ изъ производящаго, а не производящее обусловливается имѣющимъ быть произведеннымъ. Такъ обстоитъ дѣло въ генезисѣ механизмовъ и организмовъ, такъ обстоитъ дѣло и въ ихъ функціонированіи. И даже въ томъ единственномъ случаѣ, гдѣ производимое организмомъ не есть функціональный отбросъ, а нѣкое самодовлѣющее бытіе, именно въ самовоспроизведеніи организма, въ рожденіи — (уже не говоря о томъ, что процессъ происходитъ въ плоскости самоудовлетворенія творящаго организма, а не приспособленія его къ творимому) — продуктами является воспроизведеніе самодовлѣющаго производителя, а не инородный по отношенію къ нему продуктъ: въ механизмѣ продуктъ есть претворенный матеріалъ работы механизма, въ организмѣ — повторенный производитель. Но, впрочемъ, это послѣднее относится уже только къ организмамъ, взятымъ въ самомъ тѣсномъ смыслѣ слова, а не въ болѣе широкомъ смыслѣ — нѣкоторой самодовлѣюще функціонирующей цѣльности частей. Но и въ этомъ расширенномъ смыслѣ — организмъ[1] есть нѣкое единство, функціонирующее изъ себя (а не приводимое извнѣ въ движеніе), функціонирующее въ себѣ, замкнуто (а не примѣнительно къ претворенію извнѣ приходящаго и вовнѣ уходящаго матеріала), функціонирующее для себя, для своихъ собственныхъ потребностей и цѣлей, субъективно ставимыхъ или объективно заданныхъ (а не примѣнительно къ задачѣ сущей вовнѣ). Такое функціонированіе изъ себя, въ себѣ и для себя — и можетъ въ широкомъ смыслѣ слова быть названо жизнью. Работа механизма производится игрой его внутреннихъ дѣйствій и противодѣйствій, вызываемой внѣшними силами; въ организмѣ же — источ-

[1] Не имѣя возможности развить здѣсь общую теорію организаціи, оговорю, что подъ организмомъ и органичностью въ широкомъ смыслѣ слова я отнюдь не подразумѣваю специфически-біологическаго понятія, и потому — хотя и распространяю его, напр., на общество и др., но нисколько не придерживаюсь біологически-органической его теоріи.

никъ движеній, источникъ жизни ему имманентенъ и потому имманентны ему тѣ взаимныя противонапряженія, игра которыхъ и составляетъ его дѣятельность, его работу, его жизнь. Въ механизмѣ противодѣйствія пассивны, уравновѣшенны, согласованны и приводятся въ актуальность внѣшнимъ двигателемъ; въ организмѣ двигателемъ и являются внутренніе противодѣйствующіе факторы; они сами носители его активности, они напряжены на взаимное противодѣйствіе, иначе не было бы ихъ согласованной игры, ихъ функціонированія въ себѣ, не было бы жизни.

Организмъ самодовлѣющъ; если бы его дѣятельность, движеніе и проявленіе были обусловлены однимъ двигателемъ или однимъ рядомъ согласованныхъ двигателей, — получился бы непрекращающійся бѣгъ въ одномъ направленіи, слѣпое устремленіе, а не жизнь. Неизбѣжное внутреннее дѣйствіе и противодѣйствіе въ немъ не пассивно зависимы извнѣ, а изнутри самостоятельно активны. Иными словами, организму должна быть неизбѣжно присуща самочинная противоположность противодѣйствующихъ внутреннихъ его силъ, устремленій, двигателей и способностей. Иными словами, понятію организма, взятому въ самомъ широкомъ смыслѣ слова, — неизбѣжно присуща противонаправленность внутреннихъ силъ, которая только такимъ образомъ и осуществляетъ его жизнь. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что организмъ есть согласованіе внутреннихъ противодѣйствій. Для того, чтобы изъ нихъ получилось единство, необходимо, чтобы они были между собой такъ или иначе согласованы въ существованіи цѣлаго; но съ точки зрѣнія внутренней, каждая дѣйствующая функція направлена противъ другихъ, нѣкоторымъ другимъ противоположна или противорѣчитъ; она давитъ на другихъ, чтобы вызвать ихъ дѣйствіе или чтобы его остановить на тѣхъ предѣлахъ, за которыми оно становится вреднымъ для нея, а слѣдовательно и для цѣлаго; она противодѣйствуетъ давленію, ограничиваетъ и подвергается ограниченію, регулируетъ и подвергается регулировкѣ. Органичность есть, конечно, согласованность, но согласованность въ противодѣйствіяхъ.

Механизмъ состоитъ изъ механизмовъ; организмъ состоитъ, если не изъ организмовъ, то все-же изъ частичныхъ синтезовъ въ своемъ родѣ живущихъ активно. И потому синтезъ организма заключается въ согласованіи самодѣятельности, самостоятельнаго бытія частей съ частичнымъ ихъ бытіемъ въ цѣломъ. И изъ этого опять вытекаетъ взаимное

соревнованіе, противодѣйствіе и сопротивленіе частей, какъ имманентная основа органической жизни. Изъ общаго запаса воспринимаемой организмомъ «пищи» отдѣльныя ткани должны получать свое частное питаніе; расходы организма должны ложиться на его органы въ нѣкоторомъ распорядкѣ, иначе произойдетъ крушеніе; бо̀льшіе расходы одного органа требуютъ и соотвѣтствующаго возмѣщенія; чрезмѣрное разрастаніе какой либо функціи вызываетъ сопротивленіе другихъ. То же и въ обществѣ, какъ оформленной организаціи, — отдѣльные классы, сословія, учрежденія и лица живутъ своей жизнью и тѣмъ осуществляютъ жизнь цѣлаго; взаимно связанные и тѣмъ самымъ взаимно противодѣйствуя другъ другу; изъ общей массы благъ стремятся получить нужное и желательное и тѣмъ самымъ вступаютъ въ конфликты; но этими конфликтами и осуществляютъ и поддерживаютъ жизнь цѣлаго.

И не только къ субъектамъ и субстратамъ органической жизни относимо это положеніе. То же и къ духовнымъ цѣнностямъ въ ихъ реальномъ бытіи. Духовныя цѣнности борются, соревнуютъ за вниманіе. Тѣсно связанныя между собой, одна другую взаимно вызывающія, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ существуютъ самостоятельно въ нѣкоторомъ единомъ бытіи, черпаютъ изъ одного источника и другъ друга вытѣсняютъ. Онѣ приходятъ въ коллизію — борясь въ реальности, за время, за вниманіе, за мѣсто. Въ одной человѣческой душѣ, какъ и въ цѣломъ обществѣ, — искусство, развертываясь, вытѣсняетъ разсудочность, этическую нормативность; но вытѣсняя за опредѣленные предѣлы, вызываетъ ихъ сопротивленіе, тѣмъ болѣе, что за этими предѣлами подрываетъ само себя. И то же можно сказать, исходя изъ отвлеченнаго мышленія и его продукта, отъ нормативной дѣятельности, отъ какой угодно духовной функціи, гдѣ интуиція вступаетъ въ столкновеніе съ дискурсивностью, синтезъ съ выявленностью деталей, воля съ разумомъ, деонтологія съ онтологіей.

Разновидности могутъ быть неограниченны, формы разнообразны, но суть въ этомъ отношеніи остается неизмѣнной. Организмъ въ этомъ широкомъ смыслѣ слова неизбѣжно всегда будетъ организаціей внутреннихъ, приводимыхъ къ согласованію противорѣчій и противодѣйствій. Въ этихъ противорѣчіяхъ и противодѣйствіяхъ будетъ выражаться бытійность частей въ ихъ согласуемости — бытійность цѣлаго. Не только разновидности будутъ безчисленны, но мыслимы

и переходныя ступени и смѣшанныя съ механичностью образованія; возможны и переходы къ расплывчатымъ образованіямъ, гдѣ синтетичность таетъ и становится мало опредѣленной или мало уловимой. Если живой человѣческій организмъ есть опредѣленно и твердо выдѣленное единство, то организованный государственно народъ, будучи еще единствомъ твердымъ, становится единствомъ менѣе опредѣленновыдѣлимымъ, а «культура» и совсѣмъ неочерчиваемыми полосами расплывается въ окружающемъ. Но суть остается: игра дѣйствій и противодѣйствій неизбѣжна во всякой организаціи; въ организмѣ, понятомъ какъ организація изъ себя, въ себѣ и для себя функціонирующая, эта игра, имѣя въ немъ самомъ своихъ активныхъ носителей, имѣя въ этихъ носителяхъ самодовлѣющіе, живые, а не транзитивно-средственныя организаціи, — неизбѣжно становится игрою внутреннихъ противонаправленностей, внутреннихъ противорѣчій. Въ этомъ смыслѣ всякій организмъ есть связь противорѣчиваго и всякая жизнь — осуществленіе противорѣчій въ единствѣ однолинейнаго осуществленія.

Я не имѣю здѣсь возможности самостоятельно развить теорію организацій и потому ограничиваюсь тѣмъ, что отмѣчаю эту черту органической жизни, не пытаясь дать ни сколько нибудь точныхъ опредѣленій, ни сколько нибудь обоснованныхъ выведеній. Но одну особенность необходимо здѣсь еще отмѣтить.

Мало того, что составные факторы организма имманентно противорѣчивы при общей своей согласованности въ живомъ синтезѣ; эти факторы по самому своему существу, по существу своей функціи въ цѣломъ — должны быть сверхнапряжены, напряжены на большее, нежели то, что необходимо и возможно для организма, что необходимо и возможно для нихъ самихъ. Именно для нормальнаго функціонированія факторы организма должны быть напряжены на функціонированіе сверхнормальное.

Это парадоксальное отношеніе непосредственно вытекаетъ изъ предыдущаго. Такъ какъ источникъ дѣйственности организма въ немъ самомъ, то организмъ — есть синтезъ напряженія. Конечно, можно себѣ представить такое сочетаніе предустановленно взвѣшенныхъ, соразмѣренныхъ и со-

гласованныхъ напряженій, при которыхъ каждый факторъ дѣйственен точно въ мѣру своей внутренней необходимости и своей согласованной съ другими факторами необходимости для цѣлаго. Каждый факторъ дѣйствуетъ точно до той точки, въ которой онъ соприкасается съ другими, и напряженъ на дѣйствіе только до этой точки — не больше и не меньше. Съ идеальной точностью достигая точекъ своего назначенія, не преходя ихъ и не задерживаясь до нихъ, каждый факторъ, каждый органъ свою игру осуществляетъ въ идеальной согласованности, въ предустановленномъ соотношеніи съ другими. Но такого согласованія нѣтъ даже и въ планомѣрно налаженномъ механизмѣ, не только въ живомъ самовозникающемъ организмѣ. Такое согласованіе собственно даже и разлагаетъ понятіе цѣлаго, ибо въ немъ каждая часть дѣйствуетъ сама по себѣ внѣ связи съ другими; и это самостоятельное бытіе каждой только благодаря ихъ предустановленной согласованности даетъ внѣшнюю видимость единства. Только потому, что каждый факторъ, такъ сказать, въ надлежащую секунду добѣгаетъ до надлежащей точки, получается какъ бы функціонированіе цѣлаго; но на самомъ дѣлѣ цѣлаго нѣтъ, а есть только предустановленный независимый бѣгъ каждаго фактора, отдѣльно взятаго. Такое представленіе не покрываетъ собой даже понятія механизма. Къ организму же, къ синтезу живущему самобытійно, изъ себя — это представленіе и вовсе непримѣнимо. Ибо организмъ, самостоятельно живущій въ нѣкоей средѣ и только общимъ образомъ съ ней согласованный, неизбѣжно долженъ отличаться чрезвычайной гибкостью, подвижностью, переприспособляемостью; въ немъ не можетъ быть предопредѣленнаго функціонированія каждаго элемента, въ немъ должна быть широкая возможность, широкіе. предѣлы для различнаго функціонированія. И сугубо это такъ въ силу безконечной скрещенности всевозможныхъ внутреннихъ взаимодѣйствій, когда каждое дѣйствіе даннаго органическаго элемента непосредственно отражается не только на тѣхъ, съ кѣмъ онъ находится въ непосредственныхъ соприкосновеніяхъ, но косвенно и на множествѣ другихъ. Какимъ образомъ происходитъ такое переприспособленіе — вопросъ особый; здѣсь именно вступаетъ въ свою роль центральная руководящая функція организма, функція общеорганическаго распорядительства. Какъ бы то ни было, насъ интересуетъ одно: при нормальномъ здоровомъ органическомъ существованіи функціонированіе, какъ всего орга-

низма, такъ и его частей, не предустановлено, а протекаетъ и можетъ протекать въ болѣе или менѣе широкихъ рамкахъ. Организмъ приспособленъ не къ опредѣленному функціонированію, а къ функціонированію *возможному* въ болѣе или менѣе широкихъ предѣлахъ. Организмъ въ этомъ смыслѣ — есть *организація возможностей*. Но, значитъ, и организмъ, и его элементы должны быть предуготовлены къ осуществленію этихъ возможностей. Именно потому, что организмъ есть организація возможностей, поэтому его дѣйствительное (и соотвѣтственно здоровое нормальное) функціонированіе фактически не исчерпываетъ и не должно исчерпывать возможнаго. Для того, чтобы жить нормально, онъ долженъ имѣть сверхнормальную потенцію.

Но и не только это. Общимъ образомъ можно сказать, что въ органическомъ цѣломъ, ограниченномъ въ своихъ внѣшнихъ данныхъ и возможностяхъ, находящихся въ состояніи непрерывнаго согласовыванія внутреннихъ конфликтовъ и напряженій, въ непрерывной борьбѣ каждаго элемента за общеорганическое достояніе, въ вѣчномъ взаимномъ напряженіи, соревнованіи и давленіи — функція можетъ удержать нужный для себя просторъ противъ соревнованія и давленія другихъ, если она напряжена на большее, чѣмъ сколько ей нужно. Только будучи сверхнапряжена, она удержитъ противъ чужихъ напряженій свою долю въ общеорганической жизни. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что организмъ есть подвижная система согласуемыхъ сверхнапряженій. Согласуемы-же они могутъ быть, какъ одной игрой взаимныхъ сдерживаній, такъ и спеціально на то направленными руководящими функціями. Сверхнормальная напряженность имманентна нормальной органической функціи.

И не только это такъ въ организмѣ, какъ отграниченномъ индивидуумѣ (того или иного типа), но также обстоитъ дѣло и въ тѣхъ органически-подобныхъ комплексахъ, которые скорѣе существуютъ, какъ нѣкое производное отъ составныхъ частей единство жизни, гдѣ центръ жизненнаго самодовлѣнія не столько въ цѣломъ, какъ въ частяхъ. Ибо здѣсь то въ особенности цѣлое производится взаимнымъ сцѣпленіемъ, взаимнымъ проникновеніемъ частей, каковое въ свою очередь возможно въ первую голову при, такъ сказать, взаимномъ наступленіи этихъ частей одной на другія. Только когда составныя части сталкиваются съ другими, ограничиваются ими и приспособляются къ нимъ — изъ этого на-

ступательнаго взаимодѣйствія и получается органически-подобное сплетеніе въ цѣлое.

Такимъ образомъ сверхнапряженность частей есть конститутивный признакъ организованной цѣльности. Выражаться это можетъ различно въ разныхъ организмахъ и ихъ функціяхъ, и требовало бы многосложнаго развитія, оговорокъ и дополненій. Тѣмъ не менѣе, какъ общая тенденція это можетъ быть приблизительно такъ установлено.

Отсюда вытекаетъ множество послѣдствій, могущихъ найти приложеніе для объясненія и истолкованія разнообразныхъ процессовъ органической жизни, какъ въ тѣсномъ, такъ и въ расширенномъ и мало очерченномъ смыслѣ слова.

Органическая устойчивость есть результатъ взаимнаго ограниченія и противодѣйствія силъ взаимно сверхнапряженныхъ. Разумѣется, этимъ отмѣчается только простѣйшее строеніе; на самомъ дѣлѣ появляются функціи, спеціально предназначенныя для контролированія другихъ, которыя въ свою очередь находятся въ состояніи сверхнапряженія по отношенію къ контролируемымъ, такъ и одна къ другой.

Какъ бы то ни было, изъ такого существа устойчивости организма вытекаетъ его конечная неустойчивость. Она можетъ быть парализуема и отсрочиваема всевозможными усложненіями, приспособленіями и пр., но въ концѣ концовъ, какъ вѣчно наличная угроза, она неизмѣнно остается присущей организму. Достаточно ослабленія какихъ либо однѣхъ функцій для того, чтобы тѣмъ самымъ сверхъ мѣры реальной потребности въ нихъ, но въ мѣру ихъ имманентной сверхнапряженности разрослись другія; или, наоборотъ, достаточно, чтобы въ силу какихъ либо причинъ функція получила дополнительный притокъ силъ, чтобы она, развертываясь въ мѣру своей сверхнапряженности, стала оттѣснять какія либо другія функціи, тѣмъ угрожая благосостоянію или самому существованію цѣлаго. Конечно, въ сложномъ организмѣ такія тенденціи могутъ быть предусмотрѣны въ самомъ его строеніи и могутъ немедленно разряжать игру новыхъ функцій, которыя оздоровляюще, т. е. ограничивающе или стимулирующе вмѣшаются въ эти болѣзненныя отклоненія. Остается однако то, что нормальное здоровое существованіе организма предполагаетъ, во первыхъ, непрерывныя взаимныя ограниченія, оттѣсненія, недаваніе себя изжить въ

полной мѣрѣ, постоянныя взаимныя подавленія; во вторыхъ, постоянную возможность разрастанія какихъ либо функцій, угрожающихъ для другихъ и для цѣлаго, иными словами, имманентную угрозу такого осуществленія сверхнапряженія, которое должно привести къ разстройству цѣлаго и слѣдовательно къ нарушенію жизненности или устраненію самой жизни организма. Разумѣется, чѣмъ организмъ представляетъ болѣе законченное единство, тѣмъ опаснѣе и губительнѣе подобные неизбѣжные процессы. Наоборотъ, тѣмъ менѣе роковыми являются они, чѣмъ менѣе оформлено органическое цѣлое. Тѣмъ не менѣе суть ихъ остается всюду неизмѣнной и неизмѣнными остаются ихъ предпосылки и результаты. Взаимное ограниченіе и непрерывное взаимное оттѣсненіе, — таковъ законъ нормальной, здоровой органической жизни. Взаимныя столкновенія и противорѣчія — ея характеръ. Неразрѣшимый конфликтъ, трагедія — таково ея апріори.

Изнутри каждой частичной органической функціи ея функціонированіе ощущается, какъ неизмѣнное преодолѣваніе сопротивленія, какъ непрерывное переживаніе помѣхъ, какъ угроза стѣсненія извнѣ, какъ неизживаніе себя. Но на самомъ дѣлѣ неизживаніе органической функціи есть предпосылка жизни цѣлаго организма.

Выше было отмѣчено, что нарушенія органической согласованности и здоровья могутъ происходить отъ двоякаго рода причинъ: отъ ослабленія функцій или хотя бы ослабленія ихъ сверхнапряженности, а съ другой стороны наоборотъ, отъ усиленія функціи въ сторону осуществленія этой сверхнапряженности. Принимая во вниманіе, что конкретное различеніе уже зависитъ отъ конкретныхъ же условій, — общимъ образомъ можно отмѣтить, что патологія пониженія функціональной напряженности угрожаетъ непосредственными опасностями организму, патологія же ея повышенія — можетъ получать облегчающій разрядъ въ какихъ либо внѣшнихъ проявленіяхъ.

Цѣлый рядъ проявленій высокаго развитія, излишествъ, сверхнормальнаго питанія и разрастанія сводимы на такого рода процессы. Къ этому имѣетъ тенденцію приводить всякая избыточность, благосостояніе, всякая повышенная культура. Обогащеніе данной органической жизни, либо усиливая какія либо ея функціи, либо освобождая отъ какихъ либо затрудненій и затратъ, имѣетъ тенденцію къ нарушенію органическаго равновѣсія въ сторону вышенамѣченнаго функ-

ціональнаго усиленія. Самое это обогащеніе есть уже результатъ предшествующей органической сверхнапряженности, нашедшей благопріятную почву для своего осуществленія. Разъ проявившись, оно вызываетъ осуществленіе и другихъ функціональныхъ сверхнапряженій, которыя могутъ привести къ пагубнымъ или угрожающимъ органической жизни послѣдствіямъ, но могутъ быть разряжены или разряжаемы какими нибудь специфическими внѣшними по отношенію къ замкнутой органической жизни дѣятельностями (положимъ, подобными моціону или спорту при чрезмѣрной полнотѣ).

Во всякомъ случаѣ такимъ путемъ получается возможность, такъ сказать, свободнаго функціонированія какой либо функціи; не ея функціонированія въ составѣ организма въ соотношеніи съ другими органическими функціями (амфигенетически) — а ея свободнаго изнутри самодовлѣющаго (ортогенетическаго) функціонированія. Какъ только возникаетъ такое свободное функціонированіе, открывается и новый конфликтъ и новое противорѣчіе въ предѣлахъ ея самой — между ея свободнымъ и ея органически-зависимымъ функціонированіемъ. Осуществленіе функцій въ одномъ направленіи (самодовлѣнія) вступаетъ въ противорѣчіе съ оформленіемъ ея въ другомъ направленіи (подчиненности, взаимной связанности). Функція или ея органъ, ея строеніе или динамика, увлекаемые по одному направленію, искажаютъ ея формовку въ другомъ направленіи. Конечно, и здѣсь путемъ непрерывнаго улаживанія неустранимаго конфликта можно избѣжать его завершенія, можетъ быть достигнуто равновѣсіе. Но оно можетъ быть достигнуто лишь въ видѣ непрерывающейся борьбы и въ видѣ постоянной незавершенности, постояннаго искаженія и ломки. Противорѣчіе, противоборство, незавершаемость и неизживаемость — и здѣсь являются основными чертами происходящаго. Если же эта незавершенность преодолѣвается, — то либо уничтожается свободное функціонированіе и происходитъ упадокъ, возвратъ къ функціонированію органически-связанному (и слѣдовательно въ органическую противорѣчивость), либо же преодолѣваетъ свободное функціонированіе и тогда уничтожается или искажается органическая связность — и тѣмъ самымъ подготавливается угроза жизни организма.

Этотъ процессъ можетъ быть наблюдаемъ во всевозможныхъ плоскостяхъ органической жизни — отъ жизни организма — индивидуума до жизни сложныхъ обществъ, отъ жизни отъединенныхъ духовныхъ сферъ, до жизни совокуп-

ныхъ культуръ. Слѣдуетъ отмѣтить, что такъ называемыя высшія функціи культуры цѣликомъ основаны именно на такомъ свободномъ функціонированіи сверхнапряженной органической служебной функціи. Такова сама высшая культура цѣликомъ взятая — въ составѣ совокупной жизни общества; таково же развитіе и отдѣльныхъ ея отраслей. Въ связи съ другой моей работой[1] могу отмѣтить, что таковъ смыслъ и самодовлѣющаго философскаго мышленія. Мышленіе, вырабатываемое въ своемъ строеніи и составѣ амфигенетически, получаетъ при опредѣленномъ усиленіи своей функціональной силы возможность свободнаго самодовлѣющаго ортогенетическаго развертыванія, — что и даетъ чистое мышленіе, — мышленіе философское. Но чистое философское мышленіе, самодовлѣюще развивая средственно-зависимыя исходныя данныя (т. е. ортогенетически развертывая амфигенетическія функціи), выявляя свободно и несоотносительно то, смыслъ чего заключается именно въ соотносительности, обрекается тѣмъ самымъ на внутреннюю противорѣчивость и саморазрушеніе; таковой является судьба всякой философствующей мысли (додумываемой до конца).

Въ другихъ формахъ тотъ же процессъ протекаетъ во всѣхъ сферахъ высшей культуры, развивающей чистыя самостоятельныя цѣнности. Такова, напр., и этика, самодовлѣюще, ортогенетически развивающая содержаніе, соотносительное со слитной цѣльностью жизни, и тѣмъ приводящая къ неразрѣшимымъ и внутреннеразрушительнымъ конфликтамъ жизни и совѣсти. Всюду проявляется однородная динамика: функція создается въ органическомъ соотвѣтствіи съ другими; но получивъ возможность осуществить свое сверхнапряженіе, она вступаетъ въ полосу чистаго развитія и приходитъ тѣмъ самымъ въ противорѣчіе сама съ собой, какъ функціей органической, выявляя вмѣстѣ съ тѣмъ и заложенныя въ ея чистомъ функціонированіи противорѣчія (самодовлѣющаго использованія средственнаго), и приводитъ въ концѣ коицовъ къ столкновенію съ цѣльностью организма, къ его подрыву или разрушенію. Эта діалектика развивается на почвѣ осуществленія сверхнапряженности функцій и можетъ опираться какъ на высокую силу таковой (примѣрно въ геніальности, одержимости), такъ и проще — на основу извнѣшняго облегченія или усиленія ея функціонированія, когда разбѣгъ функ-

[1] Первая часть которой была напечатана въ «Логосѣ» 1913 г. книга 3—4, — «Объектные мотивы философскихъ построеній».

ціи получается при освобожденіи ея отъ затратъ, потребныхъ въ нормальномъ органическомъ ея дѣйствіи. Примѣнительно къ функціямъ культуры можно это такъ формулировать, что должны накопиться свободныя (отъ органическаго функціонированія) силы, незанятое (органическимъ функціонированіемъ) время, свободные (отъ примѣненія въ органическомъ функціонированіи) матеріалы, чтобы могло проявиться такое свободное функціонированіе. Должны накопиться нѣкоторыя лишнія богатства, досужесть, несвязанность, нѣкія сверхвозможности для того, что бы могла реализоваться сверхнапряженность данной функціи. Но такъ какъ и первоначальный сверхпродуктъ есть уже результатъ функціонированія свыше органической необходимости, то мы здѣсь имѣемъ такое соотношеніе, что разъ начавшееся сверхфункціонированіе имѣетъ склонность, поскольку не дѣйствуетъ непосредственно разрушительно, приводить къ дальнѣйшему сверхфункціонированію, — какъ камень своимъ паденіемъ приводитъ въ движеніе лавину.

Такова игра противорѣчій всякой органичности, всякой жизни: противорѣчія между совмѣстными функціями одного организма, усиливающіяся благодаря ихъ сверхнапряженности, сугубо возрастающія благодаря ихъ крайней множественности и взаимнымъ сплетеніямъ между собой; противорѣчіе, переносящееся въ новую плоскость при свободномъ развертываніи сверхнапряженной функціи, ибо оно тогда уже касается не ея отношенія къ другимъ, а ея отношенія къ себѣ самой;[1] противорѣчіе, выливающееся во внутренній конфликтъ всѣхъ самодовлѣюще развивающихся функцій и выражающееся въ томъ парадоксѣ, что въ нихъ независимо развертывается то, что по своему происхожденію и строенію является зависимымъ и подчиненнымъ, т. е. не приспособленнымъ къ самодовлѣющему развертыванію.

Въ этой послѣдней плоскости противорѣчій мы касаемся еще и другой, быть можетъ наиболѣе глубокой и рѣшающей

[1] Не трудно отсюда сдѣлать тотъ выводъ, здѣсь не подлежащій дальнѣйшему развитію, что бытійно высшая функція культуры обнаруживаетъ частичную аналогію съ патологическимъ органическимъ процессомъ. Философія есть въ нѣкоторомъ родѣ сладострастіе мышленія; геніальность — своего рода духовная опухоль.

области таковыхъ. Рѣчь идетъ о конфликтѣ духовнаго и физическаго, сознанія и тѣла. Оставимъ въ сторонѣ самую основу этого конфликта, требующую самостоятельнаго разсмотрѣнія. Какова бы ни была связь духа и тѣла въ ихъ существѣ или происхожденіи, — пусть духъ зависитъ отъ тѣла или тѣло отъ духа — во всякомъ случаѣ тѣлесная сторона связывается тѣлесной средой, духовная въ своемъ содержаніи и стремленіи располагается по независимымъ линіямъ. Анализъ духовныхъ содержаній и ихъ синтезъ, выдѣленіе элементовъ и построеніе сложныхъ структуръ — независмо отъ реальной («тѣлесной») значимости тѣхъ и другихъ; динамика подстановки содержанія, производящая какъ движеніе логическое, такъ и передвиженіе нормативное — ни въ какой связи не находится съ дѣйствительной замѣнимостью явленій. Игра ассоціацій по сходству не имѣетъ отраженій въ мірѣ внѣшнемъ, также не имѣетъ отраженій въ немъ и механика вытѣсненія и выдвиженія въ фокусъ вниманія въ силу его (вниманія) ограниченности. Вообще соотношенія духовныхъ содержаній не подчинены реальнымъ соотношеніямъ вещей. И потому сколько бы ни предполагать взаимодѣйствія между духомъ и тѣломъ, каждая изъ этихъ сферъ располагается по своимъ независимымъ линіямъ и тѣмъ самымъ уже предопредѣленъ неизбывный между ними конфликтъ. Столь же предопредѣленъ конфликтъ и между разными областями духа, отъ одной исходной сферы развертывающегося по разнымъ путямъ въ самостоятельномъ движеніи. Здѣсь невозможно, не выясняя обстоятельно необходимыхъ предпосылокъ, наглядно установить и другой неотъемлемый внутренній конфликтъ, получающійся при всякомъ использованіи цѣнностей, совмѣщающихъ различныя цѣнностныя функціи (а таковы едва ли не всѣ вообще цѣнности); использованіе каждой цѣнностной функціи или системы таковыхъ давитъ, оттѣсняетъ или нарушаетъ другія.[1] Всѣ эти или подобныя противорѣчія и противоборства могутъ въ конечномъ счетѣ быть сводимы на противорѣчіе органической жизни.

Изъ самозаконности духовной и тѣлесной сферы вытекаетъ въ частности еще одно глубинное противорѣчіе, сводящееся къ многолинейности духовной области по сравненію съ однолинейностью дѣйствительности. Тѣлесная реальность и все

[1] Цѣнностная динамика, которая отсюда получается, будучи положена въ основу «теоріи цѣнностей», даетъ своеобразное освѣщеніе многимъ общимъ вопросамъ культуры.

съ ней связанное и отъ нея зависимое располагается по одной линіи временнаго необратимаго теченія. Что было, не можетъ быть сдѣлано не бывшимъ, и что не было — не можетъ быть замѣщено или возмѣщено. Въ одинъ моментъ только одно происходитъ; разъ происшедшее изъ этого момента невытравимо, не происшедшее — въ него невставляемо. Наоборотъ, духовныя содержанія внѣвременны, альтернативно — замѣнимы и, такъ сказать, параллельно возможны. Въ этомъ смыслѣ реальность падаетъ подъ категорію необходимости, духовное содержаніе подъ категорію возможности, альтернативы. Мы можемъ себѣ представить разное относительно одного и того же; можемъ желать разнаго, стремиться къ разному, но осуществиться можетъ только одно. Нѣчто совершенное, разъ совершено, неистребимо, хотя бы оно было несовмѣстимо съ духовнымъ содержаніемъ и оставалось въ сознаніи столь же невытравимымъ фактомъ, какъ и неизгладимымъ укоромъ.

Такъ въ безвыходныхъ противорѣчіяхъ и въ процессѣ ихъ совмѣщенія и сопереживанія протекаетъ органическая или органически-подобная жизнь — жизнь біологическаго организма и жизнь общества, жизнь культуры и жизнь душевная. Нѣтъ поэтому менѣе обоснованной точки зрѣнія, какъ та, которая исходитъ изъ оптимистическаго предположенія о будто возможной всеразрѣшающей общей гармоніи, или которая выставляетъ критерій полноты развертыванія и осуществленія всѣхъ жизненныхъ возможностей, или хотя бы какихъ либо возможностей, или которая выставляетъ критерій такъ называемаго послѣдовательнаго, логическаго доведенія до конца опредѣленнаго требованія или выставляетъ задачу идеальнаго, совершеннаго или хотя бы безтревожнаго устроенія жизни. Всѣ эти и подобныя задачи и критеріи обнаруживаютъ основное и существенное непониманіе, отсутствіе соприкосновенія съ подлинной дѣйствительностью.

Оптимизмъ общей гармоніи лишенъ пониманія той глубинной противорѣчивости, той трагической размноженности, въ которой неизбѣжно протекаетъ всякая жизнь; онъ предполагаетъ гармоничность при завѣдомомъ и неотъемлемомъ разнобоѣ духовнаго и физическаго міра. Полнота осуществленія возможностей (или хотя бы одной возможности) является

иаивнымъ выраженіемъ самоощущенія сверхнапряженной функціи, жизненность которой именно и создается ея ограниченіемъ; она возводитъ въ критерій и идеалъ то, что является роковой опасностью для цѣлаго и столь же роковой опасностью и для самой доводимой до полноты функціи, — ибо это доведеніе обнаружитъ мнимость ея чистаго функціонированія также, какъ его саморазрушительность. Критерій такъ называемой логической послѣдовательности и вообще представляетъ чистое недоразумѣніе, ибо на самомъ дѣлѣ онъ означаетъ не нѣкое логическое отношеніе, а — отношеніе абстрактнаго выдѣленія одной черты изъ синтеза, въ которомъ она впервые только и получаетъ смыслъ, — возведеніе этой выдѣленной черты въ ни съ чѣмъ не связаиный максимумъ. Съ особенной наивностью примѣняется этотъ критерій въ общественной сферѣ, подмѣняя подлинную задачу несоотносительнымъ съ нею теоретическимъ разсужденіемъ. Ибо подлинная задача всегда и заключается въ томъ, чтобы выявить требуемое въ его сложной органичности, а не въ предполагаемо выдѣленной самостоятельности; и сугубая несоотносительность получится, если результаты этого выдѣленія все же приложить къ реальной задачѣ во всей ея конкретной полнотѣ.

Не менѣе безплодна (а при попыткѣ дѣйствительнаго осуществленія и губительна) задача идеальнаго, разрѣшающаго всѣ противорѣчія, построенія жизни, окончательно — благополучнаго разрѣшенія коллизій. Ибо такъ какъ таковое противорѣчитъ жизни, то стремленіе его установить и ведетъ (если предпринимается) къ ея разрушенію. Въ сущности конкретнымъ примѣненіемъ этихъ замѣчаній къ частному случаю нашей современности и была выше приведенная критика максималистическихъ идей военнаго времени. Разсмотрѣнная тамъ разрушительная идейность есть лишь частное примѣненіе презумпціи и задачи благостной гармоніи къ неизбывной трагичности органическихъ противорѣчій.

Изъ предыдущаго же вытекаетъ, что какъ *противорѣчіе* есть основополагающая форма органической жизни, такъ *неудовлетворяемость* есть основной ея законъ. Задача развитія всѣхъ ея особенностей, изживанія всѣхъ возможностей и т. п. — есть по существу своему задача доведенія противорѣчій до максимума и слѣдовательно убыстренія внутренняго распада. Но если неудовлетворяемость является нормой органической жизни, то и должна въ томъ или иномъ разрѣзѣ соотвѣтствовать ей неудовлетворенность какъ субъективный коррелатъ.

Поскольку неудовлетворенность побуждаетъ къ тому, чтобы снять свое основаніе, и поскольку снятіе этого основанія, т. е. удовлетвореніе, т. е. осуществленіе внутренней напряженности, усиливая противорѣчіе, ведетъ къ саморазрушенію, постолько сохраненіе органической жизни предполагаетъ примиреніе съ неудовлетворенностью. Достигается эта задача по разнымъ путямъ. Въ частности примѣнительно къ органичности общественно-культурной жизни — здѣсь примѣнима система воздѣйствій, направленныхъ на удержаніе людей отъ полноты удовлетворенія, вѣрнѣе даже отъ стремленія къ полнотѣ удовлетворенія — entbehren sollst du, sollst entbehren —, системы примиренія, смиренія, резиньяціи, обычно строющейся на религіозно-этической почвѣ. Но и помимо подхода чисто религіознаго и чисто этическаго въ эту сторону дѣйствуетъ и строй міросозерцанія свѣтско-соціальнаго, поскольку оно обосновывается идеей или чувствомъ соціальнаго цѣлаго, культурнаго единства. Интересъ самосохраненія цѣлаго направленъ противъ частичныхъ по отношенію къ нему интересовъ частей, лицъ и группъ, противъ отдѣльныхъ категорій и цѣнностей, — подобно тому, какъ въ личной жизни самосохраненіе индивида направлено противъ самодовлѣющаго разрастанія отдѣльныхъ его потребностей. Отсюда — такая система организованности или соотвѣтственно — система чувствъ и переживаній, которая поддерживаетъ цѣлое противъ части, обосновывая законность личной и частно-групповой неудовлетворенности во имя цѣлаго — культуры, государства, отечества, цеха, города, семьи. Все то, что служитъ къ сдерживанію частичныхъ устремленій, частичной сверхнапряженности, къ примиренію съ неудовлетворяемостью, къ признанію законной обоснованности неудовлетворенія — все это можетъ служить и служитъ здоровью цѣлаго, а слѣдовательно косвенно и здоровью неудовлетворяемыхъ частей и тенденцій. Но безспорно самая эта функція подавленія сверхнапряженности частей можетъ въ свою очередь, разрастаясь сверхнапряженно, какъ и всякая другая, давить на нихъ, подавлять ихъ и тѣмъ — снова по той же формулѣ функціонально сверхнапряженнаго противорѣчія — приводить къ ущербу или къ угрозѣ нарушенія бытія цѣлаго (какъ, примѣрно, умерщвляющимъ оказывается аскетизмъ или преувеличенное государственное вмѣшательство). Наоборотъ культивированіе не правъ и чувствъ цѣлаго, а правъ и чувствъ его элементовъ (въ частности правъ и чувствъ личности) совпадаетъ съ признаніемъ той сверхнапряженности,

которая свойственна имъ какъ частямъ цѣлаго; совпадаетъ съ задачей сполна удовлетворить потребностямъ и въ общемъ итогѣ — съ распадомъ цѣлаго въ результатѣ увеличенія внутреннихъ противорѣчій и противодѣйствій его частей.

Если приблизительно такова, какъ выше отмѣчено, динамика органической и органически-подобной жизни, то ясно что въ примѣненіи ея къ цѣльной культурѣ приходится сдѣлать выводъ о трагически неизбывной противорѣчивости таковой. И тѣмъ болѣе напряжена эта противорѣчивость, тѣмъ значительнѣе и опаснѣе противоборство, чѣмъ цѣльнѣе то культурное единство, въ которомъ оно происходитъ, и чѣмъ оно по своему составу и содержанію богаче и значительнѣе. Въ расплывчатой и мало содержательной культурѣ менѣе опредѣлена органическая жизнь цѣлаго и менѣе значительна численность и настоятельность сталкивающихся функцій; въ цѣльной, богатой культурѣ наоборотъ — и функцій, приходящихъ въ противорѣчіе больше и болѣе онѣ настоятельны, и вмѣстѣ съ тѣмъ большая связность единства цѣлаго представляетъ большую опасность распада.

Такимъ образомъ упрекъ внутреннихъ противорѣчій и противоборства одинаково можетъ быть обращенъ ко всякой культурѣ (въ особенности же ярко индивидуальной), ко всякому общественному строю; и тѣмъ самымъ онъ перестаетъ быть упрекомъ и обвиненіемъ. Это не возраженіе противъ данной культуры или строя, это не разоблаченіе или обвиненіе его, это — только методъ для выясненія его существеныхъ особенностей и главныхъ слабостей или угрозъ, — существенныхъ линій его жизни и судьбы.

И какъ противорѣчія строя и культуры не суть противопоказанія противъ нихъ, такъ не можетъ служить свидѣтельствомъ ихъ негодности или слабости и ея гибель или движеніе къ разложенію въ силу внутреннихъ причинъ. Мы видѣли, что угроза подобной смерти заложена въ самой жизни, и что она тѣмъ сильнѣе, чѣмъ богаче и значительнѣе ея живое содержаніе. То, что внутреннія противорѣчія подтачивали ново-европейскую культуру, и даже то, что она на своихъ противорѣчіяхъ потерпѣла крушеніе (если бы это было именно такъ), еще не служитъ ей въ осужденіе, не есть свидѣтельство ея негодности, неприспособленности или обре-

ченности. Такъ обречено смерти все живущее, такъ непригодно для вѣчности все органически цѣльное, такъ носитъ въ себя зародышъ внутренняго противоборства все многосложно содержательное и въ своей многосложной содержательности — законченно-цѣльное; ибо если цѣльное есть единство, то оно — и противорѣчіе своихъ частей; и если цѣльное есть жизнь, то оно вмѣстѣ съ тѣмъ и угроза смерти. Осуждать ее за ея противорѣчія также неосновательно, какъ ожидать или ставить себѣ цѣлью создать новую культуру безъ таковыхъ; примиряться съ происходящимъ ея паденіемъ, видя въ немъ свидѣтельство ея негодности, — то же, что предстоящей смертью оправдывать заблаговременно отказъ отъ жизни. Не то для культуры характерно, что она была противорѣчива и погибла, а то, — въ чемъ именно заключались ея противорѣчія и что она въ своихъ противорѣчіяхъ и ихъ преодолѣніяхъ, въ бореніи съ грозящими опасностями и въ самомъ своемъ пораженіи — создала и тщилась создать.

2. СВЕРХНАПРЯЖЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ

Культуры суть состоянія подвижнаго равновѣсія и динамическаго претворенія противорѣчивыхъ и согласуемыхъ въ органическомъ единствѣ силъ. Ихъ можно подраздѣлить на двѣ группы: такихъ, въ которыхъ преобладаетъ сверхнапряженность частичныхъ функцій, и такихъ, въ которыхъ преобладаетъ центральная функція объединенія и сохраненія цѣлаго. Я оставляю здѣсь въ сторонѣ вопросъ о томъ, характеризуется ли этими признаками цѣлая культура на всемъ ея протяженіи, или только отдѣльныя стадіи развивающейся культуры, такъ что въ одной своей стадіи онѣ могутъ подходить подъ одну категорію, а въ другой подъ другую. Вообще я здѣсь не подвергаю анализу понятіе культурной индивидуальности и — какъ это дѣлалъ примѣнительно къ культурѣ ново-европейской — разсматриваю въ качествѣ таковой всякій культурно-историческій болѣе или менѣе цѣлостный синтезъ, хотя бы по своему человѣческому субстрату и географической средѣ онъ не былъ всецѣло отдѣленъ отъ всѣхъ другихъ культурныхъ синтезовъ, а являлся въ преемственной смѣнѣ стадій лишь стадіей, выросшей изъ другой и въ третью имѣющей перейти.

Конечно, культурное единство, понятое въ этомъ смыслѣ, есть нѣчто иное нежели культурное единство, понятое въ смыслѣ цѣльной жизни опредѣленнаго этноса въ опредѣленной географической средѣ (какъ это напримѣръ понимаетъ Шпенглеръ). Но понятія эти не взаимно противорѣчивы и не взаимно пересѣкаются, а связуемы между собой, ибо культура въ одномъ изъ этихъ смысловъ является стадіей культуры въ другомъ. Отдѣльныя стадіи могутъ представлять настолько яркую индивидуальность, что подлежатъ и выдѣленной характеристикѣ и самостоятельному разсмотрѣнію. Именно въ этомъ смыслѣ я и оставляю въ сторонѣ дальнѣйшее разсмотрѣніе вопроса, относится ли раздѣленіе, выше намѣченное, къ цѣлымъ культурамъ — въ смыслѣ антропогеографическаго единства или только къ ихъ стадіямъ, какъ къ единствамъ скорѣе культурно-соціальнаго типа.

Дѣленіе вышеотмѣченное можетъ быть сближено съ классическимъ подраздѣленіемъ общественныхъ стадій на «органическія» и «критическія» съ тѣмъ впрочемъ немаловажнымъ отличіемъ, что въ этомъ послѣднемъ противопоставленіи, во первыхъ, органическое состояніе какъ бы является основнымъ, по отношенію къ которому критическое оказывается отрицаніемъ или переходомъ, и во вторыхъ, первое берется, какъ гармоническое и самодовлѣющее. На самомъ дѣлѣ гармоніи и самодовлѣнія такъ же мало или такъ же много въ одномъ, какъ и въ другомъ и первое нисколько не болѣе органично, чѣмъ второе. Къ тому же второе отнюдь не является, такъ сказать, отрицаніемъ перваго, его разложеніемъ, а является независимымъ, положительнымъ, творческимъ, быть можетъ, сугубо творческимъ періодомъ культурнаго бытія. Не такъ обстоитъ дѣло, что органическое состояніе знаменуетъ нѣкоторое положительное творчество, нѣкоторое утвержденное бытіе, тезисъ, а критическій періодъ есть ихъ отрицаніе, разрушеніе и переходъ къ новому. Оба они суть состоянія подвижной жизненности, оба положительны, оба утверждаютъ. Мало того, больше положительнаго, больше утвержденій именно во второй категоріи (какъ бы соотвѣтствующей критическимъ стадіямъ), нежели въ той, которая въ разбираемомъ противоположеніи соотвѣтствовала бы органической стадіи; и наконецъ не только «критическая» является разложеніемъ «органической», но каждая, будучи положительно утверждающей, имѣетъ и свои особыя формы разложенія.

Культуры обоихъ подраздѣленій суть положительныя состоянія культурной жизненности и различаются тѣмъ, что

въ одномъ («критическомъ») преобладаетъ осуществленіе сверхнапряженныхъ функцій, а въ другомъ («органическомъ») наоборотъ — преодолѣніе ихъ центральнымъ противодавленіемъ; въ одномъ центръ силъ въ отдѣльныхъ разрастающихся функціяхъ, въ другомъ — въ общемъ ихъ сдерживаніи и управленіи. Отсюда въ одномъ идетъ болѣе могучее творчество, въ другомъ болѣе сплоченной является общая согласованность, въ одномъ — ярче игра частей, больше свободы и борьбы, партикуляризма и индивидуализма, въ другомъ больше связности, постоянства, универсализма и единства, меньше движенія и больше покоя. Первыя живутъ подъ знакомъ творчества и свободы, вторыя подъ знакомъ вѣрности и солидарности; первыя подъ знакомъ производительности и изобилія, вторыя — подъ знакомъ самоограниченія и законченности. Отсюда естественно, что первыя культурныя эпохи протекаютъ бурнѣе и разнообразнѣе вторыхъ; въ нихъ ярче внутреннія столкновенія, прикрываемыя во вторыхъ общей объединенностью. Первыя развиваются многостороннѣе и быстрѣе, приводятъ къ разнобою расползающейся множественности, или къ бурнымъ разрушительнымъ столкновеніямъ, въ которыхъ можетъ гибнуть цѣлое. Вторыя наоборотъ имѣютъ теиденцію медлительно и малозамѣтно переходить подъ давленіемъ неизмѣнной сдерживаемости къ послѣдовательному оскудѣнію, сокращенію творчества и активности, къ омертвѣнію, къ мумификаціи. Первыя расплываются или взрываются, вторыя — костенѣютъ.

Если вѣрно, что явленія этихъ категорій суть мѣняющіяся стадіи въ жизни одного народа — какъ бы ея пульсаціи, — слѣдуетъ сказать, что во всякомъ случаѣ каждой народной духовности, каждой культурѣ болѣе сродни только одна изъ этихъ двухъ разновидностей и слѣдовательно только въ ней съ наибольшей полнотой проявляется народная духовность, въ ней достигаются культурныя вершины. Только въ одной изъ этихъ формъ достигаетъ народъ своей кульминаціи, именно въ той изъ нихъ, которая ему конгеніальна; и только въ этой формѣ онъ и погибаетъ.

Не трудно усмотрѣть, къ которой именно изъ двухъ намѣченныхъ формъ относится культура ново-европейская, вся основанная на динамикѣ, на партикуляризмѣ (одинаково вы-

ражающемся въ соціально хозяйственномъ индивидуализмѣ, въ государственномъ, даже имперіалистическомъ партикуляризмѣ, въ культурническомъ націонализмѣ), на идеѣ и фактѣ свободы, на личности, ея инициативѣ и самостоятельности, на неоглядномъ бѣгѣ и напряженномъ развертываніи каждой функціи безъ соотношенія съ другими, безъ соотношенія съ цѣлымъ.

Расцвѣтъ капитализма съ установленіемъ центра тяжести въ производствѣ на рынокъ, на неизвѣстнаго потребителя, въ пространство, въ производствѣ частично опредѣляемомъ возможностями каждой отрасли порознь внѣ соотношенія съ цѣлымъ, съ преобладаніемъ производственнаго функціонированія надъ потребительскимъ контролемъ, съ тѣми кризисами, которые отсюда проистекаютъ, служитъ яркимъ показателемъ духовности нашего времени. Самый кризисъ является проявленіемъ тѣхъ столкновеній сверхнапряженныхъ функцій, помощью которыхъ они въ органической цѣльности взаимно регулируются, взаимно оттѣсняемыя въ надлежащее мѣсто съ точки зрѣнія органической цѣльности. Конечно, хозяйственныя формы повторны въ разныхъ эпохахъ; однако, различной остается ихъ общекультурная значимость, различенъ ихъ удѣльный вѣсъ въ цѣломъ. Культуры, столь глубоко конгеніальной съ темпомъ и полетомъ капитализма, не бывало въ другія историческія эпохи.

Сверхнапряженность эпохи сказывалась въ необычайномъ богатствѣ, изобрѣтательности научнаго и техническаго творчества. Индуктивное творчество — таковъ методъ эпохи; индуктивный въ переносномъ и расширенномъ смыслѣ, именно въ смыслѣ творчества снизу вверхъ, отъ матеріала въ его разнообразіи и многообразіи, — въ противоположность работѣ въ предѣлахъ и съ соблюденіемъ предустановленнаго схематизма, предопредѣленныхъ рамокъ.

Съ этимъ согласована яркая прогрессивность всего культурнаго процесса, понимая это слово въ буквальномъ и переносномъ значеніи. Творчество не предопредѣлено заранѣе поставленными рамками завѣдомо соблюдаемаго цѣлаго, а развертывается отъ даннаго состоянія поступательно въ неизвѣстную даль, туда, куда его приведетъ самостоятельно изнутри развертывающійся процессъ. Это творчество a quo a не ad quod, это использованіе наличныхъ функцій, матеріаловъ и возможностей для неопредѣлимаго назначенія, для того назначенія, которое окажется достижимымъ, а не для

назначенія предустановленнаго, это свободное безъ предрѣшенія функціонированіе способностей.

Къ этому нужно присоединить еще и другую черту: необычайное напряженіе дѣятельности. Наибольшая производительность—таково основное устремленіе эпохи; пружина сверхнапряженности спущена, и всѣ функціи устремлены къ максимальному своему проявленію. Бѣшеный темпъ жизни и работы — таковъ стиль эпохи; схема ея въ динамикѣ осуществленія, а не въ оформленности осуществленнаго. Пожалуй, можно и такъ сказать, что въ этомъ заключена своеобразная слѣпота на завтрашній день, на результаты, своеобразная безбоязненность по отношенію къ нимъ. Такъ пускаются мореплаватели на великія открытія, путешественники въ неизвѣданныя страны; такъ безбоязненно преслѣдуются до послѣднихъ возможныхъ выводовъ изобрѣтенія, — ломается бытъ въ примѣненіи новыхъ методовъ, или въ приложеніи новыхъ машинъ.

Въ другія эпохи твердый бытъ, охраняя себя, оттѣсняетъ опасныя для него нововведенія или лишь медленно проникается ими; здѣсь паровая машина совершаетъ революцію, вызывая бунты, не столько подавленные, сколько поглощенные безудержнымъ бѣгомъ жизни. Всякая ставимая цѣль немедленно вызываетъ бѣгъ къ ней. Цѣли ставятся безъ учета ихъ значимости: онѣ манятъ и зовутъ своей индивидуальной полнотой независимо отъ тѣхъ можетъ быть разрушительныхъ, можетъ быть созидательныхъ послѣдствій, къ которымъ онѣ способны привести, независимо отъ соотношенія съ затрачиваемыми на нихъ силами и средствами. Надъ всѣмъ господствуетъ страсть къ дѣланію, къ преодолѣнію, къ осуществленію. Полюсъ долженъ быть открытъ какою бы то ни было цѣной — разъ блеснула такая мысль, каково бы ни было научное значеніе открытія, хотя бы оно и не влекло за собой исключительно важныхъ послѣдствій, — и хотя бы процессъ открытія стоилъ не только жизней, но и мукъ и усилій, расхода ума и нервовъ, воли и характера, достаточныхъ для завоеванія государствъ. Истоки Нила должны быть открыты, Гималаи должны быть преодолѣны, іероглифы и клинопись — истолкованы; раскопки — гдѣ лишь мерещится возможное разъясненіе непредвидѣнныхъ подробностей прошлаго — произведены. Всякое случайное открытіе, находка или наблюденіе преслѣдуются въ своихъ послѣднихъ послѣдствіяхъ — изъ судороги лягушки выростаетъ сказочный міръ науки объ электричествѣ, электротехники. Преданіе о паденіи яблока,

какъ повода для открытія закона тяготѣнія, — хорошій символъ этого движенія. Яблоки падали отъ вѣка и вѣроятно отъ вѣка это паденіе наблюдалось и геніальными умами; но алканіе всякій клубокъ размотать, всякій мелькнувшій вопросъ разрѣшить — такова особенность европеизма. Пружинность души, натолкнувшейся на какое либо препятствіе, загвоздку или вопросъ, не останавливается, пока не преодолѣетъ и не разрѣшитъ. Динамика души, разъ приведенная въ движеніе, устремляется все далѣе, ни съ чѣмъ не считаясь и ни чѣмъ не дорожа. Рекордъ — таковъ лозунгъ недавняго времени. Къ чему нужны безчисленные рекорды въ безчисленныхъ областяхъ дѣятельности, въ спортѣ и техникѣ, въ играхъ и наукѣ. Почему нужно все скорѣе и скорѣе двигаться на велосипедѣ или автомобилѣ, все выше или дальше подыматься на аэропланѣ, все дольше плавать или бѣгать. Игры были свойственны эллинскому міру, но ему чужда была идея рекорда. Тамъ игры осуществляли предустановленную форму; рекордъ — это форма неограниченно-напряженной динамики. Пароходы строились все болѣе и болѣе емкіе; было ли это коммерчески выгодно. Не этимъ, конечно, опредѣлялось въ конечномъ счетѣ движеніе. Если бы только въ коммерческой цѣлесообразности былъ вопросъ, не было бы блистательной роскоши, изысканныхъ удобствъ плавучихъ дворцовъ. Но даже если бы дѣло шло только о выгодѣ, о цѣлесообразности, какъ стоялъ вопросъ съ кораблями военными (броненосцы, дреднауты, сверхдреднауты... куда дальше), то развѣ не знаменательно самое это исканіе цѣлесообразности въ неизмѣримомъ увеличеніи. Вѣдь не обязательно же именно въ этомъ направленіи искать выгоду и необязательно вообще стремиться къ ней, не щадя силъ и затратъ, не останавливаясь передъ опасностями и угрозами. Гибель «Титаника» — тоже одно изъ символическихъ событій ново-европейской культуры — показательна для этого бѣга, и нельзя сомнѣваться, что она ни на одну минуту не остановила бы строительства сверхтитаника.

Неограниченный напоръ въ непредограниченномъ пространствѣ — такова характеристика европейскаго духа. Въ буквальномъ и географическомъ смыслѣ это дало на зарѣ ново-европейской культуры — открытіе земного шара и продолжаетъ и до нашихъ дней приводить къ обслѣдованію послѣднихъ потайныхъ уголковъ планеты. Это стремленіе въ другихъ измѣреніяхъ привело въ наши сказочные дни къ надземному полету и подводному плаванію. Эта тяга, перене-

сенная съ пространства на время, — привела въ послѣднемъ вѣкѣ къ открытію культуръ былого, къ воскрешенію умершихъ эпохъ. Та же тяга въ хозяйственной плоскости даетъ и дала производство на неопредѣленный рынокъ со всѣми его послѣдствіями; въ государственной плоскости — ведетъ къ колонизаторству и имперіализму. Общія волевыя устремленія въ даль, алканіе дали — тотъ фаустовскій духъ, которымъ мѣтко характеризуетъ Шпенглеръ западно-европейскую культуру — лежитъ въ основѣ этого строительства. Этотъ духъ Шпенглеръ усматриваетъ во всей западно-европейской культурѣ въ качествѣ ея подосновы. Однако, современная эпоха, подготовленная всей предыдущей исторіей Европы, непосредственно же подготовленная со временъ возрожденія и реформаціи, окончательно вырощенная раціонализмомъ 18 вѣка и революціей его конца, оформлялась примѣрно къ концу 19 вѣка, какъ своеобразная стадія, по времени, пожалуй, въ историческомъ смыслѣ — молніеносная, по содержанію преисполненная особенностей, не сводимыхъ на одинъ только тотъ общій духъ, который опредѣлялъ и цеховое устройство и полицейское государство, дворъ Людовиковъ и мышленіе схоластики. Здѣсь привходятъ къ этой общей основѣ своеобразныя черты, которыя совмѣстно и опредѣляютъ обликъ эпохи, съ одной стороны являющейся стадіей болѣе объемлющаго синтеза, но въ другомъ разрѣзѣ являющейся и нѣкоторымъ синтезомъ самостоятельнымъ.

Чистый волевой нажимъ, чистое волевое сверхнапряженіе. Нужна была особая духовная подоплека, особый темпераментъ, чтобы создать подобную культуру къ началу XX вѣка. Это волевое устремленіе въ неизвѣданное, своего рода авантюризмъ викинговъ, конквистадоровъ, изобрѣтателей, летчиковъ и рекордменовъ, водителей неисчислимыхъ армій, строителей каналовъ, прорѣзывающихъ материки, туннелей, прорѣзающихъ горные хребты, подъемныхъ дорогъ, вползающихъ на вершины, открывателей и организаторовъ материковъ — въ концѣ концовъ это все то же напряженіе мореплавателя, со своего острова или берегового утеса устремляющагося въ даль океана. И вѣроятно именно въ этой общности или родственности послѣдней основы духа и лежитъ причина того, что въ этой культурѣ безоглялнаго океаническаго устремленія

— такую значительную роль сыгралъ, такую конгеніальность проявилъ и еврейскій народъ. По происхожденію своему не морской и не прибрежный — онъ былъ народомъ пустыни, оазисовъ, т. е. опять таки народомъ непрерывнаго устремленія по сухопутному морю пустыни, какъ сѣверные европейцы были народомъ устремленій по волнамъ пустыни морской. И какъ тѣхъ манили оазисы, такъ этихъ — острова и берега далекихъ заморскихъ странъ. И дальнѣйшая судьба еврейскаго народа поддерживала и выращивала ту самую духовность, которая заключена была въ воздѣйствіяхъ ея ранней пустынной колыбели. Разсѣяніе — это тоже соціальное море, соціальная пустыня, въ которой разбросаны, какъ острова или оазисы возможнаго соціальнаго существованія, — колоніи, города. Разсѣянные на огромномъ пространствѣ, сосредоточенные въ опредѣленныхъ городскихъ центрахъ, частью безъ экономической возможности жить въ промежуточной средѣ, частью безъ правовой на то возможности, — евреи неизмѣнно оставались, какъ бы на соціальныхъ островахъ или оазисахъ среди соціальнаго моря или пустыни. Государственная необезпеченность ихъ существованія, повторная возможность полнаго крушенія и повторная же необходимость пускаться въ новыя плаванія, въ эмиграцію продолжала растить и подбирать духъ неизмѣнно-напряженной активности, столь характерный и для еврейской души и для души ново-европейской культуры. Я не хочу изъ этого сдѣлать вывода о тождествѣ этихъ двухъ психикъ: еврей изъ арабской пустыни или міровой соціальной діаспоры и германецъ съ скандинавскаго побережья или британскаго острова — разные люди, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ глубоко разные. Изсушенный пустыней, лишенный окруженія природнаго многообразія, обостренный окруженіемъ соціальнымъ и въ частности утонченный непрерывностью соціальнаго разсчета и умственной тренировки, объединяемый не физическими, а духовными узами, еврейскій духъ раціоналистиченъ въ отличіе отъ окунутаго во влажную конкретность, въ туманную и насыщенную природу, окруженнаго лѣсами и морями, рѣками и горами, воспринимающаго многообразіе внѣшнихъ впечатлѣній и на него многообразно реагирующаго эмоціональнаго духа сѣверо- европейца. Сильная раціоналистичность ослабляетъ эмоціональное многообразіе, сжимая ее къ чувственности; между тѣмъ для сѣверо-европейца характерно именно изобиліе промежуточныхъ и переливчатыхъ эмоціональныхъ углубленій, въ которыхъ одинаково погружаются и разсудокъ и чувствен-

ность, — для него характерно прислушиванiе души къ переливамъ нерасчленяемыхъ переживанiй. Еврейскiй рацiонализмъ даетъ сильную дiалектику — въ параллель сѣверо-европейской эмпирикѣ. Въ эмпирикѣ же онъ угрожаетъ ниспаденiемъ къ казуистикѣ. Наоборотъ, эмпирикъ въ отвлеченной области способенъ лишь на глыбную суммарность. Рацiонализмъ въ оглядкѣ на внѣшнее — даетъ скепсисъ, эмоцiональный-же эмпиризмъ, уходя отъ внѣшняго во внутрь, приходитъ къ мистикѣ (впрочемъ между мистикой и скепсисомъ есть не одна точка соприкосновенiя). Сѣвероевропеецъ, погруженный въ многообразную среду, эмоцiонально ее переживающiй, исполняется художественной интуицiей, впрочемъ, не столько всматриваясь въ окружающее, сколько вслушиваясь въ свое сопереживанiе его: музыка его стихiя, опредѣляющая духовность и внѣзвукового мiра; рацiоналистъ всматривается, чертя — линiя, арабескъ его тяготѣнiе; его главное орудiе рацiональное выраженiе, слово, понятiе. И потому и внѣ словеснаго искусства онъ, если даетъ значительное, то лишь преломленннымъ сквозь словесную осмысленность: либо въ аллегорiи и въ устремленiи къ ней, либо въ разложенiи на элементы и въ ихъ цѣлесознательномъ построенiи. Между тѣмъ пронизанная эмоцiональной значительностью и возведенная къ наиболѣе разрѣженной проникновенности эмпирика даетъ — символы. Эмоцiя, окрашивая душу напряженную — даетъ пафосъ; вѣра еврея, не тихая и самопогруженная, а патетическая и устремленная; зовущая пророческая эмоцiя окрашиваетъ душу чувственно-волевую, давая лирикѣ умственно возвышенное устремленiе псалма, какъ эмоцiя рацiонально-скептическая даетъ лирику ироническаго излома. Вообще словесная лирика — это художественный максимумъ еврейской души. Съ другой стороны чувственно-волевыя натуры, со сравнительно ослабленной средне-эмоцiональной сферой, обращенные на себя, даютъ на своихъ максимумахъ не художественное самоприслушиванiе, а распорядительство, владѣнiе собой — не художника, а виртуоза.

Разумѣется, это только весьма частный, приблизительный и одностороннiй чертежъ; на самомъ дѣлѣ разнообразится, иногда едва ли не переходя въ противоположное, всякая коллективная психика, проявляя въ различныхъ своихъ разновидностяхъ точки соприкосновенiя между собой (напр., при ослабленiи волевого начала сближается еврейская душа съ юго-романскимъ скептическимъ рацiонализмомъ). Я хочу только отмѣтить, что въ чрезвычайно многомъ расходятся до глубо-

кихъ отличій душа еврейская и сѣверо-европейская — и все же въ одномъ существенномъ, особенно существенномъ именно въ данную эпоху, онѣ соприкасаются и потому съ такой яркостью обнаружилось ихъ соучастіе въ дѣлѣ созиданія ново-европейской культуры. Ясно въ какой мѣрѣ подобная духовность раститъ сверхнапряженность всѣхъ общественныхъ и духовныхъ функцій; ясно съ какой остротой должны были въ перекрещивающихся столкновеніяхъ вырастать противорѣчія. Ростъ централизующихъ функцій могъ сдерживать эти накоплявшіяся противорѣчія. Но самая безудержная напряженность, жизненная мощь эпохи этимъ не подрывалась, а лишь возводилась въ высшую степень наибольшихъ усложненій и насыщенности.

И все-же не одной психической подпочвой субъектовъ культурнаго дѣланія ново-европейской эпохи опредѣляется его темпъ, его разрастаніе — ибо вѣдь этотъ субъектъ былъ и —раньше, свойства его — и въ частности эти самыя его свойства — отражались и на его предшествовавшемъ культурномъ дѣланіи, и однако только въ послѣднюю краткую эпоху проявилось то пышное разрастаніе, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь.

Слѣдуетъ отмѣтить, что къ этой эпохѣ оказались уже накопленными неизмѣримыя богатства — въ какомъ бы смыслѣ это слово ни понимать: богатство предметовъ и знаній, досуга и орудій производства, мыслей и приборовъ, техническихъ приспособленій и накопленій исторической памяти. Выше было указано, что разряду сверхфункціональнаго напряженія способствуетъ ослабленіе препятствій и затратъ, требуемыхъ его нормальнымъ функціонированіемъ. Чистое напряженіе функцій возрастаетъ, когда исчезаетъ жизненная въ нихъ настоятельность — таково пародоксальное соотношеніе: трагизмъ органической противорѣчивости напрягается, когда становится легче жить. Въ противоположность примитивно-оптимистическому пониманію, согласно которому (какъ въ плоскости жизни личной, такъ и коллективно-культурной) удовлетвореніе наиболѣе настоятельныхъ запросовъ устраняетъ основную жизненную трагедію, открывая возможность неопредѣленнаго развертыванія свободной и все болѣе счастливой хорошей жизни, — надо сказать, что именно устра-

неніе настоятельнѣйшихъ трудностей и бѣдствій впервые развертываетъ глубинныя противорѣчія, столкновенія и трагизмы, а отчасти — впервые ихъ создаетъ. Трагизмъ подавляется, не получаетъ развитія, сдавливаемый взаимными стѣсненіями, лишеніями и отказами органической жизни. Только за ея предѣлами, освободившись отъ ея давленій, онъ, какъ пружина, выпрямляется и даетъ свою неустранимую игру.

Къ эпохѣ ново-европейской культуры вѣками оказались подготовленными неисчислимыя и еще небывалыя скопленія духовныхъ и матеріальныхъ богатствъ, широкой досужести и свободы; это и открыло душѣ главнаго субъекта современной культуры возможность того разбѣга сверхфункціональнаго напряженія, который привелъ какъ къ богатѣйшему убыстренному творчеству, такъ и къ нарастанію неразрѣшимыхъ столкновеній.

И однако еще и не этимъ однимъ обусловливается характеръ ново-европейской культуры.

III. КУЛЬТУРА КОМПЛЕКСНАГО МОТИВА

Бурному строительству ново европейской эпохи способствовала не только волевая напряженность его субъекта, но и еще ея духовный строй . Въ другой работѣ (выше уже упоминавшейся[1]) мнѣ приходилось намѣчать, какъ въ основу разныхъ міросозерцаній ложатся и разные философскіе мотивы, опредѣляющіе каждый цѣлую совокупность производныхъ отъ него понятій, идей, созерцаній не одного только чисто философскаго значенія, но и характера научнаго и техническаго, религіознаго и художественнаго. Я пытался тамъ намѣтить, что система міросозерцанія (ближайшимъ образомъ философіи, но и шире говоря — науки, религіи, техники и даже общественности) не является произвольнымъ сочетаніемъ или хотя бы и неизбѣжнымъ, но неизбѣжнымъ лишь по связи содержаній, — а является каждое развертываніемъ опредѣленнаго единаго философскаго мотива, дающаго свои неотъемлемые отпрыски и послѣдствія по всѣмъ направленіямъ духовной жизни. Нѣкоторое число основныхъ (апріори выводимыхъ и исчерпываемыхъ) мотивовъ чистаго мышленія подлежатъ развертыванію въ цѣльныя системы и послѣдовательности духовныхъ содержаній. Развертываются ли они фактически до своего конца (каковымъ является ихъ внутреннее саморазрушеніе) или прерываются, внѣшне случайно связываясь съ инородными мотивами, давая промежуточныя и неустойчивыя образованія, — это уже не вопросъ ихъ внутренняго существа и динамики; это вопросъ внѣшнихъ, психическихъ, культурныхъ, этническихъ — условій и вліяній. Только при опредѣленныхъ условіяхъ — конгеніальности мотива въ его внутреннемъ смыслѣ съ реальными особенностями народной психики, являющейся ихъ носительницей, мотивъ дѣйствительно получаетъ возможность исчерпывающаго развер-

[1] «Объектные мотивы философскихъ построеній». Логосъ, 1913 г

тыванія, и въ этихъ случаяхъ основанная на немъ культура получаетъ особенную внутреннюю цѣльность и полноту, органическую законченность (приводящую къ неизбѣжному самоотрицанію сообразно трагическому характеру всякой органичности и всякаго самодовлѣющаго функціонированія средственной функціи). Такія цѣльныя внутренне-связанныя единствомъ основополагающаго мотива культуры являютъ собой наиболѣе богатыя значительныя эпохи человѣческой исторіи.

Здѣсь незачѣмъ прослѣживать ближе эти положенія; было бы чрезмѣрнымъ отклоненіемъ выяснить ихъ близость или отличія отъ воззрѣній, выставленныхъ въ послѣдніе годы Шпенглеромъ. Подойти къ нимъ можно съ разныхъ сторонъ; въ упомянутой работѣ я подходилъ къ нимъ въ плоскости имманентнаго развитія мотивовъ, взятыхъ въ ихъ схематической обобщенности; можно къ тому же подойти и въ плоскости психологически реальной; какъ по пути діалектики понятій и динамики идей, такъ и по пути психогенеза этническихъ, антропогеографическихъ типовъ и историческихъ наслоеній. Здѣсь было бы невозможно намѣтить даже и важнѣйшихъ граней и послѣдствій такого разсмотрѣнія міросозерцаній; я могу лишь выхватить оттуда нѣсколько черточекъ для освѣщенія занимающаго насъ здѣсь вопроса.

И ново-европейская культура въ этомъ отношеніи — подобно немногимъ кульминаціоннымъ культурамъ человѣчества — имѣетъ въ своей подосновѣ нѣкій опредѣленный мотивъ, именно мотивъ комплексный. Онъ предполагаетъ воспріятіе, пониманіе, созерцаніе предметовъ, явленій и содержаній въ ихъ составленности изъ частей. Не трудно убѣдиться въ томъ, что это не единственный способъ построенія и воспріятія предметовъ. Примѣрно можно воспринимать таковые въ качествѣ воплощенныхъ формъ, или въ качествѣ реализованныхъ потенцій; можно еще подойти къ содержаніямъ съ точки зрѣнія и иныхъ мотивовъ. Комплексный мотивъ есть лишь одинъ изъ возможныхъ подходовъ; всякій разъ, какъ въ его плоскости происходитъ воспріятіе опыта — развертывается тотъ же неизбѣжный рядъ послѣдствій и схематическихъ построеній; такіе подходы происходили въ исторіи мысли неоднократно, всегда вызывая однородные ряды построеній;

но основополагающимъ и всеопредѣляющимъ этотъ мотивъ сталъ — въ силу условій, не подлежащихъ здѣсь разсмотрѣнію въ ново-европейскую эпоху, которую онъ собою духовно и опредѣлилъ.

Естественно, что мотивъ, понятый въ этомъ смыслѣ, находится въ предустановленной связи съ психикой, его носящей; но онъ не связанъ съ ней однозначно. Одна духовная подпочва можетъ быть связуема съ разными мотивами и наоборотъ одинъ мотивъ можетъ повторяться и на разныхъ духовныхъ подпочвахъ, правда, не получая въ нихъ одинаково полнаго развитія. Во всякомъ случаѣ примѣнительно напримѣръ къ шпенглеровской идеѣ постоянства коллективной души (напримѣръ, фаустовской души западно-европейской культуры), какъ послѣдняго носителя и опредѣлителя культуры, надо отмѣтить, что таковая совмѣстима съ разными философскими мотивами; и въ частности мотивъ комплексный отнюдь не является единственно ей присущимъ[1]; онъ характеренъ не для западно европейской культуры вообще, а лишь въ частности для культуры ново-европейской.

Отмѣчу въ самыхъ краткихъ указаніяхъ черты комплекснаго мотива, необходимыя для цѣли настоящаго разсмотрѣнія. Онъ предполагаетъ воспріятіе всякаго предмета, содержанія, какъ состоящихъ изъ частей. Разсматривая въ томъ же мотивѣ и всякую часть предмета, мы переходимъ къ послѣдовательному разъятію частей на дальнѣйшія части вплоть до предѣльныхъ частей, какъ бы мы таковыя ни называли (въ природѣ атомы, іоны, электроны; элементы логистики и пр.; или до идей безпредѣльнаго малаго элемента; сюда же относится и идея квантъ и въ сущности сюда же при другихъ объективныхъ предпосылкахъ долженъ быть отнесенъ и образъ эфирной волны.) Атомизмъ — въ формальномъ значеніи этого термина и въ разныхъ конкретныхъ его воплощеніяхъ — является первымъ производнымъ отъ комплекснаго мотива. Другимъ производнымъ является идея послѣдовательности ком-

[1] Германской духовной активности конгеніальными оказываются и иные мотивы — въ частности одна изъ разновидностей мотива мистическаго и мотивъ трансцендентальный. Также и другіе играли основополагающую роль въ различные періоды западно европейской исторіи.

плекснаго строенія (организма изъ органовъ, органовъ изъ тканей, тканей изъ клѣтокъ и пр.; аналогично въ системѣ идей, наукѣ, техникѣ). Поскольку данный предметъ или содержаніе, будучи комплексомъ является чѣмъ то длительно опредѣленнымъ, — части въ немъ должны быть и опредѣленно сочетаны, согласованы между собой въ единство комплекса. Отсюда идея организаціи, которая въ свою очередь — поскольку комплексъ является единствомъ динамическимъ — приводитъ къ идеѣ функціи. Комплексный мотивъ, въ нисходящемъ ряду приводя къ представленію атомизма и организаціи, въ восходящемъ ряду даетъ основу для представленія объ организаціи предметовъ и содержаній во все болѣе объемлющія единства, о системахъ таковыхъ; и такъ какъ предѣловъ для этого движенія въ самомъ мотивѣ не дано, то оно приводитъ къ представленію непрерывнаго ряда неопредѣленно расширяющихся синтезовъ, или въ современной формулировкѣ — къ идеѣ безконечностей послѣдовательныхъ мощностей (въ математикѣ Кантора). Въ другомъ разрѣзѣ поскольку этотъ восходящій рядъ синтезовъ разсматривается не идейно содержательно, а въ реально генетическомъ разрѣзѣ (для чего въ свою очередь, какъ еще будетъ указано ниже, есть основанія въ самомъ мотивѣ), — восходящій рядъ расширяющихся и усложняющихся синтезовъ приводитъ къ идеѣ эволюціи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ для предѣла (реальнаго или мысленнаго) подобной восходящей комплексности нѣтъ основы въ самомъ мотивѣ, и потому всецѣльность опыта, тотальность содержанія на немъ построена быть не можетъ. Это означаетъ, иными словами, что комплексный мотивъ даетъ столь же твердую основу и стимулъ для науки (построяющей отношенія совмѣстности и взаимодѣйствія предметовъ и содержаній), сколь чуждъ въ своемъ существѣ религіи, устанавливающей отношеніе къ исчерпывающей цѣлостности опыта. Это, разумѣется, нисколько не значитъ, чтобы въ эпоху, духовно опредѣляемую комплекснымъ мотивомъ, было менѣе религіозности, религіозныхъ идей, религіозныхъ запросовъ и устремленій, чѣмъ въ любую другую эпоху, ибо предѣльная религіозная потребность коренится въ тѣхъ глубинахъ человѣческаго духа и жизни, которыя остаются независимыми отъ какого бы то ни было измѣненія міросозерцаній и ихъ мотивовъ. Но безспорно то, что религіозная потребность и религіозная задача въ міросозерцаніи, основанномъ на комплексномъ мотивѣ, опоры не имѣютъ, съ нимъ не конгеніальны, остаются

такимъ образомъ ему чуждыми и внѣположными. Основное опредѣляющее русло ново-европейской культуры проходитъ мимо религіозной задачи, съ нимъ не сливающейся, изъ него не вырастающей, — остающейся въ немъ чужероднымъ тѣломъ, остаткомъ ли прежняго или начаткомъ будущаго, но привходящей, а не ингерентной составной частью. Пафосъ ново-европейской культуры безрелигіозный.

Всякое міропониманіе, строя дѣйствительность на какомъ либо мотивѣ, тѣмъ самымъ устанавливаетъ нѣкое послѣднее, подлинное бытіе — абсолютную объективность, коею опредѣляется міръ опыта. Мотивъ формы выноситъ это объективное бытіе за предѣлы опытнаго міра, видя его въ надъэмпирическомъ; мотивъ субстанціи точно также выноситъ его за предѣлы опытнаго міра — если можно такъ выразиться, въ обратномъ направленіи — дѣлая его не надъ эмпирикой витающей и въ ней только воплощающейся формой, а неизмѣнной подосновой эмпирики, надъ которой эта послѣдняя зыблется, какъ ея поверхностная модификація. Абсолютное и постоянное въ обоихъ случаяхъ внѣопытно; опытъ въ обоихъ случаяхъ лишь нѣчто, перемѣнно производное отъ незыблемыхъ внѣположныхъ по отношенію къ нему началъ.

Иначе обстоитъ дѣло при мотивѣ комплексномъ. Сводя предметы и явленія опыта на составы частей, онъ послѣднюю реальность, дальше неразложимую и не сводимую, объективно тѣмъ самымъ усматриваетъ въ ихъ предѣльныхъ элементахъ въ предѣлѣ комплекснаго разъятія. Другими словами абсолютное бытіе, объективность, подлинная реальность устанавливается при комплексномъ мотивѣ не внѣ опыта, (не надъ нимъ и не подъ нимъ), а въ предѣлахъ самаго опыта. Абсолютное внутри-опытно, остается въ предѣлахъ эмпирики; объективность интрареальна.

Этимъ опредѣляется глубочайшее различіе міропостроенія комплекснаго отъ большинства другихъ, въ частности отъ формальнаго (платоно - аристотелевскаго) и субстанціальнаго (бруно-спинозизма). Такъ какъ въ комплексномъ построеніи объективное, абсолютное — интрареально, то и реальность —объективна, абсолютна. Этимъ и опредѣляется глубочайшій *реализмъ* комплекснаго міропостроенія.

Мы получаемъ такимъ образомъ такое сочетаніе. Новоевропейская культура, основанная на мотивѣ комплекса, строитъ всѣ явленія и содержанія, какъ нѣкіе синтезы и составы, — но составы эти объективны, самосущи. Посмотримъ на нихъ не въ плоскости ихъ воспринимаемости, а въ плоскости ихъ становленія; объективное, абсолютное окажется строящимся иа нашихъ глазахъ путемъ послѣдовательнаго снитезированія во времени — эволюціи. Усмотримъ въ этомъ становленіи и активность человѣческаго дѣланія — и мы придемъ отъ становленія синтезовъ къ ихъ производству. Поскольку человѣческая активность участвуетъ въ этомъ производствѣ, человѣкъ оказывается строящимъ самое объективность, оказывается творцомъ абсолюта, или претворенія абсолюта. Природа въ комплексномъ міросозерцаніи сама объективна и абсолютна, а не есть только воплощеніе абсолютныхъ формъ или модификація абсолютныхъ субстанцій. Ея бытіе — въ ея комплексности, въ установленіи или разложеніи таковой; а въ этомъ установленіи и разложеніи участвуетъ человѣкъ. Отсюда совершенно исключительное, неповторимое въ другихъ міросозерцаніяхъ, положеніе и самочувствіе человѣка при міросозерцаніи комплексномъ — онъ здѣсь становится сосозидателемъ природы, строителемъ объективности, соучастникомъ становленія и произведенія абсолюта.

Отсюда небывалый и неповторимый подъемъ самосознанія и самоутвержденія личности въ комплексномъ міропостроеніи. Конечно причинное соотношеніе могло быть и обратнымъ: не торжество комплекснаго мотива приводило къ самоутвержденію личности, а ея ростъ и самоутвержденіе могло содѣйствовать или закрѣплять торжество комплекснаго мотива. Могло быть и такъ, что сплетались оба пути взаимодѣйствій, одинъ другого поддерживая и усиливая. Какъ бы то ни было, сейчасъ существенно лишь подчеркнуть внутреннюю связность и согласованность этихъ двухъ моментовъ. Реализмъ комплекснаго мотива связанъ съ самоутвержденіемъ личности въ ея созиданіи реальности, въ ея участіи въ становленіи, т. е. въ производствѣ объективнаго міра; объективность доступна человѣческому воздѣйствію и этому воздѣйствію подвергается.

Отсюда на ряду съ небывалымъ самоутвержденіемъ личности въ современномъ мірѣ и небывалая увѣренная тяга къ строительству, созиданію. Вся среда становится предметомъ сознательнаго планомѣрнаго, отважнаго претворенія. Человѣкъ выходитъ за предѣлы того, что ему дается средой,

не ограничивается приспособленіемъ или видоизмѣненіемъ ея; по случайно уловленнымъ слѣдамъ, по вдохновеніемъ проведеннымъ линіямъ, по чертежамъ, отважно наброшеннымъ въ самоупоенной увѣренности, онъ претворяетъ и творитъ, строитъ, отрываясь отъ незыблемости окружающей среды, уносясь въ безграничные просторы, разлагаетъ, чтобы по своему заново сложить въ твердой увѣренности, что остается въ предѣлахъ объективности, на незыблемыхъ основахъ самосущаго абсолюта. Онъ творитъ здѣсь не подражаніемъ, не дополненіемъ или перемѣщеніемъ даннаго въ средѣ, а его полнымъ претвореніемъ по собственнымъ замысламъ. Сосредоточеніе, выработка, использованіе энергіи производится въ ни съ чѣмъ несравнимомъ масштабѣ; быть можетъ, ни въ чемъ эта безоглядная отвага не сказывается съ такой яркостью, какъ въ овладѣніи — можно сказать выдумкѣ и созданіи — міра электрическаго использованія и, быть можетъ, особенно — въ передачѣ энергіи безъпредметныхъ проводниковъ. Въ сопоставленіи водяной и вѣтряной мельницы, пользованія вьючнымъ животнымъ — съ паровой машиной, двигателемъ внутреннаго сгоранія и безпроволочной передачей энергіи, мы видимъ не простой преемственный, хотя бы и чрезвычайно значительный ростъ одной и той же дѣятельности, — мы можемъ усмотрѣть принципіально различный подходъ, принципіально новое установленіе. Здѣсь уже не использованіе даннаго въ средѣ, здѣсь построеніе новой среды, исходящее изъ убѣжденія въ объективномъ бытіи ея невидимыхъ, неосязаемыхъ элементовъ и въ объективной равнозначности человѣческаго строительства съ природнымъ становленіемъ. Человѣкъ не приспособляется къ природѣ, не ограничивается использованіемъ ея, какъ она дана въ образѣ среды, а создаетъ ее, творитъ въ природѣ — вторую природу. Онъ не Прометей, заимствующій для нуждъ человѣческихъ искру небеснаго огня; онъ — Атлантъ[1], на свои плечи взваливающій претворенный имъ земной шаръ. Онъ не строитъ своей постройки на фундаментѣ до него данной природы, онъ самое природу перестраиваетъ на фундаментѣ своихъ размышленій и дѣятельности. Эта вторая природа, созидаемая имъ, пренебрежительно называется матеріальной культурой, а дѣятельность ея построенія — техникой. Экстазъ техническаго творчества матеріальной культуры такимъ

[1] См. мою статью «Увалень и культура» въ «Сѣв. Запискахъ», 1913 г., кн. IV.

образомъ вытекаетъ изъ комплекснаго мотива, опираясь на устанавливаемый имъ реализмъ и поддерживаемый волевымъ напряженіемъ современнаго передового человѣчества. Оно предполагаетъ объективность элементовъ опыта, выдѣляемыхъ и устанавливаемыхъ человѣческимъ познаніемъ. Человѣческая дѣятельность опирается на продукты человѣческой мысли, — отсюда провѣрка своей мысли, критика познанія, рефлексъ на самого себя вытекаетъ неотъемлемой составной частью изъ этого міропостроенія. Бѣшеное техническое творчество, провѣрочная критика познанія одинаково вытекаютъ изъ комплекснаго мотива, одинаково приводятся въ движеніе неукротимой активностью современнаго духа. Отвага неограниченнаго созиданія на самоустанавливаемой основѣ — въ этомъ послѣдній пафосъ и величіе ново-европейской культуры.

Если всякая органическая жизнь и ростъ чреваты опасностями противорѣчій и саморазложенія, если этими опасностями особенно чревата органическая жизнь усиленно функціонирующая, то нетрудно себѣ представить, какую опасность представляло органическое развертываніе небывалой по сверхнапряженности своихъ функцій ново-европейской культуры. Эта опасность не отъ слабости, а отъ избытка силъ, не отъ исчерпанности, а отъ напряженія, не отъ умиранія, а отъ полноты жизни.

Въ работѣ уже упомянутой о комплексномъ мотивѣ я въ схемѣ отмѣтилъ ту діалектику его развертываыія, которая приводитъ его къ саморазрушенію. Философская концепція, какъ болѣе разрѣженная, обобщенная и прозрачная, быстрѣе проходитъ путь своего развертыванія, чѣмъ насыщенная матеріаломъ толща культуры въ другихъ ея областяхъ. Можно сказать, что уже въ 18 вѣкѣ она въ этой своей отвлеченной, изолированной философской плоскости пришла не только къ саморазрушенію, но и къ попыткамъ его преодолѣть (въ кантіанствѣ и его производныхъ); но поскольку эти послѣднія попытки были уже не коррелатомъ обще-культурнаго устремленія эпохи, онѣ проходили свой самодовлѣющій специфически-философскій путь, въ которомъ не отражалось движеніе всей культуры. Толща культуры продолжала быть

пронизанной комплекснымъ мотивомъ и тогда, когда онъ въ своемъ самодовлѣющемъ философскомъ развертываніи уже пришелъ къ самоотрицанію; продолжала развертывать его діалектику по путямъ, предначертаннымъ уже завершившимся его чистымъ развитіемъ. И въ этомъ движеніи чистая философія все болѣе приспособлялась къ частичной роли — провѣрки предпосылокъ мышленія, коимъ и на коемъ строилась культура — къ роли критики познанія, гносеологіи.

Но основанная и пронизанная комплекснымъ мотивомъ культура продолжала и независимо отъ своей чистой философіи проходить ея путь развертыванія; прежде всего этотъ путь проходили тѣ области, которыя по своему содержанію наиболѣе близки къ отвлеченному мышленію — области культуры научной, теоретической. И, кажется, можно сказать, не ошибаясь, что въ теоретической области рядъ послѣднихъ десятилѣтій принесъ и послѣднія научныя завершенія комплекснаго мотива (напр. въ теоріи Кантора, въ теоріи квантъ) и вмѣстѣ съ тѣмъ подошелъ уже и къ внутреннему саморазложенію принципа — напримѣръ, въ теоріи относительности, да и вообще во всей той революціи точныхъ наукъ, которая нынѣ совершается, не находя, повидимому, еще своихъ завершающихъ образовъ. Точныя науки культуры комплекснаго мотива подходятъ къ тѣмъ предѣламъ своего развертыванія, которые — предначертанные философскимъ развертываніемъ — уже близятся къ самоотрицанію и распаду.

Было бы здѣсь чрезмѣрнымъ отклоненіемъ отъ темы моего разсмотрѣнія, если бы я попытался намѣтить, что къ этимъ опаснымъ предѣламъ подошла та система искусства, которая своимъ сліяннымъ воплощеніемъ волевого динамическаго содержанія и чистой комплексной структуры явилась специфическимъ искусствомъ современной культуры, — искусство музыки. И здѣсь самодовлѣющее развертываніе чистыхъ духовныхъ функцій дошло до своихъ завершеній раньше толщи культуры: искусство позже чистаго мышленія, но раньше мышленія, насыщеннаго матеріаломъ дѣйствительности. Но именно самая толща культуры и жизни, самое строительство жизни и природы не только еще не перешагнуло зенита по направленію къ упадку и разложенію, но еще находилось въ наибольшемъ своемъ напряженіи. Именно этимъ величайшимъ напряженіемъ волевой, реалистической строительной комплексной культуры и была эпоха послѣднихъ десятилѣтій; только здѣсь она пронизала собой и

стала овладѣвать всей массой человѣческой жизни и работы. Именно здѣсь въ пароксизмѣ напряженія ее и постигъ разрушающій ударъ великаго столкновенія интересовъ и страстей, — великаго столкновенія народовъ и государствъ.

Значитъ ли это, что духъ отлетѣлъ или отлеталъ отъ новоевропейской культуры; значитъ ли это, что именно потому она и потерпѣла крушеніе? Мы подходимъ къ вопросу объ ея матеріализмѣ или безыдейности.

IV. МАТЕРІАЛИЗМЪ И ГУМАНИЗМЪ

1. ОДУХОТВОРЕННАЯ ТЕХНИКА

Едва ли можно представить себѣ менѣе основательное обвиненіе современной культуры, какъ обвиненіе ея въ матеріализмѣ, въ томъ, что развитіе въ ней получила лишь ея внѣшняя сторона. Люди видятъ, что воздвигаются желѣзныя дороги и пароходы, вырастаютъ зданія съ удобствами, которыя не снились нашимъ предкамъ, подъемными машинами и ваннами, вырастаютъ фабричные города, грандіозные магазины, видятъ это безчисленное количество предметовъ и представленій, предназначаемыхъ для удовлетворенія жизненныхъ задачъ, все это грандіозное накопленіе богатствъ и средствъ ихъ воспроизводить, — и дѣлаютъ изъ этого выводъ, что, значитъ, именно на удобства, богатство, на внѣшнее и предметное и направлены человѣческое вниманіе и усилія нашей эпохи. Выводъ кажется неоспоримымъ: никогда такъ не повышался матеріальный уровень жизни; никогда жизнь не была столь обезпеченной внѣшней организаціей порядка, значитъ, никогда культура не была столь матеріалистической, какъ культура недавняго прошлаго.

Можно не мало сказать даже уже и о внѣшней неправильности подобныхъ выводовъ. Изъ того, что неизмѣримо возросло количество усилій и энергіи, затрачиваемое на «матеріальное», вѣдь еще отнюдь не слѣдуетъ, чтобы сократились усилія и энергія, направляемыя на не матеріальное, на духовное. Возрасла интенсивность жизни вообще; и если на внѣшиемъ это болѣе замѣтно, то вѣдь на то оно и внѣшнее, чтобы болѣе явно и безспорно бросаться въ глаза. Мало того, при общемъ возрастаніи творческаго напряженія по всѣмъ путямъ вполнѣ естественно, чтобы сравнительно производительнѣе оно сказалось на внѣшнемъ, на томъ, что по существу своему неопредѣленно растяжимо, удлиняемо, умножаемо. Въ области такъ называемыхъ внутреннихъ сторонъ духа, высшихъ его функцій количественное мѣрило и вообще непримѣняемо. Не можетъ быть художественной ин-

туиціи въ три раза художественнѣе другой, или моральнаго подвига въ пять разъ возвышеннѣе иного; но внѣшнее, подлежащее измѣренію, счету и вѣсу можетъ оцѣниваться количественно и бросается въ глаза своей количественной оцѣненностью.

Съ другой стороны, заботы о матеріальномъ, погруженность въ эти заботы, свойствены рѣшительно всякой эпохѣ, всякому обществу; и въ сущности различіе заключается не въ томъ, что въ современности объ удобствахъ или богатствѣ болѣе заботятся, а въ томъ, что эти заботы увѣнчиваются большимъ успѣхомъ. Грандіозный ростъ матеріальной культуры знаменуетъ не столько ростъ заинтересованности въ ней, сколько удачу удовлетворенія этой заинтересованности — ростъ производительныхъ силъ и способностей. И, значитъ, этимъ еще не дается отвѣта относительно матеріальныхъ цѣлей эпохи, а лишь ставится вопросъ относительно источника ея производительныхъ силъ.

Но далѣе — было бы чрезвычайно поверхностно въ этомъ ростѣ матеріальной культуры усматривать возрастаніе матеріальнаго момента. Отъ того, что человѣкъ ѣдетъ въ рыдванѣ, а не въ экспрессѣ, на парусномъ суднѣ, а не на океанскомъ пароходѣ, отъ того, что онъ подымается на свою мансарду по лѣстницѣ, а не на подъемной машинѣ, отъ того, что онъ верхомъ ѣдетъ къ сосѣду, а не говоритъ съ нимъ по телефону, отъ того, что освѣщаетъ свою каморку свѣчей, и, подневольный природной темнотѣ, опредѣляется въ своей работѣ и въ своихъ удовольствіяхъ космическими условіями, а не зажигаетъ когда вздумается электричества, становясь хозяиномъ своего времени, — отъ этого и отъ бездны другихъ явленій онъ нисколько не менѣе матеріалистиченъ и не болѣе духовно настроенъ. Наоборотъ, чѣмъ меньше матеріальной культуры, тѣмъ больше зависитъ человѣкъ отъ матеріальныхъ условій, въ которыхъ живетъ, тѣмъ безпомощнѣе противъ нихъ. Ростъ матеріальной культуры не подчиняетъ его матеріальнымъ условіямъ, а дѣлаетъ его надъ ними господиномъ. Связность, конечно, остается, но она переносится съ матеріи, независимой отъ человѣческой воли и господства, на матерію отъ нихъ зависимую. Съ ростомъ матеріальной культуры духъ не погружается въ матерію, а пронизываетъ ее собой. Человѣкъ погруженъ въ природу и, медлительно выбиваясь въ ней и изъ нея, онъ ее претворяетъ, приспособляетъ къ себѣ, къ своимъ задачамъ, овладѣваетъ

ею — создаетъ матеріальную культуру. Въ ней не онъ погружается въ матерію, а матерію пронизываетъ собой.

Если присмотрѣться къ тому, каково значеніе матеріальной культуры, не трудно убѣдиться въ томъ, что ея расцвѣтъ знаменуетъ собой прежде всего снятіе или ослабленіе матеріальнаго бремени: бо́льшее число людей могутъ быть сытыми или менѣе голодными, жить въ теплѣ, или въ меньшемъ холодѣ, испытывать меньше физическаго мучительства, быть болѣе обезпеченными отъ бѣдствій и угрозъ бѣдствіями. Во всемъ этомъ и подобномъ проявляется не столько возрастаніе, сколько умаленіе матеріальной связности. Къ тому же она претворяется пронизываемая элементами нематеріальнаго: такъ, напр., вся система чистоплотности есть одно изъ существенныхъ достиженій матеріальной культуры, и тѣ, кто въ русскомъ распадѣ пережили чрезвычайно быстрое ея умаленіе, знаютъ какъ первымъ дѣломъ онъ отразился поразительнымъ умаленіемъ опрятности. Другое — имѣемъ въ пронизываніи вещей и среды элементами красиваго, эстетическаго (независимо отъ того, на какомъ уровнѣ эстетическаго находится данное общество).

Неизмѣримо расширяется сфера доступнаго. Поѣзда позволяютъ перенестись въ страны безъ нихъ недостижимыя. Преодолѣваются пространства, сокращается время, умножаются альтернативы и возможности: мало, кто взобрался-бы на глетчеры Юнгфрау безъ подъемной желѣзной дороги. Безконечно возрастаетъ емкость жизни и сознанія, безконечно умножаются подлежащія воспріятію цѣнности.

И ошибочно было бы утвержденіе, что самой организованною обезпеченностью своихъ достиженій она уничтожаетъ цѣннѣйшую сторону — борьбу за нихъ; что въ былыя времена небольшое путешествіе въ ближайшія окрестности было поучительнѣе и тревожнѣе, требовало больше духовнаго напряженія и рѣшимости, чѣмъ нынѣ (я говорю о довоенномъ времени) путешествіе на другой конецъ Европы. И въ этомъ, какъ и въ другихъ отношеніяхъ, мы имѣемъ дѣло лишь съ недоразумѣніемъ. Если полицейскіе посты, электрическое освѣщеніе и желѣзныя дороги уничтожили романтику опасностей при переѣздѣ въ сосѣдній городокъ, то было бы слишкомъ неосновательно думать, что этимъ и вообще устранены необезпеченность, опасность, усилія и дерзанія, — только проявлять ихъ надо уже не при переѣздахъ въ десятки верстъ, а въ поѣздкахъ въ глубины Африки или въ полярные льды, при взлетахъ на аппаратахъ тяжелѣе и легче воздуха, при опуска-

ніи на подводныхъ лодкахъ. Не было эпохи болѣе великихъ дерзаній; и если дѣйствительно въ наши дни художникъ не долженъ себѣ прокладывать дорогу къ славѣ и богатству съ помощью яда и книжала, или защищать себя шпагой отъ предательскаго удара изъ за угла, то право же намъ не стоитъ завидовать душевнымъ волненіямъ детективовъ, преступниковъ и дегенератовъ міровыхъ столицъ, и по сейчасъ переживающихъ чувства не слабѣе, чѣмъ во Флоренціи 16 вѣка. Другія болѣе благородныя дерзанія, другой невидимый героизмъ ожидаетъ едва ли не всякаго, кто имѣетъ охоту пріять ихъ на свои рамена. Можно было жить спокойнѣе въ недавней европейской дѣйствительности — это вѣрно; но не только было возможно жить и въ бурномъ напряженіи, и въ отважныхъ дерзаніяхъ, но къ нимъ гнало время современниковъ, и современники ихъ осуществляли.

Этимъ я только еще подхожу къ наиболѣе существенному послѣ предварительныхъ замѣчаній, выше высказанныхъ. Не было эпохи, къ которой менѣе шло обвиненіе въ матеріализмѣ, чѣмъ къ нашему времени. «Европа погружается въ матеріализмъ» писалъ Р. Роланъ въ своей знаменитой біографіи Бетховена. Можетъ быть, и было справедливо такъ сказать по отношенію къ искусству, которое дѣйствительно къ концу вѣка переживало полосу распада, — ибо это не было искусствомъ эпохи, а продуктомъ упадка задержавшагося искусства эпохи предыдушей, — своего же новаго искусства современность не создала въ унаслѣдованныхъ отъ прошлаго формахъ живописи, музыки и романа. Но если взять не эти отдѣльныя области — остатки прошлаго, а всю совокупную жизнь времени, то не можетъ быть большей ошибки и неправды, нежели это сужденіе. Европа на самомъ дѣлѣ по всей линій уходила отъ матеріализма, отъ корысти, отъ ограниченія себя преслѣдованіемъ выгодъ, даже отъ цѣлесообразности. И это можно отмѣтить начиная съ вершинъ и до широчайшаго ея фундамента. Мнѣ уже приходилось упоминать объ упорномъ стремленіи къ полюсамъ, въ глубину Африки, къ вершинамъ Гималаевъ, въ сущности говоря — не представлявшихъ непосредственнаго интереса для людей, эти походы совершавшихъ, многимъ изъ нихъ не дававшихъ и славы; едва ли они представляли даже и достаточный

научный интересъ въ уровень съ жертвами и трудами осуществленія. Это была чистая тяга къ преодолѣнію, героизмъ категорическаго императива, свободно поставленной цѣли. И то же самое сказывается въ могучемъ ростѣ пароходовъ, домовъ, фабрикъ. Здѣсь возможно усмотрѣть выгоду, хотя на самомъ дѣлѣ во многихъ случаяхъ дѣйствуетъ скорѣе разбѣгъ сверхфункціональной напряженности, чѣмъ точный учетъ пользы. Но возьмемъ всю безконечно развившуюся сферу игръ, спорта, превращеніе въ спортъ всевозможныхъ цѣлесообразныхъ дѣятельностей; возьмемъ всю систему рекордовъ, о которой выше была рѣчь, страсть дѣятелей и созерцателей на установленіе все новыхъ достиженій во всѣхъ областяхъ, хотя бы чрезвычайно мало содержательныхъ. Спортъ и игры не преслѣдуютъ непосредственно задачи физическаго здоровья, ибо они требуютъ обыкновенно односторонне усиленной тренировки; въ нихъ нѣтъ осуществленія технической цѣлесообразности, ибо для рекордовъ нужно развитіе такихъ свойствъ, которыя для цѣлесообразнаго техническаго использованія вовсе и не пригодны. И здѣсь — чистое преслѣдованіе самодовлѣющихъ задачъ, чистая игра самодовлѣющихъ преодолѣній.

Такова среда, таковъ тонъ эпохи. Онъ лежитъ и въ основѣ техническаго роста, двигая его и пронизывая собой. Но здѣсь сказывается уже и нѣчто другое, несравненно болѣе значительное.

Массовое творчество — таковъ характеръ эпохи. Быть можетъ, наиболѣе значительная, плодотворная сторона демократизма заключается въ этой широкой распространенности творческихъ возможностей. Широкое распространеніе просвѣщенія въ передовыхъ странахъ — всеобщее начальное образованіе, сравнительно легкая доступность и болѣе спеціальныхъ или высшихъ знаній, быстрая распространяемость идей и утвержденій, сравнительный подъемъ благосостоянія, сравнительная легкость пробиться, или хотя бы общаться — таковы условія, которыя позволяютъ использовать производительные начатки, гдѣ бы они ни проявлялись. Это сказывается во всемъ, даже и въ безконечномъ количествѣ поэтовъ, романистовъ, публицистовъ нашей эпохи; но здѣсь еще проявляется скорѣе отрицательная сторона этого явленія — пониженіе

доступной границы творчества. Впрочемъ, дальнѣйшій ростъ демократизма самъ вноситъ поправку въ эту отрицательную сторону; ибо такое громадное количество накопляется въ каждой области «творцовъ», что получается новая задача — преодолѣть это множество, чтобы и среди нихъ стать замѣтнымъ, выдѣлившись среди этихъ дюжинъ недюжинныхъ. Но во всякомъ случаѣ въ техническихъ, не научныхъ областяхъ нѣтъ и этой отрицательной стороны, ибо здѣсь, какъ бы мало значительно ни было творчество, — оно сказывается въ нѣкоторомъ объективномъ и провѣримомъ достиженіи, вливающемся въ объективный составъ знаній, умѣній и приспособленій и тамъ используемомъ. Отсюда получается огромное объективное творчество. Быть можетъ, нигдѣ нѣтъ того господства своеобразнаго соборнаго начала, какъ въ наукѣ и техникѣ. Оно выражается разумѣется не въ совмѣстномъ дѣланіи; каждый работаетъ порознь, въ кабинетѣ, въ лабораторіи, за чертежнымъ столомъ, но такъ какъ всѣ работаютъ надъ единымъ объективнымъ составомъ и такъ какъ легко доступна взаимная передача достиженій, то каждое изъ нихъ, хотя бы и незначительное, вливается въ общій составъ съ другими. Здѣсь демократизмъ, широкая распространенность творческаго процесса и свобода общенія — получаютъ строительное значеніе благодаря объективности почвы общей работы, благодаря тому, что задача, обоснованная комплекснымъ мотивомъ, является обоснованной объективно, оказывается реально-общей для всѣхъ.

На этой почвѣ становится возможнымъ неизмѣримо грандіозный изобрѣтательскій процессъ, не имѣющій равныхъ въ исторіи. Можно вульгарно сказать, что строительство претъ изо всѣхъ щелей, изъ безчисленнаго количества самостоятельныхъ точекъ, — повторно, аналогично, дополнительно сплетаясь, взаимно подхлестывая, создавая почву для геніальныхъ интуицій и немедленно облѣпляя ихъ тучей поправокъ и дополненій.

Однако, не одно интеллектуально-строительное, но и творчество моральное — получило силу и напряженность небывалую. На первый взглядъ это можетъ показаться неправдоподобнымъ: моральный моментъ въ нашей культурѣ міровыхъ городовъ кажется отступающимъ на далекій планъ.

Тѣ, кто такъ думалъ, были вѣроятно чрезвычайно поражены проявленнымъ на войнѣ героизмомъ; подвиги войны оказались какъ бы съ неба свалившимися въ мѣщанскій вѣкъ преслѣдованія корыстныхъ интересовъ и задачъ жизненнаго удобства. Обыватель изъ за станка, прилавка и конторы — и вдругъ герой въ траншеяхъ или въ облакахъ. Какъ это случилось?

Это случилось потому, что напряженная мораль была заложена въ мирной ново-европейской культурѣ такъ же, какъ въ ней были заложены силы анализа и синтеза, постиженія и изобрѣтательности.

Всмотримся въ общую картину культуры, даже въ ея матеріальномъ, техническомъ, наружномъ, — именно въ томъ, что представляется столь внѣшнимъ и поверхностнымъ. Прислушаемся къ могучей пульсаціи созиданія, къ уточненію, утонченію, возрастанію и сліянію безчисленныхъ усилій въ объемлющую гармонію. Тотъ духъ производящаго творчества, который въ этомъ проявляется — о немъ уже было сказано, его нетрудно усмотрѣть. Но трудно ли усмотрѣть тотъ духъ зоркаго самообладанія, отвѣтственнаго контроля, исполнительскаго долга, которымъ однимъ жива подобная культура. Машины не движутся сами собой, туннели и каналы не сами собой соединяютъ противоположные склоны хребтовъ или сосѣднія моря, и сами собой не движутся тончайшіе механизмы сложнѣйшихъ аппаратовъ. Само собой все только разрушается. Въ чрезвычайно наглядныхъ по своей упрощенности и доступности проявленіяхъ — отнюдь не на тончайшихъ механизмахъ современности, а на весьма грубыхъ и мало дифференцированныхъ — этотъ процессъ прошелъ на нашихъ глазахъ съ потрясающей силой въ большевистской Россіи, да проходитъ и въ другихъ странахъ упадка — хотя и въ ослабленныхъ тонахъ. Само собой все только разрушается: обваливаются дома, ржавѣютъ машины, зарастаетъ плевелами земля. Общая деградація — таковъ законъ матеріальной культуры, предоставленной самой себѣ. И чѣмъ выше она и тоньше, тѣмъ быстрѣе и страшнѣе деградація. Жизнь техники есть жизнь вѣчно бодрствующаго за нею духа, непрерывно слѣдящаго, осуществляющаго, провѣряющаго, возстанавливающаго. И когда матеріальная техника въ такой мѣрѣ, какъ это имѣетъ мѣсто въ современности, легла въ основу всей жизни, стала предпосылкой простѣйшихъ и сложнѣйшихъ ея движеній, это только означаетъ, что въ основѣ ихъ лежитъ человѣческій духъ. Въ былые вѣка человѣчество

жило въ природѣ, къ ней приспособляясь, на ея почвѣ возводя постройку своего бытія; въ современности оно эту постройку возводитъ на основѣ собственнаго духа — Прометей съ неба заимствовалъ согрѣвающій жизнь огонь, Атлантъ на своихъ плечахъ выдерживаетъ земной шаръ. Дрогнетъ напряженіе и вниманіе — и обрушится шаръ, а съ нимъ человѣчество. Непрерывное напряженіе, непрерывное вниманіе — въ безднѣ точекъ, въ безчисленномъ количествѣ дѣлъ, въ непрекращающемся теченіи времени. Все держится со всѣмъ, все предполагаетъ всѣхъ. Монтеръ на водопроводной станціи, стрѣлочники и инженеръ, расчитывающій крѣпость сводовъ въ туннелѣ, рабочіе въ копяхъ, — каждый винтикъ долженъ дѣйствовать точно, чтобы удержалось цѣлое.

Это вопросъ уже не познанія, это вопросъ воли и морали. Не было эпохи, гдѣ бы въ большей степени была разлита напряженнѣйшая потребность въ отвѣтственности. Машинистъ на паровозѣ, шофферъ на автомобилѣ, летчикъ на аэропланѣ — отъ неловкаго движенія каждаго, отъ ослабленія духовной зоркости зависитъ жизнь ихъ и другихъ людей. Инженеры, мастера, рабочіе, отъ соблюденія ими долга и нерѣдко отъ соблюденія жертвеннаго — зависитъ здоровье, блага личныя и общія. Вся работа безчисленнаго множества людей—отъ толпъ самыхъ скромныхъ и незамѣтныхъ до выдающихся вершинъ — пронизана однимъ: неотъемлемостью исполненія долга и довѣріемъ въ то, что его исполнятъ и другіе. Безъ такого довѣрія въ другихъ, въ человѣка — нельзя было бы ни разу спуститься въ копи, сѣсть въ вагонъ желѣзной дороги, пустить въ ходъ ротаціонную машину.

Это не вопросъ сознательнаго расчета, прописной морали, которой бы обучали въ школахъ, или которую внушали бы исповѣдники. Нѣтъ учебниковъ этой морали и нѣтъ ея катехизиса. Но есть мощь, которая глубже ее внѣдряетъ, чѣмъ проповѣдь и поученіе, — самый жизненный процессъ. Это, разумѣется, не значитъ, чтобы всѣ машинисты и шофферы непремѣнно были высоконравственными людьми, или всѣ рабочіе были преисполнены довѣрія въ человѣческую совѣсть. Отдѣльные люди порознь бываютъ какъ угодно грѣховны и преступны: но процессъ жизни выковываетъ и внѣдряетъ въ общую духовность времени — непреложныя формы отвѣтственности и долга, довѣрія и солидарности. Они разлиты всюду, они дѣйствуютъ въ безднахъ случаевъ, въ толпахъ людей. Не такъ, что каждый изъ этихъ людей всегда нравствененъ, а такъ, что въ каждомъ изъ нихъ нравственность,

хотя и не всепобѣждающая, но могучая и непрерывно дѣйствующая сила. Ибо безъ величайшаго ея напряженія не было бы ни на минуту возможной такая — подобная современной — такъ называемая внѣшняя техническая культура.

Нравственность бываетъ различныхъ типовъ; разныя сочетанія свойствъ могутъ въ разныхъ случаяхъ придавать ей и различную окраску и содержаніе. Мораль современной эпохи — это именно мораль неуклоннаго долга (въ началѣ ея стоитъ Кантъ), обостренной отвѣтственности, довѣрія и солидарности.

И пусть не думаютъ, что здѣсь рѣчь идетъ не о нравственности, а о чемъ то механическомъ, рефлекторномъ, о тренировкѣ нервовъ, а не о дисциплинѣ духа. Пусть процессъ воспитанія идетъ именно черезъ тренировку нервовъ и мускуловъ, а не черезъ словесныя постиженія. Нервами, жизнью, дѣйствіями дисциплинируется духъ и, если бы изъ нихъ не выростала дисциплина духа, онъ не устоялъ бы передъ задачей.

Эта дисциилина выращивается въ глубинахъ безсознательнаго, но было бы неосмысленно думать, что она не пронизываетъ собой и сознанія. Было бы непониманіемъ души человѣческой не чуять, какъ сознаніе отвѣтственности, твердая рѣшимость довершать свое дѣло бьются въ сердцахъ шахтеровъ и рулевыхъ, строителей и летчиковъ, — не только въ тѣ минуты, когда внѣшнія угрозы дѣлаютъ ихъ явными; не только тогда, когда въ шахтѣ уже произошелъ взрывъ или корабль уже получилъ пробоину, или воздушному аппарату грозитъ поломка. Здѣсь обычный душевный строй только обостряется, доходя до сознанія и становясь виднымъ на разстояніе; но онъ существуетъ и всегда, во всѣ безчисленныя минуты обыденной работы; онъ поддерживаетъ жизнь, онъ наполняетъ свѣтомъ унывшую душу, онъ крѣпитъ сердце на незамѣтный подвигъ и незавершающееся напряженіе. И кто знаетъ, сколько возвышенныхъ чувствъ и высокихъ думъ вызываетъ онъ — можетъ быть, не всегда и не у всѣхъ расчлененно осознанно — въ темнотѣ грозящихъ подземелій, у зѣва раскаленной печи, за чертежнымъ столомъ; какія рѣшимости зрѣютъ въ трилліонахъ незамѣтныхъ переживаній, какая увѣренность растетъ въ себя и въ свое дѣло. И когда разразившаяся война поразила несказаннымъ героизмомъ мобилизованнаго статскаго «человѣка отъ конторки и прилавка» — не всѣ поняли, что это только нашелъ новое поприще приложенія исконный героизмъ эпохи. Въ траншеяхъ и сраженіяхъ сказалась

твердая поступь мирной героической эпохи; подвиги великой войны — съ ихъ выдержкой и дерзновеніемъ — были подготовлены на аэродромахъ и въ шахтахъ, на ристалищахъ и въ конторахъ ново-европейской культуры; это она героически умирала такъ же, какъ раньше героически жила.

Героическая геніальность — это слово Роменъ Роллана о Бетховенѣ — можетъ быть справедливо примѣнено къ характеристикѣ минувшей эпохи: моральный героизмъ и интеллектуальная геніальность, волевое устремленіе и умственное строительство. Не достигали вершины эмоціональная жизнь, художественная интуиція, религіозные запросы. Искусство догорало отъ прежнихъ эпохъ, проходя стадію упадка, и оформленіе новыхъ переживаемыхъ содержаній еще не находило наглядныхъ основополагающихъ воплощеній. Можетъ быть, въ красотѣ динамическихъ структуръ (пароходовъ, аппаратовъ, машинъ) — въ отличіе отъ красоты статической архитектоники другихъ эпохъ — назрѣвали новыя художественныя интуиціи. Можетъ быть, изъ чистыхъ движеній человѣческаго тѣла — изъ балета — въ отличіе отъ неподвижной лѣпки былыхъ эпохъ, шли истоки новыхъ художественныхъ прозрѣній. Можетъ быть, и дѣйствительно искусство, опирающееся какъ и философія на цѣлостное оформленіе — но въ отличіе отъ философіи на цѣлостное оформленіе не тотальности, а отдѣльнаго ея отрѣзка — было менѣе въ духѣ эпохи, уже исчерпавъ въ блистательномъ музыкальномъ развитіи идеи структурности и волевого напряженія. Какъ бы то ни было, не религія, не искусства, а мораль и строительство въ первую голову окрашивали въ свои цвѣта ново-европейскую эпоху. Это, конечно, не значитъ, что она была въ живыхъ поступкахъ живыхъ людей моральнѣе другихъ; но это значитъ, что въ ея осуществленіи заложено было безконечно больше моральнаго пафоса и напряженія. Сколько угодно грѣховъ и преступленій были въ ней совершаемы, пусть даже больше, чѣмъ въ иныя прошлыя эпохи. Но этическая характеристика — въ отличіе отъ оцѣнки — не опредѣляется суммарными результатами. Для того, чтобы признать человѣка нравственнымъ надо таковымъ признать все его поведеніе; но признать въ немъ силу нравственныхъ мотивовъ можно, усмотрѣвъ степень проявленія ихъ въ его поведеніи — независи-

мо отъ ихъ конечнаго и исчерпывающаго торжества. Ново-европейское человѣчество также, какъ и всякое другое, грѣшило безконечно и безпросвѣтно. Но оно грѣшило на такомъ уровнѣ моральнаго напряженія, который далеко возвышается надъ другими эпохами. Оно грѣховно падало на этомъ моральномъ уровнѣ, но оно падало на высотѣ, едва ли доступной другимъ.

Разумѣется, въ этомъ разсужденіи я разсматриваю мораль психо-соціально, а не нормативно, какъ соціальную функцію, а не какъ императивъ. Во второмъ самодовлѣющемъ смыслѣ едва ли бываетъ различіе между эпохами и во всякомъ случаѣ такое различіе, быть можетъ, и не въ пользу нашего времени, ибо при исключительности его требованій и нарушенія должны быть особенно частыми и глубокими. Но самая эта исключительность и даетъ нужную мнѣ характеристику. Люди нашего времени не выдерживали его требованій — пусть даже меньше чѣмъ люди другихъ эпохъ; но требованія эти превышали требованія другихъ культуръ.

Такова эта мнимо-матеріалистическая, мнимо безыдейная культура, будто погрязшая въ корыстныхъ интересахъ и во внѣшне поверхностной жизни. Таковой по замѣчательному недоразумѣнію сочли эпоху исключительной героической геніальности, творчества и морали, самоупоенія духовной мощью и отваги безогляднаго строительства.

2. ИДЕОЛОГІЯ ПРАВДЫ

Есть и еще одна существенная сторона этой эпохи, которую необходимо хотя бы вкратцѣ отмѣтить. Я имѣю въ виду ея гуманизмъ. Исторически онъ можетъ быть прослѣженъ къ возрожденію, реформаціи, революціи; но систематически онъ связанъ непосредственно съ міросозерцаніемъ ново-европейской культуры, и эту систематическую связь здѣсь и надлежитъ сжато установить.

Двѣ черты ново-европейскаго комплекснаго міро-построенія имѣютъ въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе. Съ одной стороны его глубинный реализмъ, и съ другой отсутствіе образа тотальности и слѣдовательно ослабленность религіознаго момента. Пафосъ духа обращенъ не на цѣлое, обращенъ на реальное, на реальную дробность; въ ней есте-

ственно первое, исключительное мѣсто занимаетъ человѣкъ. Если тотальность не воспринимается въ качествѣ живого единства, къ которому можетъ быть и должна быть соотнесена человѣческая судьба, то эта судьба остается независимой и самодовлѣющей; и будучи разсматриваема въ реалистическомъ свѣтѣ комплекснаго міропостроенія, остается судьбой земной, выдвигаетъ задачу земного ея устроенія.

Сообразно тому же комплексному мотиву, выдѣляющему предѣльный элементъ, какъ подлинную реальность — изъ человѣчества, изъ его коллективовъ естественно былъ выдвинутъ въ качествѣ подлинной реальности ихъ предѣльный элементъ, а именно человѣческая личность. Она оказалась носителемъ бытія и задачъ; коллективы, человѣчество, какъ и все другое, стало въ свѣтѣ комплекснаго мотива лишь производнымъ отъ нея, лишь комплексомъ личностей; а такъ какъ эти комплексы являются тоже своего рода реальностями, то съ особой силой и сознательностью была поставлена задача организаціи личностей въ коллективы. Задача выдѣленія и освобожденія личности, и организація освобожденныхъ личностей — явились специфическими, сознательно поставленными цѣлями ново-европейской культуры.

Самоутвержденіе личности шло не только изъ этого источника. Выше было отмѣчено, съ какой настоятельностью это сознаніе вырастало изъ существа комплекснаго міропостроенія, въ которомъ человѣкъ оказывался не букашкой въ неизмѣримой природѣ, не винтикомъ въ грандіозномъ механизмѣ, не предопредѣленной въ тотальномъ единствѣ песчинкой, а самостоятельнымъ строителемъ второй природы, претворяющимъ ее изъ независимой точки своего сознанія и активности. Изъ этого строительства, изъ волевого самоутвержденія, изъ построенія на самостоятельно провѣренныхъ предпосылкахъ — т. е. изъ техники, категорической морали и гносеологіи — съ большей силой опредѣлилось человѣческое самоутвержденіе, нежели изъ образа эллинской калокагатіи, или иныхъ историческихъ отраженій.

Такъ сталъ человѣкъ задачей, опорной точкой и строителемъ; такъ открывались передъ нимъ неограниченныя дали. Но вмѣстѣ съ тѣмъ — какъ и въ другихъ случаяхъ — ставшее самодовлѣющимъ индивидуалистическое устремленіе въ своемъ продолженіи перешло на путь разрушенія. Личность, неудерживаемая въ качествѣ неразложимаго предѣльнаго единства, подверглась психологистическому разложенію на составные элементы. Отсюда развалъ импрессіонизма въ раз-

ныхъ его разновидностяхъ, въ частности въ томъ декадансѣ конца вѣка, который въ плоскости субъективно-гуманистической приблизительно совпалъ во времени съ объективно техническимъ расцвѣтомъ ново-европейской эпохи и заслонилъ его отъ общаго вниманія привычностью своего литературно отраженнаго выраженія.

Выше было отмѣчено, что сила и успѣшность массоваго техническаго строительства опиралась на объективный характеръ его заданія и предмета; но въ своемъ гуманистическомъ устремленіи комплексный мотивъ приходилъ въ утвержденіи личности къ подчеркнутому утвержденію субъективности; и такъ какъ эта субъективность была связана съ культурными воспоминаніями, съ литературной традиціей, съ исторически данной словесностью, съ правовой идеей и риторикой, со всѣмъ аппаратомъ интеллигентскаго сознанія, то въ этомъ сознаніи онъ и выдвинулся на первое мѣсто, заслонивъ собою глубинный процессъ объективнаго строительства. Отсюда въ концѣ прошлаго вѣка на поверхности приходилъ къ саморазвалу литературно-артистическій интеллигентскій субъективизмъ, вводя въ заблужденіе представленіемъ общаго упадка; между тѣмъ, какъ на дѣлѣ подальше отъ литературныхъ кружковъ и внимающей имъ газетно-книжной публики проходилъ съ неизмѣримой силой внутренній безмѣрно могучій объективно-строительный процессъ. Впрочемъ, безспорно онъ уже пробивался и наружу и отметалъ накипь гуманистически литературнаго разложенія отраженіями своего объективнаго строительства.

Но и въ другомъ разрѣзѣ гуманистическое развертываніе приходило къ тяжелымъ внутреннимъ противорѣчіямъ. Комплексный мотивъ, выдѣляя личности, какъ предѣльные элементы, ставилъ вмѣстѣ съ тѣмъ съ одинаковой силой и задачу ихъ организаціи. Личность, какъ предѣльный элементъ и въ этомъ смыслѣ какъ подлинная реальность — такова идея; но эта же личность — и строитель міра, и субъектъ идеи, носитель и воплотитель ея. Отсюда самоцѣнность личности получаетъ въ ея собственномъ сознаніи непреоборимую силу. И такъ какъ личности являются составными частями общества, на нихъ распадающагося, то это не нѣкая личность, общественнымъ цѣлымъ предопредѣляемая, а всякая личность, какъ равноправно составляющая предѣльную часть общества. Отсюда — задача воспостроить общество, какъ организацію равнозначныхъ, равноправныхъ личностей — задача демократіи. Но организація есть іерархія, есть власть и подчиненіе,

есть отказъ отъ самодовлѣнія — отсюда неизбѣжный конфликтъ личности и общества. Этотъ конфликтъ въ такой напряженности вовсе необязателенъ во всякой культурѣ. Ибо тамъ, гдѣ человѣкъ исходитъ изъ мотивовъ, утверждающихъ объективность и реальность цѣлаго, тамъ личность съ самаго начала чувствуетъ себя умѣщенной въ это цѣлое и имъ иредопредѣленной въ своемъ назначеніи, въ своихъ правахъ. Противъ цѣлаго она не выдвигаетъ притязаній своей абсолютной объективности, своего объективнаго самодовлѣнія. Здѣсь же это притязаніе является исходнымъ; а между тѣмъ задача организаціи тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ сложнѣе совмѣстная жизнь и культура.

Суть не только въ томъ, что растутъ и крѣпнутъ всевозможныя организаціи во главѣ съ государствомъ; суть въ томъ, что онѣ растутъ и крѣпнутъ, будучи ощущаемы производными отъ личности. Каждая носитъ въ себѣ то противорѣчіе или во всякомъ случаѣ возможность противорѣчія, что она строится, какъ организація (и слѣдовательно на подчиненіи) независимыхъ, самодовлѣющихъ единицъ. Отсюда проистекаетъ непрерывная борьба организацій и массъ и внутренняя борьба личности и организаціи. И такъ какъ въ основѣ построенія лежитъ партикуляризмъ комплекснаго мотива, и такъ какъ отдѣльныя части общества — въ силу общаго волевого устремленія — сверхнапряжены, то отсюда и проистекаетъ непрерывная опасность для цѣлаго.

Объективно-техническое строительство въ своемъ бѣгѣ къ сверхнормальному осуществленію было еще далеко отъ угрозъ внутренняго распада (хотя въ будущемъ и таковая могла вырисоваться, хотя бы въ видѣ изсяканія матеріаловъ, потребныхъ для строительства второй природы, напр. нефти, угля и пр.); въ субъективно гуманистической же сферѣ такая угроза уже назрѣвала десятилѣтіями, обостряясь (какъ отмѣчено было выше) переносомъ на соціальную область — максимализма, самоупоенія и самоутвержденія, выращенныхъ въ области объективно-строительной. И именно на гуманитарной соціальной почвѣ, какъ на мѣстѣ наименьшаго сопротивленія и наибольшей обостренности — и разразился развалъ.

Тѣмъ не менѣе надо сказать, что въ общемъ до войны шелъ процессъ вытѣсненія явленій распада гуманитарной области, процессомъ самоувѣренно крѣпнущаго строительства

въ области объективной. Упадочныя явленія отраженной литературно словесной культуры уступали мѣсто назрѣвающей бодрости объективно техническаго строительства. Пожалуй, девяностые годы были въ этомъ отношеніи годами кризиса. Художественно-культурное въ широкомъ смыслѣ слова упадочничество не только просто кончалось само собой, но изъ гущи жизни стали выкристаллизовываться новые жизненные и духовные образы, конгеніальные технической культурѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ стала отступать и традиція гуманистически-отраженной словесной юридической образованности изъ своего послѣдняго могучаго оплота — изъ воспитанія подростающихъ поколѣній. На мѣсто ритора сталъ выдѣляться строитель.

Трудно учесть послѣдствія этого переворота, замѣны слова дѣйствіемъ въ воспитаніи и традиціи. Ибо отличіе ихъ заключается въ томъ, что слово не однозначно связано съ реальностью, дѣйствіе же — однозначно, другими словами, слово (и вся система, на немъ непосредственно основанная — литература во всѣхъ ея разновидностяхъ, идеологія и пр.) можетъ соотвѣтствовать дѣйствительности и можетъ ей не соотвѣтствовать, можетъ быть и правдивымъ и лживымъ. Дѣйствіе — лживымъ быть не можетъ, ибо тогда его незачѣмъ и осуществлять. Слово сохраняетъ смыслъ, оказываетъ воздѣйствіе — напримѣръ на надежды, на эмоціи, на страхъ и вожделѣніе — и тогда, когда оно дѣйствительности не соотвѣтствуетъ, когда оно лживо. Техника, когда она не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, и вообще не существуетъ. Если аппаратъ не отвѣчаетъ предположенному назначенію, онъ не примѣнимъ, если разсчетъ не оправдывается — онъ отметается. Слово — можетъ дать культуру лжи; орудіе — даетъ неизбѣжно культуру правды. Техника воспитываетъ къ правдѣ, къ честности мысли. Инженеръ можетъ, конечно, быть лжецомъ, какъ писатель — правдивымъ человѣкомъ. Но въ своемъ дѣлѣ лгать инженеру просто незачѣмъ, невыгодно: мостъ провалится, если его разсчетъ не былъ произведенъ въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью, правдиво. Для человѣка слова можетъ быть много соблазновъ отклоняться отъ правды; чтобы оставаться въ ея предѣлахъ правдивымъ, онъ долженъ имѣть внѣшніе къ тому моральные стимулы, страсть къ правдѣ, императивъ правды; само по себѣ слово своей связностью съ безчисленными ассоціаціями чувствъ и мыслей всегда можетъ этими ассоціаціями быть толкаемо на отклоненіе отъ однозначнаго отношенія

къ дѣйствительности. Техника же сама толкаетъ техника къ правдѣ. И потому культура слова есть культура возможной лжи; культура техники есть культура необходимой правды.

На глазахъ нашего поколѣнія происходила борьба культуръ слова и дѣйствія, понятыхъ въ этомъ смыслѣ. Первая, полученная по традиціи и наслѣдству отъ предыдущихъ вѣковъ, по содержанію наполнилась гуманитарнымъ содержаніемъ въ широкомъ смыслѣ этого слова (классицизмомъ возрожденія, гуманизмомъ реформаціи, демократизмомъ революціи) и получила специфическую сверхнапряженность въ ново-европейской общественности (соціалистической, демократической, идейнореволюціонной). Но помимо гуманитарнаго общественнаго содержанія культура слова и по другимъ линіямъ продолжала и заканчивала традиціи прошлыхъ поколѣній — индивидуализмъ разлагался въ ней въ импрессіонизмъ, искусство доходило до исчерпанія своихъ старыхъ формъ въ ихъ послѣднихъ видоизмѣненіяхъ, мышленіе проходило стадіи скептическаго и релативистическаго разложенія. Гуманистическая культура одновременно проходила полосу и художественно-культурнаго упадочничества и общественно культурнаго, оптимистическаго и сентиментальнаго максимализма. И такъ какъ это была именно культура слова, то въ словѣ она господствовала и заслоняла отъ воспринимающаго сознанія подлинные процессы жизни. Въ то самое время, какъ въ дѣйствительности росла и напрягалась новоевропейская культура объективнаго строительства и моральнаго героизма — казалось, что торжествуетъ изощренность и исковерканность упадочничества, а вмѣстѣ съ тѣмъ и идеализація частнаго, хотя и массоваго интереса, столь родственная партикуляристическому реализму времени.

Они и дѣйствительно торжествовали, но первая только на поверхности. Внутренніе подспудные токи сметали наслоенія прошлаго, и въ сущности едва ли преувеличеніемъ было бы сказать, что съ начала 20 вѣка стала отметаться культура слова. Упорнѣе нежели гуманистическая форма держалось гуманитарное содержаніе, — общественная идеализація частнаго интереса, которая въ максималистической сверхнапряженности и сказалась во время войны и смуты.

Какъ бы то ни было, культура словесной лжи была уже преодолѣваема культурой технической правды. Идеологія военнаго времени нарушила этотъ процессъ. Оформленіе въ сознаніи ново-европейской современности правды объективно-провѣримаго дѣйствія начиналось, но было сорвано великой

войной. Быть можетъ, одно изъ главнѣйшихъ бѣдствій этого срыва въ томъ и заключается, что смыслъ ново-европейской культуры не успѣлъ воплотиться въ четко выявленную *духовность правды,* ему имманентно соотвѣтствующую. И навѣрно въ задачѣ этого воплощенія — величайшій завѣтъ сорванной эпохи. Ея задачей, ея основой и ея орудіемъ былъ человѣкъ; этотъ ея гуманизмъ нашелъ свое историческое выраженіе. Ея методомъ былъ методъ правды, но онъ, господствуя въ ея фактическихъ процессахъ, осознаннаго идеологическаго торжества не получилъ. Идеологія правды — таково оставшееся неосуществленнымъ заданіе ново-европейской культуры.

V. ЭПИЛОГЪ

Полна противорѣчія и неразрѣшаемыхъ конфликтовъ была ново-европейская культура; но это свидѣтельствуетъ не объ ея исчерпанности или слабости, а о силѣ и полнотѣ. Ея паденіе безспорно имѣло въ ней же свои основанія, но оно не было предрѣшено для даннаго историческаго мгновенія. Ея содержаніе было глубокимъ и самобытнымъ, и значительнымъ; ея дѣло было сдѣлано, но не додѣлано. Великое, на вѣка не преходящее было создано, но не довершено въ послѣдней чертѣ — въ полнотѣ духовности и культа правды; это даетъ почву для отвѣта на основной вопросъ — объ отношеніи къ сорванной эпохѣ. Дѣти ея и участники, мы ее просто любили, выросши въ ней и съ ней свыкшись. Печаль дѣтей не требуетъ объясненія, но и не претендуетъ на признаніе.

Но есть въ этой эпохѣ и то, что на признаніе уже претендуетъ — ея самодовлѣющая значительность. Передъ уходящимъ величіемъ, передъ угрозой его ухода естественно сжимается душа, и ищешь его удержать, боясь разставанія. Что довлѣетъ себѣ, разъ бывъ, въ созерцаніи остается навѣки бывшимъ; ново-европейская культура не только себѣ довлѣла, она стала опорой и неотъемлемой базой для всякой будущей возможной культуры и потому исканіе удержать ее — или что изъ нея еще возможно удержать — есть не только мысль о бывшемъ, но еще и мысль о будущемъ.

Шпенглеръ противопоставляетъ культуры, какъ взаимно непроницаемыя единства: каждая всю себя изъ себя развиваетъ, будучи недоступна другой. Думаю — это не такъ. Нельзя не согласиться съ глубокой правдой подобной концепціи, пока она относится не ко всей культурѣ въ ея цѣльности, а

лишь къ ея высшему цвѣтенію. Пускай въ основѣ всякой самобытной культуры лежитъ нѣкое зерно, нѣкая своеобразная интуиція (я не скажу — философскій мотивъ, потому что таковой можетъ не совпадать съ единствомъ культуры въ шпенглеровскомъ смыслѣ); и это своеобразіе отражается на всемъ оформленіи культуръ, создавая ихъ взаимную независимость. Блестяще проведена эта мысль въ богатыхъ анализахъ и сопоставленіяхъ Шпенглера. Но это своеобразіе проявляется тамъ, гдѣ можетъ сказаться культура въ ея индивидуальности, въ специфическихъ произведеніяхъ культурной духовности. Жизнь-же человѣческая не вся проходитъ своеобразно. Если индивидуальность природы вліяетъ на оформленіе культурной духовности, то есть въ природѣ воздѣйствія, одинаковыя вездѣ. Если этническія особенности выдѣляютъ своеобразіе субъекта данной культуры, — то есть въ человѣчествѣ свойства, одинаковыя у всего человѣчества. И если творчество бываетъ своеобразнымъ, то есть дѣятельности, бездна дѣятельностей, подобныхъ у всего человѣчества. Есть общій фондъ одинаковыхъ дѣятельностей, переживаній, испытаній и воздѣйствій — фондъ болѣе или менѣе общей жизненности, основной, необходимой для выживанія и существованія — и только уже надъ нимъ расцвѣтаютъ въ иныя эпохи особыя досужія цвѣтенія; надъ фондомъ общечеловѣчески-необходимаго расцвѣтаетъ индивидуально-культурная роскошь. Перевариваютъ всѣ люди пищу одинаково, голодаютъ и борются съ хищниками, обуреваемы страстью и жаждой; но по разному они строятъ вольныя надстройки своей душевной, а отчасти и общественной жизни. Въ этихъ вольныхъ разрастаніяхъ и сказывается различная духовность; въ томъ общемъ неизбѣжномъ фундаментѣ, конечно, уже включающемъ въ потенціи или въ побѣгахъ и это различіе — заложено общее и связывающее. Если культуры взаимно непроницаемы, то они таковы лишь въ своихъ вольныхъ разрастаніяхъ, не въ своемъ необходимомъ фундаментѣ; да и то благодаря общности, или хотя бы родственности этого фундамента сохраняется и возможность нѣкотораго проникновенія и въ чуждыя высшія индивидуализированныя цвѣтенія. Какъ бы то ни было, фундаментъ этотъ общій и обща и преемственна его разработка. Если культура высшая — примѣрно искусство, философія, нравственность — но не только они, а и отдѣльныя другія области — не переходятъ изъ культуры въ культуру, а развиваются въ каждой заново изъ ея основъ, то необходимыя, неотъемле-

мыя основы жизни, болѣе или менѣе общія для человѣчества, преемственно отъ культуры къ культурѣ передаваемы. И добытое въ одной переходитъ въ нѣкоторой степени по наслѣдству къ слѣдующимъ, какъ твердое достояніе человѣчества. И даже то, что я назвалъ высшими сферами, цвѣтеніями — индивидуальное и неповторимое — опадая на носящую ихъ почву и разлагаясь въ ней, оплодотворяетъ ее, оставляя въ ней свои слѣды, хотя бы слѣды своего разложенія, — тѣмъ также входя косвенно въ преемственное достояніе человѣчества. И въ этомъ смыслѣ культуры значительны не только тѣмъ, что онѣ изъ себя представляютъ, но и тѣмъ, что онѣ вносятъ въ незыблемо накопляющееся достояніе человѣчества, что они даютъ для всякой возможной будущей культуры.

Въ этомъ отношеніи надо сказать, что культура тѣмъ болѣе даетъ для послѣдующихъ, чѣмъ глубже она по своему претворяетъ жизненную основу человѣческаго существованія. Обращенная только въ высь, культура, какъ бы она ни была блистательна, можетъ изойти въ этомъ устремленіи безъ соприкосновенія съ послѣдующими; обращенная на свою подпочву, она подготавливаетъ и почву для другихъ. Культура ново-европейская благодаря своей реалистической устремленности на объективное строительство второй природы — полнѣе другихъ претворяла самую основу человѣчества, его среды и его жизни, и потому болѣе всякой другой стала — должна, или можетъ стать, предпосылочной для всякаго дальнѣшаго протеченія человѣческой жизни, въ какихъ бы культурныхъ формахъ оно впредь ни происходило. Философскія концепціи могутъ забываться и вновь возникать, художественныя формы становятся малопонятными и невоспринимаемыми, но изъ культуры въ культуры тщательно и любовно переносились и способы обработки земли и обжиганія утвари, и постройки зданій, даже астрономическаго дѣленія года, и неотмѣнимые первоначальные символы художественной и религіозной мысли, — пока не восполнялись болѣе подходящими для новыхъ временъ, обогащаясь новыми основополагающими достиженіями. Едва ли еще много другихъ эпохъ столь глубоко и значительно претворили этотъ фундаментъ общечеловѣческой жизни, какъ ново-европейская. Поэтому она и побѣдила міръ; поэтому только черезъ пріобщеніе къ ней и шли народы — далекіе и чуждые западной Европѣ — къ расцвѣту и мощи; поэтому она и въ будущее можетъ, должна вложиться болѣе всякой другой.

Но вложится ли? Такова возможность и заданіе, будетъ ли таковымъ и осуществленіе? Если вѣрно, что культура даже внѣшняя есть духъ ее пронизывающій, то съ подрывомъ духа падаетъ и культура. Гдѣ то ослабѣетъ или сорвется духовное напряженіе — и незамѣтно и по неизвѣстнымъ путямъ станутъ съ перебоями дѣйствовать машины, нарушаться обязанности; въ лабораторіяхъ будутъ менѣе точно производиться опыты, чиновники менѣе честно исполнять свои обязанности, изобрѣтатели перестанутъ изобрѣтать и виртуозы слабѣе исполнять менѣе совершенныя произведенія. Духъ культуры погаснетъ, ея машина застопоритъ по внѣшне незамѣтнымъ причинамъ. — Вотъ почему сейчасъ отстаиваніе европеизма и его закрѣпленіе — есть отстаиваніе и облегченіе и будущихъ культуръ.

Но есть въ переживаемомъ историческомъ мгновеніи и еще другая знаменательная черта. Культуры, исчерпывающе выявляющія опредѣленную идею, повторны въ исторіи, но повторяются рѣдко съ неопредѣлимыми перерывами. Для выработки подобной культуры требуется особое стеченіе обстоятельствъ рѣдкихъ и еще рѣже сочетающихся во времени. Какъ въ личныхъ свершеніяхъ, но въ гораздо болѣе напряженной степени, — здѣсь требуется исключительная удача. Каждая цѣльная и великая культура длительно собирается, назрѣваетъ и срывается, пока гдѣ либо находитъ, наконецъ, возможность осуществленія. Она всегда счастливое исключеніе, хотя, конечно, на протяженіи тысячелѣтій такихъ счастливыхъ исключеній набирается не одно. Во всякомъ случаѣ едва ли бывалъ или представимъ случай, чтобы одна эпоха цѣльной культуры смѣнилась другою такою-же. Всего естественнѣе ожидать, что на смѣну разбитой цѣльности идетъ полоса — неопредѣленной длительности, гдѣ обломки прошлаго нагромождаются вмѣстѣ съ зародышами разнаго возможнаго будущаго, разсѣянныя пытанія съ разрозненными обрывками. Разбитый стиль смѣняется безстильностью; разбитый космосъ не претворяется въ новый космосъ, а уступаетъ мѣсто хаосу. «Средневѣковье» есть неотъемлемая формальная категорія неизбѣжнаго промежутка между двумя самобытными культурными эпохами (хотя фактически примѣняется этотъ

терминъ иногда не къ самому промежутку, а къ слѣдующей за нимъ новой культурѣ). Если вѣрно, что подорвана вѣками подготовленная, самобытно значительная, и глубинно цѣльная культура — это значитъ что предстоитъ періодъ разнобоя, упадка и потемѣнія; что мы стоимъ передъ обрывомъ; новые свѣты нѣкогда возгорятся въ окутывающемъ мракѣ; новые космосы отстроятся въ должный — невѣдомый — часъ. Ихъ подготовятъ поколѣнія, о нихъ не думающія, устремленныя не на ихъ созиданіе, а на разрѣшеніе своихъ очередныхъ задачъ. Очередная задача въ происходящемъ и, вѣроятно, продолжающемся крушеніи — бережное цѣненіе уже достигнутаго при непрекращающемся стремленіи къ еще достижимому. Въ этомъ не только самоуваженіе и любовь къ своей уходящей жизни, признаніе ея глубинной самоцѣнности, въ этомъ не только вѣрность себѣ, — въ этомъ и заботливость о нѣкогда грядущемъ творчествѣ, какъ оиа единственно возможна до его наступленія. Въ этомъ единственная борьба съ распадомъ, возможная до появленія новыхъ завязей, новой творческой полноты.

И наконецъ, если бы даже это и не было такъ, если бы въ этомъ было одно самообольщеніе, — символомъ писателя нашихъ дней останется образъ того телеграфиста, который на безнадежно погружающемся въ пучину «Титаникѣ», въ захлестываемой волнами кабинѣ не отходилъ отъ своего безпроволочнаго аппарата, разсылая въ пространство, можетъ быть и пустое, вѣсть о гибели и призывъ къ спасенію.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Напечатано и издано
Издательствомъ
«СЛОВО», Берлинъ.